

Г. К. ЗАЙЦЕВ, А. Г. ЗАЙЦЕВ

ЧЕЛОВЕК В МИНИАТЮРЕ,  
КОТОРАЯ ВСЁ УВЕЛИЧИВАЕТСЯ:

# ВОСПИТАНИЕ И СУДЬБА

*Учебное пособие*

*Издание второе, стереотипное*



• САНКТ-ПЕТЕРБУРГ •  
• МОСКВА •  
• КРАСНОДАР •

УДК 159.9  
ББК 88.37

16+

- 3-17**     **Зайцев Г. К., Зайцев А. Г.** Человек в миниатюре, которая всё увеличивается: воспитание и судьба : учебное пособие / Г. К. Зайцев, А. Г. Зайцев. — 2-е изд., стер. — Санкт-Петербург : Лань : Планета музыки, 2022. — 608 с. — Текст : непосредственный.  
**ISBN 978-5-8114-9203-9 (Изд-во «Лань»)**  
**ISBN 978-5-4495-1672-5 (Изд-во «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ»)**

Авторами исследуется зависимость судьбы человека от особенностей его воспитания. С позиции мотивационной концепции воспитания на материале художественно-биографических произведений Л. Толстого, Н. Лескова, Ф. Искандера, Ю. Тынянова, а также дневника Анны Достоевской прослеживается судьба человека.

Книга предназначена для широкого круга читателей: родителей, учителей и старших школьников, преподавателей и студентов педагогических и гуманитарных факультетов, социальных педагогов и социальных работников, психологов и семейных врачей.

**ББК 88.37**

- 3-17**     **Zaitsev G. K., Zaitsev A. G.** A person in miniature, which is constantly increasing: education and fate : textbook / G. K. Zaitsev, A. G. Zaitsev. — 2nd edition, stereotyped. — Saint Petersburg : Lan : The Planet of Music, 2022. — 608 pages. — Text : direct.

The authors investigate the dependence of a person's fate on the characteristics of his upbringing. From the standpoint of the motivational concept of upbringing, the fate of a person is traced on the material of fiction and biographical works by L. Tolstoy, N. Leskov, F. Iskander, Y. Tynyanov, as well as the diary of Anna Dostoevskaya.

The book is intended for a wide range of readers: parents, teachers and senior schoolchildren, teachers and students of pedagogical and humanitarian faculties, social educators and social workers, psychologists and family doctors.

Обложка  
А. Ю. ЛАПШИН

© Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2022  
© Г.К. Зайцев, А.Г. Зайцев, 2022  
© Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ»,  
художественное оформление, 2022

*Судьба — [не] индейка.*



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие русские и советские писатели в своем творчестве касались *социально-педагогической* темы — воспитания и взросления человека. Сначала это был Л. Толстой с трилогией «Детство», «Отрочество», «Юность», после него — Н. Лесков, С. Аксаков, В. Короленко, М. Горький, М. Зощенко, Ю. Тынянов, Ф. Искандер и др. И это не случайно: все они, как патриоты и как люди с развитой творческой интуицией, хорошо понимали роль воспитания в судьбе человека. Художественно-биографическая литература отечественных писателей, по нашему разумению, давно должна быть *настольной книгой* для родителей и учителей, старших школьников и студентов. Но этого до сих пор не произошло... Почему? Скорее всего, потому, что такого рода литература еще не стала предметом социально-педагогического исследования (*прочтения*), хотя интерес к ней объяснить просто — в ней представлена *живая* педагогика. В этой связи скажем больше — *живая* педагогика, которая имеется в отечественной литературе, к сожалению, до сих пор не стала обязательным разделом в программах профессионального педагогического образования. Вот и *копается* будущий учитель в *мусоре* учебников по педагогике, в которых отсутствует жизнь реального человека и не показано главное — зависимость его судьбы от воспитания. А ведь социальный интерес

к живой педагогике очевиден: с ее помощью можно, например, понять, *почему появляются на свете гении, сильные и цельные личности, просто честные люди, а почему — злодеи, предатели и прочая людская нечисть.*

Таким образом, есть все основания считать социально-педагогическое прочтение биографической литературы актуальным направлением педагогического образования.

В предлагаемой книге зависимость судьбы человека от его воспитания рассматривается на материале художественно-биографических произведений Л. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность»; Н. Лескова «Детские годы», Ф. Искандера «Школьный вальс, или Энергия стыда», Ю. Тынянова «Пушкин», а также дневника Анны Достоевской.

Социально-педагогическое прочтение осуществлялось на основе мотивационной концепции воспитания, предложенной известным российским ученым, академиком П. В. Симоновым. Научные положения этой концепции и вытекающие из нее правила воспитания составили основное содержание Предисловия.

## **ВОСПИТАНИЕ КАК МОТИВИРОВАНИЕ**

*Первым принципом продуктивной теории воспитания должен стать решительный переход от обучения одному лишь знанию норм поведения к его более глубоким основам — к формированию такого набора и такой иерархии потребностей воспитуемого, которые наиболее благоприятны для развития общества и реализации личности во всем богатстве ее потенциальных возможностей.*

П. В. Симонов

Если спросить родителей, какие качества они хотели бы воспитать в своих детях, большинство из них назовут честность, доброту, ум, здоровье, уважение к людям и другие положительные качества. Все родители хотят, чтобы их дети успешно учились, овладели хорошей профессией, благополучно жили, имели счастливую семью, не забывали своих родителей... хотят гордиться своими детьми. Примечательно, что желания родителей очень часто бывают связаны с тем, чего они сами не смогли добиться в жизни, или с тем, что устраивало бы их самих. Им кажется, что они лучше знают, кем должен стать и чем может заниматься их ребенок в будущем.

Одновременно важно отметить, что далеко не каждый из родителей имеет ясное представление о том, как добиться в воспитании детей желаемой цели. Многие родители (особенно молодые) вообще не придают этому процессу большого значения и не торопятся заниматься воспитанием своих детей. Им кажется, что это не такое уж сложное дело, и успокаивают себя тем, что не глупее других и помнят, как их воспитывали собственные родители. Поэтому не удивительно, что основная масса родителей просто не осознает того факта, что большинство неприятностей, которые случаются с их детьми (обман, грубость, убежание из дома, употребление наркотиков, занятия проституцией и многое другое), являются следствием неправильного воспитания в семье. В случившемся такие родители склонны винить самих детей.

В настоящее время психологи и педагоги сходятся во мнении, что воспитание детей является самой сложной работой на свете, приоритетная роль в которой должна принадлежать мужчине. От того, как эта работа (правильно или неправильно) исполняется в семье, зависит очень многое в жизни как самих

детей, так и их родителей. Отсюда понятно, что справиться с работой по воспитанию детей родители смогут только тогда, когда овладеют научными основами (теорией и методикой) этой деятельности. Вот только (как оказывается!) нигде и никто их этому по-настоящему не учит.

Как же надо воспитывать детей?

Наблюдения показывают, что основная масса родителей хочет воспитать своего ребенка с заранее заданными качествами, как бы *подогнать его под собственные желания*. Воспитание в такой семье, как правило, напоминает учебу в традиционной (авторитарно-репродуктивной) школе и строится в виде последовательных этапов: 1) информирование ребенка о том, что надо сделать, и постановка перед ним конкретной задачи; 2) контроль за исполнением поставленной задачи; 3) оценка ее результата в виде либо одобрения или поощрения, либо неодобрения, порицания или наказания; 4) анализ проделанной работы (определение, как лучше надо было выполнить задачу). На практике эта схема обычно упрощается: перед ребенком родителями ставится определенная задача (причем, смысл этой задачи редко объясняется), а затем родителями же оцениваются результаты ее выполнения. При этом ребенку при исполнении поставленной задачи редко оказывается со стороны взрослых какая-либо практическая помощь. Примерно то же происходит и в тех многочисленных случаях, когда ребенок совершает поступки (или проступки) по собственной воле. *Процесс воспитания* здесь обычно сводится к тому, чтобы дать оценку совершенному поступку — поощрить или наказать ребенка.

Отметим сразу, что указанная выше *методика* ничего общего с воспитанием не имеет. Она противоречит потребностям детей и поэтому не формирует



у них интереса к выполняемой деятельности и положительных личностных качеств. Наоборот, она деформирует мотивационную сферу детей и побуждает к поступкам, которые противоречат общепринятым правилам проведения, наносит вред как их собственному здоровью, так и здоровью окружающих людей и, прежде всего, родителей. Плохо то, что со временем эти поступки могут закрепиться у них в виде вредных привычек и отрицательных черт характера. В результате может сформироваться *личность*, которая радикально отличается от той *желаемой модели*, к которой стремились родители.

Проблема усугубляется тем, что сегодня в воспитании детей в семье доминирующую роль, как правило, принадлежит женщине (матери), а не мужчине (отцу). Мать старается сформировать у ребенка *здоровоохранительный* образ жизни. Это — в ее природе. С первых дней рождения ребенка она выступает главным его защитником (заботится о том, чтобы он был сытый, согретый, чистый, хорошо выспался и т.д.). Этой стратегии в воспитании она продолжает придерживаться и позже, когда ребенок уже становится достаточно самостоятельным и не нуждается в постоянной опеке. Разумеется, в заботливом отношении к ребенку мать нельзя упрекать. В то же время примерно с трехлетнего возраста для ребенка (независимо от того, кто он мальчик или девочка) более актуальным становится *здоровьесозидающий* или *экспансивный* образ жизни, *носителем* которого является отец. Соответственно, с этого времени и до периода полной взрослости доминирующая роль в воспитании детей в семье должна принадлежать отцу (мужчине).

Если такового не происходит (например, в случаях, когда мужчина рано *уходит из семьи* или попросту не знает *своего места в семье*), женщина в воспи-

тании собственного ребенка вынуждена брать на себя кроме *своих*, еще и *мужские функции*. А это плохо сказывается сначала на ее личности (у нее происходят или усугубляются невротические изменения в характере), а затем и на воспитательном процессе в семье, который приобретает нежелательные формы. В результате ребенок начинает страдать различного рода нервно-психическими расстройствами (неврозами).

В настоящее время складывается новое понимание сущности процесса воспитания — «*потребностно-информационный*» (мотивационный) подход к воспитанию личности, который сформулирован известным отечественным психофизиологом П. В. Симоновым (Симонов П. В. Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987.).

Рассматривая потребности человека в качестве первоисточника и движущей силы его поведения, П. В. Симонов считает, «что каждую человеческую личность определяет индивидуально неповторимая композиция и внутренняя иерархия основных (витальных, социальных и идеальных) потребностей данного человека, включая их разновидности сохранения и развития, *для себя и для других*» (с. 139). С учетом этого воспитание определяется им как процесс «формирования такого набора и такой иерархии потребностей воспитуемого, которые наиболее благоприятны для развития общества и реализации личности во всем богатстве ее потенциальных возможностей» (с. 228).

По мысли П. В. Симонова, в иерархии основных потребностей индивида всегда есть «главенствующая (или доминирующая) потребность, которая является ядром его личности, то есть самой существенной личностной чертой человека» (с. 222). Отсюда следует, что воспитание, а в более широком смысле — формирова-

ние личности человека должно быть связано прежде всего с выявлением и удовлетворением актуализирующихся (ставших доминирующими) потребностей. Для удовлетворения же потребностей нужны соответствующие средства (знания, умения, материальные предметы и т.п.), которые автор рассматривает в самом широком смысле, а именно, как *информацию* (отсюда и название — «потребностно-информационный подход к воспитанию», означающий такую организацию педагогического процесса, при которой происходит удовлетворение доминирующих потребностей учащихся).

Важной представляется также мысль П. В. Симонина о том, что «не существует потребностей хороших и плохих, низших и высших, разумных и неразумных. Все основные потребности органически присущи каждому человеку: их нельзя ни уничтожить, ни искусственно насадить. Разумными и неразумными, возвышенными и низменными могут быть только формы удовлетворения этих потребностей...» (с. 216). Следовательно, задача педагогов (учителей в школе, родителей в семье) по существу должна сводиться к подбору соответствующих (биологически или социально значимых) средств удовлетворения основных (базовых) доминирующих потребностей воспитуемых и удовлетворения их в процессе образовательной (или практической) деятельности. В противном случае не избежать ущербной трансформации мотивационной сферы обучающихся. Таким образом, задача воспитания представляется достаточно трудной, так как «по самой природе своей потребности не подвластны прямому воздействию сознания и воли... известен только один способ прямого воздействия на подсознание — сила непосредственного примера, базирующегося на

потребности в подражании, особенно ярко выраженной в раннем детском возрасте» (с. 212).

Какая же организация образовательной деятельности может способствовать удовлетворению доминирующих потребностей воспитуемых? Прежде всего — деятельность, построенная на творческой интуиции (или *сверхсознании*) занимающихся. Именно она, по мнению П. В. Симонова всегда *работает* на удовлетворение потребности, устойчиво доминирующей в иерархии мотивов человека. В этой связи важно подчеркнуть, что деятельность *сверхсознания*, всегда ориентированная на удовлетворение доминирующей потребности, определяет направление психического развития индивидов и является главным двигателем общественного прогресса. Таким образом, удовлетворение доминирующих потребностей и связанное с этим включение в образовательный процесс механизма *сверхсознания* обучающихся имеет принципиально важное значение как для их личностного развития и становления, так и в целом для общественного прогресса. В дополнение к сказанному отметим, что многие исследования свидетельствуют об эффективности *креативного* подхода в образовании, который (в противовес традиционному подходу в образовании, построенному на репродуктивной основе) способствует развитию творческих способностей занимающихся, их индивидуально-гармоничному развитию и росту. Несмотря на это, *креативный* принцип почему-то еще очень плохо реализуется в практике особенно среднего образования, о чем свидетельствуют личностные деградации и негативные тенденции в здоровье современных школьников.

Учебная деятельность, построенная на репродуктивных принципах, в процессе которой не удовлетворяются основные доминирующие потребности об-

учающихся, пагубно сказывается прежде всего на их психике, провоцируя у них различного рода неврозы. Об этом говорит неослабевающая *невротизация* молодого поколения. Механизм образования неврозов заключается в следующем: доминирующая потребность (как внутреннее, природно обусловленное побуждение) вступает в конфликтные (конкурирующие) отношения с ситуативной доминантой (в виде принудительно поставленной учебной задачей), в результате чего у обучающихся возникает ситуация трудного выбора и как следствие этого психическое напряжение — *тревожность*, а чаще — *стресс*.

Вышеизложенное указывает на необходимость решительного перехода от обучения человека лишь знанию норм поведения к формированию у него (*повторим!*) «такого набора и такой иерархии потребностей воспитуемого, которые наиболее благоприятны для развития общества и реализации личности во всем богатстве ее потенциальных возможностей». Таким образом, в отличие от обучения, адресующегося почти исключительно к сознанию субъекта, воспитание, основанное на удовлетворении актуализирующихся (доминирующих) потребностей человека, направлено прежде всего и главным образом на его подсознание и сверхсознание.

Далее важно отметить, что, согласно имеющимся представлениям об онтогенетическом развитии мотивационной сферы человека, актуализация потребностей является закономерным процессом. Сначала у человека актуализируются (становятся доминирующими) потребности низшего порядка, удовлетворение которых вызывает созревание и актуализацию новых потребностей (более высокого уровня). Удовлетворение последних в свою очередь приводит к актуализации потребностей еще более высокого порядка. И так

далее. Всего существует четыре группы потребностей роста и развития. Их актуализация соответствует четырем этапам развития человека.

*Первый этап — младенческий и преддошкольный возраст* (от рождения до 3 лет). В этом возрасте у детей доминируют простейшие биологические потребности в пище, питье, кислороде, сне и др. Их удовлетворение в значительной степени зависит от того, как в этот период жизни ребенка за ним ухаживает его мать. Забота о беспомощном ребенке носит преимущественно гигиенический характер.

*Второй этап — дошкольный и младший школьный возраст* (3–10 лет). В этот период жизни у человека актуализируются (становятся доминирующими) сложнейшие биологические потребности в игре и подражании (они составляют основу другой еще более сложной биологической потребности в саморазвитии), а также дополнительные потребности в свободе и вооруженности (опытности). Соответственно, основными средствами формирования личности в этот возрастной период ребенка должны являться примеры нравственно обусловленного поведения людей (или сказочных героев), вызывающие у него подражательные действия, а также игры и творческие акты, связанные с примерным поведением. Причем, непременным условием правильного воспитания ребенка должна быть свобода выбора им объекта подражания, игрового действия, вида и содержания творческой активности.

*Третий этап — подростковый возраст* (10–15 лет). В этом возрасте доминирующее значение сохраняют дополнительные потребности в свободе и вооруженности и актуализируются идеальные потребности в самопознании и поиске смысла. Важно отметить, что указанные идеальные потребности тесно связаны

между собой: только благодаря активному самопознанию (познанию своих индивидуальных особенностей) у подростка формируется смысловая сфера (правильное понимание) собственной жизнедеятельности. Средствами удовлетворения идеальных потребностей должны стать: 1) различные виды продуктивной творческой деятельности, связанной с укреплением организма, регуляцией психики, формированием сексуальности и нравственного отношения к жизни; 2) общение со сверстниками (в том числе, противоположного пола); 3) различного рода испытания и тестирования, позволяющие подростку провести самоанализ и самооценку, определить свою *особенность*, *уникальность* (непохожесть на других людей); 4) смыслотворческие акты, направленные на понимание им сущности жизни и ее отдельных проявлений. Важно подчеркнуть, что процесс формирования здоровой личности в этом возрасте будет проходить правильно только в том случае, если все указанные выше процессы станут осуществляться у подростка на добровольной основе.

*Четвертый этап — юный и зрелый возраст (15 лет и старше).* В юношеском возрасте у человека актуализируются социальные потребности в самовыражении, самоутверждении, самосовершенствовании, которые интегрируются в более сложную социальную потребность в самоопределении. Социальные потребности остаются доминирующими у человека и во взрослом состоянии (до тех пор, пока он занимается общественно полезной деятельностью). Социальные потребности *вырастают* из соответствующих биологических потребностей: потребность в самовыражении — из потребности в подражании, потребность в самоутверждении — из потребности в игре, потребность в самосовершенствовании — из потребности

в саморазвитии. В свою очередь дополнительные потребности в этот период также преобразуются в потребности более высокого порядка: саморегуляции деятельности и креативности (творческой активности). Средствами удовлетворения указанных потребностей являются различные виды образовательной, культурной и практической деятельности, связанные с самоопределением человека в профессии, браке, культурных увлечениях, других сферах жизни. Чтобы процесс формирования личности шел нормально, эти деятельности должны строиться на творческой основе, при обязательном праве человека на выбор содержания, способов реализации и оценки результатов выполняемой деятельности.

Хорошее знание собственных физических, психических (умственных и половых) особенностей, возможностей и склонностей, а также активная смыслотворческая деятельность дают основания надеяться, что юноши и девушки сами (что принципиально важно с нравственно-психологической точки зрения) смогут самостоятельно определиться в выборе своей профессии и будущего партнера супружеской жизни.

Кроме перечисленных социальных потребностей, осознаваемых человеком *в качестве своих прав*, в юношеском возрасте актуализируются и другие социальные потребности, которые воспринимаются им *как обязанности*. Среди последних большее значение имеют потребности, связанные с соблюдением нравственных норм поведения и заботой о благополучии окружающих людей. Анализ показывает, что формирование этих потребностей находится в полной зависимости от реализации в подростковом и юношеском возрасте внутренних побуждений человека к самопознанию, смыслотворчеству, самовыражению и т.д.



В процессе осознания своей ценности и индивидуальности, а также самоопределения и саморегуляции деятельности у индивида формируются такие важные человеческие свойства, как сознательность и ответственность, которые обуславливают все его поведение во взрослой жизни.

Итак, на каждом этапе развития человека актуализируются разные потребности. Актуализирующиеся у человека в процессе его роста и развития потребности являются базовыми (основными) его свойствами и составляют *ядро* его личности. Это значит, что они проявляются одновременно во всех сферах его деятельности. Ниже показано, как необходимо учитывать актуализирующиеся потребности человека при формировании у него соматического и нравственно-психического статусов.

#### ФОРМИРОВАНИЕ СОМАТИЧЕСКОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА

Теоретической основой формирования соматического статуса человека служит идея удовлетворения на различных этапах его роста и развития актуализирующихся (доминирующих) у него потребностей в процессе изучения им гигиены и основ безопасной жизни, а также в процессе занятий физическими упражнениями (см. *Зайцев Г. К.* Школьная валеология. СПб: Детство-Пресс, 2001; *Зайцев Г. К.* Уроки Мойдодыра. СПб.: Детство-Пресс, 1994–2006; *Зайцев Г. К.* Уроки Айболита. СПб.: Детство-Пресс, 1995–2006).

Чтобы побудить детей дошкольного и младшего школьного возраста лучше ухаживать за своим организмом в целом и его отдельными органами (кожей, глазами, зубами и т.д.), не болеть и соблюдать правила безопасного поведения, занятия должны проходить

в свободной игровой и творческой обстановке. Воспитание (в данном случае — формирование мотивационных основ гигиенического поведения и безопасности жизнедеятельности) должно осуществляться через подражание (на примерах полезного для здоровья поведения), озарение или выбор правильного решения (при анализе опасной для здоровья ситуации), *валеологический анализ* (определение зависимости здоровья от образа жизни), игровые и практические действия (различного рода упражнения для поддержания здоровья и развития чувствительности отдельных органов и систем организма: зрения, слуха, кожи и т.д.).

Физическое воспитание детей дошкольного и младшего школьного возраста следует осуществлять с учетом знания мотивационной сферы их двигательной активности. Согласно имеющимся исследованиям, ее основу составляют различные проявления биологической потребности в физическом саморазвитии: 1) игровом единоборстве; 2) командном взаимодействии; 3) силовом единоборстве; 4) преодолении внешних препятствий; 5) сложнокоординационных упражнениях с применением механических средств передвижения; 6) танцевальных движениях; 7) упражнениях с отягощениями. Причем, доминирование одной из названной мотивации, как правило, сопряжено с негативным отношением к другим видам двигательной деятельности. Так, например, мальчики, предпочитающие катание на коньках, роликовой доске или велосипеде, обычно, не любят бороться, лазить по деревьям, плавать, прыгать в длину и высоту. Девочки, охотно занимающиеся танцами, отрицательно относятся к силовым упражнениям. А ребята, любящие поиграть в составе команды в мяч, как правило, равнодушны к походам, конькам, даже велосипеду. И так далее.

Таким образом, педагогу (в том числе родителям) важно определить, какой вид двигательной активности больше всего нравится ребенку и предоставлять ему возможность им заниматься. И конечно, надо чаще водить ребенка на игровые площадки физического саморазвития с обязательным предоставлением им свободы выбора средств удовлетворения своих двигательных потребностей. К таким игровым площадкам можно отнести, например, *трек*, насыщенный средствами передвижения (самокатами, роликовыми коньками и досками, велосипедами и т.д.), или *джунгли*, где система канатов, шестов, веревочных лестниц, трапеций и батуты приведена в определенную взаимосвязь.

Занятия физической культурой на игровых площадках следует строить по принципу *делай как я*. Получив полную свободу, ребенок сам способен программировать свою игровую деятельность. А физическую нагрузку будет регулировать по самочувствию. Регулятором в этом случае выступает простейшая биологическая потребность в экономии сил, которая предохраняет ребенка от физических перегрузок, и его двигательная деятельность протекает преимущественно в аэробном (обеспеченном кислородом) режиме, благоприятном для развития основных двигательных способностей ребенка, развития всего его организма.

Кроме площадок физического саморазвития для детей дошкольного и младшего школьного возраста должны быть доступны также бассейн, тренажерный комплекс, танцевальный зал, туристский клуб, площадки для подвижных и спортивных игр, где занятия также должны строиться с учетом их базовых потребностей (то есть на основе подражания и в игре). И конечно, до минимума следует свести количество регламентированных и, в частности, командно-строе-

вых упражнений, которые являются одной из причин деформации двигательных потребностей детей.

Кроме различных проявлений потребностей в физическом саморазвитии в структуре мотивационной сферы (прежде всего детей младшего школьного возраста) может обнаруживаться спортивная мотивация (стремление быть лучше — побеждать), которую следует рассматривать в качестве социальной, то есть более свойственной взрослому (или взрослеющему) человеку. В этой связи важно подчеркнуть, что формирование (удовлетворение) данной потребности в раннем возрасте может привести к форсированию физического развития детей, преждевременному изнашиванию организма и ослаблению их иммунной системы.

В подростковом возрасте следует создавать для детей такую образовательную (информационную) среду, благодаря которой они могли бы лучше познавать свои физиологические особенности и в свободном творческом поиске решать проблемы, связанные с укреплением организма и формированием смысловой основы здорового образа жизни. На данном этапе воспитания главная педагогическая задача состоит в том, чтобы помочь подросткам путем *валеологического самоанализа* (самодиагностирования, тестирования или анкетирования) определить основные тенденции в своем здоровье или отклонения в развитии отдельных органов и систем, обусловленные особенностями собственной жизнедеятельности, и на основании этого внести целесообразные коррективы в свой образ жизни (см. *Зайцев Г. К., Зайцев А. Г. Твое здоровье: Укрепление организма. СПб.: Детство-Пресс, 1997–2006*).

Физическое воспитание подростков также должно проходить с учетом их потребностей в самопозна-

нии и поиске смысла. Интерес подростков к самому себе (познанию своих индивидуальных физических особенностей) и смыслотворческой деятельности (определению смысла и значения двигательной активности в жизни человека) формируется благодаря возможности выбора ими из многообразия различных способов физического совершенствования такого, который, с одной стороны, соответствует их индивидуально-психологическим особенностям (проще говоря, нравится), а, с другой стороны, способствует укреплению здоровья. Осуществить такой выбор можно только путем валеологического анализа подростками физической работоспособности и психических состояний, проявляющихся у них в процессе апробирования различных способов физического совершенствования. В этом случае важное значение приобретает информирование подростков о них самих (их индивидуальных особенностях) и о том, как следует им заниматься теми или иными физическими упражнениями (вопросы теории и методики физической подготовки).

В юношеском возрасте (если благодаря правильному воспитанию у детей к 13–15 годам сформировывается индивидуальный валеологически обоснованный образ жизни) соблюдение правил, связанных с гигиеной и безопасностью жизнедеятельности, должно осуществляться в автоматическом режиме (как закрепленный стереотип поведения). В то же время у юношей и девушек заметно повышается интерес к физическому самосовершенствованию и самоопределению в физической деятельности. Для одних из них физические упражнения становятся средством совершенствования своего телосложения и укрепления соматического компонента здоровья (роста физической работоспособности), для других — средством психической саморегуляции (переживания положительных

эмоций или восстановления нервной энергии), а для третьих — средством самоутверждения. Последние, как правило, начинают посещать спортивные секции и выступать в соревнованиях. Педагогическая задача в этот период состоит в том, чтобы предоставить детям соответствующие условия для занятий в избранном виде физкультурной или спортивной деятельности (обеспечить информацией и необходимыми средствами — тренажерами, снарядами и пр.).

### ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННО-ПСИХИЧЕСКОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА

Основу нравственно-психологического статуса человека составляют высшие чувства (ответственности, собственного достоинства, уважения к людям, радушия, патриотизма, любви и др.), образование которых тесно связано с формированием у него валеологически обоснованных смыслов (понимания сущности жизни, трудовой деятельности, семьи, здоровья и т.д.). Все это напрямую связано с тем, как полно и какими средствами в процессе роста и взросления у человека удовлетворяются доминирующие потребности. Своевременная актуализация потребностей и полнота их удовлетворения обеспечивает главное — позитивный эмоциональный фон жизнедеятельности, который служит основой образования положительных чувств вообще и высших чувств, в частности. В качестве средств удовлетворения потребностей человека должна выступать *информация* (в самом широком смысле этого слова): в виде знаний, умений, материальных предметов и т.п. Причем, эта *информация* должна обладать психологической и нравственной ценностью и поэтому иметь биологическую или социальную значимость для воспитываемого.

В дошкольном и младшем школьном возрасте нравственно-психический статус начинает только зарождаться (ведь ребенок живет преимущественно биологической, а не социальной жизнью). Педагогическая задача на данном этапе развития состоит в том, чтобы с помощью игры и творчества побудить детей вести себя культурно (быть добрыми, отзывчивыми, честными, уметь соблюдать правила этикета, сдерживать свои отрицательные эмоции и т.д.). Воспитание (в данном случае — формирование мотивационных основ нравственного поведения и психической саморегуляции) должно осуществляться через подражание (на примерах культурного поведения человека или сказочных героев), озарение или выбор правильного решения (при анализе культурных или бескультурных поступков), валеологический анализ (определение зависимости нравственно-психического статуса от образа жизни), игровые и практические действия (рисование, конструирование, сочинительство, театрализованное действие, а также различного рода упражнения, тренирующие положительные привычки и черты характера).

В подростковом возрасте проблема формирования нравственно-психического статуса становится центральной в системе воспитания детей. Связано это с тем, что у них начинает созревать самосознание и формироваться устойчивый образ жизни (стереотипы поведения, привычки и черты характера). Чтобы воспитание шло в нужном направлении, следует создавать такую образовательную (информационную) среду, благодаря которой подростки могли бы лучше познавать прежде всего свои психологические особенности и в свободном творческом поиске решать проблемы, связанные с психосаморегуляцией и формированием смысловой основы здорового образа жизни.

Педагогическая задача здесь состоит в том, чтобы помочь подросткам путем валеологического самоанализа (самодиагностирования, тестирования или анкетирования) определить основные тенденции в своей психике, обусловленные особенностями собственной жизнедеятельности, и на основании этого внести целесообразные коррективы в свой образ жизни (см. *Зайцев Г. К., Зайцев А. Г. Твое здоровье: Регуляция психики.* СПб.: Детство-Пресс, 2000–2003).

Формирование нравственного отношения подростков к собственной личности также следует осуществлять в форме свободного творческого поиска решения различного рода смысловых проблем (типа: «Кого можно считать человеком культурным? ...успешным? ...счастливым? ...безопасным? ...цивилизованным?»). На занятиях с подростками важно давать им возможность свободно сочинять, конструировать, проектировать, переделывать на свой лад литературные произведения, проживать мысленно исторические события, участвовать в ассоциативном эксперименте, проводить самоанализ, заниматься научными изысканиями и другими продуктивными видами деятельности. В таких условиях подростки (на подсознательном уровне) удовлетворяют свои потребности в самопознании и смыслотворчестве, что способствует формированию у них высших чувств и, прежде всего, чувства ответственного отношения к себе и своим поступкам.

Становление нравственно-психического статуса в подростковом возрасте тесно связано с половым воспитанием. В этом возрасте у детей актуализируется потребность в *половом самопознании* (познании особенностей своей сексуальности), потребность в любви и потребность в *смыслотворчестве* (выработке собственного понимания сущности любви и семейной



жизни). Средствами удовлетворения этих потребностей являются творческие процессы (главным образом в виде романтических мечтаний), эротические взаимоотношения с подростками противоположного пола (ухаживания, поцелуи и объятия), а также методы самонаблюдения, самоанализа, диагностики и тестирования, позволяющие изучить особенности собственной сексуальности (см: *Зайцев Г. К., Зайцев А. Г. Твое здоровье: Формирование сексуальности*. СПб.: Мир и семья, 2000).

Удовлетворение актуальных потребностей способствует тому, что подростки начинают лучше разбираться в своих половых чувствах, способностях и пристрастиях. У них формируется *здоровьесозидающее* отношение к своей сексуальности и способность к проявлению эротических чувств, что значительно укрепляет нравственные основы их образа жизни.

В юношеском возрасте (если процесс воспитания в подростковом возрасте прошел продуктивно и у детей сформировался психологически устойчивый, нравственно обусловленный образ жизни) актуальной для них становится проблема подготовки к профессиональной деятельности и семейной жизни (см. *Зайцев А. Г., Зайцев Г. К. Педагогика счастья. Валеология семьи*. СПб.: Союз, 2002).

Хорошее знание собственных психических (умственных) возможностей и склонностей, а также активная смыслотворческая деятельность дают основания надеяться, что юноши и девушки сами (что принципиально важно с нравственной и валеологической точки зрения) смогут определиться в выборе будущей профессии и сознательно и ответственно займутся подготовкой к будущей трудовой деятельности (как в образовательном учреждении, так и самостоя-

тельно). В значительной степени этому будет способствовать сформированный у них здоровый образ жизни. Педагогическая работа в этой связи значительно упрощается. Она заключается в том, чтобы обеспечить молодым людям хорошие условия для учебы.

Если процесс полового воспитания в подростковом возрасте прошел правильно, то в юношеском возрасте дети, как правило, не скрывают от близких людей своих *сердечных тайн* и советуются с ними по вопросам половых взаимоотношений и будущей семейной жизни. Основным методом воспитания в этом случае становятся доверительные беседы, совместное обсуждение эротических фильмов или реальных событий из семейной жизни. В этот период особенно важно обеспечить взрослеющего человека учебной и научной литературой, в которой освещаются актуальные вопросы половой жизни.

...Подведем *итоги*.



Процесс воспитания (становления) человека (особенно в детстве и отрочестве) очень часто не соответствует его потребностям. Именно поэтому у взрослеющего, а потом и взрослого человека образуется немало вредных привычек и проблем со здоровьем, в поведении и взаимоотношениях.

Воспитание детей — это самая трудная и ответственная работа, приоритетная роль в которой должна принадлежать мужчине.

Опираясь на потребностно-информационный подход к воспитанию, предложенный академиком П. В. Симоновым, разработана концепция воспитания здоровой во всех отношениях личности. Сущность кон-

цепции состоит в удовлетворении актуализирующихся потребностей индивида педагогическими средствами на различных этапах его роста и развития, в результате чего у него сначала формируется подсознательная (мотивационная и эмоциональная) сфера. В основном, это происходит в детстве, благодаря удовлетворению сложнейшей биологической потребности в физическом и психическом саморазвитии. Затем в подростковом возрасте (благодаря удовлетворению идеальных потребностей в самопознании и смысловторчестве) у него активно строится сознание и самосознание, начинают образовываться смыслы и чувства, в том числе высшие (чувства ответственности, долга, собственного достоинства, любви и др.), он научается адекватно оценивать свои возможности и активно включается в деятельность по укреплению организма, формированию психики и сексуальности. Наконец, в юношеском возрасте в процессе удовлетворения социальных потребностей в самоопределении, самосовершенствовании, самоутверждении и самовыражении у человека сформировывается способность к творчеству, то есть сверхсознание, на основе которого осуществляется продуктивная подготовка к семейной жизни и профессиональной деятельности.

### ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ

Предложенная выше концепция может быть реализована как в семье (то есть в семейной педагогике), так и в системе общего и профессионального образования (с учетом содержания преподаваемого предмета). Здесь рассматриваются возможности воспитания детей в условиях семьи.

Из содержания первой части Предисловия вытекает важный вывод: родителям в воспитании не следует ориентироваться не какую-то придуманную ими самими «модель человека», под которую они хотят

«подогнать» своего ребенка. Главная цель воспитания состоит в том, чтобы помочь ребенку стать самим собой. А для этого в своем развитии ему необходимо последовательно пройти три этапа: саморазвития (развития своих способностей), самопознания (познания своих возможностей и особенностей) и самоопределения (выбора собственного жизненного пути). А это зависит только от того, как и какими средствами удовлетворяются на различных этапах развития его актуальные (доминирующие) потребности. В этой связи очень важно еще раз подчеркнуть, что *не существует «хороших» или «плохих» потребностей*. Хорошими или плохими могут быть только способы их удовлетворения. Поэтому задача воспитания по существу сводится к подбору соответствующих (биологически или социально значимых) средств удовлетворения основных доминирующих потребностей воспитываемых.

Психологический анализ также показывает, что дети дошкольного, младшего школьного и подросткового возраста в силу того, что их потребности (в саморазвитии и самопознании) ориентированы на текущее время, живут только настоящим днем. Это очень важное заключение свидетельствует о том, что родителям (и другим взрослым) не следует раньше времени «тащить» детей и подростков в будущее. Родители, которые стремятся «подогнать» своих детей под желаемую «модель будущего», не учитывают данного обстоятельства, и это плохо сказывается на их отношениях с детьми: в таких семьях дети либо замыкаются в себе, либо начинают «кривить душой». Серьезно задумываться о будущем человек начинает лишь в юношеском возрасте. Это связано с актуализирующейся у него потребностью в самоопределении.

В связи с вышеизложенным у родителей может возникнуть ряд вопросов, связанных с обучением их детей в школе, в частности: на что ориентируют учителя в процессе занятий своих учеников? Учитывают ли они в своей педагогической деятельности доминирующие потребности учащихся? Вопросы эти вполне оправданные, ведь школа, наряду с семьей, призвана заниматься воспитанием детей.

К сожалению, традиционная (авторитарно-репродуктивная) система школьного образования противоречит доминирующим потребностям занимающихся — особенно в начальных и средних классах. В такой школе на уроках дети в основном заняты мало интересными делами: они либо стараются запомнить определенную информацию (которая, как оказывается, практически не нужна им в текущей самостоятельной жизни), либо вынуждены выполнять однообразные упражнения (чтобы сформировать какое-то умение, которое также не актуально для них в настоящее время). «Воспитательный эффект» от такого обучения чаще всего бывает отрицательным. Происходит деформация мотивационной сферы школьников и доминирующей у них становится ложная мотивация: достичь любыми средствами (даже путем обмана) положительных отметок, создать имитацию активности на уроках, угодить учителю, чтобы сохранить с ним хорошие отношения, или, наоборот, «поиграть на его нервах», чтобы испытать от этого острые ощущения негативного свойства. В результате такого воспитания дети перестают быть самими собой. И это отрицательно сказывается на их нравственно-психическом статусе.

Очевидно, что описанная «школьная воспитательная система» не может устраивать родителей. В этой связи для многих из них вполне обоснованной становится проблема поиска для своего ребенка подходя-

щей школы. Разумеется, выбирать надо такую школу, в которой учителя не только формируют у учеников прочные знания, но и должным образом заботятся об их здоровье. К счастью, такие школы уже существуют. Одновременно родителям надо постоянно интересоваться самочувствием и настроением своих детей. Соответственно, им следует уметь оказывать своим детям необходимую педагогическую помощь в преодолении тех негативных психических и физических состояний, которые у них могут возникнуть в школе. А также суметь предъявить претензии учителям школы, если они недостаточно учитывают актуальные потребности детей.

Далее отметим, что воспитание ребенка в семье происходит не только в процессе каких-то организованных родителями занятий и мероприятий. Ребенка воспитывает сама домашняя среда, в которой он живет.

Ниже нами даны характеристики благополучной и неблагополучной семьи (разумеется, в самом обобщенном виде), которые следует рассматривать с учетом мнения *классика* о том, что все счастливые семьи похожи, а каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Еще ниже показано, какие изменения происходят в ребенке, благодаря *правильному* воспитанию, а каким вырастает человек вследствие *неправильного* воспитания. При описании нравственно-психологических «портретов» мы решили пойти по пути абсолютизации, то есть дать характеристику «абсолютно воспитанных» и «абсолютно невоспитанных» детей, подростков, юношей и девушке, хотя хорошо понимаем, что таковых практически не бывает — в реальных людях положительные и отрицательные черты и качества находятся в определенном соотношении.

В заключение нами сформулированы практические рекомендации родителям по воспитанию детей, подростков, юношей и девушек.

### БЛАГОПОЛУЧНАЯ СЕМЬЯ

В благополучной семье все ее члены (родители и дети) чувствует себя лучше, чем где бы то ни было. Их дом уютен, наполнен светом и предназначен для любви, радости и отдыха. Здесь они находят сочувствие, понимание и поддержку (даже, если жизнь вне дома складывается не очень удачно), набираются сил и вновь обретают уверенность. Ощущение благополучия основывается на взаимной любви и заботливости, полном согласии и открытости. Родители и дети благополучной семьи наполнены энергией, чувствуют себя свободными, уверенными и красивыми. Весь их вид (осанка, походка, лицо, взгляд, голос) свидетельствует о том, что они счастливы.

В благополучной семье доминирует искренность и естественность во взаимоотношениях. Здесь смотрят в глаза друг друга, не стесняются говорить о своих чувствах и выражать свою любовь (открыто обнимаются и целуются). В таких семьях часто происходят доверительные разговоры (они могут быть не всегда приятными по содержанию, но всегда продуктивными и благотворными с эмоциональной точки зрения). Общение здесь происходит чаще всего на небольшом расстоянии друг от друга (около метра), что обеспечивает физический и психический комфорт. Родители и дети не скрывают своих радостей, рассказывают о своих болях и неудачах. Они не считают зазорным извиниться, когда бывают не правы. Открытость в общении способствует преодолению многих препят-

ствий, выходу из затруднительных положений — все это объединяет членов семьи.

Важным условием благополучия семьи является здоровье ее членов. Поэтому в нормальной семье все стремятся вести здоровый образ жизни (заботятся об укреплении собственного организма и психики, не вредят здоровью других людей). Здесь редко возникают разногласия, ссоры и другие житейские неприятности, ведь это отрицательно сказывается на психическом состоянии всех членов семьи. Общая мирная обстановка и озабоченность здоровьем друг друга способствуют тому, что все происходящее в семье неприятности правильно оцениваются и очень быстро находят способы их разрешения.

В благополучной семье строится много жизненных планов. Эти планы принимаются сообща (всеми), поэтому чаще всего бывают исполнимы. Но даже если что-то и не сбывается, то к этому все спокойно (без паники) относятся и вносят в планы необходимые коррективы. Соответственно, жизнь в такой семье, как правило, носит упорядоченный и системный характер: все разумно спланировано по времени и направлено на то, чтобы чаще быть вместе. В такой семье всегда есть время (чаще вечером) на общую встречу за чашкой йогурта (для дружеского общения и обсуждения семейных проблем), где каждый рассказывает о прошедшем дне, собственных достижениях, неудачах, наблюдениях и прочем, и делает это с интересом и в юмористической форме. Трудовая деятельность родителей в благополучной семье не является смыслом и целью их жизни, а служит средством для укрепления брачных отношений и повышения благополучия семьи.

В благополучной семье родители выступают в роли лидеров-вдохновителей (в такой же роли они не запрещают выступать иногда и своим детям). Их сло-



ва обычно не расходятся с делами. Плохое поведение детей они склонны рассматривать как собственную вину, поэтому никогда не реагируют на проступок детей так, чтобы унижить их достоинство. В благополучной семье родители умеют выслушать детей, понять причину совершенного ими поступка, вникнуть в их переживания и увидеть путь к самосовершенствованию. Они знают возрастные особенности детей и учитывают их в отношениях с ними. Это помогает детям раскрыть свой внутренний потенциал и в любой ситуации оставаться сами собой. Они помогают детям правильно проанализировать свои ошибки, что способствует приобретению ими положительного опыта. В благополучной семье родители ищут творческое решение возникающих проблем в воспитании детей. Все это делает их успешными воспитателями.

### НЕБЛАГОПОЛУЧНАЯ СЕМЬЯ

Отсутствие любви между мужем и женой — главная причина неблагополучия семьи. В этом случае муж и жена живут друг с другом по обязанности. Любовь в лучшем случае имитируется ими с помощью внешней приветливости и подчеркнутой заботливости. В семье отсутствует взаимное уважение (родители и дети неадекватно оценивают себя и не высоко ценят друг друга). Поэтому в их отношениях нет душевной теплоты, искренности и отзывчивости. Отдельные члены семьи могут не видеться целыми днями, хотя живут под одной крышей. Если не каждый, то многие из них живут как бы сам по себе, скрытно и изолировано, стараются реже общаться с другими членами семьи и меньше рассказывать о себе. Те, кого тяготит общение в семье, обычно предпочитают больше заниматься работой, учебой или погружаться в ка-

кие-то домашние дела. Отсюда чувство одиночества, неизменным спутником которого являются тревожность и враждебность.

Жизнь в неблагополучных семьях может протекать по двум сценариям.

В одном случае она течет как бы монотонно и однообразно, без сильного проявления как положительных, так и отрицательных эмоций и чувств. Если кто-то и страдает, то делает это молча. Члены семьи выглядят усталыми и равнодушными. Их лица мало выразительны (словно маски). Они мало замечают других людей, так как их глаза чаще смотрят в пол. Неуклюже сутулятся, говорят очень тихо, почти не улыбаются и редко проявляют дружеское расположение. В такой семье общие встречи обычно возникают из-за «производственной необходимости», поэтому носят принудительный, малоинтересный характер и заканчиваются, как правило, «ничем». Разговоры, в основном, складываются из упреков, назиданий и указаний, как надо поступать. Общение происходит как бы в разных пространствах (кто-то сидит, а кто-то стоит) и на большом расстоянии — собеседники порой не видят друг друга. Так происходит потому, что разговаривающие испытывают психический дискомфорт и пытаются замаскировать свои переживания. Подобный стиль общения нередко становится причиной депрессии, болей в голове и позвоночнике.

В другом случае семейная жизнь превращается в череду негативных переживаний и ссор. Члены семьи (все или частично) недовольны друг другом, им плохо вместе, и это служит главной причиной конфликтов. О напряженности в семье говорят лица и тела людей. Их тела напряжены и скованы, лица кажутся угрюмыми, а глаза колючими. Голоса звучат резко и скрипуче. Юмор чаще всего превращается в иронию или насмеш-

ку. Жесты, мимика и поступки, как правило, не соответствуют словам. Недовольство друг другом сказывается на взаимоотношениях. Родители придираются друг к другу, унижают и изводят друг друга. Позже то же самое происходит во взаимоотношениях родителей и детей. Конечно, все они стараются быстрее выйти из напряженного состояния. Но делают это, как правило, с помощью совершенно неадекватных «уродливых» способов общения: путем заискивания друг перед другом, обвинения, обмана или игнорирования друг друга. Такими способами они стараются скрыть свою слабость или неправоту, повысить самооценку и понизить угрозу отвержения. Однако все это приводит только к обратному: к росту взаимного недоверия и новым более сильным и затяжным конфликтам. А кроме того способствует формированию негативных чувств (тревожности, агрессивности, вины, зависти), которые являются причиной многих болезненных состояний: болей в голове и спине, нарушений кровяного давления, расстройств пищеварения и других недомоганий. Негативные чувства, доминирующие в душе, служат также психологической основой для приобщения к алкоголю и наркотикам.

В неблагополучной семье (если не все, то многие ее члены) стараются сами планировать свою жизнь и мало интересуются планами других. Поэтому здесь редко обсуждают и принимают какие-либо совместные жизненные решения. Если родители обсуждают проблемы воспитания детей, то чаще всего отдельно от самих детей. Периодически у жены или мужа (или у обоих одновременно) может возникать острое желание радикально изменить семейную жизнь. Но как это сделать, они обычно не знают, так как не способны определить основные причины своих семейных трудностей. Этому мешают и различного рода психологи-

ческие комплексы (или акцентуации характера), которые сформировались у них еще до вступления в брак (например, обостренное чувство собственной неполноценности, повышенная тревожность и мнительность, приступы ярости и гнева, слабоволие и др.).

В неблагополучной семье родители заставляют детей вести себя по определенным правилам, хотя сами их не соблюдают. Они не учитывают возрастные особенности детей и не живут их жизнью, стараются воспитывать детей так, чтобы они их меньше беспокоили. Нередко они заняты только тем, что без конца указывают детям, что можно, а что нельзя делать. Дети в такой семье постоянно ждут замечаний и наказаний. Они не самостоятельны и чувствуют себя беспомощными. Они не инициативны и плохо развиваются. Веселья здесь практически не бывает.

В неблагополучной семье очень часто жена главенствует открыто и во всем. В результате у мужа нет авторитета в глазах детей. Он меньше привязан к ним и не занимается должным образом их воспитанием. В такой ситуации обычно жена рассказывает мужу о поведении детей и о том, как она их «воспитывает». Она же рассказывает детям об их отце (чаще с отрицательной стороны). Поэтому дети видят своего отца «мамиными» глазами. Так формируется негативный опыт воспитания детей в семье.

#### НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕТЕЙ, ПОДРОСТКОВ, ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК, КОТОРЫЕ ВОСПИТЫВАЮТСЯ ПРАВИЛЬНО

*Дети дошкольного и младшего школьного возраста:*

Правильно определяют эмоции родителей и других людей и адекватно на них реагируют. Стремятся

выражать эмоции и обсуждать эмоциональные состояния. Находят выход эмоциям через игры и продуктивные виды деятельности. Начинают высказываться о причинах эмоций. В основном испытывают положительные эмоциональные состояния. Страхи, стрессы и депрессии испытывают редко. Обычно это бывает связано с собственной болезнью или болезнью (или смертью) близких людей. В определенных ситуациях проявляют вспышки гнева, то они направлены не на человека, а на ту роль, которую тот играет. Осторожны и заботливы (это бывает заслугой матери), активны и уверены в себе (заслуга отца). Испытывают альтруистическое отношение к другим людям, прежде всего к родным и близким (родителям, братьям, сестрам).

Любят творить (рисовать, мастерить, сочинять, анализировать и обобщать) и играть (в театрализованные, подвижные и спортивные игры). Любят читать книги и смотреть телепередачи, в которых «добро» побеждает «зло». Склонны придумывать различные (образные и логические) истории с позитивным концом. Искренни и доверчивы с родителями. О будущем не говорят. Но иногда, когда взрослые спрашивают их о том, кем бы они хотели быть, называют самые неожиданные профессии и должности. Но это вовсе не означает, что они думают о будущем. Их ответы означают только одно: сегодня они хотят играть в названную ими профессию или должность (завтра же их желание может радикально измениться).

Определяют свою половую принадлежность, но к половым вопросам относятся без выраженных эмоций. Склонны обсуждать половую жизнь взрослых людей с познавательной (научной) точки зрения. Проявляют привязанность к родителям (особенно к отцу). Играют в родителей. В играх, связанных с полом, ста-

раются демонстрировать лучшие качества женщины или мужчины.

### ***Подростки:***

Уверены в себе, «тихо» радуются собственным открытиям и достижениям. Стыдятся, когда их сильно хвалят. Стараются не поддаваться отрицательным эмоциям. Не переключаются свои переживания на других людей, хотя чувствует себя иногда не в лучшей форме. Не пользуются правилами, которые противоречат их чувствам. Легко переживают неудачи. Это относится, в том числе и к школе (школьные неудачи склонны рассматривать как временное явление). Внушают доверие и надежду окружающим людям. При общем эмоциональном благополучии могут испытывать состояние острого страха за свое здоровье или собственную жизнь, а также сильно грустить в связи с совершенными ими глупостями и потерей личных вещей.

Склонны к самоанализу, самооценке, выявлению своих достоинств и особенностей, определению побудительных оснований (мотивов и смыслов) собственного поведения. Интересуются опросниками и тестами, позволяющими провести самоанализ и самооценку, а также книгами и кинофильмами, в которых показано многообразие характеров и типов взаимоотношения молодых людей. Любят заниматься творчеством и ищут для себя интересное дело. Ощущают свою ценность (уникальность). Способны преодолевать трудности. Даже, если не все получается, верят, что рано или поздно достигнут цели. Адекватная самооценка позволяет им называть вещи своими именами, честно, уважительно, а когда надо, терпимо относиться к другим людям. Вырабатывают индивидуальный стиль здоровой жизни. Самодостаточны. Это вызывает либо уважение, либо недоброжелательное,

даже враждебное отношение ровесников (последнее, как правило, исходит от плохо воспитанных подростков). Никому не отказывают в дружбе, но стараются при этом никого из друзей не выделять. Практически не думают о будущем, так как слишком заняты собой (собственными мыслями и переживаниями) и реальной жизнью.

Спокойно относятся к своим физическим, физиологическим, психологическим и половым особенностям, которые проявляются в переходном возрасте. Не стесняются своей романтической влюбленности (с мечтаниями и переживаниями) к какому-либо артисту, герою кинофильма, взрослому человеку из реальной жизни. Не стараются подавлять в себе эротическую любовь к кому-либо из сверстников. Наоборот, находят способы для того, чтобы с ним познакомиться и испытать «первую любовь» (с трепетными поцелуями и объятиями). В общении с ребятами противоположного пола стараются быть искренними, вежливыми, обходительными. В интимные связи не вступают. Но в отдельных случаях в результате нежных объятий, поцелуев и прикосновений (без совершения полового акта) могут испытывать сильное половое возбуждение. Изучают научную или научно-популярную литературу, касающуюся половой жизни. Стараются правильно употреблять сексологические термины во взаимоотношениях с ровесниками. Обсуждают половые проблемы с родителями.

### *Юноши и девушки:*

В психологическом отношении достаточно уравновешены. Доминируют положительные эмоции (решимость, торжество, ликование и др.) и позитивные, в том числе высшие чувства (радушные, ответственность, миролюбие, скромность, чувство собственного

достоинства и др.). Умеют сочувствовать другим людям. Негативные переживания бывают редко. Обычно они связаны с неадекватной оценкой взрослыми их учебной (или трудовой) деятельности, унижением или обманом со стороны других людей. Преодолению негативных эмоций способствует адекватная самооценка, чувство ответственности за собственное здоровье, хорошо развитая способность саморегуляции, а также устойчивое понимание смысла жизни.

Любят заниматься творчеством и общаться с другими людьми (ровесниками и взрослыми). Их мысли направлены не только на настоящее, но и в будущее. Уже знают, кем хотят быть и чем могут заниматься в скором времени. Основательно готовятся к профессиональной деятельности. Ответственно относятся ко всему, чем занимаются в рабочее (учебное) время и в период отдыха. Стараются с полной отдачей учиться (трудиться) и отдыхать, чтобы быть лучше (интереснее) других. Много занимаются самосовершенствованием (укрепляют организм, развивают творческие способности, повышают свой культурный статус), чтобы уметь проявлять свое Я в любой обстановке. Ведут здоровый образ жизни. Способны интересы других людей ставить выше собственных, но без принесения себя в жертву. Склонны брать на себя ответственность при решении жизненных проблем.

Готовятся к семейной жизни. Развивают в себе способность любить (умение ухаживать, заботиться, уважать, быть честным и ответственным с человеком другого пола). Когда приходит осознание готовности к семейной жизни (социальная и половая зрелость), начинают активно искать «предмет» любви для создания крепкой и счастливой семьи. До вступления в брак доминирующими являются эротические



(нежные) отношения. В результате нежных прикосновений (без вступления в половую близость) могут достигать сексуальной разрядки. В период ухаживания (до момента принятия решения о вступлении в брак), чтобы снизить половое побуждение много занимаются физическими упражнениями. В тех же случаях, когда половая (интимная) связь происходит по взаимной любви, хорошо знают, как избежать беременности и других сексуальных проблем. Спрашивают согласия у своих родителей на вступление в брачные отношения.

**ПРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ  
ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕТЕЙ, ПОДРОСТКОВ,  
ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК, КОТОРЫЕ  
ВОСПИТЫВАЮТСЯ НЕПРАВИЛЬНО**

*Дети дошкольного и младшего школьного возраста:*

Одни из них агрессивны, другие застенчивы. В зависимости от этого либо закатывают вспышки гнева и долго не могут успокоиться, либо находятся в состоянии хронического страха. Бурно переживают неудачу (при этом или проявляют враждебность, или плачут). Часто подвержены ночным кошмарам и сильно переживают сны.

Одни из них любят ломать и портить все, что есть в доме, детском саду, школе; не хотят ничем делиться и ни в чем уступать другим; постоянно ссорятся и дерутся (с братьями, сестрами, другими детьми); нравятся издеваться над домашними животными; предпочитают книги и телепередачи, где показывают насилие; сочиняют истории с негативным концом и высказывают вредоносные идеи и планы.

Другие мало самостоятельны, плохо приспособлены и сильно зависимы от родителей. Поэтому пассив-

ны во всем (даже в играх с другими детьми); отстают в физическом и психическом развитии; нередко страдают от более сильных и агрессивных детей и ищут спокойствия в уединении.

И первые, и вторые пытаются «манипулировать» эмоциями родителей (чтобы не выполнять какое-то их поручения или добиться подарков). Например, когда обижаются, стараются усилить это чувство, чтобы на нем кое-что выиграть.

Одни из них неадекватно оценивают все, что связано с полом (например, обращают внимание на половые особенности людей и громко их обсуждают). Другие совершенно не проявляют интереса к половым различиям (например, могут без стеснения раздеваться в присутствии чужих людей). У девочек могут развиваться маскулинные качества (в противовес фемининным), а у мальчиков, наоборот, — женские черты (в ущерб мужественности).

### ***Подростки:***

Формируются негативные черты характера, некоторые из которых становятся сильно выраженными (акцентуациями). Ниже приведены акцентуации характера подростков, которые доставляют родителям больше всего хлопот и неприятностей.

*Гипертимный* тип: сверхэмоционален (находится в постоянно приподнятом настроении), жаждет деятельности, но, как правило, не доводит дело до конца, упрям; старается вырваться из-под опеки родителей, часто вступает с ними в конфликт; любит прихвастнуть и пошиковать, легко идет на мелкие правонарушения, склонен к алкоголю и наркотикам; рано вступает в сексуальные связи.

*Циклоидный* тип: периоды апатии резко сменяются фазами подъема настроения и, наоборот (при-

чем, без особых причин); с родителями неровен, на их замечания чаще всего отвечает раздражением; в период подъема настроения склонен к приему алкоголя, а в периоды апатии возникает мысль о самоубийстве; сексуальная активность зависит от настроения.

*Шизоидный* тип: отличается эмоциональной холодностью, склонностью к одиночеству, неспособностью к сопереживанию, но перед чужими людьми бывает неожиданно откровенен; бурно протестует, когда родители пытаются вторгнуться в мир его фантазий; склонен к алкоголю и наркотикам (причем наркотики предпочитает алкоголю); внешне безразличен к противоположному полу, но отличаются богатыми эротическими фантазиями.

*Эпилептоидный* тип: доминирует злобно-тоскливое настроение с накапливающейся агрессией, в приступах ярости цинично ругается, жестоко дерется; к родителям проявляет озлобленность и мстительность; любит мучить животных, издеваться над слабыми, отдает дань азартным играм, склонен к алкоголю (пьет преимущественно крепкие напитки, причем старается довести себя до «отключения»); половое влечение окрашено мрачными тонами ревности, сопряжено с садистическими, а иногда с мазохистическими стремлениями.

*Истероидный* тип: отличается ненасытной жадой внимания к себе, с помощью лживости и притворства старается приукрасить свою персону, внешне эмоционален, но на самом деле не способен на глубокие и искренние чувства; чтобы разжалобить родителей разыгрывает роль наркомана, угрожает уйти из дома, броситься под поезд и т. д.; часто прогуливает уроки, убегает из дома, предпринимает попытки самоубийства, прием спиртных напитков и наркотиков носит, как правило, притворный характер; в половом

поведении много театральной игры (старается выглядеть искушенным в вопросах секса, придумывает несуществующие связи).

*Неустойчивый* тип: слабоволен, легко поддается влиянию окружающих, постоянно ищет новых впечатлений (развлечений); не испытывает любви к родителям, требует от них лишь денег на удовольствия; учебу забрасывает, рано начинает курить, склонен к алкоголю и наркотикам, легко идет на правонарушения (мелкие кража, хулиганство, угон автомашин и пр.); на искреннюю романтическую и эротическую любовь не способен, в половые связи вступает рано и рассматривает их как источник развлечений, склонен к разврату и половым извращениям.

*Конформный* тип: чрезмерно зависит от мнения других сверстников, безынициативен и не критичен; с родителями вступает в конфликты только в тех случаях, когда они отрывают его от привычной среды «друзей» или противодействуют желанию «быть как все»; «за компанию» убегает из дома, спивается, втягивается в групповые правонарушения (драки, хулиганство и пр.); высмеивает на сексуальной почве подростков из другой компании, интересуется порнографией.

### ***Юноши и девушки:***

Акцентуации характера, которые сложились в подростковом возрасте усугубляются: растет тревожность за свое будущее и враждебность по отношению к родителям, другим людям, обществу; формируются невротические черты личности; нездоровый образ жизни способствует росту хронической заболеваемости, а самовредительство здоровью (алкоголизм и наркомания) приводит к физической, психической и социальной деградации, а иногда и к преждевременной смерти; правонарушения приобретают социально

опасный характер (грабежи, убийства, разбойные нападения, изнасилования); растет частота случаев заболеваний, передающихся половым способом (венерические болезни и СПИД), половых расстройств (импотенция, фригидность, бесплодие), а также случаев, когда матери отказываются от новорожденных; в половой жизни проявляется садизм, мазохизм, гомосексуализм, проституция, растление малолетних, промискуитет.

Сравнительный анализ нравственно-психологических «портретов» дает основание говорить о том, что в характере хорошо воспитанных людей доминирует «здоровосозидающее» начало, а в характере плохо воспитанных или невоспитанных людей преобладают «разрушительные» (патологические) тенденции. Другое умозаключение состоит в том, что воспитанные (культурные) люди, по-видимому, все очень похожи, а невоспитанные (некультурные) проявляют свою невоспитанность по-разному и поэтому могут быть представлены в виде «типов».

#### ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ РОДИТЕЛЯМ ПО ВОСПИТАНИЮ РЕБЕНКА:

1) *Поддерживать инициативы ребенка и оказывать ему помощь.*

Уделять ребенку столько внимания, сколько он требует. Совершать с ним экскурсии в те места, куда он стремится. Разрешать ребенку выполнять работу, которую он добровольно вызвался сделать (если надо, помочь ему в этом). Чрезмерно не опекать его (особенно матери). Много (но ненавязчиво) общаться с ребенком (особенно отцу) и в то же время предоставлять ему возможность иногда оставаться с самим собой (например, во время занятий творчеством).

Оказывать ребенку помощь, когда он проявляет слабость или с ним кто-то обращается несправедливо. Подготавливать ребенка к потенциально трудной ситуации, например, к разлуке (не показывать ребенку, что сами сильно огорчаются разлуке, а говорить с ним о том, что будет после возвращения). Незамедлительно обсуждать «экстремальные» события, произошедшие в семье (например, если кто-то умер из близких людей, надо спокойно сказать об этом ребенку и объяснить причину случившегося).

Если в семье появляется младший брат или сестра, по-прежнему уделять много времени старшему, бывать с ним наедине (прежде всего отцу).

2) *Уважать ребенка и служить для него примером.*

Не приказывать, а учить что-либо делать. Вместо запрета предлагать творческое решение проблемы. Отдавая указание (без него иногда невозможно обойтись), объяснять ребенку причину, которая побуждает это сделать. Не наказывать (не бить) ребенка, не поощрять его деньгами. Стараться привлекать ребенка к принятию семейных решений (например, в выборе покупки для дома, проведении выходного дня), чтобы он внес свой «эмоциональный» вклад в принятие решения. Заранее обсуждать с ребенком прогулку, поход в магазин (например, какую игрушку купить).

Не сравнивать своего ребенка с другими детьми. Оценивать следует не самого ребенка, а его поступки. Давать ребенку возможность самому оценить себя и свой поступок. Апеллировать к лучшим его сторонам и к полезным будущим событиям. Не бояться извиняться перед своим ребенком, если не правы. Показывать свое уважение к словам ребенка. Не прерывать его и не говорить за него. Больше слушать, чем говорить (особенно, если он рассказывает о том,

что его беспокоит). Не пугать ребенка страшными событиями и опасными людьми.

Быть честным и искренним (правдивым) по отношению к ребенку. Отвечать на все его вопросы по возможности правильно и просто, тем более, если это касается поведения самих родителей (его это очень интересует). Постоянно подавать пример уверенности и настойчивости, справедливости и самоконтроля. Формировать (с помощью собственного примера и путем изучения с ребенком соответствующей литературы) правильные привычки, связанные с заботой о чистоте своего тела, закаливанием, физическими упражнениями, рациональным питанием и отношениями с другими людьми.

### *3) Беречь и укреплять психику ребенка.*

Быть в курсе настроения ребенка. Никогда (чтобы ни случилось!) не драматизировать ситуацию. Одинаково спокойно относиться к неудачам и достижениям ребенка в детском саду (школе).

Поддерживать открытое выражение ребенком своих переживаний. Если он проявляет беспокойство, предлагать неожиданное развлечение. В ситуациях, которые могут вызвать страх, стараться находиться рядом с ним и готовить его к ситуации (например, перед посещением врача рассказать, что должно произойти). В случаях стрессов создавать позитивные ситуации, которые способны восстановить его психику. Не ссориться при ребенке. Не винить его в своем плохом настроении. Не укладывать ребенка спать насильно (тем более не пугать при этом), а готовить его ко сну, давать ему выспаться и проснуться самому. Но если надо, будить его мягким голосом и с помощью поглаживания по лицу и волосам (а не окриком). Прерывать увлечения мастурбацией и сексуальными играми с другими

детьми не жестокими и неодобрительными окриками, а мягко, переводя их в другую плоскость.

Вовлекать в занятия, укрепляющие уверенность в себе (прежде всего, в различного рода занятия физическими упражнениями). Предлагать такую деятельность, которая развивает способность к самоконтролю и состраданию (помощь родителям по дому, забота о животных). Развивать психику ребенка с помощью пения, слушания детской музыки, декламации стихов, созерцания красоты природы, других упражнений и мероприятий.

#### 4) *Играть с ребенком.*

Изучать склонности ребенка к игровой деятельности (знать, в какие игры он любит играть, а в какие нет). Чаще играть с ним в подвижные и интеллектуальные игры. При этом акцентировать его внимание на процессе игры, а не на ее результате (чтобы проигрыш не расстраивал ребенка). Предоставлять возможность играть одному и с другими детьми (игры с элементами агрессии и насилия должны быть сведены к минимуму). Вносить элементы игры в повседневную жизнь, побуждая таким образом лучше обслуживать себя (делать уборку комнаты, готовить пищу, стирать и гладить), и ухаживать за другими людьми. Приучать его «делиться» с другими детьми, прежде всего своими игрушками. Уважать его привязанность к старым игрушкам (они служат хорошим средством психосаморегуляции). В то же время заинтересовывать его более сложными играми, соответствующими его возрасту и полу. Играть с ним в «семью», покупать соответствующие полу игрушки и вещи, обсуждать (с нравственной точки зрения) различные вопросы половой жизни людей (на примере отдельных кинофильмов и телепередач).



5) *Заниматься с ребенком различными видами творчества.*

Вовлекать ребенка в занятия рисованием, конструированием, сочинительством историй и сказок. Совершать с ним научные открытия (в форме озарения), участвовать в самодеятельных театральных постановках. Поддерживать его интерес к детскому саду и школе, акцентируя внимание на процессуальной стороне образовательной деятельности, а не на ее результатах. Позитивно (но без восторгов) оценивать его самостоятельные усилия в образовательной деятельности. Не превращать выполнение домашних заданий в «принудилровку» — находить творческие подходы к домашней учебе (не выполнять домашние задания вместо него).

#### ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ РОДИТЕЛЯМ ПО ВОСПИТАНИЮ ПОДРОСТКА:

1) *Быть для подростка другом и помочь ему познавать себя.*

Устанавливать доверительные отношения с подростком. Больше слушать, чем говорить. Обсуждать все вопросы на равных. Давать полезные советы. Акцентировать внимание на правильном, а не на неправильном. Вместо запретов и ограничений предлагать подростку найти новое решение волнующей его проблемы. Не спорить с ним до хрипоты. Критиковать следует не самого подростка, а его поведение. Внушать ему быть искренним перед собой и близкими людьми, не привыкать к стереотипам в поведении и стараться в любой ситуации оставаться самим собой. Никогда не говорить, что потеряли к нему доверие. Никогда не наказывать, тем более не бить (в крайних случаях, предлагать подростку самого себя наказать).

Помогать в поиске актуальной для него информации. Способствовать тому, чтобы он с помощью самодиагностирования (тестирования, анкетирования и анализа собственного поведения) мог разобраться в самом себе, определить свои особенности (склонности и способности). Говорить ему больше о его достоинствах (а не о недостатках), при этом ни с кем не сравнивать. Формировать здоровый образ жизни (привлекать к занятиям физическими упражнениями, закаливанием, чтению литературы о здоровом образе жизни). Знать школьную программу и помогать в отдельных случаях выполнять (или «перевыполнять») домашнее задание на творческой основе (но не делать его за него). Рассказывать о том, как сами учились. Чтобы адекватно относились к сыну (или дочери) в школе, регулярно беседовать с учителями об его (ее) индивидуальных особенностях. Предлагать домашнюю работу (творческого порядка), которая способна увлечь и помочь понять, к чему больше склонен и способен. Помочь найти интересное занятие вне школы (например, в Доме творчества). Учить его (лучше на собственном примере) строить отношения с чужими людьми, определять их достоинства и недостатки.

*2) Беречь и укреплять психику подростка, учить его психосаморегуляции.*

Стараться самим быть спокойными, уравновешенными и уверенными в будущем (это благотворно сказывается на психике подростка). Поощрять открытое выражение им своих переживаний. Создавать благоприятные условия для учебы и отдыха дома. Давать отдохнуть от учебы. Самим не смотреть и не разрешать смотреть подростку телепрограммы, где доминирует жестокость и насилие. Рекомендовать ему смотреть телепрограммы, имеющие культурологическое значе-

ние. Ограничивать работу на компьютере, вовлекая подростка в творческие занятия и домашние хлопоты.

Помогать (с помощью самоанализа и психорегулирующих упражнений) снимать нервное напряжение. Учить предвидеть ситуацию, которая может вызвать стресс или депрессию. Формировать у подростка адекватную самооценку (это делает его более уверенным).

Знать основные признаки приема подростком наркотиков — упоминает их в разговорах, копит деньги, становится замкнутым, много времени проводит вне дома, в портфеле появляются инъекционные иглы, пузырьки, карманные фонарики и другие «случайные» предметы. При подозрении в наркомании незамедлительно обращаться за помощью к врачу-наркологу.

3) *Заниматься половым воспитанием подростка.*

Обсуждать с ним в доступной форме половые вопросы. Помогать изучать свои психологические и физиологические особенности и строить валеологически обоснованные отношения с противоположным полом (приобретать для него специальную литературу). Не иронизировать и не высмеивать его романтические или эротические увлечения, наоборот, поддерживать их (рассказывать, какими сами были в этом возрасте). Создавать условия для общения с другими подростками (общество ровесников иногда становится для подростка более важным, чем семья). Внимательно наблюдать за тем, с кем подросток встречается, чем озабочен, как спит, как себя оценивает, не казнит ли себя за что-то. Поощрять встречи со сверстниками у себя в квартире.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ  
РОДИТЕЛЯМ ПО ВОСПИТАНИЮ  
ЮНОШИ (ДЕВУШКИ):

1) *Давать юноше (девушке) больше самостоятельности и свободы во взаимоотношениях с другими людьми.*

Уделять сыну (дочери) столько внимания, сколько он (она) требует. «Не пытаться допросами» (Где и с кем был (а)? Чем занимался (ась)? и др.). Побуждать быть открытым (ой) и откровенным (ой) перед родителями. С этой целью, например, регулярно рассказывать о собственных планах (как семейных, так и деловых) и о событиях, в которых принимали участие.

2) *Помогать определиться с выбором профессии и в будущей семейной жизни.*

Обсуждать с юношей (девушкой) особенности той или иной трудовой деятельности на материалах телепередач, кинофильмов, литературных источников, практической жизни. Поддерживать уверенность в своих способностях, реалистический подход к жизни, веру в будущее. Рассказывать (лучше на примерах) о неприятностях и опасностях, которые могут подстерегать в образовательном учреждении, на дискотеке, других общественных местах и исходить от «невоспитанных людей». Учить, как избегать неприятностей и опасностей, как выходить из экстремальных ситуаций.

Стараться в непринужденной обстановке обсуждать актуальные половые проблемы (рекомендовать прочитать соответствующую книгу, посмотреть ту или иную передачу, посвященную семейной жизни). Поощрять встречи с друзьями и подругами у себя на квартире.



От воспитания ребенка в семье, зависит, каким он вырастет, кем станет в будущем, какой будет его собственная семья и как он (будучи уже взрослым) сможет воспитывать своих детей.

На каждом этапе развития (взросления) ребенка процесс воспитания должен происходить с учетом его актуализирующихся потребностей и приобретать свои специфические особенности.

Правильное (полноценное) воспитание человека в детстве, отрочестве, юности способно обеспечить крепость его тела, устойчивость психики, половую зрелость, социальную активность, готовность к созданию семьи и выбору профессии.



## «ЖИВАЯ» ПЕДАГОГИКА Л. Н. ТОЛСТОГО

*Интересно мне было посмотреть свое развитие,  
главное же хотелось мне найти в отпечатке  
своей жизни одно какое-нибудь начало —  
стремление, которое бы руководило меня...*

*Л. Н. Толстой*

Исследовательская задача состояла в том, чтобы соотнести педагогические события, отраженные в повестях Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» (Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность. М.: Наука, 1979. <Литературные памятники>), с концепцией воспитания человека, представленной нами в Предисловии. И на основании этого, во-первых, понять, как развивался в соматическом, психическом, сексуальном и социальном отношении главный герой повестей — Николенька Иртеньев, во-вторых, определить, кто и как влиял на его взросление\*.

В решении поставленной исследовательской задачи можно было пойти двумя путями. Первый путь — выделение сформулированного *правила* и поиск в содержании повести подтверждающих или не подтверждающих его педагогических событий, а далее — проведение социально-педагогического анализа

---

\* При участии М. В. Швыдкой.

процесса воспитания и прогнозирование тенденций развития личности воспитываемого. С научной точки зрения такой подход вполне оправдан, но технологически трудно выполним, а главное (как показал предварительный анализ) — уводит нас от хронологии, которая, возможно интуитивно, представлена Л. Толстым так, что может стать предметом дополнительного педагогического анализа.

Второй путь — противоположный: выделение в повести представленных в хронологическом порядке педагогических событий и их анализ с социально-педагогических позиций. В этом случае отправной точкой становится текст Л. Толстого и встречающиеся в нем как педагогические события, так и философские заключения (*резюме*) писателя, имеющие отношение к семейной педагогике. Последнее представляется нам более моральным, что и предопределило наш выбор в пользу второго подхода в исследовании.

## «ДЕТСТВО»

Повествование в «Детстве» ведется от имени дворянского отпрыска Николенки Иртеньева с момента, когда ему минуло десять лет (*заканчивается детство*). Все описываемые им события вмещаются примерно в шесть месяцев, то есть относятся к последнему году детского периода жизни.

Глава I повести названа «Учитель Карл Иванович». Гувернер-иностранец (*старый немец*) Карл Иванович спит в одной комнате с Николенькой и его старшим братом Володей и будит их утром: в 7 утра он начинает бить мух хлопущкой, вызывая у Николеньки неприязнь, а затем щекочет его пятки и ве-



село обзывает (по-немецки) лентяем, что вызывает у Николеньки, как ни странно, противоположные (хорошие) чувства («Какой он добрый и как нас любит...» — думает он про себя). Затем Карл Иванович «готовит» детей к выходу в гостиную (поздороваться с родителями), осуществляет их обучение («классы»), сердится и наказывает за ошибки. Л. Толстой от имени Николеньки пишет о черной доске, на которой Карл Иванович «кружками отмечал наши большие проступки и крестиками — маленькие», угол, «в который нас ставили на колени», переживания и размышления героя: «Стоишь в углу так, что колени и спина заболят, а Карл Иванович сидит, как будто ничего не замечает»; «Как хорошо за окошком, посмотришь и позавидуешь (когда Карл Иванович поправляет лист с диктовкой)»; «Когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидеть не за диалогами, а с теми, кого я люблю? Досада перейдет в грусть...» (с. 8).

Таким образом, можно сказать, что первая половина каждого дня Николеньки и его брата проходила под тотальным контролем немца Карла Ивановича, который занимался их обучением и воспитанием. Причем, обучал детей Карл Иванович только методом принуждения, а воспитание рассматривал только как меру наказания за проделанную ими работу. Доминирование гувернера в жизни детей объясняет нам, почему Л. Толстой начал повесть с главы о Карле Ивановиче.

Из переживаний Николеньки вытекает важный вывод: *педагогическая деятельность* Карла Ивановича не соответствовала (точнее, противоречила) базовым (доминирующим) потребностям детей, вызывала у них отвращение к учебе, а нередко неприязнь и к самому учителю. Последнее, правда, проявлялось слабее, так как у Николеньки не было представления

о том, что обучение может проходить по-другому — носить более интересный и гуманный характер — и что метод обучения полностью зависит от учителя. Испытывая к учителю смешанное чувство (от неприязни до сострадания), Николенька все же считал Карла Ивановича положительным человеком (у него «совесть чиста и душа спокойна»). Возвращаясь к переживаниям, которые Николенька чаще всего испытывал в первой половине дня, важно отметить, что он больше огорчался («нервы были расстроены»), нежели радовался. А это означает, что остальная часть дня, как правило, проходила у него в состоянии психического утомления, а возможно, истощения.

Моральную поддержку и подлинную любовь Николенька ощущал в первую очередь от своей матери — Натальи Николаевны, которая интуитивно чувствовала, что ее дети нуждаются в заботе и любви, в том числе после общения и занятий с Карлом Ивановичем. Наталье Николаевне Л. Толстой посвящает главу II повести («Матан»), что также не случайно. Наталья Николаевна выполняла в семье приоритетную для женщины (матери и жены) охранительную (можно сказать, *здоровьесберегающую*) функцию. Она спрашивала Карла Ивановича, как спали дети, внимательно всматривалась в их психическое состояние, хорошо понимая, что ее детям невозможно ждать от гувернера подлинного сочувствия и тем более любви. Она сразу замечала, если Николенька утром плакал, и спрашивала, о чем он плакал.

В главе не описываются взаимоотношения Натальи Николаевны и Николеньки, но из текста видно, как сильно и искренне любил Николенька свою мать (что, безусловно, являлось ответом на ее заботу и беззаветную любовь к нему). Он пишет о ней, как о любимом существе; ее глазах, выражающих всегда оди-

наковую доброту и любовь; ее сухой руке, которая так часто его ласкала и которую он так часто целовал; ее шитом белом воротничке (признак чистоты и опрятности); наконец, об ее улыбке, делающей ее лицо лучше и от которой кругом становилось весело.

В главе Л. Толстой представляет нам первый опыт своего *резюмирования*. Он пишет о том, что «в одной улыбке состоит то, что называется красотой лица: если улыбка прибавляет прелести лица, то лицо прекрасно; если она не изменяет его, то оно обыкновенно; если она портит его, то оно дурно» (с. 10). Эта мысль нам представляется важной и с психолого-педагогической точки зрения: улыбка характеризует душевные качества человека и оказывает влияние на окружающих его людей.

*III глава* («Папа»), как и следовало ожидать, посвящена отцу Николеньки — Петру Александровичу. Он показан «в делах» — дает указания приказчику Якову Михайловичу. Дети, которые вошли к нему в кабинет, чтобы с ним поздороваться, присутствуют при разговоре отца с приказчиком. Возможно, это было сделано отцом сознательно, чтобы показать детям «пример уверенности и настойчивости» в хозяйственных делах — ведь кто-то из них должен будет в будущем унаследовать имение. Здесь же отец сообщил детям, что нынче в ночь едет в Москву и берет с собой мальчиков, так как они «перестали быть маленькими» и им «пора серьезно учиться», мама же с девочками останется в деревне. Эта новость поразила детей *ужасно*, хотя по приготовлениям, происходившим в доме в последние дни, они ожидали чего-то необыкновенного. Николенька подумал, о том, что это событие предвещал ему сон (он видел во сне «будто мама умерла и ее несут хоронить»). Ему стало жалко мамушку, вместе с тем мысль, что он стал боль-

шой, радовала его. Радовало его и то, что, возможно, «классов не будет», но при этом ему было жалко Карла Ивановича — его, верно, отпустят, иначе не приготовили бы для него конверта с деньгами. «Уж лучше век учиться да не уезжать, не расставаться с матушкой и не обижать бедного Карла Ивановича. Он и так очень несчастлив!» (с. 13). В этих мыслях Николеньки, как и в быстрой перемене его настроения (переживания радости, как можно заметить, быстро сменяются у него огорчением и, наоборот) проявляется неустойчивость мотивационной сферы, что, безусловно, типично для человека детского возраста, каким он собственно и являлся. В то же время описанные переживания и мысли характеризуют Николеньку как человека эмоционально развитого — способного на сопереживание и сострадание (что свойственно более зрелым людям, а не детям).

Петр Александрович, как видно, интуитивно чувствуя, что неожиданным сообщением о поездке в Москву вызвал у своих детей эмоциональное напряжение, обещает взять их на охоту. Такой *ход* с психолого-педагогической точки зрения вполне оправдан, так как физические занятия регулируют и укрепляют психику детей.

Описанная в главе картина жизни свидетельствует о главенствующей роли отца в семье Иртеньевых, что типично для дворянского сословия России и вполне оправдано с социально-педагогических позиций. В то же время важно заметить, что педагогическое воздействие отца на детей носила в семье ситуативный (то есть эпизодический), а не систематический характер (мы в этом еще не раз убедимся по ходу анализа содержания повести).

На примере семьи Иртеньевых видно, что воспитанием детей занимались преимущественно гуверне-

ры, а со стороны родителей — их мать. Такой подход, к сожалению, противоречит современной (мотивационной) концепции воспитания. Как скажутся недостатки в домашнем воспитании на личности взрослого Николеньки, покажет, конечно, дальнейший анализ. Однако уже из первых глав повести видно, что Николенька слишком бурно переживает многие события жизнедеятельности и часто плачет. Так третью главу Л. Толстой заканчивает тем, что, *расчувствовавшись*, Николенька целует в морду любимую борзую собаку отца и плачет. Такая *чувственность* не может быть характерна для психически благополучного ребенка.

В первой главе уже описывался в общих чертах характер домашнего обучения мальчиков. В *главе IV* («Классы») этот процесс показан более детально. В описываемый день, после того как *папа* сообщил детям свое неожиданное решение о переезде в Москву, он все же (против ожидания Николеньки) послал их на занятия к гувернеру.

Но Николенька (в отличие от Володи) от расстройств не мог в этот день учиться. «Бессмысленно смотрел я в книгу диалогов, но от слез, набравшихся мне в глаза при мысли о предстоящей разлуке, не мог читать... Когда дело дошло до чистописания, я от слез, попавших на бумагу, наделал таких клякс, что будто писал водой на оберточной бумаге» (с. 13). «Карл Иванович рассердился, поставил меня на колени, твердил, что это упрямство, кукольная комедия (это было любимое его слово), угрожал линейкой и требовал, чтобы я просил прощения, тогда как я от слез не мог слова вымолвить; наконец, должно быть, чувствуя свою несправедливость, он ушел в комнату Николая и хлопнул дверью» (с. 14).

Затем Карл Иванович стал жаловаться слуге Николаю, что его прогоняют, потому что он не льстит и не потакает хозяину, что с ним поступают несправедливо и неблагодарно (напомним, Петр Александрович решил дать ему расчет, в связи с переездом мальчиков в Москву для продолжения учебы). Николенька (он вышел из угла и подслушал разговор) почувствовал горю Карла Ивановича. Ему было больно, что отец и Карл Иванович, которых он одинаково любил, не поняли друг друга.

Вернувшись в классную комнату, Карл Иванович велел Николеньке выйти из угла и начал диктовку, потом дал задание по истории, потом новые уроки. Он как бы мстил детям за обиду со стороны их отца.

Скука и аппетит, как отмечает Николенька, увеличивались в одинаковой мере, и он стал следить за признаками, доказывавшими близость обеда... Дело в том, что когда дворецкий Фока объявлял, что кушать готово, можно было бросить книги и, не обращая внимания на Карла Ивановича, бежать вниз...

Из описанной ситуации просматривается *церберский* подход Карла Ивановича к обучению мальчиков, проявляющийся в принуждении, назидании и унижении детей. Совершенно понятно, что пользы от такой учебы было мало, а вреда много (конечно, формировались знания, умения и навыки, но поскольку это происходило *через силу* у детей расстраивались и истощались нервы). Простая логика (даже без знания современной концепции воспитания) показывает, что хорошее настроение и нормальное психическое развитие ребенка (как текущее состояние и текущий процесс) куда важнее знаний, которые могут пригодиться ему только в будущем (*а могут, как известно, и не пригодиться вовсе!*).

Ясно и другое, Карл Иванович не любил то, чем занимался много лет. Гувернером он служил исключительно за жалованье (чтобы это понять, достаточно вспомним его реплику: «От того, что меня не будет, они не разбогатеют, а я, Бог милостив, найду себе кусок хлеба...»). Трудно поверить и в то, что он по-настоящему любил Володю и Николеньку (хотя о любви к ним он говорит слуге Николаю, но это делалось только, чтобы показать несправедливость со стороны их отца). Скорее всего, Карл Иванович за долгие годы службы научился внушать детям жалость к себе. Ведь именно это чувство больше всего испытывал Николенька к своему учителю.

В главе V («Юродивый») тема *воспитатель и воспитание* находит свое продолжение в лице Марьи Ивановны (Мими) — строгой гувернантки девочек. Она за обеденным столом все время делает замечания не только девочкам, но и Николеньке. Это его сильно раздражает: «И какое ей дело до нас... Пускай она учит своих девочек, а у нас есть на это Карл Иванович» (с. 17). Ясно, что реакция раздражения, вызываемая замечаниями со стороны гувернантки за обеденным столом, не способствовала усвоению пищи и не благоприятствовала психическому развитию детей.

Центральное место в пятой главе занимает разговор *мама* и *папа* о юродивом и других похожих на них людей. *Мама* жалела юродивого и кормила его. Но *папа* такая порода людей сердила, и он считал правильным, что их сажали в полицию. Со злорадством он говорил о том, что такие люди приносят только ту пользу, что расстраивают и без того слабые нервы некоторых особ (имелась в виду, судя по всему, *мама*). В этом разговоре *мама* не спорила, а *папа* понимая, что разговор не нравится *мама*, долго не распрощанялся...

Совершенно понятно, что разногласия родителей по отдельным обсуждаемым за обедом вопросам, отвлекали детей от приема пищи и создавали напряженную ситуацию выбора. В данном случае, обсуждая вполне взрослую (социальную) проблему, детям невольно предстояло решить: стать на сторону *чувств* матери, или на сторону *логики* отца? Дальнейшие события покажут, что Николенька был больше подвержен влиянию матери.

*Главы VI* («Приготовления к охоте») и *VII* («Охота») демонстрируют подлинный интерес, эмоциональный подъем и готовность (прежде всего мальчиков — Володи и Николеньки) к охоте, в том числе их искусство верховой езды: они старались одеться так, чтобы походить на настоящих охотников; радовались чаепитию (с мороженым и фруктами), которое должно было состояться после охоты; а главное — самой охоте — травли зайца (от радостного волнения пот капился с Николеньки градом). Однако для Николеньки охота закончилась драматично: он увлекся муравьями и другими насекомыми, прозевал появление зайца и раньше времени спустил собаку. Когда Турка — ведущий охотник заметил его ошибку и презрительно бросил: «Эх, барин!», Николенька расстроился до полного отчаяния.

Дети любят играть — это главное занятие их жизни. Это хорошо понимал Л. Толстой, поэтому *VIII глава* повести называется «Игры».

Когда детям дали мороженое и фрукты и на ковре, где после охоты все расположились, им делать было уже нечего, они отправились играть.

Решили играть в Робинзона (по сценам прочитанной книги). Но Володя был против. «Может быть... у него уже было слишком много здравого смысла и слишком мало силы воображения, чтобы вполне



наслаждаться игрою в Робинзона» — рассудил Николенька (с. 23). И правильно рассудил.

Девочки стали упрашивать Володю, и он согласился. Снисхождение Володи доставило остальным детям очень мало удовольствия; напротив, его ленивый и скучный вид разрушал все очарование игры. Дети изображали греблю, ловлю рыбы, охоту с палкой (вместо ружья). Володя все портил, охлаждал пыл.

В конце главы Л. Толстой от имени Николеньки высказывает очень правильную мысль: «Я и сам знаю, что из палки не только что убить птицу, да и выстрелить никак нельзя. Это игра. Коли так рассуждать, то и на стульях ездить нельзя» (с. 24). И далее он вспоминает, как раньше он, Володя и девочки накрывали кресло платками, делали из него коляску, три стула служили тройкой лошадей, и они отправлялись *в дорогу*. И какие приключения случались в этой дороге! И как весело и скоро проходили зимние вечера!.. Но если судить по-настоящему, то игры никакой не будет. А игры не будет, что же тогда остается?..

Последние слова подчеркивают жизненную необходимость игр для детей. И Николеньке, по большому счету, повезло — ему было с кем играть в детстве, что в значительной мере обусловило его физическое и психическое развитие.

В *главе IX* («Что-то вроде первой любви») Л. Толстым показано, что в десять лет у мальчика уже могут сформироваться половые чувства — в виде романтической и эротической любви. Предметом полового интереса для Николеньки стала близкая по возрасту Катенька — дочь гувернантки Мими. Его привлекало ее личико, шейка, плечико. Однажды плечико Катеньки оказалось так близко, что Николенька изо всех сил поцеловал его. Катенька не обернулась, но шейка ее и уши покраснели. Володя, не поднимая головы,

презрительно сказал: «Что за нежности?». А у Николеньки выступили слезы на глазах...

Важно отметить, что Николенька не стеснялся своей влюбленности в Катеньку: он не спускал с нее глаз, старался выглядеть умелым и грациозным наездником. Описанные половые чувства и поведение, как известно, более свойственны мальчику-подростку. Следовательно, можно считать, что в некотором роде Николенька развивался с опережением. Скорее всего, развитию его половых чувств способствовало присутствие в доме чужой девочки — дочери гувернантки Мими, но и, безусловно, любовь к нему со стороны матери.

Оказывал ли должное влияние на половое развитие и в целом на взросление Николеньки его отец, можно понять из *главы X* («Что за человек был мой отец?»).

В главе Николенька дает обстоятельную характеристику своему отцу: «Он был человеком прошлого века и имел общий для молодежи того времени неуловимый характер рыцарства, предприимчивости, самоуверенности, любезности и разгула... Две главные страсти его в жизни были карты и женщины; он выиграл в продолжение своей жизни несколько миллионов и имел связи с бесконечным числом женщин всех сословий... Он был знаток всех вещей, доставляющих удобства и наслаждение, и умел пользоваться ими. Конек его был блестящие связи... Он, как и все бывшие военные, не умел одеваться по-модному; но зато одевался оригинально и изящно... Все шло к его большому росту, сильному сложению, лысой голове и спокойным, самоуверенным движениям. Он был чувствителен и слезлив. Часто, читая вслух, когда он доходил до патетического места, голос его начинал дрожать, слезы накатывались, и он с досадой оставлял книгу... Бог знает, были ли у него какие-нибудь

нравственные убеждения?.. Жизнь его была полна увлечениями... он был счастлив в жизни»... (с. 25–26).

Из этой характеристики видно, что отец Николеньки был человеком развитым, оригинальным, увлекающимся, жил преимущественно для себя. Семья и дети были для него как дополнение личной жизни: женился он по расчету и детей заимел по обязанности. Неслучайно Николенька ничего не написал о том, чем и как отец с ними занимался. Судя по всему, Петр Александрович просто не считал нужным заниматься воспитанием своих детей. Эти обязанности были возложены на гувернеров и жену (мать). Внешне же он всегда демонстрировал своим детям пример ответственного отца (вряд ли они когда-нибудь видели его в неприглядном виде) и добропорядочного главы семьи (ведь он следил за хозяйством, поддерживал добрые отношения с женой, гувернерами и другими слугами). Этим он, безусловно, оказывал на детей определенное воспитательное воздействие. Тем более, что о его страсти к карточной игре и любовным похождениям дети до поры до времени ничего не знали, а когда узнали то, разумеется, не могли оценить всю пагубность этих увлечений. Таким образом, можно утверждать, что Петр Александрович не занимался должным образом воспитанием своих детей, прежде всего в силу отсутствия такой мотивации, а также из-за эгоистического характера и дурных страстей (или зависимостей), удовлетворение которых занимало все его свободное время. В то же время, умело скрывая от детей свои дурные наклонности, он с социально-педагогической точки зрения поступал вполне обосновано, так как не выступал дурным примером и не вызывал этим самым у них отрицательных реакций и переживаний. Для формирования детской психики это достаточно важно.

После возвращения с охоты дети не остались без внимания. В следующей *главе XI* («Занятия в кабинете и гостиной») автор пишет о том, что после возвращения с охоты мамап села за рояль, а дети, принесли бумаги, карандаши, краски и расположились рисовать около круглого стола. У Николеньки была только синяя краска, он затеял нарисовать охоту. Очень живо изобразив синего мальчика верхом на синей лошади и синих собак, он задумался — можно ли нарисовать синего зайца, и побежал к *папа* в кабинет посоветоваться об этом. *Папа* читал что-то и на вопрос: «Бывают ли синие зайцы?», не поднимая головы, отвечал: «Бывают, мой друг, бывают». Возвратившись к круглому столу, Николенька изобразил синего зайца, потом нашел нужным переделать из синего зайца куст. Куст ему не понравился; он сделал из его дерево, из дерева — скирд, из скирда — облако и, наконец, так испачкал всю бумагу синей краской, что с досады разорвал ее и пошел дремать на вольтеровское кресло.

Мамап играла второй концерт Фильда — своего учителя. А Николенька дремал, и в его воображении возникали какие-то легкие, светлые и прозрачные воспоминания. Она заиграла Патетическую сонату Бетховена, и он вспомнил что-то грустное, тяжелое и мрачное.

Отрадно заметить, что в семье Иртеньевых под вечер складывалась свободная обстановка, и дети занимались художественным творчеством в музыкальном сопровождении (заслуга мамап). А *папа* в кабинете со слугами вновь принимался за дела (или *занятия*), важность которых представлялась Николеньке очень большой.

В этот вечер произошло еще одно важное событие. *Папа* после разговора с Карлом Ивановичем

решил взять его вместе с детьми в Москву, объяснив это тем, что дети к нему привыкли, а «семьсот рублей в год никакого счета не делают», к тому же он (Карл Иванович) «славный малый». Безусловно, на это решение повлияло то, что в разговоре Карл Иванович разжалобил «чувствительного и слезливого» отца, сказав, что привык к детям и не знает, что будет делать без них, и что готов служить и без жалованья... В этой связи несуразной выглядела подготовленная Карлом Ивановичем записка, в которой он требовал, чтобы ему заплатили все деньги, издержанные им на подарки детям, и даже заплатили бы за обещанный ему подарок... Отметим, что эта записка (вместо того, чтобы вызвать негативную реакцию) только развеселила Петра Александровича (доказательство его доброго отношения ко всем домочадцам, включая гувернеров).

Интересна реакция и Николенки на эту записку: с одной стороны, он верит в искренность чувств Карла Ивановича, но с другой стороны, не понимает, каким образом согласуется предъявленный им счет с его словами о привязанности к ним и готовности служить без жалованья. Правда, на наш взгляд, состоит в том, что в сложившейся ситуации Карл Иванович вовсе не чувствовал свою привязанность и любовь к детям, о которой говорил, в его душе нарастали смешанные эмоции (ситуативные переживания), скорее всего — боязнь, огорчение, смятение, отчаяние, возмущение и другие, связанные с неопределенностью своего будущего и стремлением как-то материально продержаться до лучших времен. Это подтверждает ранее высказанную нами мысль о том, что Карл Иванович служил семье Иртеневых без энтузиазма и вдохновения, а исключительно за деньги.

В *главе XII* («Гриша») Л. Толстой вновь обращается к теме юродивого, но уже как объекту наблюдения со стороны детей (они подсматривали за ним из темного чулана).

Эмоциональная молитва Гриши перед иконой вызвала у Николеньки чувства удивления, жалости и благоговения. Он ощутил великую любовь Гриши к Богу, и это возбудило в нем чувства, которые, как он решил, никогда не умрут в его памяти.

Но когда чувство умиления у Николеньки стало проходить, в темном чулане он неожиданно ощутил близость Катеньки. Он бессознательно схватил ее руку в коротеньких рукавчиках за локоть и припал к ней губами... Возможно, этим эпизодом Л. Толстой хотел показать, что земная любовь (любовь к человеку) сильнее духовной любви (любви к Богу). По крайней мере, в детском возрасте иначе быть не может, ибо ребенок (в отличие от зрелого человека) живет преимущественно в пространстве (а не во времени) и живет сегодняшним, а не будущим днем.

Положительную роль в детской жизни Николеньки сыграла добрая старушка Наталья Савишна — ей посвящена одноименная *глава XIII* повести. В прошлом деревенская девка, она стала прислугой сначала бабушки, а потом матери Николеньки; «отличалась кротостью и усердием, верностью и привязанностью» к тем, кому служила. Замуж она не вышла, хотя полюбила по молодости бойкого официанта Фоку, но дед Николеньки этому сильно воспрепятствовал. Так она и состарилась в девах.

Когда татап вышла замуж, желая чем-нибудь отблагодарить Наталью Савишну за ее двадцатилетние труды и привязанность, она предложила ей вольную, но та с большой обидой (решив, что ее незаслуженно

гонят со двора) от этого отказалась, что сильно сблизило обеих женщин.

Николенька вспоминает:

«С тех пор, как я себя помню, помню я и Наталью Савишну, ее любовь и ласки; но теперь только умею ценить их, тогда же мне и в голову не приходило, какое редкое, чудесное создание была эта старушка. Она не только никогда не говорила, но и не думала, кажется о себе: вся жизнь ее была любовь и самопожертвование. Я так привык к ее бескорыстной, нежной любви к нам, что и не воображал, чтобы это могло быть иначе, нисколько не был благодарен ей и никогда не задавал себе вопросов: а что, счастлива ли она? довольна ли? <...> Бывало, под предлогом необходимой надобности, прибежишь от урока в ее комнату, усядешься и начинаешь мечтать вслух, нисколько не стесняясь ее присутствия. Всегда она бывала чем-нибудь занята: или вязала чулок, или рылась в сундуках, которыми была наполнена ее комнату, или записывала белье и, слушая всякий вздор, который я говорил, «как, когда я буду генералом, я женюсь на чудесной красавице, куплю себе рыжую лошадь, построю стеклянный дом и выпишу родных Карла Ивановича из Саксонии» и т.д., она приговаривала: «Да, мой батюшка, да» (с. 32).

Далее Николенька вспоминает единственный случай, когда он рассердился на Наталью Савишну. Случай был со скатертью, на которую он опрокинул графин с квасом за обедом. По указке татан, Наталья Савишна побила его мокрой скатертью, приговаривая «Не пачкай скатертей, не пачкай скатертей!». Его это так обидело, что он разревелся до слез, думая про себя «как она смела говорить мне ты и бить как дворового мальчишку», и даже подумывал, как ей отомстить. Но, увидев слезы ребенка, Наталья Са-

вишна стала его успокаивать и извиняться: «Полно-те, мой батюшка, не плачьте... простите меня, дуру... я виновата, уж вы меня простите, мой голубчик...» (с. 33). И угостила его двумя карамельками. От этого у Коленьки слезы потекли еще больше, но уже не от злости, а от любви и стыда.

Слезы от любви и стыда — это хорошие слезы. Они бывают только у честного и доброго человека. Есть все основания считать, что и честность, и доброта в Николенке сформировались в значительной степени под влиянием примера Натальи Савишны. Можно даже сказать, что Николенке повезло — он рос в окружении *абсолютно хорошего* человека.

*Главу XIV* Л. Толстой назвал («Разлука»). Когда ее читаешь, понимаешь, что главное в ней — прощание Николенки с маман.

Все время сборов Николенка старался быть беззаботным и нетерпеливым. Видимо, таким способом, он подсознательно защищался от тяжелых переживаний и предчувствий, связанных с разлукой с маман.

Но когда все встали (просидев около десяти секунд с закрытыми дверями, как делают по обычаю перед дорогой), и когда Николенка услышал дрожащий голос маман («Все-таки грустно!»), увидел ее дрожащие губы и глаза полные слез, он забыл про все и ему стало так грустно, больно и страшно, что хотелось бы лучше убежать, чем прощаться с нею. Он понял в эту минуту, что, обнимая отца, она уже прощалась с ними... И когда он, наконец, прильнул к ней, то плакал, плакал, ни о чем не думая, кроме своего горя. А потом, когда Николенка уселся на заднее место в коляску, он никак не мог собраться с духом выглянуть, чтобы посмотреть на маман еще раз... в последний раз ...

Он все же высунулся из коляски. В это время маман подошла с противоположной стороны коляски



и позвала его по имени. Он повернулся к ней, но так быстро, что они столкнулись головами. Она грустно улыбнулась и крепко, крепко поцеловала его в последний раз.

Когда коляска отъехали несколько сажен, Николенька вновь решился взглянуть на нее. Ветер поднимал голубенькую косыночку, которою была повязана ее голова; опустив голову и закрыв лицо руками, она медленно всходила на крыльцо. Фока поддерживал ее.

«Папа сидел со мной рядом и ничего не говорил; я же захлебывался от слез, и что-то так давило мне в горле, что я боялся задохнуться... Выехав на большую дорогу, мы увидали белый платок, которым кто-то махал с балкона. Я стал махать своим, и это движение немного успокоило меня. Я продолжал плакать, и мысль, что слезы мои доказывают мою чувствительность, доставляла мне удовольствие и отраду» (с. 35).

Способность Николеньки жалеть и сострадать (во время расставания ему стало жалко сестер, которые плакали, жалко Наталью Савишну, Фоку и даже злую Мими, но более всего было жалко маман...) — это признак его хорошего психического развития (нетипичного для ребенка его возраста). А его искренняя и большая привязанность к матери — доказательство того, что Наталья Николаевна правильно (без излишней опеки, с заботой, уважением и доверием) воспитывала своих детей, любила их здоровой любовью. Поэтому и они отвечали ей тем же.

*Главу XV («Детство»)* можно назвать определяющей в повести. Начинает ее Л. Толстой словами: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений» (с. 36).

В этой связи можно, видимо, говорить о том, что работа Л. Толстого над повестью «Детство», а затем и другими повестями «Отрочество», «Юность» имела для него большое психологическое, а значит, и социально-педагогическое значение. Возможно, именно «возвращение в детство, отрочество и юность», помогли ему сформироваться как писателю-психологу, писателю-педагогу, писателю-философу мирового значения.

Все содержание главы пронизано чувствами любви и благодарности к своей матери, которая своей *мягкой заботливостью* (нам не удалось найти более подходящей характеристики) обеспечивала главное — психическое и соматическое благополучие своих детей. Читая текст, понимаешь, что здоровый образ жизни детей обеспечивала, прежде всего их мать своей тотальной заботой (в этом, по нашему мнению, состоит главный метод материнского воспитания).

Автор пишет: «Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своем высоком креслице; уже поздно, давно выпили свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Маман говорит с кем-нибудь, и звуки голоса ее так сладки, так приветливы. Одни звуки эти так много говорят моему сердцу! Отуманенным дремотой глазами я пристально смотрю на ее лицо, и вдруг она сделалась вся маленькая, маленькая — лицо ее не больше пуговки; но оно мне все так же ясно видно: вижу, как она взглянула на меня и как улыбнулась... «Ты опять заснешь, Николенька (говорит мне маман), ты бы лучше шел на верх». Я не хочу спать, мамаша, ответишь ей, и неясные, но сладкие грезы наполняют воображение, здоровый детский сон смыкает веки, и через минуту забудешься и спишь до тех пор, пока не разбудят.

Чувствуешь, бывало, вприсонках, что чья-то нежная рука трогает тебя; по одному прикосновению узнаешь ее и еще во сне невольно схватишь эту руку и крепко, крепко прижмешь ее к губам» (с. 36).

Мамап еще несколько раз мягко обращалась к Николеньке, чтобы он не уснул в кресле и шел спать к себе (гладила по волосам своей нежной рукой и шептала над ухом ласковые слова). И всякий раз он еще крепче целовал ее руку... потом, вскакивал, обвивал руками ее шею и, задыхаясь, говорил: «Ах, милая, милая моя мамаша, как я тебя люблю!»

«Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будет твоей мамаша, ты не забудешь ее? не забудешь, Николенька?» — говорила мамап. И эти слова вызывали у Николеньки страшное предчувствие и ввергали его в отчаяние... «Полно! и не говори этого, голубчик мой, душечка моя!» — вскрикивал он, целуя ее колени. И слезы ручьями лились из его глаз — слезы любви и восторга... (с. 37).

Нет сомнения, что воспитательное воздействие таких переживаний для формирующейся души ребенка было очень значительно. Доказательством служило то, что уже в своей комнате Николенька сначала молился за спасение папеньки и маменьки, затем жалел Карла Ивановича (единственного человека, которого он считал несчастливым) и просил Бога дать ему счастья. Потом любовался своим игрушками (фарфоровыми зайчиком и собачкой), с которыми он привык вместе засыпать. Наконец молился о том, чтобы дал Бог счастья всем, чтобы все были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья...

Так через любовь к маменьке у Николеньки развивалась любовь ко всему человечеству — человеколюбие.

В конце главы Л. Толстой с сожалением вопрошает: «Вернуться ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная веселость и беспредельная потребность любви — были единственными побуждениями в жизни?» (с. 37).

Конечно, чтобы написать такие слова, надо хорошо (весело, беззаботно и в любви) прожить детство. Николеньке в этом отношении повезло — у него была любящая и заботливая мать. В то же время надо признать, что в описанном периоде жизни 10-ти летнего Николеньки (а глава, напомним, называлась «Детство») не было участия папеньки, роль которого, согласно современной концепции воспитания, в формировании личности ребенка должна быть приоритетной.

Если бы Петр Александрович занимался бы воспитанием Николеньки должным образом (а не просиживал вечерами, как минимум, за карточным столом), возможно, во взрослой жизни у его сына было бы больше счастья (ибо полноценное воспитание отца могло бы сделать из него более целеустремленного, уверенного и волевого человеком, чем он стал). В последнем мы убедимся при анализе отроческого и юношеского периодов жизни Николеньки. Грустная мысль («Неужели жизнь оставила такие тяжелые следы в моем сердце, что навеки отошли от меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?»), которой Л. Толстой завершает главу, по нашему мнению, не могла бы возникнуть у вполне счастливого человека.

Важный элемент воспитания детей в дворянской семье — подготовка к семейному празднику. В *главе XVI* («Стихи») Л. Толстой дает описание пережива-

ний Николеньки (уже в московской квартире бабушки) по случаю ее дня рождения, к которому все готовили подарки.

Володя решил подготовить рисунок, а Николенька написать стихи. Дело оказалось сложным. Он прочитал стихи Дмитриева и Державина, чтобы поучиться, но это ему не помогло, наоборот, убедило его в том, что он неспособный.

Он подсмотрел стихи у Карла Ивановича, взял их за основу и дописал конец «...и любил как родную мать». Последняя фраза (по существу единственная его собственная) очень раздражала Николеньку, так как в ней он видел ложь.

В главе описывается застенчивость Николеньки, которая усиливалась по мере приближения вручения подарка бабушке. Л. Толстой по этому поводу даже делает отступление, констатируя, что чем больше продолжается состояние (имеется в виду застенчивость), тем делается оно непреодолимее и тем менее остается решительности. Так последняя смелость и решительность оставили Николеньку, когда пришла его очередь вручать бабушке свой подарок. Он чувствовал, как кровь приливает к голове, на лбу и носу выступили крупные капли пота, уши горели, по всему телу чувствовал дрожь и испарину... Дрожащей рукой он подал бабушке измятый роковой сверток... Его испугало, что все прочтут его стихи и слова: «как родную мать», которые ясно докажут, что он никогда не любил и забыл ее... Страдания усилились, когда бабушка начала читать стихи вслух, не разбирая и останавливаясь, а потом, сославшись на слабое зрение, передала их *papa*, чтобы он прочитал их снова... Николенька ждал неприятных слов от бабушки и особенно от *papa*, но этого не случилось; напротив, когда все было

прочитано, бабушка сказала *прелестно* (по-французски) и поцеловала Николеньку в лоб...

Тяжелые переживания Николеньки, безусловно, признак слабости его нервной системы, стресс же еще больше ее ослаблял. Отцу следовало бы быть в курсе настроения сына и предупредить возникновение стресса, оказав ему должную помощь в подготовке к празднику. Но Петр Александрович этого не сделал. Судя по всему, он предпочитал только оценивать поступки своих детей (не зря Николенька ждал от него взбучки за неудачное сочинительство). Последнего не случилось (и вообще все мгновенно отрегулировалось и Николенька успокоился) благодаря мудрому поведению бабушки, которая была рада любому проявлению инициативы и творчества своих внуков. Николеньке, как видим, повезло с бабушкой, как повезло и с татан, которые были очень близкими людьми по складу ума, характеру и культуре.

Тема воспитания детей нашла развитие в *главе XVII* («Княгиня Корнакова»). Княгиня приехала поздравить бабушку и у них зашел разговор о детях и их воспитании.

Бабушку удивило, что в семье княгини детей наказывают (бьют розгами). По убеждению княгини, на детей (прежде всего на мальчиков), чтобы из них что-нибудь сделать, надо действовать страхом... наказывать розгами. Бабушка выразила сильные сомнения в эффективности такого метода воспитания, подкрепив свои сомнения следующими словами: «... каких после этого вы можете требовать деликатных чувств от ваших детей?». Эти слова не нуждаются в подробном комментарии: с социально-педагогической точки зрения бабушка Николеньки была абсолютно права.

«Какое счастье, что я не ее сын» — подумал тогда Николенька, а, целуя руку княгине, ясно представил в этой руке розгу...

Представляя Николеньку княгине, *papa* назвал его *маленьким с вихрами*, что сильно возмутило мальчика, так как он не считал себя красавцем и всякий намек на свою наружность больно его оскорблял. Здесь Николенька вспомнил слова матери, которая еще давно сказала, что с таким лицом его никто не будет любить; поэтому он должен стараться быть умным и добрым мальчиком. Эти слова убедили Николеньку в том, что он не красавец, но непременно будет добрым и умным мальчиком. Несмотря на это, в минуты отчаяния он воображал, что нет счастья на земле для человека с таким широким носом, толстыми губами и маленькими серыми глазами, как у него; и просил бога сделать чудо — превратить его в красавца... За красивое лицо он был готов отдать все, что имел в настоящем времени, и все, что мог иметь в будущем... (с. 44).

Такую *жертву*, по нашему мнению, можно ожидать только от подростка, причем, с девичьей душой. Следовательно, можно говорить о том, что Николенька опережал в развитии свой возраст (об этом нами уже говорилось). В то же время излишний интерес и претензии к собственной внешности (что более свойственно девочкам) свидетельствуют о его недостаточном половом воспитании со стороны отца.

Одним из гостей бабушки был князь Иван Иванович — ему посвящена *глава XVIII* повести.

Из текста видно, что Николенька восхищался князем и находился под его влиянием. Князь внушал ему уважение, равное, если не большее, тому, которое он чувствовал к бабушке... Благотворное воздействие на Николеньку, безусловно, оказала похвала князя за

написанные им стихи: «... может быть, это будет другой Державин» (с. 46).

Далее между бабушкой и князем состоялся разговор, который Николенька невольно подслушал. Сначала они говорили о воспитании детей. По мнению бабушки мальчиков «давно надо было прислать сюда, чтобы они могли чему-нибудь учиться и привыкать к свету...» (с. 46).

Потом они говорили о семейной жизни Николенькиных родителей. Бабушка говорила о том, что *тамап* — это ангельская доброта, которая во всем верит своему мужу, но тот не ценит, не понимает ее, что не взял ее с собой, чтобы шляться по клубам, обедам и Бог знает что делать... Князь в свою очередь защищал *papa*, говоря, что знает его давно, и знает за внимательного, доброго и прекрасного мужа и главное — за благороднейшего человека... (с. 47).

Разговор бабушки и князя дает основания задуматься, в какой семье воспитывался и рос Николенька — в благополучной или неблагополучной? На наш взгляд — скорее в неблагополучной, чем в благополучной. Ведь между родителями не было взаимной любви. Петр Александрович, как уже отмечалось нами выше, женившись по расчету, поддерживал со своею женой хорошие отношения и жалел ее, но больше жил вне семьи, так как имел сильное влечение к карточной игре и другим женщинам (и это находит подтверждение в данной главе). Что же касается Натальи Николаевны, то она, вероятно, готова была любить своего мужа всем сердцем, но, не видя взаимности, сдерживала свои порывы (любви и ревности) и молча страдала. В такой семье дети подсознательно бывают на стороне матери, так как чувствуют ее заботу и незаслуженные страдания. Отца же они уважают, так как он является главой семье, к тому же мать



(как добропорядочная жена) поддерживает в них это уважение.

Слушая разговор, Николенька, безусловно, чувствами своими был на стороне бабушки и татан, но доводы князя укрепляли в нем уважение к отцу. Борьба чувств, происходившая в душе Николеньки, привела его в сильное волнение (не случайно Л. Толстой об этом пишет в конце главы).

Как дети строят свои взаимоотношения? Какие чувства они при этом испытывают? И как это влияет на их воспитание и развитие? Ответить на эти вопросы позволяет содержание *главы XIX* повести («Ивины»).

В деревенской жизни, как помнится, у Николеньки не было друзей. Там он играл со своим братом, своей сестрой и Катенькой — дочерью гувернантки Мими. В Москве ему представилась возможность подружиться с братьями Ивиными. Николеньку поразила красота лица младшего из них — Сережи Ивина, он почувствовал к нему непреодолимое влечение...

Автор пишет: «Кроме страстного влечения, которое он внушал мне, присутствие его возбуждало во мне в не менее сильной степени другое чувство — страх огорчить его, оскорбить чем-нибудь, не понравиться ему: может быть, потому что лицо его имело надменное выражение, или потому, что, презирая свою наружность, я слишком много ценил в других преимущества красоты, или что вернее всего, потому, что это есть непрременный признак любви, я чувствовал к нему столько же страху, сколько и любви» (с. 48).

Когда Николенька встречался с Сережей, он не сводил с него глаз, следил за всеми его движениями, хотел взять за руку, поцеловать... Его восхищало в нем все: как он переносил боль, когда на всем бегу ударился коленом о дерево, его шалости, беспрестанный хохот, даже ненависть и жестокость по отноше-

нию к другому мальчику — Иленьке, который отличался слабостью и неуверенностью.

С одной стороны, Николеньке (по прошествии времени) «грустно вспоминать об этом свежем, прекрасном чувстве бескорыстной и беспредельной любви, которое так и умерло, не излившись и не найдя сочувствия» (с. 48). Но с другой стороны, ему стыдно, что, в момент соревнования в разных гимнастических упражнениях, поддавшись влиянию Сережи, он стал соучастником издевательств над слабым Иленькой, ... не защитил и не утешил его... «Куда девалось чувство сострадания, заставляющее меня, бывало, плакать навзрыд при виде выброшенного из гнезда галчонка или щенка, которого несут, чтобы кинуть за забор, или курицы, которую несет поваренок для супа?» — сокрушается Николенька. И заключает: «Неужели это прекрасное чувство было заглушено во мне любовью к Сереже и желанием казаться перед ним таким же молодцом, как и он сам? Незавидные же были эти любовь и желание казаться молодцом! Они произвели единственные темные пятна на страницах моих детских воспоминаний» (с. 51).

Какую любовь имел в виду Л. Толстой, описывая влечение Николеньки к Сереже? По нашему мнению — *бесполою любовь*, которая проявляется у взрослеющего человека (главным образом, в подростковом возрасте) как стремление познать себя через себе подобного. Такую любовь следует рассматривать как начальный этап полового созревания индивида. Следовательно, любовь к Сереже (даже с ее психическими издержками) должна была иметь для Николенькиного развития и полового созревания положительное значение. А то, что Л. Толстой посчитал нужным и сумел описать *бесполою любовь* Николень-

ки, — свидетельство его глубокого понимания законов человеческого развития.

Следующие четыре главы (XX «Собираются гости», XXI «До мазурки», XXII «Мазурка», XXIII «После мазурки») связаны с балом, который проводился в доме бабушки по случаю ее именин. Здесь по настоящему обнаружилось уже половые чувства взрослеющего Николеньки.

Николенька с нежностью описывает первую гостью «чудесную двенадцатилетнюю девочку» (ее платье, панталончики, башмачки, беленькую шейку, головку в русых кудрях, прекрасное личико, голые плечики — все в ласкательных формах). «Поразительной чертой в ее лице была необыкновенная величина выпуклых полузакрытых глаз, которые составляли странный, но приятный контраст с крошечным ротиком. Губки были сложены, а глаза смотрели так серьезно, что общее выражение ее лица было такое, от которого не ожидаешь улыбки и улыбка которого бывает тем обворожительнее» (с. 52).

Николенька краснеет, глядя на Сонечку (так звали «чудесную девочку» — дочку г-жи Валахиной), особенно, когда бабушка, восхищаясь ею, просит ее веселиться и танцевать как можно больше, взглядом указывая на двух кавалеров — его и Володю.

Когда приехала княгиня Корнакова и ее дети, Николенька отметил, что дочери на одно лицо, похожи на княгиню и дурны, а неуклюжий 15-летний мальчик Этьен был точно таким, каким мог быть мальчик, которого секут розгами. А далее в разговоре с Николенькой проявились все особенности дурного воспитания Этьена, который любит садиться на козлы, брать кнут и пугать им проезжающих; который жаден, лжив, не добр с прислугой, развязно ведет себя и невнимателен

к старшим, в том числе, как потом заметил Николенька, и к хозяйке дома — бабушке.

На протяжении бала все внимание Николеньки занимала Сонечка... Даже когда приехали Ивины, вместо удовольствия, которое Николенька обыкновенно испытывал при встрече с Сережей, он почувствовал какую-то странную досаду, что тот увидит Сонечку и покажется ей.

Николенька взволновался, когда не смог найти лайковых перчаток, чтобы танцевать с Сонечкой. Еще большую застенчивость вызвали у него подтрунивания бабушки, которая сделала его огорчение и стремление танцевать с Сонечкой достоянием всех (схватив Николеньку за левую руку, обращаясь к г-же Валахиной, она сказала по-французски: «Посмотрите, моя дорогая, как расфрантился этот молодой человек, чтобы танцевать с вашей дочерью»). Но общий смех (и особенно искренний смех Сонечки) был таким естественным, что вызвал у Николеньки сначала ответное веселье, а потом придал ему уверенности. В этой связи Л. Толстой делает важное, можно сказать, психологическое заключение: «Страдание людей застенчивых происходит от неизвестности о мнении, которое о них составили; как только мнение это ясно выражено — какое бы оно ни было, — страдание прекращается» (с. 56).

Чувство уверенности не покидало Николеньку на протяжении первой и второй кадрили, прежде всего благодаря Сонечке, которая активно поддерживала его как в танце, так и, что особенно было важно, в разговоре. Не в меру осмелев, он даже увел даму («большую девицу») из подноса молодого человека, пригласив ее на контрданс.

По после сильного победного возбуждения, как это часто бывает с эмоционально неустойчивыми

людьми, Николеньку постигло тяжелое психическое расстройство, связанное с неудачным исполнением мазурки.

Его участие в мазурке было не подготовлено и спровоцировано «большой девицей», которая подсунула ему в пару одну из дочерей княгини Корнаковой. И Николенька (вследствие вновь появившейся откуда-то неуверенности) вместо того, чтобы танцевать, затопал не в такт ногами, а потом совершенно остановился. Все стали смотреть на него: кто с удивлением, кто с любопытством, кто с насмешкой, кто со страданием, одна бабушка смотрела совершенно равнодушно. Обстановку разрядил *papa*, сказав на ухо Николеньки сердито по-французски: «Не нужно было танцевать, если не умеешь!» Он слегка отодвинул его, взял руку дамы и прошел с ней тур по-старинному, чем вызвал одобрение зрителей.

Страданию Николеньки не было конца: «Все презирают меня и всегда будут презирать... мне закрыта дорога ко всему: к дружбе, любви, почестям... все пропало!... противная княжна... зачем Сонечка улыбалась... зачем папа покраснел и схватил меня за руку? Неужели даже ему было стыдно за меня?... Вот будь тут мамаша, она не покраснела бы за своего Николеньку...» (с. 59).

И воображение Николеньки унеслось за милым образом матери. Он вспомнил луг перед домом, высокие липы сада, чистый пруд, над которым вьются ласточки, ... и еще много спокойных радужных воспоминаний носилось в его расстроенном воображении.

Возвращаясь назад, отметим, что управляла балом бабушка. Восседавая в кресле, она создавала и комментировала происходящие события, а также соответствующим образом реагировала на них. Она хорошо почувствовала романтическое настроение

Николеньки, его интерес к Сонечке и настроила их на взаимодействие. И в педагогическом плане поступила правильно. Однако затем она сделала ошибку — не почувствовала неготовность и боязнь Николеньки перед мазуркой и принудила его танцевать, а когда увидела его неуверенность и безволие, не смогла правильно отреагировать и успокоить внука. Не оказал нужную психологическую помощь сыну, хотя и отвлек от него внимание окружающих, Петр Александрович. Его слова (как приговор) только усугубили Николенькины страдания. В этой ситуации Николенька психологически поступил совершенно правильно, чтобы успокоиться, он мысленно обратился к самому дорогому существу — маменьке и всему хорошему, что с ней связано.

После мазурки один молодой человек, сев за детский стол, постарался отвлечь Николеньку от переживаний, он называл его молодцом, подливал ему вина из разных бутылок и заставлял выпить. Делал ли он это по доброте своей или хотел спровоцировать Николеньку на новые выходки, осталось неизвестным. Но в результате наш герой почувствовал теплоту во всем теле, особенную приязнь к своему веселому покровителю и чем-то очень и расхохотался. К нему вернулась уверенность, и ему вновь захотелось быть рядом с Сонечкой.

В этой ситуации, надо прямо сказать, Сонечка как барышня вела себя безукоризненно — своей веселостью и непосредственностью она вдохновляла Николеньку *на подвиги* и влюбляла его в себя...

Во время исполнения ими гротеска Николенька так осмелел, что «выделывал ногами самые забавные штуки: то, подражая лошади, бежал маленькой рысью, гордо поднимая ноги, то топал ими на месте, как баран, который сердится на собаку, при этом хох-

отал от души и не заботился о том, какое впечатление производит на зрителей» (с. 60).

Взглянув в этот момент на себя в зеркало, Николенька, сам себе начинал нравиться, но когда он всматривался в прекрасное личико своей дамы (в нем было столько изящества и нежной красоты), его вновь начинали одолевать мысли, что глупо надеяться обратить на себя внимание такого чудесного создания. Правда, потом (благодаря участию Сонечки) его душа вновь переполнилась счастьем и любовью, хотелось, чтобы это состояние никогда не прекращалось... хотелось плакать... А когда они проходили по коридору, мимо темного чулана под лестницей, Николенька подумал: «Чтобы это было за счастье, если бы можно было весь век прожить с ней в этом темном чулане! И чтобы никто не знал, что мы там живем» (с. 60). Эта совершенно детская фантазия свидетельствует о том, что 10-ти летний Николенька в какие-то моменты жизни бывал еще совсем *маленьким*.

Далее Николенька описывает, как собирали Сонечку домой (ее носик, пальчики, головку). Когда она кивнула головкой, Николенька был твердо убежден, что сделано это было для него...

Прощаясь с Ивиными, Николенька очень свободно, даже несколько холодно поговорил с Сережей и пожал ему руку. Тем самым он хотел показать, что тот потерял его любовь и свою власть над ним.

Интересна мысль, которую в этой связи высказал Л. Толстой от имени Николеньки: «Я в первый раз в жизни изменил в любви и в первый раз испытал сладость этого чувства. Мне было отрадно переменить изношенное чувство привычной преданности на свежее чувство любви, исполненной таинственности и неизвестности. Сверх того, в одно и тоже время разлюбить и полюбить — значит полюбить вдвое силь-

нее, чем прежде» (с. 61). Данная мысль показывает эволюцию половых чувств Николеньки: от *бесполой любви* к себе подобному (в форме преданности) к *половой любви* к девочке близкого возраста (в форме романтического переживания).

Общий вывод состоит в том, что балы в дворянских семьях имели большое педагогическое (воспитательное) значение. На них, как правило, приглашались люди своего круга. Дворянские дети (мальчики и девочки) в танцах и разговорах знакомились, воспитывались, развивались, а главное — осваивали половые роли. Важно отметить, что общение молодых людей происходило под присмотром родителей и других родственников, а значит, случайных связей между ними возникнуть практически не могло.

«В постели» — так называется очередная *глава XXIV* повести. В ней описывается как Николенька, лежа в постели, вспоминает события, имевшие место на балу, мечтает и рассуждает: «Как мог я так страстно и так долго любить Сережу?.. Он никогда не понимал, не умел ценить и не стоил моей любви... А Сонечка? Что это за прелесть!»... Он мысленно разговаривал с ней и слова *ты, тебе, с тобой, твои* встречались в нем беспрестанно. От сладостного волнения Николенька не мог уснуть, и ему хотелось поделиться с кем-нибудь избытком своего счастья. Он сказал Володе (который еще не спал), что он решительно влюблен в Сонечку и что когда он думает о ней, то ему делается грустно и хочется плакать...

Володя назвал Николеньку «дураком» и сознался, что у него «совсем не так»... что он хотел бы сидеть с ней рядом и разговаривать, а потом расцеловать ее пальчики, глазки, губки, носик, ножки — всю... (с. 62).

«Глупости!» — закричал Николенька из-под подушек. На что Володя презрительно ответил, что тот



ничего не понимает... что плакать незачем и что она «настоящая девочка»...

В этой словесной перепалке отчетливо проявилось неоднозначное отношение братьев к Сонечке, которое характеризует особенности их полового развития. Так, для Николеньки, очень эмоционального мальчика, который, скорее всего еще не вступил в фазу полового созревания, любовь это преимущественно созерцание и восхищение (то есть романтическое переживание), а для Володи (напомним, что он на год старше Николеньки и более рационален) любовь это больше общение и действие (то есть эротическое состояние). Разумеется, мы больше на стороне Николеньки, который полноценно переживает романтическую любовь (важный этап полового развития), чем на стороне Володи, который спешит (хотя и мысленно) залезть под юбку (видимо, в этом отношении он *повторяет* своего отца, который, как известно, имел связи с бесчисленным числом женщин всех сословий).

В главе XXV «Письмо» в полной мере раскрывается добрая, мудрая, любящая, бесстрашная (говоря языком бабушки, ангельская) душа Натальи Николаевны — маменьки Николеньки, которая, предчувствуя свою скорую смерть, пишет из деревни письмо мужу и детям.

Все письмо пронизано добротой, любовью и благодарностью к мужу и детям. Сначала Наталья Николаевна написала о том, как случилась болезнь, что промочила ноги, почувствовала озноб, а когда села играть с Любочкой в четыре руки, не смогла счесть такта, так как почувствовала странный шум в ушах, в жару и бреду ее положили в постель...

Потом она написала о «серьезном», коснувшись «положения дел мужа», «хабаровских денег» и его страсти к карточной игре: «...верно ты проиграл очень

много, о нисколько, божусь тебе, не огорчаюсь <...> я привыкла не только не рассчитывать для детей на твой выигрыш, но, извини, меня даже и на все твоё состояние <...> меня также мало радует твой выигрыш, как огорчает проигрыш <...> меня огорчает только твоя несчастная страсть к игре, которая отнимает у меня часть твоей нежной привязанности и заставляет говорить тебе такие горькие истины <...> Богу известно, как мне это больно! <...> я не перестаю молить Его об одном, чтобы Он избавил нас... не от бедности (что бедность?), а от того ужасного положения, когда интересы детей, которые я должна защищать, придут в столкновение с нашими»... (с. 64).

Далее Наталья Николаевна возвращается к давнишнему спору с мужем по поводу того, чтобы отдавать (или не отдавать) детей в учебное заведение: «Ты знаешь мое предубеждение против такого воспитания... умоляю тебя, из любви ко мне, дать мне обещание, что, покуда я жива и после моей смерти, если богу угодно будет разлучить нас, этого никогда не будет» (с. 64).

Заключительную часть письма она написала по-французски: «...я знаю, что не встану с постели <...> приезжай сейчас же и привози детей <...> Может быть, я успею еще раз обнять тебя и благословить их <...> я знаю, какой ужасный удар наносу тебе, постараемся же с твердостью и надеждой на милосердие Божие перенести это несчастье <...> мне осталось жить очень недолго <...> кончится ли вместе с жизнью моя любовь к тебе и детям? Я поняла, что это невозможно <...> Душа моя не может существовать без любви к вам <...> любовь моя никогда не оставит вас, и эта мысль так отрадна для моего сердца, что я спокойно и без страха ожидаю приближающейся смерти <...> я спокойна, но отчего же слезы давят меня? <...> За-

чем лишать детей любимой матери? Зачем наносить тебе такой тяжелый, неожиданный удар? Зачем мне умирать, когда ваша любовь делала для меня жизнь беспредельно счастливою?» (с. 65).

«Прощай, милый друг; помни, что меня не будет, но любовь моя никогда и нигде не оставит тебя. Прощай, Володя, прощай мой ангел, прощай, Веньямин — мой Николенька <...> Неужели они когда-нибудь забудут меня?!» (с. 65–66).

Эмоциональная сила письма очевидна, и оно должно было бы оказать сильнейшее воспитательное воздействие для Петра Николаевича. Наконец-то он должен был осознать, что теряет женщину, которую при жизни не смог оценить по достоинству, которая хорошо знала и прощала его дурные увлечения, так как любила безоглядно и преданно.

Другой педагогический вывод состоит в том, что у такой воспитанной, образованной, любящей и самоотверженной матери (можно сказать, *светлой личности!*), какой являлась Наталья Николаевна, дети не могли вырасти плохими. В этой связи примечательно ее негативное отношение к казенным учебным заведениям, в которых, как, правильно, она считала, слишком мало доброты и заботы, чтобы обеспечить ее детям должное воспитание и обучение.

*XXVI глава* «Что ожидало нас в деревне» и *XXVII* «Горе» — самые тяжелые, в них описывается болезнь и смерть Натальи Николаевны.

Важно отметить, что Петр Александрович, когда вышел из коляски, сразу пошел к больной, причем вместе с детьми. Показано волнение отца, который не скрывал его от детей («голос его был нетверд», «в глазах были слезы», «он шел на цыпочках, едва переводя дыхание и крестился»...). Наверное, в этот момент Николенька, впервые увидев слабость отца,

больше сочувствовал ему, чем переживал сам. Лишь в комнате маменьки он прочувствовал сильное горе, его восприятие обострилось, и он на всю жизнь запомнил мельчайшие подробности той ужасной минуты — прежде всего глаза и страшный, ничего не видящий, взгляд папан...

Мапан скончалась в ужасных страданиях, но Николенька и другие дети не присутствовали при этом. Взрослые оградили детей от этой страшной сцены, чтобы пощадить их психику. При последних минутах жизни матушки были отец, Наталья Савишна и доктор Иван Васильевич.

Спустя некоторое время, Николенька все же расспросил Наталью Савишну о последних минутах жизни матушки. Почему он хотел это знать, ведь так страшно? Ответ прост: Николенька всегда ощущал любовь своей матушки и любил ее. Взаимное чувство (сочувствие) объединяло их и усиливало психическое родство. На наш взгляд, именно благодаря любви матери мотивация сочувствия оказалась в Николеньке сильнее страха смерти. Он вновь (в последний раз) хотел ощутить и любовь матери к себе, и свою любовь к ней, и удовлетворить потребность в сострадании... Благодаря рассказу Натальи Савишны, это, безусловно, произошло — матушка и в последние минуты жизни была с ним...

На другой день, когда матушка уже лежала в гробу, Николеньке захотелось еще раз взглянуть на нее; преодолев невольное чувство страха, он тихо отворил дверь и на цыпочках вошел в залу... Его вновь поразило лицо папан (строгое, холодное, величественное, выражающее неземное спокойствие) и холодная дрожь пробежала по его спине и волосам... «Он не спускал с ее лица глаз, а воображение рисовало картины, цветущие жизнью и счастьем... Он воображал ее то

живою, веселою, то вспоминал ужасную действительность... Мечты заменяли действительность, и снова сознание действительности разрушало мечты... Когда воображение устало, на время он потерял сознание своего существования и испытал какое-то высокое, неизъяснимо-приятное и грустное наслаждение» (с. 69).

Л. Толстой точно подметил, что Николенька (*как ребенок*) психологически не способен был отдаться горю полностью, поэтому часто отвлекался и наблюдал за другими людьми... В то же время Николенька (практически как взрослый) презирал себя за то, что печаль его была неискренна и неестественна и старался возбуждать в себе сознание несчастья. ...Во время панихиды он прилично плакал, крестился и кланялся в землю, но не молился в душе и был довольно хладнокровен; заботился о том, что новый полуфрачек, который на него надели, очень жал под мышками, думал о том, как бы не запачкать слишком панталон на коленях, и украдкой делал наблюдения над всеми окружающими. Отец ему не понравился тем, что даже в горестную минуту был эффективным (его движения были как всегда грациозны и уверены, когда он крестился, кланялся, брал свечку и т.д.). Мими показала ему притворно рыдающей. В детях (Любочке, Володе и Катеньке) он не увидел ничего неожиданного. Все же посторонние были ему несносны: «Какое они имели право говорить и плакать о ней?» (с. 70). Последняя мысль показывает, что матушкину любовь (как и свою привязанность к ней), Николенька ни с кем не хотел делить. Кроме, как показало содержание последней главы XXVIII «Последние грустные воспоминания», с Натальей Савишной. К ней Николенька пришел по привычке накануне погребения, чтобы полежать на ее постели. Они вместе поплакали и Наталья Савишна рассказала историю матушки, ко-

торая, оказывается, ее очень любила и любовно называла «Нашей». Беседы с Натальей Савишной повторялись каждый последующий день. И как отмечает Николенька, «ее тихие слезы и спокойные набожные речи доставляли ему отраду и облегчение» (с. 74).

Далее описывается, как пережила смерть татам бабушка. Горе привело ее в полное отчаяние. Целую неделю она находилась в беспамятстве, не принимала лекарств, пищи, не с кем ни говорила и не спала. Но потом она пришла в себя и первую мыслью ее, как отмечает Николенька: «... были мы, и любовь ее к нам увеличилась. Мы не отходили от ее кресла; она тихо плакала, говорила про татам и нежно ласкала нас» (с. 74).

В этой связи Л. Толстой делает важное заключение: «Только люди способные сильно любить, могут испытывать и сильные огорчения; но та же потребность любить служит для них противодействием горести и исцеляет их» (с. 74).

Со смертью матери, как отмечает Николенька, окончилась для него счастливая пора детства и началась новая эпоха — эпоха отрочества. Смерть любимой матушки сделало это взрослее, а общение особенно в последние дни с Натальей Савишной оказало на него столь сильное и благое влияние, что она, как и мать, осталась в его памяти навсегда.

Наталья Савишна, вся жизнь которой была «чистая, бескорыстная любовь и самоотвержение», после смерти любимой барыни прожила чуть больше года и «умерла без сожаления и страха».

О том, что две женщины (матушка и преданная ей Наталья Савишна) сыграли определяющую роль в детской жизни Николеньки свидетельствуют слова, завершающие повесть.

«Ее (Наталью Савишну. — Г.З.) похоронили, по ее желанию, недалеко от часовни, которая стоит на могиле матушки. Заросший крапивой и репейником бугорок, под которым она лежит, огорожен черною решеткой, и я никогда не забываю из часовни подойти к этой решетке и положить земной поклон. Иногда я молча останавливаюсь между часовней и черной решеткой. В душе моей вдруг пробуждаются тяжелые воспоминания. Мне приходит мысль: неужели Проведение для того только соединило меня с этими двумя созданиями, чтобы вечно заставить сожалеть о них?..» (с. 76).

Итак, можно утверждать, что смерть Натальи Николаевне тяжелее всех пережила Наталья Савишна, которая «искренне и чисто любила и сожалела о маман». Л. Толстой пишет: «Горе, перемена образа жизни и отсутствие хлопот скоро развили в ней старческую болезнь, к которой она имела склонность» (с. 75). Тяжело пережила смерть любимой дочери бабушка, но она, как было уже отмечено, сумела выжить и восстановиться, благодаря силе любви и готовности перенести эту любовь на других не менее дорогих для нее людей — внуков. Страдания Петра Александровича, скорее всего, носили эпизодический характер и поэтому не отразились на его здоровье. Дети, судя по всему, также перенесли горе относительно легко — без серьезных последствий для здоровья. В этом можно было убедиться даже на примере Николеньки, хотя он (как наиболее чувствительный) переживал горе сильнее других детей. Николенька, вспомним, часто отвлекался, забывался, наблюдал, размышлял, даже испытывал ложное чувство наслаждения (что он несчастлив), сопереживал, но сам сильно, тем более продолжительно не переживал. В этом состоит особенность психики ребенка, которая регулируется не столько его сознани-

ем, сколько подсознанием, выполняющим, в том числе защитную функцию. Одновременно важно понять, что пережитое имело для Николеньки очень сильное последствие: вечно сожалеть о матушке — значит, всю жизнь быть под влиянием ее светлого образа. И действительно, запечатлевшийся в памяти Николеньки образ матушки, часто возникал у него в трудные минуты, поддерживал дух и определял его поступки. В этом можно убедиться, читая следующие повести Л. Толстого «Отрочество» и «Юность».

Заключая и одновременно забегая вперед, выскажем еще одну мысль, связанную с переживанием Николенькой человеческой смерти: Л. Толстой (*гений!*) совершенно правильно заметил, что Николенька-ребенок легко перенес горе (а ведь это была смерть самого близкого человека — матери), потому что являлся еще существом преимущественно *биологическим*, воспринимающим мир в основном глазами; в подростковом возрасте (когда умрет его бабушка — не менее близкий человек) он также не будет сильно страдать, но уже задумается (как существо уже больше *психическое*, воспринимающее мир в основном *нутром*), что сам когда-нибудь умрет, и его также будут хоронить, имитируя горе, и ему станет очень жалко самого себя; и лишь спустя годы, став взрослым, он по-настоящему (*социально*) прочувствует горе потери дорогих ему людей, прежде всего своей матери, и будет приходить на ее могилу... И будет плакать, плакать...



Необыкновенная наблюдательность и интуиция Л. Н. Толстого позволили ему в повести «Детство» психологически полно и правдиво выстроить хроно-



логию жизнедеятельности дворянского отпрыска Николеньки Иртеньева и показать значение отдельных событий, явлений, а также отдельных лиц в его воспитании и развитии. Ни у исследователя, ни тем более у обычного читателя не возникает мысли, что в повести что-то упущено — какое-то событие, действие или встреча. Восхищает способность Л. Н. Толстого проникнуть в психику человека в период окончания его детства — счастливой поры жизни. В этой связи важно напомнить, что сам Л. Н. Толстой во время работы над повестью был молодым человеком, и «возвращение в детство» — как воспоминание, возвышающее душу (эта мысль принадлежит самому Л. Н. Толстому), — скорее всего, благоприятствовало его личностному и писательскому совершенствованию.

Характеризуя общее развитие Николеньки, прежде всего, отметим, что в 10 лет он был хорошо физически развит. Об этом свидетельствует его искусство ездить верхом, интерес к подвижным играм и гимнастическим упражнениям. Труднее охарактеризовать психический (точнее, нравственно-психический) статус Николеньки. Его настроение не было стабильным: позитивные переживания быстро сменялись отрицательными, причем последние преобладали, особенно, когда он жил в деревне (первая половина дня здесь, как правило, проходила под тотальным контролем гувернера немца Карла Ивановича, который в своей практике применял ложные педагогические методы — принуждение и наказание, вызывающие скуку, досаду и грусть, истощающие нервную систему). Неудивительно, что Николенька часто плакал, то есть рос не вполне уверенным в себе человеком. В то же время, слезы от любви и стыда (они, обычно, проявлялись у него в общении с татап и экономкой Натальей Савишной) свидетельствовали о развитости его души, доброте и честности. А способность жалеть других людей, сопереживать и сострадать им, а также презирать

себя за отдельные свои мысли, чувства и поступки, что более свойственно взрослым людям, нежели детям, говорит о том, что его общее воспитание осуществлялось в правильном направлении.

Большое внимание Л. Н. Толстой уделяет половому статусу 10-летнего Николеньки. У героя повести уже проявились потребности в сфере половых отношений. Сначала — по отношению к дочке гувернантки Мими — Катеньки, которая в какой-то момент понравилась Николеньке своим личиком и которую он несколько раз украдкой, неожиданно для самого себя поцеловал (в плечо и руку). Л. Н. Толстой не объясняет мотивы такого поведения. По нашему же мнению, в этих случаях Николенька (на подсознательном уровне) испытывал, запоздалую (более свойственную 5–7-летним детям) потребность сыграть определенную половую роль (молодца, рыцаря, кавалера), тем более, что в играх (вместе с братом Володей, сестрой Любочкой и Катенькой) он часто исполнял определенные роли, навеянные прочитанными книгами. Возможно, если бы Катенька ответила на игровое действие Николеньки соответствующим образом, то между ними сложились более устойчивые и полезные для их психосексуального развития игровые полоролевые отношения. Но этого не случилось, так как Катенька, отреагировав на поцелуи Николеньки удивлением, показала, что она взрослее его.

По всей видимости, в детстве Николенька не игрался вдоволь в солдатиков и другие «мальчишеские» игрушки и мало играл в полоролевые игры. Поэтому в 10-летнем возрасте он «комплексовал» по поводу своей внешности, с которой, как считал, невозможно рассчитывать на любовь противоположного пола. Презируя свою наружность, он слишком высоко ценил в других преимущества физической красоты. Возможно, это обусловило возникновение у него «страстного влечения» (которое мы определили как «бесполоую лю-

бовь») к красивому мальчику — Сереже Ивину. Сережа, скорее всего, стал для Николеньки своеобразной (а главное, доступной) «моделью» для проверки своих эротических способностей. И хорошо, что «прекрасные чувства бескорыстной и беспредельной любви», сыгравшие, безусловно, важную роль в половом развитии Николеньки, не нашли сочувствия у Сережи, иначе неизвестно, чем бы это закончилось. А так, случилось то, что должно было случиться — у Николеньки возникла любовь (скорее романтическая, чем эротическая) к обворожительной и веселой девочке Сонечке — дочке г-жи Валахиной. Это чувство запечатлелось в эмоциональной памяти Николеньки навсегда; периодически вспыхивая, оно побуждало его размышлять на вечную тему любви...

Наибольшее педагогическое воздействие на Николеньку оказывала мама — Наталья Николаевна. Можно сказать, что материнскую заботу и психологическую поддержку с ее стороны он ощущал постоянно, даже смертельно больная, она не переставала волноваться о нем и других детях. Можно смело сказать, что в общении с Николенькой и другими своими детьми Наталья Николаевна исполняла основные правила «здоровьесозидающего» воспитания. Причем, делала она это по внутреннему побуждению и интуиции, вследствие своей высокой общей воспитанности и развитости, а не на основании каких-то знаний. Так, вторую половину дня и особенно вечер она, как правило, проводила с детьми в гостиной, где они играли, занимались творчеством (например, играми на рояле в две руки), разговаривали (она ненавязчиво с ними общалась) и даже дремали (последнее часто случалось с Николенькой). Она всегда была в курсе настроения своих детей, никогда не драматизировала ситуацию, подготавливала их к потенциально трудной ситуации (в том числе, к своей скорой смерти), никогда сама не наказывала своих детей (хотя, судя по ее снисходительному отно-

шению к методам наказания, применяемым Карлом Ивановичем, считала, что без этого не обойтись). Одновременно, интуитивно чувствуя, что после общения и занятий с Карлом Ивановичем, ее дети нуждаются в психическом успокоении, она дарила им свою заботу и любовь. С детьми Наталья Николаевна была честной и старалась отвечать на все их вопросы (например, когда за обедом завелся разговор о наружности Николеньки, она сказала, что он лицом некрасив, поэтому чтобы его любили, ему надо расти добрым и умным мальчиком). Она постоянно подавала пример справедливости и доброты, самоконтроля и терпения. Так, она никогда не ссорилась с мужем при детях, хотя знала, что он проводит свободное времени непристойно — в карточной игре и со случайными женщинами.

Светлый образ любимой мамы и общение с ней, скорее всего, вызвали у Николеньки прежде всего жалость и сочувствие, поэтому под ее влиянием он рос «чувственным» мальчиком. Но если бы он увидел в своей матушке не только добрую и любящую, но еще и красивую независимую женщину, возможно, в нем образовалось бы больше мужественности.

Кроме мамы душевный комфорт Николеньки обеспечивала еще одна добрейшая женщина — экономка Наталья Савишна, в комнату которой он тайком приходил отдохнуть от Карла Ивановича и его «классов», которая терпеливо слушала всякий «вздор» мальчика, помогая тем самым улучшить ему настроение и восстановить силы.

Позитивное влияние на Николеньку оказывали и другие взрослые: бабушка — своим уважением, моральной поддержкой и пониманием запросов внуков (балы, которые она давала для детей, имели исключительное значение для их воспитания и развития); князь Иван Иванович — своей образованностью и твердостью характера; г-жа Валахина — своей привлекатель-

ностью и благосклонностью. В целом позитивное, но совершенно недостаточное, влияние на Николеньку оказывал папа — Петр Александрович, который поддерживал в детях уважение к себе своей оригинальностью, многозначительностью (правда, больше показной, чем подлинной) и эмоциональностью (в этой связи важно отметить, что уважение к отцу больше воспитывалось не им самим, а татан, которая всегда о нем говорила только хорошее, и это еще раз доказывает ее правильное понимание сущности воспитания).

Недостаточность воспитания со стороны отца состояло в том, что он практически не занимался приоритетной для себя деятельностью — «чистой» педагогикой (не играл с детьми, не участвовал в их творческих делах, редко с ними разговаривал на интересующие их темы, не проводил с ними экскурсий, редко выводил «в свет»). Его влияние было упрощенным и состояло в контроле за их учебой и поступками. Правда, он всегда, хотя и внешне, демонстрировал им пример ответственного и порядочного отца, что, безусловно, имело немаловажное значение в их воспитании. И все же, при более полноценном воспитании со стороны отца, безусловно, Николенька рос бы более уверенным и волевым человеком.

В целом можно сказать, что большинство взрослых людей окружавших Николеньку и общавшихся с ним создавали благоприятную для его развития и здоровья социальную среду обитания. Исключение составляла только княгиня Корнакова, которая вызывала у Николеньки (как, впрочем, и у бабушки, что он сумел заметить) неприязнь за то, что в воспитании собственных детей применяла розги, а также сын княгини (самодовольный и жадный) и ее «безликие» дочери.

Общему развитию Николеньки способствовали другие дети — старший брат Володя (своей серьезностью), сестра Любочка (своим простодушием), дочка

гувернантки Мими — Катенька (своим белокуреньким личиком), Сережа Ивин (своей холодной красотой и мужественностью), а в последнее время Сонечка (своей нежной красотой и игривостью). «Домашние» дети (Володя, Любочка и Катенька) служили для Николеньки компанией для осуществления различных игр — это способствовало общему развитию всех участников. Половому развитию Николеньки способствовала Катенька, которая вызвала в нем первые половые реакции (в этой связи, видимо, полезным для мальчиков следует признать то, что в доме, наряду с сестрой, проживала чужая девочка, во взаимоотношения с которой они могли вступать). Большое значение для формирования полового статуса Николеньки сначала имел красивый Сережа Ивин, страстное «бесполое» влечение к которому способствовало самопознанию, в том числе познанию собственной эротической чувствительности, а затем прелестная Сонечка, которая своим «дамским» поведением возбуждала в нем (как кавалере) возвышенные (романтические) половые чувства.

Совершенно вредной для здоровья Николеньки и других детей следует считать так называемую «педагогическую» деятельность гувернеров. В первую очередь это относится к невротичному Карлу Ивановичу, который имитировал то доброго, то несчастного человека («сироту»); последнее, видимо, для того, чтобы внушить Николеньке чувство жалости и сострадания к себе. И это ему удавалось, возможно, потому, что такие чувства преобладали в душе у Николеньки, благодаря общению с татан. На наш взгляд, Карл Иванович занимался в сущности не своим делом: учил детей скучно — путем принуждения и контроля (то есть примитивно и формально), а за «упрямство» (точнее — за неуспехи в учебе) ставил ученика на колени, угрожал линейкой и требовал просить прощения даже, когда те «от слез не могли слова вымолвить». Схоже занима-

лась воспитанием Любочки «притворная» гувернантка Мими, которая умудрялась давать наставления и делать замечания детям даже за обеденным столом, что, например, у Николеньки, который только входил «во вкус какого-нибудь кушанья» вызывало ненависть.

Разумеется, нельзя винить ни Петра Александровича, ни Наталью Николаевну за то, что они взяли для воспитания своих отпрысков гувернеров — в дворянских домах было принято приглашать иностранцев для овладения детьми иностранными языками, общими знаниями, музыкой, танцами и пр. И в этом было свое рациональное зерно, что интуитивно чувствовала Наталья Николаевна: ведь лучше иметь «своих» (подконтрольных) гувернеров, чем отдавать детей в казенные учебные заведения, где преобладали муштра, зубрежка и жестокость по отношению к обучающимся.

Смерть и похороны самого дорого человека — матери, Николенька пережил со смешанными чувствами, больше наблюдая в эти трагические дни за другими людьми и их поведением. По-настоящему горе потери матери он переживет много позже, когда став взрослым, будет приходить на ее могилу и плакать.

## «ОТРОЧЕСТВО»

Отрочество как «новая эпоха» началась для Николеньки Иртеньева после смерти матери. Этот факт, отмеченный Л. Толстым еще в повести «Детство», лишний раз подтверждает, что первостепенную роль в его детской жизни играла мама. Дальнейшая его жизнь продолжалась без нее, и как это сказалось на его воспитании, развитии и здоровье, можно видеть из повести «Отрочество».

...Через три дня после похорон весь дом поехал в Москву... В дороге (ей посвящена *глава I* повести «Поездка на долгих») Николенька замечает: «Мне нисколько ни грустно: умственный взор мой обращен не на то, что я оставляю, а на то, что ожидает меня. По мере удаления от предметов, связанных с тяжелыми воспоминаниями, наполнявшими до сей поры мое воображение, воспоминания эти теряют свою силу и быстро заменяются отрадным чувством сознания жизни, полной силы, свежести и надежды» (с. 77).

Как видим, Л. Толстой *психологически* точно подметил, что подросток (как и ребенок) не способен жить прошлым (возвращаться к прошлому свойственно в основном взрослым людям). Подростка, в силу актуализирующихся у него идеальных (*психических*) потребностей и, прежде всего потребности в самопознании, интересует главным образом только то, что связано с ним самим, причем в настоящем времени. Его формирующаяся психика требует позитивных ощущений, переживаний и действий. Неслучайно окружающая обстановка (весенняя природа, утренние хлопоты на постоялом дворе, деревня, в которой остановились обедать, и пр.) «развлекает внимание» Николеньки и вселяет в его душу «отрадные чувства»... Он смотрит вокруг и задает себе вопросы. Так, когда в поле зрения попадает красная крыша барского дома, он задается вопросами: «Кто живет в этом доме? есть в нем дети, отец, мать, учитель? Отчего бы нам не поехать в этот дом и не познакомиться с хозяевами?» (с. 79). Когда Николенька обращает внимание на верстовые столбы и на цифры, выставленные на них, это побуждает его заняться вычислениями: сколько проехали и сколько осталось? А когда слуга дает Николеньке возможность сесть на козлы и *поправить* бричкой, он чувствует себя совершенно счастливым.



Вспомним, в детстве Николенька развивался с опережением, прежде всего в психическом отношении. Это дало основания говорить о достаточно правильном направлении его воспитания, осуществляемым в основном матерью. Содержание первой главы повести «Отрочество» свидетельствует, что психика Николеньки продолжает позитивно развиваться, что вполне соответствует подростковому периоду его индивидуального развития.

Во главе II «Гроза» описаны перемены в настроении Николеньки, связанные с приближением, наступлением и окончанием грозы.

В период приближения сильной грозы «отрадные чувства» сменяются у него преувеличенным переживанием страха за собственную жизнь. Этот страх затем перерастает в чувство холодного ужаса, когда на мосту ломается бричка и из-под моста неожиданно вылезает просящий подаяние уродливый нищий... Но когда гроза проходит, Николенька испытывает невыразимо отрадное чувство надежды, быстро заменяющее в нем тяжелое чувство страха. «Душа моя улыбается, так же как и освеженная, повеселевшая природа» (с. 83).

В описанной перемене настроения Николеньки Л. Толстой (*как тонкий психолог*) заметил важную закономерность. Когда человек сам себе интересен и ему очень хочется жить, умирать, конечно, страшно. Отсюда преувеличенное переживание даже незначительной опасности и связанного с ней страха. Но когда опасность, вызвавшая страх, минует, его собственная жизнь, кажется ему еще более привлекательной, чем была до этого. Такие сильные, хотя и типичные для подростка переживания, безусловно, небезопасны для его здоровья. Педагогический вывод состоит в том, что подростка надо учить

адекватно оценивать различные ситуации, в том числе природные явления, чтобы он не страдал от сильных отрицательных эмоций (Николеньку, как видно, никто этому не учил).

В *главе III* «Новый взгляд» Л. Толстой возвращается к отношениям Николеньки с Катенькой (дочкой гувернантки Мими), с которой он (когда еще они жили при матушке в деревне) вместе играл и которая ему нравилась (напомним, что тогда он неожиданно для самого себя несколько раз поцеловал эту девочку, но она, однако, никак не ответила на его эротические порывы).

Около года спустя, на пути в Москву Николенька оказался в одной бричке с Катенькой, что послужило основанием для нового взгляда на их отношения... Николенька заметил, что Катенька сильно изменилась — стала грустной, а главное стала отдаляться от него и других детей. Когда же в разговоре Катенька сначала сказала об их имущественном неравенстве («Вы богаты — мы бедны»), затем о том, что рано или поздно она и ее мать будут вынуждены уехать от них, и, наконец, сказала, что, когда это случится, она уйдет в монастырь (после чего заплакала), в Николенькином сознании все перевернулось — произошла «моральная перемена», с которой, как он считает, и началось его отрочество.

По поводу произошедшей в душе Николеньки «моральной перемены» Л. Толстой пишет: «Мне в первый раз в жизни пришла ясная мысль о том, что не мы одни, то есть наше семейство, живем на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами, не заботящихся о нас и даже не имеющих понятия о нашем существовании» (с. 86).

С этого времени Николенька стал по-иному смотреть на других людей и задаваться вопросами: как и чем они живут, как воспитывают своих детей, учат ли их, пускают ли играть, как наказывают? и т.д. В подобных вопросах и ответах на них, безусловно, формируется *смысловая сфера* подростка — основополагающий компонент его психического развития. Актуальным для него в этот период становится также стремление *заглянуть* в чужую жизнь, ведь только через изучения других людей возможно в будущем познание собственной особенности (уникальности). Таким образом, произошедшая в сознании Николеньки *моральная перемена* в форме нового взгляда на известные ему ранее вещи и предметы, безусловно, является важным фактором его психического развития.

Перемену в своих взглядах Николенька еще сильнее почувствовал в Москве (об этом содержание *главы IV «В Москве»*).

В бабушке он заметил старость и слабость, поэтому стал ее жалеть, а не бояться. Неожиданно он понял, что они (дети) ей дороги не сами по себе, а только как воспоминание о любимой дочери (их матушки). Заметно ухудшилось отношение Николеньки к *papa*, который практически перестал заниматься детьми и встречался с ними «с вечно озабоченным лицом» только за обедом. Карл Иванович, который изменил свою внешность (стал носить рыжий парик), показался ему странным и смешным. Николеньку даже удивило, почему он раньше не замечал его странностей... Между девочками и ними (мальчиками) появилась какая-то невидимая преграда — появились свои секреты. А Мими вышла к обеду в пышном платье, чего никогда не было в деревне (с. 87).

Итак, можно говорить о том, что Николенька становится другим человеком и люди, которые окружа-

ли его раньше и теперь, уже не могут удовлетворить его потребностей. Именно поэтому все они вдруг становятся для него неинтересными, почти чужими. И в них он начинает видеть преимущественно недостатки. Конечно, сам Николенька не понимает, чего ему хочется, и что с ним происходит. А дело состоит в том, что актуализирующие в нем идеальные потребности в *самопознании и смыслотворчестве* требуют удовлетворения, а именно: глубокого и всестороннего общения с другими людьми, а главное — творческого подхода к различным сторонам собственной жизни. А этого в его жизни нет — окружающие, в том числе взрослые этого не обеспечивают. Они попросту не знают, как следует заниматься воспитанием подрастающего человека, и отстраняются от этой деятельности, считая ее неважной. Это относится в первую очередь к Петру Александровичу, который никогда не занимался должным образом воспитанием своих детей, но и к гувернерам, которые посчитали, что они уже выполнили свои обязанности.

В сложившейся ситуации спасительным для Николеньки могло стать открытое и доверительное общение со старшим братом Володей. Но из *главы V* «Старший брат» становится ясно, что этого также не случилось. Почему? Потому что Володя с детства во всем (в забавах, в учении, умении держать себя, даже в ссорах) стоял выше Николеньки. Так у Володи сложился стереотип *лидера*, а у Николеньки, наоборот, — *аутсайдера*. Николенька, с одной стороны, старался подражать своему старшему брату, но у него все получалось хуже. С другой стороны, Николенька из-за гордости хотел все делать по-своему, что было затруднительно вследствие его неопытности. Неравенство в наклонностях и способностях стало психическим барьером на пути сближения брать-

ев и даже причиной многих их ссор. Одна из таких ссор описывается в главе. В ней, как и ожидалось, психологически победил Володя: он сначала обвинил и даже обозвал Николеньку «отвратительным мальчишкой» за то, что тот трогает его вещи (Николенька сначала нечаянно разбил пустой флакончик, а потом в пылу ссоры назло опрокинул и другие стеклянные украшения на столе Володи), но потом он же Володя первым попросил у Николеньки прощение. Автор при этом отмечает, что Володя после ссоры очень быстро забыл свои неприятности. И вскоре уже разговаривал и смеялся с девочками. А Николенька до вечера мучился тяжелыми переживаниями, не мог ничем заниматься, все искал возможность помириться с братом. А когда тот сделал это первым, у Николеньки возникло сильное возбуждение: «что-то вдруг стало давить меня в груди и захватывать дыхание; но это продолжалось только одну секунду: на глазах показались слезы, и мне стало легче» (с. 89).

Во взаимоотношениях братьев лидерство, безусловно, должно принадлежать старшему. Но это лидерство должно было бы поддерживать мотивацию и инициативы младшего, то есть иметь воспитательное значение, а не наоборот, угнетать его психику и вызывать у него «моральные страдания», что происходило чаще всего между Володей и Николенькой. Таким образом, старший брат Володя (как и другие люди в ближайшем окружении) не способствовали взрослению Николеньки. В значительной мере это вина Петра Александровича, который не занимался должным образом воспитанием мальчиков, соответственно, не приучил старшего сына быть воспитателем для младшего.

*Глава VI* повести «Маша» посвящена одной из горничных, в которой Николенька (в то время ему

уже минуло тринадцать лет) «перестал видеть слугу женского пола, а стал видеть *женщину*...» (с. 90).

В Маше (ей было двадцать пять лет) Николеньке понравилось то, что она «была необыкновенно бела, роскошно развита и была женщина...». На нее Николенька обратил внимание «в одну из тех минут, когда ум отказывается от работы (имеется виду уроки) и воображение, взяв верх, ищет впечатлений...». Впечатление вызвал нечаянно подсмотренный Николенькой поступок брата Володи, который приставал к Маше (совал руки в ее интимные места). Для Николеньки это стало открытием — вызвал удивление не сам поступок, а то, «каким образом он постиг, что приятно так поступать». Николеньке невольно захотелось подражать Володе. Но природная стыдливость и убежденность в собственной уродливости мешало этому: он только прислушивался к возне наверху... «и все на свете готов был отдать, чтобы только быть на месте шалуна Володи» (с. 91).

В этой связи Л. Толстой (от лица Николеньки) замечает, что «ничто не имеет такого разительного влияния на направление человека, как наружность его, и не столько сама наружность, сколько убеждение в привлекательности или непривлекательности ее». А далее он пишет: «Я был слишком самолюбив, чтобы привыкнуть к своему положению... старался презирать все удовольствия, доставляемые приятной наружностью... и напрягал все силы своего ума и воображения, чтобы находить наслаждения в гордом одиночестве» (с. 91).

Итак, можно говорить о том, что в Николеньке к 14-ти годам по-настоящему пробудились сексуальные потребности; он испытал желание физически прикоснуться к привлекательной взрослой женщине (что стало для него открытием). Однако природная

стыдливость и *комплекс внешней непривлекательности*, сформированный в нем еще в детстве, а также самлюбие мешали проявить должную смелость по отношению к женщине, чтобы «испытать приятность».

В этой связи возникает вопрос, чтобы стало с Николенькой, если бы какая-нибудь специально *подготовленная* для его полового воспитания дворовая девушка (скажем, по указке бабушки или отца) стала заигрывать с ним и позволила себя рассматривать, трогать и целовать? Скорее всего, это помогло бы ему преодолеть *комплекс внешней непривлекательности*, обогатило его жизнь положительными эмоциями, вселило в него уверенность, а значит, способствовало психосексуальному созреванию.

История с дробью (*глава VII «Дробь»*), которую Мими заметила у Николеньки и, посчитав это пороком, подняла совершенно необоснованно большой шум, стала причиной разговора бабушки и *papa* о том, что *дядька* (так презрительно называла бабушка Карла Ивановича) ничему хорошему научить детей уже не может и что пора пригласить для них другого гувернера. Так в жизни мальчиков появился молодой щеголь француз St.-Jerome.

В главе показан жесткий (волевой) характер бабушки, которая привыкла к тому, чтобы ее все в доме слушались, и она раздражалась, когда кто-то (будь-то прислуга или родственники) не выполняли ее требований. В частности, в главе показаны сложные (в основном, не доверительные) отношения, которые сформировались между бабушкой и отцом Николеньки, которого она, скорее всего, терпела только из-за внуков. Отсутствие доверия между бабушкой и отцом, безусловно, создавало неблагоприятную обстановку для воспитания и развития детей.

Следующие VIII, IX, X главы посвящены истории Карла Ивановича. Почему Л. Толстой (в лице Николеньки) так много внимания уделил рассказу Карла Ивановича о себе? Возможно, потому, что тот навсегда уезжал от Иртеньевых, и, следовательно, должен был исчезнуть со страниц повести. Писать о будущем Карла Ивановича у писателя оснований не было. Самому же Карлу Ивановичу будущее представлялось неопределенным. По его словам, на старости лет он «должен идти на улицу искать свой черствый кусок хлеба», хотя рассчитывал прожить остаток лет в семье Иртеньевых (ведь это обещала покойная Наталья Николаевна).

Добрые хозяева, как известно, не выбрасывают на улицу состарившихся домашних кошек или собак. А тут выдворили на улицу старого практически беспомощного человека. Интересно, что чувство жалости при этом не возникло ни у бабушки и Петра Александровича, которые решили избавиться от Карла Ивановича, но и ни у Николеньки (по крайней мере, Л. Толстой по этому поводу ничего не пишет). Более того, как мы потом убедимся, в будущем Николенька никогда не вспоминал Карла Ивановича.

Вывод прост: Карл Иванович не был интересен Николеньке с самого детства, прежде всего своим назиданиями и «классами». Думается, что в тайне души *ребенок* Николенька больше ненавидел, чем любил и жалел своего наставника (об этом частично уже отмечалось нами при анализе содержания четвертой главы повести «Отрочество»). Карл Иванович не сумел найти себя и в новом качестве — воспитателя *подростка* Николеньки, хотя такой шанс у него был — Николенька в этот период остро нуждался в собеседнике и друге. И здесь важно отметить, что Карл Иванович никогда не смог бы стать для Николеньки



ни настоящим другом, ни искренним собеседником, так как был недостаточно педагогически подготовлен, а главное был *невротиком* (ведь он никогда не любил детей, а только внушал им это и старался вызвать у них жалость к себе). О последнем свидетельствует и его жизнеописание, пронизанное жалостью к себе самому — одинокому и несчастному... Таким образом, Л. Толстой поступил абсолютно правильно, замолчав реакцию Николеньки по поводу отъезда Карла Ивановича из их дома. В то же время, в соответствии с нравственностью, взрослые (бабушка или отец) обязаны были бы позаботиться о том, чтобы пристроить старого гувернера куда-нибудь (например, в другую семью, где есть маленькие дети) и тем самым обеспечить в будущем его относительное благополучие. Такой поступок был бы важен не только для Карла Ивановича, но и для его бывших учеников (Володи и Николеньки) — в нем они могли бы увидеть пример доброго (благодарного) отношения отца к человеку, который *служил* им много лет.

К сожалению, с переездом в Москву и появлением новых учителей (они приходили к Володе и Николеньке на дом) характер их обучения практически не изменился: его сущность (как и при Карле Ивановиче) состояла в том, чтобы *прослушать или прочитать, запомнить и пересказать*, что, как уже отмечалось, противоречит потребностям обучающегося и приносит ему больше вреда, чем пользы. Об одном из таких уроков (точнее уроке истории) рассказывается в *главе XI* с выразительным названием «Единица». Столько баллов получил Николенька за неподготовленный урок по теме «Крестовый поход Людовика Святого».

Психологичность ситуации состояла в том, что в тот день (а это был день рождения Любочки) в бабушкин дом съехались гости: княгиня Корнакова с дочерью

ми, г-жа Валахина с Сонечкой, братья Ивины и др. Но мальчики (Володя и Николенька) не могли (хотя очень хотели) присоединиться к гостям «прежде окончания утренних классов», точнее — урока истории с учителем Лебедевым, который к тому же опаздывал... Поэтому Николенька (в отличие от более уравновешенного Володи) «находился в том раздраженном состоянии, в котором мысли отказываются остановиться на каком бы то ни было предмете» (с. 101).

Проблема усугублялась тем, что за прошлый урок истории Николенька получил два балла. И Лебедев пожаловался на него новому гувернеру St.-Jerome, который пригрозил наказать за плохую успеваемость.

...Наконец, пришел учитель Лебедев («отвратительное для меня лицо», так отзывается о нем Николенька) и потребовал «сказывать уроки». Володя, как всегда, отвечал уверенно, а Николенька, когда к нему со «злодейской полуулыбкой» обратился учитель, сначала стал заикаться и врать, а потом ненавидеть злодея-учителя...

«Единицу» Николенька посчитал для себя величайшим несчастьем, но в этот злополучный день, как оказалось, плохая оценка была не последняя его неприятность.

В следующей *главе XII* «Ключик» описывается, как Николенька (выполняя просьбу отца) из простого любопытства открыл ключиком его портфель, нашел там кучу непонятных для себя бумаг, а затем, застыдившись своего поступка, закрывая в спешке замок, не в ту сторону повернул ключик и сломал его. Мысль, что он совершил *новое преступление*, привела его в состояние сильного страха (*ужаса!*). Но потом он сказал себе сам: «чему быть, тому не миновать...». Это фаталистическое изречение (видимо, как формула са-

мовнушения) в трудные минуты производило на него благотворное, временно успокаивающее влияние.

Огорчения преследовали Николеньку в тот день и после обеда, когда начались игры (это описано в следующей *XIII главе* «Изменница»). Совершенно неожиданно Николеньку огорчила Сонечка, отношениями с которой он дорожил больше всего.

Находясь в возбужденном состоянии, он вел себя чересчур активно и неловко: во время игры в «кошки-мышки» наступил и оборвал платье гувернантки Корнаковых. Это рассмешило Сонечку и побудило Николеньку сделать это еще раз — уже намеренно, когда гувернантка, зашив платье, вернулась в игру. Чрезмерная *веселость* Николеньки стала заметной и уже не могла понравиться, в том числе и Сонечке. И она, видимо, решила *проучить* его по-женски. Участвуя в игре «выбор партнера», она намерено каждый раз выбирала Сережу Ивина, а не Николеньку (его вообще никто не выбирал). Потом, видимо сговорившись, Сережа поцеловал Сонечку так, чтобы это заметил Николенька. Это еще больше *подогрело* Николеньку. Он посчитал, что Сонечка «самым гнусным образом» обходится с ним, и обозвал ее про себя «коварной изменницей» (с. 106).

Поведение Сонечки, взрослеющей девушки, вполне объяснимо. Выбирая партнера, она хотела проверить свое влияние на мальчиков, прежде всего на Николеньку: оценить его чувства, а, вызвав ревность, возможно, сильнее привязать к себе. Но Сонечка не учла важного обстоятельства — Николенька задержался в половом развитии на уровне романтических отношений, то есть в отличие от нее еще не дорос до стадии эротических чувств. Поэтому ее «кокетливое» поведение с Сережей Ивиным не вызвало у Николеньки чувства ревности и стремления бороться за

ее расположение. Наоборот, у него возникло чувство разочарования (даже отвращения) и желание больше не играть с ней в «любовь». В этой связи важно заметить, что половые чувства к Сонечке возникали у Николеньки только в обстоятельствах их встречи, или в ситуации общения его с другой девушкой (образ Сонечки в этом случае возникал для сравнения с этой — другой). Иначе говоря, Сонечка не жила в душе Николеньки постоянно как предмет мечтаний. Он, как и положено подростку, жил больше сегодняшним днем, нежели будущим (жить будущим, как известно, свойственно более зрелым людям).

Накопление негативных переживаний в тот несчастный для Николеньки день отразилось на его дальнейшем поведении, что описано в *главе XIV* «Затмение».

*Измена* Сонечки оказала разрушительное действие на психику Николеньки. Он почувствовал презрение ко всему женскому полу и к Сонечке в особенности. Ему захотелось совершить какой-нибудь поступок, который бы всех удивил. Л. Толстой от имени нашего героя пишет: «Вспоминая свое отрочество и особенно то состояние духа, в котором я находился в этот несчастный для меня день, я весьма ясно понимаю возможность самого ужасного преступления, без цели, без желания вредить, — но так — из любопытства, из бессознательной потребности деятельности» (с. 107). Как видим, психическое напряжение Николеньки требовало выхода. И взрослые (прежде всего отец и бабушка) должны были это заметить и помочь Николеньке снять нервное напряжение (успокоиться), причем правильным способом. Но Петра Александровича совершенно не интересовало душевное состояние сына (это нетрудно было заметить уже по предыдущим главам повести), а бабушка, видимо,

в силу ложных установок и недостаточной собственной чувствительности, просто недооценивала влияния сильных переживаний (в сегодняшнем понимании, эмоциональных стрессов) на развитие и здоровье внука. Что же касается гувернера St.-Jerome, то он, выполняя свои надзирательские функции формально (то есть бездушно), по существу только отрицательно влиял на психику Николеньки. Неслучайно именно он, узнав о том, что Николенька получил на уроке истории «единицу», во всеуслышание заявил, что тот не имеет права здесь находиться и заслуживает наказания розгами. Последнее окончательно вывело Николеньку из себя. Взбешенный, он сначала показал гувернеру язык, а потом, когда тот схватил его за руку, чтобы увести, ударил изо всех сил по лицу. В этой ситуации никто не встал на сторону Николеньки. Брат Володя с удивлением и ужасом спросил: «Что с тобой происходит?» А Николенька в ответ прокричал сквозь слезы: «Никто вы не любите меня, не понимаете, как я несчастлив! Все вы гадки, отвратительны» (с. 108). В этих словах Николеньки нашли отражения чувства одиночества, полного отчаяния, хронической неудовлетворенности жизнью, ассоциируемые с несчастьем. После того, как St.-Jerome скрутил, сопротивляющегося изо всех сил Николеньку, запер его в чулане и попросил слугу принести розги, чувство полной безысходности совсем овладело Николенькой.

О том, насколько тяжелыми оказались для Николеньки текущие переживания и как он пытался с ними справиться, повествуется в следующей *XV главе «Мечты»*.

Предчувствие, что он «пропал безвозвратно» можно отождествить с сильным продолжительным стрессом. «Я не плакал, но что-то тяжелое, как камень, лежало у меня на сердце» (с. 108) — эти слова

характеризуют тяжесть Николенькиных переживаний, опасность которых совершенно очевидна для его растущего организма и формирующейся психики. Причем, находясь в темном чулане (как в заключении), Николенька нисколько не пытался успокоить себя и оптимистически взглянуть на свое настоящее и будущее. Напротив, он угнетал себя новыми грустными мыслями и переживаниями. Так он внушил себе, что все, начиная от бабушки и до Филиппа-кучера, ненавидят его и находят наслаждение в его страданиях, что «он не сын своей матери и своего отца, не брат Володи, а несчастный сирота, подкидыш, взятый из милости» (с. 109). Поэтому у него созрело желание уйти из дома и убить ненавистного ему St.-Jeromea. На этой почве у него стали формироваться различные мечтания о том, как он ушел из дома и записался в гусары, пошел на войну и стал героем, как его наградила государь и он попросил его позволить ему уничтожить St.-Jeromea. Он видел себя то генералом, спасающим отечество, то самым жалким, плачевным созданием. Неожиданно Николенька задался вопросом: за что Бог наказывает его, ведь он не забывает молиться утром и вечером. Так мысль о несправедливости провидения привела Николеньку к первым религиозным сомнениям, которые (как замечает автор) особенно стали тревожить его во время отрочества. Потом у Николеньки возникли совсем мрачные фантазии о собственной смерти в чулане и об отце, который прогоняет St.-Jerome за то, что из-за него погиб его «славный мальчик». А далее ему представилось, как его душа (после смерти) через 40 дней улетает в небеса и встречается там с душой матери, с которой он (почти счастливый) летит все выше и выше...

Но мечтания прошли, когда к Николеньке (как после сна) пришло осознание действительности и он,

к собственному своему удивлению, почему-то больше не захотел фантазировать.

Резюмируя, можно утверждать, что многочисленные негативные переживания, выпавшие на долю Николеньку в день рождения сестры Любочки, включая «чуланное заключение», не могли не сказаться отрицательно на его психике. Все кругом, в том числе родственники, оказались чужими, а некоторые даже враждебными людьми. И это в тот период, когда Николенька (как подросток) особенно нуждался в теплом и открытом общении с другими людьми. Возникшее чувство одиночества (слабости, незащищенности, ненужности) в психологическом плане очень опасно для подростка. На этой почве у него могли развиваться тревожность, замкнутость, враждебность и другие черты нездоровой (невротической) личности. Проявилось ли это в характере Николеньки, покажет анализ будущих событий.

На другой день конфликт с St.-Jerome еще больше обострился. Как Николенька его пережил, описано в XVI главе «Перемелется, мука будет».

Утром другого дня (напомним, что Николенька провел тяжелую ночь в чулане) его перевели в комнату и вновь заперли, чтобы продолжить *воспитательную* работу. Долгое время к нему никто не приходил — как будто забыли. Ему же хотелось рассказать кому-нибудь все, что у него накопилось на душе, но такого человека рядом не оказалось. Постепенно Николенька начал успокаиваться, решив, что наказание ограничится заточением. Но все оказалось не так: весь новый день Николеньке пришлось страдать не меньше, чем в предыдущий раз.

Страдания начались, когда ненавистный St.-Jerome, открыв дверь комнаты ключом, где заперты сидел Николенька, взял его за руку и как

«колодника» (такие ассоциации возникли у Николеньки) повел к бабушке, которая, показывая всем своим видом недовольство, в строго-повелительной форме прочитала нотацию и повелела ему просить у St.-Jeromea прощения. Отказ Николеньки просить прощение, сопровождаемый его безудержными рыданиями, сначала сильно напугали бабушку (она, видимо, совершенно не была готова к такому ответу и такой эмоциональной реакции обычно послушного внука), а затем окончательно вывели ее из душевного равновесия — в конце концов, она впала в истерику, что сильно всполошило прислугу (в доме все забегали и засуетились...). Но больше всего состояние бабушки напугало самого Николеньку, который посчитал себя главным виновником ее болезненного состояния. Он так напугался, что, закрыв лицо руками, побежал по лестнице, чтобы убежать совсем из дома или утопиться... Его остановил отец, схватив за руку. Но вместо того, чтобы успокоить сына, он нанес новый удар по его психике. В гневе он взял Николеньку за ухо и накричал на него: «Как ты смел трогать портфель в моем кабинете... будешь совать нос, куда не следует, будешь? будешь?» (с. 113).

Неудивительно, что после новых эмоциональных стрессов психика Николеньки не выдержала, на глазах отца он разразился еще большими рыданиями («Все ненавидят меня... защити меня или выгони из дома... я умру, убью себя... он мой тиран... мучитель...»), у него начались конвульсии. Тяжелое состояние сына подействовало на Петра Александровича. Он взял Николеньку на руки и отнес в спальню. Проспав 12 часов, Николенька почувствовал себя хорошо и хотел вскочить с постели, но, увидев по лицам окружающих (доктора, Мими и Любочки), что они все это



время боялись за его здоровье, решил не показывать им, что уже совершенно не болен...

Какие педагогические выводы можно сделать из описанного случая?

Во-первых, стрессы, которые обрушили на психику Николеньки бездушный St.-Jerome и находящиеся в плену ложных педагогических представлений его близкие родственники (отец и бабушка), необоснованно поддержавшие в конфликте гувернера, а не собственного сына и внука, безусловно, плохо сказались на его психике. На наш взгляд, нельзя винить ученика за отсутствие интереса к изучаемому предмету, отрицательную отметку и стремление себя защитить от *формализма* учителя. Этого, конечно, можно не знать, но чувствовать должен каждый зрелый взрослый человек, имеющий детей. Бабушка и отец сумели посочувствовать Николеньке, только увидев его страдания, но, к сожалению, не смогли изменить своего отношения к главным виновникам произошедших событий — учителю истории и гувернеру. Иначе бы они отказались от их услуг. Оставив их в учителях, они по существу дали им возможность и дальше травмировать психику Николеньки.

Во-вторых, поскольку страдания Николенька достигли предельного накала — болезненного припадка, вряд ли он когда-нибудь это забудет и простит жестокое отношение к себе своим родственникам. Скорее всего, отношение к бабушке и отцу у Николеньки после этого случая значительно ухудшится — произойдет отчуждение. А ведь подросток Николенька в этот период своего развития, напомним, особенно нуждался в доверительном общении с другими людьми.

О том, что бабушка и отец поступили неправильно, оставив St.-Jerome в качестве гувернера Николеньки, свидетельствует содержание *XVII главы* «Не-

ненависть». Именно чувство ненависти к St.-Jerome, которое делало «противным в нем все», стало преобладать в душе у Николеньки после описанных выше событий. Анализируя свои чувства к St.-Jerome, Николенька невольно сравнивает их с чувствами, которые он испытывал в свое время к Карлу Ивановичу — первому гувернеру, которого он по своему любил, так как считал членом своего семейства.

Сравнение было не в пользу St.-Jerome, который, хотя и отличался от смешного старика Карла Ивановича и умом, и ученостью, но был жесток и старался унижить Николеньку словами, постоянно угрожая высечь его розгами (к счастью, исполнить свои угрозы он не мог, так как бабушка запретила ему телесно наказывать детей). Унижая и обзывая учеников по-французски негодьями и мерзавцами и тем самым, наказывая их морально, St.-Jerome (как *невротическая личность*) делал это, как заметил Николенька, больше для собственного удовольствия, а не для их пользы. В то время как Карл Иванович, по наблюдениям Николеньки, даже наказывая детей физически (самым болезненным было стоять в углу на коленях), никогда по этому поводу не злорадствовал.

Заканчивая рассуждения о St.-Jerome, Николенька резюмирует, что, несмотря на то, что его так и не наказали и потом никто не напоминал ему о тех злополучных двух днях, он все же не мог забыть унижения со стороны гувернера и ему «невыразимо тяжело было иметь с ним какие бы то ни было отношения» (с. 115). Такая оценка подтверждает высказанную нами выше мысль о том, что отношения с St.-Jerome в дальнейшем могли иметь для Николеньки (прежде всего для его психики) только опасные последствия.

Из содержания главы XVIII «Девичья» видно, что описанные выше события и связанные с ними тя-

желые переживания, как и прогнозировалось нами, отрицательно сказались на психике Николеньки. Он чувствовал себя все более и более одиноким, и главными его «удовольствиями» стали «уединенные размышления и наблюдения».

«Театром» наблюдений преимущественно стала девичья, где жили и работали горничные, и в которой происходил занимавший Николеньку роман, героиней которого была горничная Маша (о ней уже шел разговор в шестой главе повести). Л. Толстой, видимо, не случайно применил слово «театр» для описания подсмотренной Николенькой драмы, в которой в качестве главных действующих лиц выступали Маша и дворовой Василий. Драма состояла в том, что их искренняя и взаимная любовь не находила одобрения у дяди Маши — тот решительно отказал Василию в руке своей племянницы.

Наблюдая за Машей, Николенька восхищался ею красотой и огорчался тому, что она с ее светло-голубыми глазами, огромной русой косой и высокой грудью не родилась барыней. А потом представлял, как бы он за ней ухаживал — «все бы для нее делал: подавал бы ей салоп, кушанье, сам бы подавал...» (с. 116). При этом он искренне удивлялся, почему очаровательная Маша полюбила отвратительного Василия. Но поскольку любовь Маши к Василию была настоящей (в этом он все больше и больше убеждался), то Николеньке хотелось ей помочь. К сожалению, в реальной жизни он этого сделать не мог, поэтому просто мечтал. Так он образно представлял себя в роли покровителя Маши, готового обеспечить ее счастье с Василием и даже дать тысячу рублей на жизнь. В этой связи Л. Толстой резюмирует: «Между бесчисленным количеством мыслей и мечтаний, без всякого следа проходящих в уме и воображении, есть такие, кото-

рые оставляют в них глубокую чувствительную борозду». Такого рода след, по словам Николеньки, оставила в его душе «мысль о пожертвовании своего чувства в пользу счастья Маши, которое она могла найти только в супружестве с Василием» (с. 118).

Что же можно сказать по поводу Николенькиных наблюдений, размышлений, мечтаний и чувств? На наш взгляд, в мальчике актуализировался процесс полового созревания в форме *романтической влюбленности* — принципиально важной для становления нормальной (без болезненных отклонений) сексуальности. Романтические мечтания Николеньки есть не что иное, как стремление познать свою способность любить, причем любить жертвенно, что вообще-то мало свойственно для представителей мужского пола. Способность к жертвенности в любви, скорее всего, начала формироваться у Николеньки еще раньше, под влиянием любви к матушке, которая своей постоянной заботой и добротой сумела развить в нем чувственную сферу — способность жалеть других людей, сопереживать и сострадать им. Таким образом, можно констатировать, что Николенька, несмотря на безразличное, а порой вредоносное отношение к нему окружающих, в том числе родственников, сумел сохранить в себе нравственную составляющую своей души. А главное — сам нашел средства (в форме наблюдения, размышления и мечтания) для того, чтобы и дальше самостоятельно и правильно развиваться в нравственно-психологическом направлении. Подчеркнем, что все это стало возможным, прежде всего благодаря матери, которая сумела еще при жизни сформировать в Николеньке нравственно обусловленную внутреннюю мотивацию — основу личностного роста и развития.

*Главу XIX «Отрочество»* следует считать основополагающей в повести. В ней Л. Толстой удивительно точно, можно сказать, как современный профессиональный психолог (в этом, безусловно, состоит его *гениальность*) подметил основные психологические закономерности развития души подростка.

Сегодня известно, что подросток испытывает потребность в познании самого себя и стремится определиться со смыслами как жизни в целом, так и ее отдельных проявлений (об этом мы писали в предыдущих частях книги). Соответственно, приоритетными видами для него становятся *рефлексивная* и *смыслотворческая* деятельности. Так и Л. Толстой от имени Николенки пишет, что в продолжение всего года (то есть на рубеже 14–15 лет) «я вел уединенную, сосредоточенную на самом себе, моральную жизнь, все отвлеченные вопросы о назначении человека, о будущей жизни, о бессмертии души уже представлялись мне; и детский слабый ум мой со всем жаром неопытности старался уяснить те вопросы, предложение которых составляет высшую ступень, до которой может достигать ум человека, но разрешение которых не дано ему» (с. 118). Таким образом, Николенька по существу продолжительное время настойчиво занимался поиском себя и истины, что соответствовало его внутренним побуждениям. Итогом этой мыслительной работы были умозаключения, свидетельствующие о его поступательном психическом (в том числе, интеллектуальном) развитии.

«Мне кажется, что ум человеческий в каждом отдельном лице проходит в своем развитии по тому же пути, по которому он развивается и в целых поколениях, что мысли, служившие основанием различных философских теорий, составляют нераздельные части ума; но что каждый человек более или менее ясно со-

знавал их прежде, чем знал о существовании философских теорий. Мысли эти представлялись моему уму с такой ясностью и поразительностью, что я даже старался применять их к жизни, воображая, что я *первый* открываю такие великие и полезные истины» (с. 118–119). Психологическая основа этих вполне научных положений совершенно очевидна: чувство первооткрывателя истины наиболее часто и ярко проявляется именно у человека в подростковом возрасте, который, правда, чаще всего не догадывается, что его размышления являются лишь повторением мыслей людей предыдущих поколений, уже оформленных в виде различных философских теорий.

«Раз мне пришла мысль, что счастье не зависит от внешних причин, а зависит от нашего отношения к ним, что человек, привыкший переносить страдания, не может быть несчастлив, и, чтобы приучить себя к труду, я, несмотря на страшную боль, держал по пяти минут в вытянутых руках лексиконы Татищева или уходил в чулан и веревкой стегал себя по голой спине так больно, что слезы невольно выступали на глазах» (с. 119). Данная мысль о счастье, скорее всего, навеянная идеями философа Шеллинга, которым Николенька зачитывался, безусловно, выглядит не совершенной. Но важно другое — данная мысль возникла у него как продукт напряженной *смыслотворческой* деятельности, а, значит, способствовала его умственному развитию.

«Другой раз, вспомнив вдруг, что смерть ожидает меня каждый час, каждую минуту, я решил, не понимая, как не поняли того до сих пор люди, что человек не может быть иначе счастлив, как пользуясь настоящим и не помышляя о будущем, — и я дня три, под влиянием этой мысли, бросил уроки и занимался только тем, что, лежа в постели, наслаждался чтени-

ем какого-нибудь романа и едою пряников с кроновским медом, которые я покупал на последние деньги» (с. 119). Данную мысль следует считать типичной для подрастающего человека, который, в силу доминирующих у него потребностей, действительно склонен жить преимущественно сегодняшним, а не будущим днем. К сожалению, указанная закономерность психики (подмеченная *гением*) даже сегодня не находит должного понимания. Доказательством тому является настойчивое формирование у современных подростков (особенно, в школе) знаний и навыков, не имеющих отношения к их настоящей жизни.

«...Философские открытия, которые я делал, чрезвычайно льстили моему самолюбию: я часто воображал себя великим человеком, открывающим для блага всего человечества новые истины, и с гордым сознанием своего достоинства смотрел на остальных смертных; но, странно, приходя в столкновение с этими смертными, я робел перед каждым, и чем выше ставил себя в собственном мнении, тем менее был способен с другими не только выказывать сознание собственного достоинства, но не мог даже привыкнуть не стыдиться за каждое свое самое простое слово и движение» (с. 120). В этом суждении зафиксировано, с одной стороны, состояние психического взросления Николеньки, стержнем которого является *внутреннее* (как результат рефлексии) осознание собственного достоинства, которое свойственно скорее юноше, то есть более развитому человеку, нежели подростку; с другой стороны, его неготовность к реализации своей взрослости во *внешней* деятельности, прежде всего в общении с другими людьми. Складывающееся психическое противоречие приводит Николеньку к переживанию стыда — чувства, свойственного для хорошо воспитанного человека.

Таким образом, в отдельных Николенькиных рассуждениях прослеживается философский ум вполне зрелого человека. Что совершенно объяснимо, ведь описание отрочества (как *возвращение в прошлое*) основывается на воспоминаниях взрослого человека. И правильно поступил Л. Толстой, что, поддаваясь искушению, иногда от имени Николеньки по-взрослому философствовал на вечные темы. В других суждениях (причем, психологически точно выверенных Л. Толстым) отчетливо показан процесс самовоспитания (*самопознания и смыслотворчества*) подростка Николеньки, причем, подчеркнем, хорошо выстроенный им самим (без помощи взрослых).

Известно, что характерные для подростка *рефлексивная и смыслотворческая* деятельности в психологическом плане являются очень *трудными*, так как требуют значительных энергетических затрат (это мысль моего учителя, доктора психологических наук Виталия Ивановича Секуна. — Г.З.). К нашему восхищению, это отмечено и Л. Толстым в начале *XX главы*, названной им «Володя».

«Да, чем дальше подвигаюсь я в описании этой поры моей жизни, тем тяжелее и труднее становится оно для меня. Редко, редко между воспоминаниями за это время нахожу я минуты истинного теплого чувства, так ярко и постоянно освещавшего начало моей жизни. Мне невольно хочется пробежать скорее пустыню отрочества и достигнуть той счастливой поры, когда снова истинно нежное, благородное чувство дружбы ярким светом озарило конец этого возраста и положило начало новой, исполненной прелести и поэзии, поре юности» (с. 120). Эти мысли, как видим, продолжают размышления автора об отрочестве, представленные в предыдущей главе.



Общий вывод состоит в том, что Николенька сумел преодолеть трудности периода отрочества, и это, безусловно, позитивно отразилось на его психическом развитии. Тяжесть же воспоминаний об этом, на наш взгляд, связана с тем, что его взросление происходило без должного участия и поддержки других, в том числе родных людей.

Лишь в конце периода отрочества (в пятнадцать лет) Николеньке повезло. Он встретил друга Дмитрия (Дмитрия Нехлюдова) — «необыкновенного человека», который в значительной степени сумел повлиять на становление его характера и с дружбой с которым он связывает начало своей юности. Этой информацией Л. Толстой забегает вперед, возможно, для того, чтобы вселить у читателя оптимизм по поводу будущего Николеньки.

К дружбе с Дмитрием писатель возвращается в последних (двадцать пятой, двадцать шестой и двадцать седьмой) главах повести. А до этого он описывает перемены, которые произошли за последние годы в ближайшем окружении Николеньки и как по-другому он (уже повзрослевший) стал смотреть на брата Володю, сестру Любочку, Катеньку, отца и других.

В главе XX «Володя» основной разговор, соответственно, ведется о старшем брате: как он под руководством профессоров готовился к поступлению в университет; как его собирали и провожали на экзамены, которые он блестяще сдал, чем особенно порадовал бабушку, которая, увидев его в студенческом мундире, упала в обморок; как его поступление отмечали дома шампанским; и как он повел себя после зачисления — стал ездить на балы, курить табак, пить со знакомыми шампанское и совершать другие «взрослые поступки». Но особенно Николеньку стали удивлять таинственные беседы Володи с Ка-

тенькой о героях и героинях прочитанных романов, о любви и ревности. И он «никак не мог понять, что занимательного они могут находить в таких разговорах и почему они так тонко улыбаются и горячо спорят» (с. 122). Отсюда следует, что Николенька принимает новый образ жизни брата, более того (как мы позже убедимся), став через год также студентом университета, он будет пытаться повторить его поведение. Готовность быть похожим на старшего брата, с одной стороны, свидетельствует об авторитете, которым он пользовался у Николеньки. С другой стороны, позволяет говорить об отсутствии у Николеньки собственного взгляда на социальную жизнь, что лишь подтверждает *его психосексуальную незрелость*. О психосексуальной незрелости Николеньки свидетельствует и его непонимание «странных отношений» между Володей и Катенькой, их разговоров о половых взаимоотношениях. Таким образом, можно считать, что половое развитие Николеньки *забуксовало* на уровне романтического понимания любви, хотя для 15-летнего человека должно быть свойственно уже реалистическое (точнее *эротическое*) отношение к сексуальности. Разумеется, ничего удивительного, тем более опасного в этом нет. Скорее всего, замедленное половое созревание было типичным для подростков того времени (как в силу религиозных установок, сдерживающих их половую активность, так и отсутствия соответствующей доступной для них литературы).

В главе XXI «Катенька и Любочка» дается характеристика двух девочек, окружавших Николеньку с детства, которые уже достигли 16-ти лет, по современным меркам — совершеннолетия. Л. Толстой описывает их внешний вид и поведение, причем в срав-

нении, еще раз показывая свое интуитивное знание возрастной и сравнительной психологии.

Так, Катенька из угловатой и неловкой выросла в гармоничную «чистенькую девочку». Автор выделяет в ней светло-голубые глаза, прямой носик, ротик со светлой улыбкой, беленькие ручки, молодую грудь, появление которой заметно радует и стыдит ее. Стыдливость и желание замаскироваться просматривается и в ее поведении: она как будто хочет быть другой (на кого-то похожей); когда смеется, закрывает свой рот; мало ест и носит корсеты; рисует цветы и бабочек; говорит, что, никогда не выйдет замуж, так как все мужчины ей гадки, и делается совсем другая, как будто она боится чего-то, когда мужчина говорит с ней.

Любочка совсем другая; «вследствие английской болезни, у нее ноги до сих пор еще гусем и прегадкая талия», хорошего в ее фигуре только глаза — большие, черные с приятным выражением важности и наивности»; она во всем проста и натуральна; смеется открыто (до хохота); не любит корсеты и любит поесть; рисует, в основном, головки людей; не любит, когда ее целуют; радуется, когда ей удастся поговорить с большим мужчиной (говорит, что непременно выйдет замуж за гусара).

По тогдашнему мнению Николеньки, Катенька больше ему нравилась, так как была «похожа на большую». Это и понятно, стройная, с привлекательным личиком, застенчивая, стыдливая (признак *хорошего воспитания*) девушка всегда кажется более взрослой (а значит, более — *таинственной*) и не может не нравиться подростку (или юноше). Вспомним, что эротические чувства к Катеньке испытывал и Володя — старший брат Николеньки. Выбор в качестве объекта внимания меланхоличной Катеньки говорит об интересе взрослеющих мальчиков к тайнам женской

психики. Правда, у Володи (*вспомним!*) этот интерес проявлялся в форме открытого общения с Катенькой, а у Николеньки — пока еще в форме молчаливого наблюдения (видимо, в том числе, по причине его собственной меланхоличности).

*Глава XXII* посвящена отцу (называется «Папа»).

Л. Толстой от имени Николеньки пишет, что *papa* особенно повеселел (стал чаще обедать у бабушки) после того, как Володя поступил в университет. Правда, причина его хорошего настроения вовсе не была связана с достижениями сына, просто в последнее время ему везло в картах — он «выигрывал чрезвычайно много».

Иногда, вечером, перед клубом, он заходил к детям, садился за фортепьяно и пел цыганские песни (делалось это, скорее всего, чтобы напомнить о себе и вдохновиться перед карточной игрой). Бывали также случаи, когда он «приходил в классы» и со строгим лицом слушал, как Николенька «сказывал уроки», делая при этом поправки, показывающие, что он плохо знает то, чему учат его сына. Неискренность в поведении отца, который жил преимущественно собственными страстями (то есть жил для себя и попросту имитировал роль отца), стала заметна взрослому Николеньке. И отец стал потихоньку спускаться в его глазах «с той недосыгаемой высоты, на которую его ставило детское воображение» (с. 124). К нему даже стали приходиться плохие мысли об отце...

О том, что Петр Александрович неискренен и живет страстями, свидетельствовал описанный в главе случай, который доставил Николеньке, как он отмечает, много «моральных страданий».

Но прежде надо сказать о том, что Николенька давно заметил удивительное «фамильное» сходство сестры Любочки и матушки — неуловимое сходство

в манере говорить, жестах, словесных оборотах, игре на фортепьяно и пр. Так вот однажды вечером *papa* вошел в гостиную, чтобы взять с собой на бал Володю, и подошел к Любочке, которая в это время играла на рояле любимую пьесу *maison*. По всему было видно, что игра Любочки сильно его взволновала. Сначала он нервно ходил по комнате, потом поцеловал Любочку в голову, а когда она закончила играть, стал целовать ее в лоб и глаза с необыкновенной нежностью... и прослезился. Понятно, что в этот момент в его душе возникло какое-то тяжелое воспоминание о покойной жене (возможно, смешанное чувство жалости и вины). В то же время... уже спустя мгновение он делал комплименты горничной Маше («А ты все хорошеешь...»).

Интересно выведенное по этому поводу от имени Николеньки резюме Л. Толстого: «Я люблю отца, но ум человека живет независимо от сердца и часто вмещает в себя мысли, оскорбляющие чувство, непонятные и жестокие для него. И такие мысли, несмотря на то, что я стараюсь удалить их, приходят мне...» (с. 125). Данное резюме характеризует развитость ума Николеньки, его способность критически оценить поступки собственного отца. В продолжение мысли Л. Толстого позволим высказать собственную мысль: родители, которые ведут неправильный образ жизни, часто не способны осознать того, что их дети, взрослея, могут когда-нибудь адекватно оценить их поступки и их самих. И тогда отношение детей к родителям может усложниться. Большинство родителей, как правило, в этом обвиняют *неблагодарных* детей, хотя причина лежит в них самих.

В главе XXIII «Бабушка» описывается, как слаба и уходила в иной мир бабушка и что при этом испытывал Николенька и другие.

В день ее смерти детей специально отправили кататься на санях и им было особенно весело. Когда же они еще возбужденные подъехали к дому, то увидели прислоненную к двери черную крышку гроба...

Тяжелое чувство страха смерти Николенька испытывал все время, покуда тело бабушки находилось в доме. Л. Толстой называет переживания Николеньки именно «чувством страха смерти», а не печалью (как принято), потому что мертвое тело бабушки напоминало ему о том, что и он тоже когда-нибудь умрет. Описывая переживания, которые испытывал Николенька, другие родственники и близкие люди (никто из них не жалел о бабушке, кроме ее верной слуги — горничной Гаши, которая от горя сама была готова умереть), Л. Толстой выводит интересное психологическое положение о том, «что неправдоподобность в деле чувства есть вернейший признак истины» (с. 126). Истина, таким образом, состояла в том, что в сложившейся трагической ситуации подлинное чувство печали переживала только горничная Гаша — со смертью любимой госпожи она потеряла смысл жизни. Другие взрослые лишь изображали на лице скорбь. А вот подросток Николенька, как точно отметил Л. Толстой, испытывал необычное для такой ситуации, но совершенно правдоподобное для себя чувство страха смерти, так как в силу доминирующих у него потребностей был занят преимущественно собой, а значит и собственной жизнью, которая, оказывается, неизбежно когда-нибудь закончится.

В *главе XXIV «Я»* дается емкая характеристика героя повести. Николенька приближается к юношескому возрасту. Остается несколько месяцев до поступления в университет: он хорошо учится, без страха ждет учителей, с удовольствием рассказывает им выученные уроки, его хвалит St.-Jerome (уже не та-

кой ненавистный) — все это позволяет надеяться на успех. Выбор Николенька сделал в пользу математического факультета, правда, его мотивация выглядит детской: «выбор... сделан... единственно потому, что слова: синусы, тангенсы, дифференциалы, интегралы и т.д. чрезвычайно нравятся мне» (с. 127).

Он перестал наблюдать за девичьей — Маша вышла замуж за Василия и больше его не волновала. Интересовала ли его в этот период собственная сексуальность (как законченного подростка)? Видимо, мало, так как в главе об этом ничего не сказано. Следовательно, мысль о задержки его полового развития, высказанная нам ранее, представляется вполне обоснованной.

Итак, проблем в жизни Николеньки практически нет — он чувствует себя бодро и уверенно смотрит в ближайшее будущее (верный признак взросления). Правда, Николенька по-прежнему сам себе не нравится («дурен») и мучается этим, но, видимо, мучается много меньше, чем прежде, так как, по словам *papa*, у него «умная рожа», что утешает...

Последний (резюмирующий) абзац главы выглядит незаконченным и двусмысленным: «... я начинаю понемногу исцеляться от моих отроческих недостатков, исключая, впрочем, главного, которому суждено наделать мне еще много вреда в жизни — склонности к умствованиям» (с. 127). Не ясно, от каких недостатков стремится исцелиться Николенька? На наш взгляд, его подростковое поведение является вполне обоснованным — он стремится познать свою особенность (*уникальность*) и определиться со смыслами различных сторон жизни. Непонятно также, почему склонность к умствованиям в подростковом возрасте он считает недостатком? Впрочем, ответы на эти вопросы не столь важны. Важно, что Николенька спо-

собен оценить как свои достоинства, так и недостатки и стремится быть лучше. Это говорит о том, что он психологически приблизился к следующей «эпохе» своего развития — юности, а значит, процесс его воспитания (а больше — самовоспитания) в подростковом возрасте был выстроен в целом правильно.

Последние главы повести (XXV, XXVI и XXVII, соответственно: «Приятели Володи», «Рассуждения», «Начало дружбы») касаются, как уже выше отмечалось, возникновению дружбы между Николенькой и молодым князем Дмитрием Нехлюдовым.

Студент Нехлюдов, а также адъютант Дубков, как друзья брата Володи, бывали у них дома, и Николенька часто присутствовал при их разговорах. Отдадим должное Володе, который не прогонял Николеньку, видимо, хорошо понимая, как важно тому слышать их разговоры и в меру возможности участвовать в них.

Отношения с Дмитрием сложились не сразу. Князь Нехлюдов с первого раза поразил Николеньку «своим разговором и наружностью» (высокий, красивый). Интерес к Нехлюдову понятен, ведь Николенька (как помнится) высоко ценил в человеке телесную красоту. В то же время Николеньке не нравились его быстрый взгляд, твердый голос, гордый вид, но более всего совершенное равнодушие, которое он ему оказывал. Часто во время разговора Николеньке ужасно хотелось противоречить ему; даже переспорить («в наказание за его гордость»), чтобы доказать, что он тоже умен. Но стыдливость удерживала его.

Потребность в общении с молодым князем и невозможность ее удовлетворения, скорее всего, вызывало в душе Николеньки беспокойство, но и усиливало к нему интерес. И однажды сложилась ситуация, которая помогла Николеньке вызвать у Дмитрия Нехлюдова расположение к себе. Друзья (Дубков



и Нехлюдов) зашли за Володей, чтобы пойти в театр. Проблема оказалась в билетах — их было только два (а не три, как требовалось). Дубков предложил Дмитрию отдать свой билет Володе, а самому «поехать к кузинам в ложу». На это тот ответил, что не любит сидеть в ложе из-за своей застенчивости и стыдливости («краснеет от малейших пустяков»). А когда Дубков покровительственным тоном заметил, что его застенчивость происходит от избытка самолюбия, Нехлюдов *завелся* и сказал, что у него, напротив, слишком мало самолюбия, и что он застенчив по другой причине: ему все время кажется, что с ним другим людям неприятно и скучно... Спор мог и дальше продолжаться, но Володя и Дубков уехали в театр, а Нехлюдов остался и стал рассуждать о самолюбии с Николенькой, который неожиданно для него продемонстрировал хорошее мышление. В пылу дискуссии Нехлюдов признался, что он не думал, что Николенька так умен (такой похвале Николенька был очень рад, ведь он и стремился доказать Дмитрию, что тоже умен). Затем они стали говорить на тему любви, которая оказалась неистощимой. Они так разговорились, что им стало не хватать «слов и времени, чтобы выразить друг другу все те мысли, которые просились наружу» (с. 173). Так началась их дружба, которая носила довольно странный характер. При посторонних Дмитрий не обращал на Николеньку почти никакого внимания, но как только случалось им оставаться вдвоем, они начинали рассуждать обо всем — будущей жизни, искусстве, службе, женитьбе и воспитании детей. При этом им никогда не приходило в голову, что все то, о чем они говорили, был ужасный вздор. Важен был процесс общения и размышления. Особенно Николенька любил «минуту, когда, возносясь все выше и выше в области мысли, вдруг постигаешь

всю необъятность ее и сознаешь невозможность идти далее» (с. 132). Наверное, в это время он чувствовал себя вполне счастливым. В этой связи вполне понятным становится резюме Л. Толстого: «...В молодости все силы души направлены на будущее, и будущее это принимает такие разнообразные, живые и обворожительные формы под влиянием надежды, основанной не на опытности прошедшего, а на воображаемой возможности счастья, что одни понятия и разделенные мечты о будущем счастья составляют уже истинное счастье этого возраста» (с. 132).

Доверительные откровенные разговоры сделали свое дело, Николенька и Дмитрий почувствовали сильную привязанность друг к другу, которую они закрепили почти клятвой (сформулировал ее Нехлюдов): «Дадим себе слово признаваться во всем друг другу. Мы будем знать друг друга, и нам не будет известно; а для того, чтобы не бояться посторонних, дадим себе слово никогда ни с кем и ничего не говорить друг о друге» (с. 133). В более широкой интерпретации последняя мысль представляется нам очень важной: нигде и ни с кем не говорить о людях, которые тебе дороги! Тогда хорошие отношения с ними можно сохранить надолго...

Последнюю главу (а значит, и повесть) Л. Толстой завершает словами о том, что под влиянием Нехлюдова Николенька невольно усвоил его «направление, сущность которого составляет восторженное обожание идеала добродетели и убеждение в назначении человека постоянно совершенствоваться» (с. 133). «Направление» вполне правильное и, по нашему мнению, может характеризовать Дмитрия Нехлюдова, а также находящегося под его влиянием, вступающему в «эпоху» юношества Николеньку Иртеньева, как хорошо воспитанных молодых людей (что мож-

но считать хорошим результатом общего воспитания подростка Николеньки). Возможно, этим можно было бы и закончить наш социально-педагогический анализ повести «Отрочество». Но Л. Толстой продолжает начатую мысль: «Тогда (имеется в виду время юности. — Г.З.) исправить все человечество, уничтожить все пороки и несчастья людские казалось удобоисполнимой вещью, — очень легко и просто казалось исправить самого себя, усвоить все добродетели и быть счастливым...» (с. 133). А в конце задается вопросом: «...точно ли смешны были эти благородные мечты юности, и кто виноват в том, что они не осуществились?..» Нет, благородные мечты не могут быть смешны по определению, более того они естественны для человека юношеского возраста, который только начинает строить в уме (в мечтах) свое будущее, — строить, как правильно заметил Л. Толстой, «не на опытности прошедшего, а на воображаемой возможности счастья». А не осуществляются мечты только потому, что люди выбирают непродуктивный путь их достижения — путь *исправления и уничтожения* негативного, вместо того, чтобы *воспитывать* и *вращивать* в себе позитивное.

Закljučая, отметим, что Николеньку с более старшим по возрасту Дмитрием Нехлюдовым сблизилa возможность искреннего и продуктивного общения. Николенька, на наш взгляд, в общении реализовывал свою (еще до конца неудовлетворенную) *идеальную* потребность в рефлексии — познавал свою уникальность (оказывается, он тоже умен), а Дмитрий удовлетворял свои (более высокого порядка) *социальные* потребности в самовыражении и самоутверждении. И Николенька, по сравнению с друзьями Володей и Дубковым, оказался для Дмитрия очень подходящим собеседником — он поддавался влиянию, охот-

но ему подчинялся, а значит, высоко ценил и уважал старшего по возрасту друга. Дружба, таким образом, приносила обоим большое удовлетворение и активизировала их умственную деятельность, благотворно сказывалась на психике каждого из них и способствовала правильному взрослению.

Каким же вырос Николенька? Ответ на этот вопрос мы будем искать, анализируя содержание завершающей повести Л. Толстого «Юность».



В повести «Отрочество» (как и в повести «Детство») проявилась выдающаяся интуиция Л. Н. Толстого, который сумел определить основополагающие психологические механизмы, обуславливающие развитие, и педагогические события, обеспечивающие воспитание главного героя — Николеньки Иртеньева в подростковом возрасте.

Из содержания повести видно, что Николенька в подростковом возрасте ничем не болел, следовательно, можно считать, что он рос физически здоровым (крепким) человеком. Безусловно, в переходном возрасте (как и положено) росло и изменялось его тело. Однако об этом в повести почти ничего не сказано. В общих чертах говорится только о его внешности, которая ему по-прежнему не нравилась, но к которой он уже относился терпимее, чем раньше.

Основное внимание в повести Л. Н. Толстой уделяет психике Николеньки (его ощущениям, восприятиям, стремлениям, размышлениям, переживаниям), что совершенно оправдано: в подростковом возрасте, в силу актуализации и доминирования идеальных

(психических) потребностей в самопознании и смыслотворчестве, у человека начинает активно формироваться психический статус — приоритетный для данного возраста компонент здоровья.

Л. Н. Толстой психологически точно подметил, что подросток (как и ребенок) не склонен жить прошлым (возвращаться к прошлому свойственно в основном взрослым людям). Поэтому переживания, связанные со смертью матушки, быстро сменились у Николеньки на позитивные ощущения, восприятия и размышления: во время переезда в Москву его радовала весенняя природа, интересовали дома, люди и их жизнь — все, что попадалось на глаза. Направленность его сознания на окружающий внешний мир и стремление к позитивным ощущениям и восприятиям, скорее всего, свидетельствует о том, что у Николеньки произошло непроизвольное переключение (или возвращение) его «подрастающей» психики на детский уровень, чтобы таким образом защититься от тяжелых переживаний. В то же время реакция на сильную грозу, которая случилась в пути, на наш взгляд, у него была совсем не детская. Страх (страх смерти), который он испытал, скорее всего, связан с пробуждением у него (как у подрастающего человека) рефлексии — интереса к самому себе как ценности (а когда начинаешь ценить себя — умирать страшно!). Отсюда преувеличенное переживание даже незначительной опасности и связанного с ней страха, а затем чрезмерное ощущение радости жизни, когда опасность минует (что и показано Л. Н. Толстым в главе «Гроза»).

Об актуализации и активизации у Николеньки новой для него рефлексивной и смыслотворческой деятельности свидетельствует то, что у него стал формироваться новый взгляд на известные ему ранее предметы. Так по дороге в Москву Николенька не только созерцал окружающий мир и переживал отдельные

события, но и задавал себе вопросы — размышлял. Так во время разговора в брочке с Катенькой он невольно пришел к пониманию, что не одни они (то есть их семейство) живут на свете. В результате у него стал формироваться новый взгляд на чужую и собственную жизнь, вызвавший в нем, как отмечает Л. Н. Толстой, «моральную перемену».

Об актуализации потребности в самопознании и смысловом творчестве свидетельствуют и размышления Николеньки о наружности человека — его привлекательности, прежде всего для представителей противоположного пола. Он отмечает, что важна не сама внешность человека, а его убеждение в ее привлекательности или непривлекательности. Именно убеждение в собственной непривлекательности, как отмечает автор, заставляло Николеньку сдерживать свои половые побуждения и больше фантазировать на эту тему (последнее наиболее отчетливо проявилось по отношению к красивой молодой женщине Маше, которая служила у бабушки горничной). В своем воображении он ее любил и готов был ухаживать за ней так, чтобы сделать счастливой...

Как подросток, Николенька особенно нуждался в искреннем и добром общении с другими людьми — важнейшем средстве удовлетворения своих актуальных потребностей. Однако в этом он оказался сильно обделенным. В повести это показано на примере двух прожитых им дней. Сначала с Николенькой бездушно обошелся учитель истории Лебедев, который в день рождения сестры Любочки (в это время к ним уже пришли гости, в том числе «любимая» Сонечка) совершенно не учел состояние Николеньки и поставил за урок «единицу». Потом ему «изменила» сама Сонечка. Она весь вечер провела не с ним, а в общении с Сережей Ивиным и даже позволила тому себя при всех поцеловать (скорее всего, чтобы вызвать у Николеньки

ревность). Но это вызвало у Николеньки (как недостаточно психически зрелого человека) совершенно другое чувство — презрения сначала к Сонечке, а потом и ко всему женскому полу. А далее чувство презрения распространилось у него на всех окружающих: на гувернера St.-Jerome, который морально унизил Николеньку в присутствии гостей, когда заявил, что он из-за плохой учебы не имеет права здесь находиться и заслуживает наказания розгами; на родственников (бабушку, отца, старшего брата), которые в ссоре с гувернером (Николенька в порыве злобы ударил его по лицу) не вступились за него и позволили запереть в чулане, а на следующий день (после ночевки в чулане), вместо того, чтобы успокоить, сами стали терзать его душу (бабушка потребовала, чтобы Николенька просил у St.-Jeromea прощения, а отец накричал и надрал ему ухо за то, что он лазил в его портфель). В конечном итоге Николенька почувствовал себя совершенно чужим и одиноким. Чувство полного отчаяния вызвало у него всплеск необузданной фантазии вплоть до возможности собственной гибели. О силе душевных переживаний Николеньки (которые можно рассматривать как патологический стресс) и постигшего его психического истощения можно судить по тому, что для восстановления сил ему понадобилось проспать целых 12 часов.

Ненависть к гувернеру и учителям, отчужденность родственников, «измена» Сонечки привели Николеньку к тому, что он стал вести уединенную, сосредоточенную на самом себе «моральную жизнь», размышляя о назначении человека, о будущей жизни, о бессмертии души и пр. В сложившейся ситуации это было самое верное решение, которое, отметим, он принял самостоятельно, что доказывает устойчивость его мотивации на самопознание и смыслотворчество. В результате в его голове родились различного рода умозаключения (нередко достаточно зрелые), свидетельствующие о его поступательном психическом (в том числе, интеллек-

туальном) развитии. Развитие ума, например, помогли Николеньке уже в 14 лет более адекватно оценить ближайших родственников: отца, значимость которого для него заметно уменьшилась, когда он понял, что тот живет преимущественно для себя; бабушку, которая уже не казалась такой близкой, так как ее чувства были обращены больше не к ним — внукам, а к умершей любимой дочери (то есть были обращены в прошлое).

О рефлексивности как приоритетном свойстве души Николеньки свидетельствуют его переживания и наблюдения, связанные со смертью и похоронами бабушки. Переживаемое им «чувство страха смерти» («мертвое тело бабушки напомнило ему о том, что и он тоже когда-нибудь умрет»), действительно, более типично в этой ситуации для подрастающего человека, сознание которого направлено преимущественно на самого себя, чем переживание горя, которое свойственно, как правило, взрослому человеку, потерявшего со смертью любимого человека смысл жизни.

Важным фактором психического развития Николеньки стала его дружба с князем Дмитрием Нехлюдовым — приятелем старшего брата Володи. Построенная на взаимной искренности и уверенности друг в друге, эта дружба частично компенсировала дефицит общения, нужду в котором Николенька испытывал в течение всех лет отрочества. Общение Николеньки с Нехлюдовым протекало очень продуктивно: опираясь на идеал добродетели и убеждение в назначении человека постоянно совершенствоваться, они говорили практически обо всем, «возносясь к вершинам мысли» и «постигая необъятное...». Такое общение (отметим, честное общение, в котором особенно нуждаются взрослеющие люди) должно было значительно облегчить переход подростка Николеньки в «эпоху» юности, важной приметой которого стали его благородные мечтания, в том числе о будущем счастье.



Резюмируя, можно считать, что психическое созревание подростка Николеньки происходило без должного участия гувернера и приглашенных педагогов (применяемые ими «церберские методы», как правило, расстраивали его психику), но и без необходимой поддержки родных людей (отца, бабушки, старшего брата), которые не помогали ему становиться уверенным и волевым человеком, по существу отстранившись от его воспитания. Несмотря на это Николенька сумел самостоятельно (посредством активизации своих рефлексивных и смыслотворческих психических процессов), а также с помощью друга Дмитрия Нехлюдова, общение с которым было в эмоциональном и интеллектуальном отношении очень продуктивным, преодолеть трудности отрочества и психологически приблизился к следующей «эпохе» своего развития — юности. Правда, о достаточном психическом развитии (тем более о психической зрелости), вступающего в юность Николеньки, на наш взгляд, говорить не приходится. Об этом свидетельствует один, но существенный факт: выбор математического факультета для поступления в университет сделан был им без должного учета своих склонностей и интересов, а совершенно по-детски: потому что понравились слова «синусы, тангенсы, дифференциалы, интегралы и т. д.».

Приоритетный для подростка процесс полового созревания проходил у Николеньки сложно, прежде всего, потому, что никто из старших в этом ему по-настоящему не помог. В определенный момент (когда Николенька увидел, как Володя приставал к горничной Маше, и когда он стал подсматривать за «девичьей», где жила Маша и другие слуги) у него возникло острое желание физически прикоснуться к привлекательной взрослой женщине. Однако, как отмечает автор, он не мог реализовать этого желания «вследствие природной стыдливости и убежденности в собственной непривлекательности». По нашему же мнению, причина

этого более сложная: Николенька психологически еще не был готов к эротическим отношениям (особенно с взрослой женщиной), прежде всего из-за своей половой незрелости. Поэтому эротические мотивы (как преждевременные) быстро вытеснились романтическими мечтаниями, на основе которых у него стала развиваться способность к любви. Есть основания считать, что у Николеньки формировалась нетипичная для мужского пола способность к жертвенной любви, которая (как уже отмечалось) в значительной мере была обусловлена склонностью жалеть других людей, воспитанной в нем еще покойной матушкой. Романтический подход и жертвенность в любви отчетливо проявились у Николеньки по отношению к служанке Маше, которую он сначала мысленно любил, а потом также мысленно, представлял себя в роли покровителя, готового обеспечить ее счастье с другим человеком. О половой незрелости Николеньки свидетельствовала его реакция на «предательское» поведение «любимой» им Сонечки, когда в ролевой игре она выбрала не его, а Сережу Ивина. У более зрелого человека такое поведение девушки, скорее всего, вызвало бы ревность и стремление бороться за ее прежнее расположение. У Николеньки же возникли детские переживания: сначала обида, а потом злость на «даму своего сердца». О психосексуальной незрелости 15-летнего Николеньки свидетельствует также его непонимание «странных отношений» между Володей и Катенькой, их разговоров о половых взаимоотношениях.

Таким образом, можно говорить о некоторой задержке в психосексуальном развитии Николеньки: в 15-летнем возрасте, пройдя полноценно этап романтической любви (что принципиально важно для формирования нравственной основы сексуальности), ему было бы полезно войти в эротические отношения с какой-нибудь девушкой (например, с Катенькой, которая была «похожа на большую» и нравилась Николеньке

своим личиком, стройной фигурой и застенчивостью). Но этого не случилось и, по-видимому, вообще не могло случиться — бабушка, скорее всего, запретила бы внуку ухаживать за дочкой гувернантки. Найти же другую «даму сердца» для Николеньки было очень трудно. Бабушка из-за болезней перестала устраивать столь нужные для полового созревания внуков балы в своем доме, а папа по-прежнему не уделял сыновьям должного внимания и не выводил в «свет».

Воспитание Николеньки (после смерти матери) происходило без должного участия родных — отца, бабушки, старшего брата. Его душа требовала всестороннего общения и творческого подхода к различным сторонам собственной жизни. А родственники этого не обеспечивали: бабушка — из-за общей усталости и болезней; отец, поскольку по-прежнему много времени проводил в карточной игре; а Володя вообще не считал нужным заниматься младшим братом. В общении с братом Николенька особенно нуждался. Однако Володя «ставил себя выше» и не поддерживал его инициатив. Отсутствие добрых отношений между братьями свидетельствует о недостаточном их воспитании, прежде всего со стороны отца. Петр Александрович, как уже не раз отмечалось, не хотел и не умел заниматься воспитанием своих детей, а нередко даже подавал примеры дурного тона (особенно в общении с женским полом), что вызывало у Николеньки «моральные страдания». Не способствовала воспитанию детей и общая обстановка в доме — бабушка и отец, хотя и не ссорились открыто, но по всему было видно (и это замечали дети), что они не доверяют друг другу.

Не обеспечивали должного воспитания и развития Николеньки гувернеры Карл Иванович и сменивший его St.-Jerome, а также приходящие на дом учителя. Карл Иванович надоел Николеньке своим назиданиями и «классами» еще в деревне. С переездом в Москву

у него был шанс найти себя в новом качестве — стать для Николеньки интересным собеседником (в чем тот особенно нуждался), но не смог этого сделать из-за своей низкой культуры. Что же касается нового гувернера и приходящих учителей, то они, к сожалению, выполняли свои, с позволения сказать, «педагогические» обязанности формально (нередко, доходя до жестокости). Применяя преимущественно методы устрашения, унижения, наказания, они деформировали мотивационную сферу Николеньки, расстраивали его психику, вызывая в нем страх, отчаяние, ненависть и другие негативные переживания, а главное — провоцировали его на опасные для здоровья мысли, в том числе о собственной смерти.

В сложившейся «кризисной» ситуации, не найдя опоры и поддержки у взрослых, Николенька, как уже отмечалось, стал вести уединенную, сосредоточенную на самом себе «моральную жизнь». То есть, сам того не понимая, активно занялся самовоспитанием. Благодаря включению и реализации внутренней мотивации на самопознание и смыслотворчество, Николенька стал по-новому (более критично) оценивать самого себя и окружающих людей, в том числе, ближайших родственников (отца и бабушку), которые стали ему после этого менее дороги. Активная рефлексивная и смыслотворческая деятельности обеспечили главное — поступательное развитие его души. В этом состоит бесспорная заслуга самого Николеньки — его здорового начала, сформированного еще в детстве усилиями, прежде всего матушкой.

Благотворной (с точки зрения воспитания и формирования здоровья), хотя и запоздалой по времени, оказалась для Николеньки дружба с Дмитрием Нехлюдовым. Построенная на восхищении его телесной красотой, искренности, идеалах добродетели и творческой активности при обсуждении различных тем (бу-

душей жизни, счастья, любви, женитьбы, воспитания детей и т.д.), эта дружба приносила Николеньке (как, впрочем, и его другу) большое удовлетворение, а значит, формировала интеллект, укрепляла психику, способствовала правильному взрослению.

## «ЮНОСТЬ»

В юности в силу актуализации социальных потребностей в *самовыражении, самоутверждении, самосовершенствовании и самоопределении*, у человека начинает активно формироваться социальный статус в форме готовности к профессиональной и семейной жизни. Иначе говоря, социальный статус постепенно становится определяющим (доминирующим) в жизни. В то же время у молодого человека, безусловно, продолжают развиваться и тело, и психика, но уже медленнее, как бы интегрируясь в социальный статус. С учетом этого в повести «Юность» нами анализировались, главным образом, социальные проявления Николеньки Иртеньева, черты характера и связанные с этим поведенческие акты, обусловленные воспитанием и характеризующие степень его социальной зрелости.

Начало своей юности Николенька Иртеньев связывает с Дмитрием Нехлюдовым, дружба с которым в большей степени повлияла на его взросление и, следовательно, на социальное созревание. «...Дружба моя с Дмитрием открыла мне новый взгляд на жизнь, ее цель и отношения. Сущность этого взгляда состояла в убеждении, что назначение человека есть стремление к нравственному усовершенствованию и что усовершенствование это легко, возможно и вечно. Но до сих пор я наслаждался только открытием новых

мыслей, вытекающих из этого убеждения, и составлением блестящих планов нравственной, деятельной будущности; но жизнь моя шла все тем же мелочным, запутанным и праздным порядком» (с. 134). Иногда (после эмоционально окрашенных размышлений) к Николеньке приходили *угорелые* мысли («...надо скорей, скорей сию же минуту сделаться другим человеком, и начать жить иначе...» (с. 136)). Как видим, он хорошо осознавал важность нравственного самосовершенствования, что следует поставить в заслугу Дмитрию Нехлюдову. Почему же его планы оставались не реализованными? Причина, по нашему мнению, заключается в том, что к исходу 16-ти лет Николенька, несмотря на плодотворное влияние Дмитрия, не достиг полноты социальной зрелости — не определился ни в личностном, ни в профессиональном плане. Об этом свидетельствует его отношение к учебе («...я поневоле и неохотно готовился к университету») и внеурочным занятиям («...вне учения занятия мои состояли в уединенных бессвязных мечтах и размышлениях... в шлянии без всякой определенной цели и мысли по всем комнатам и особенно коридору девичьей»). Важно отметить, что Л. Толстой (в лице Николеньки) правильно оценивал характер мечтаний нашего героя: «...Мечты моей юности также ребячески, как мечты детства и отрочества... И стариком я буду также невозможно ребячески мечтать... Нет человеческого существа и возраста, лишенного этой благодетельной, утешительной способности мечтания... Мечтания каждого человека и каждого возраста имеют свой отличительный характер. В тот период, который я считаю *пределом* отрочества и *началом* юности, основой моих мечтаний были четыре чувства: любовь к *ней*, к воображаемой женщине, о которой я мечтал всегда в одном и том же смысле

и которую всякую минуту ожидал где-нибудь встретить. Это *она* была немножечко Сонечка, немножечко Маша, жена Василия... немножечко женщина, которую однажды видел в театре... Второе чувство было любовь любви. Мне хотелось, чтобы все меня знали и любили. Мне хотелось сказать свое имя: Николай Иртеньев, и чтобы все были поражены этим известием, обступили бы меня и благодарили бы за что-нибудь. Третье чувство была надежда на необыкновенное, тщеславное счастье — такая сильная и твердая, что она переходила в сумасшествие. Я так был уверен, что очень скоро, вследствие какого-нибудь необыкновенного случая, вдруг сделаюсь самым богатым и самым знатным человеком в мире, что беспрестанно находился в тревожном ожидании чего-то волшебного счастливого... Поэтому всегда торопился, полагая, что уже *начинается* там, где меня нет... Главное чувство было отвращение к самому себе и раскаяние, но раскаяние до такой степени слитое с надеждой на счастье, что оно не имело в себе ничего печального...» (с. 138). Таким образом, как заключает сам автор, главным душевным состоянием Николеньки в этот период было «страстное желание совершенства» и «вера в добро и счастье будущего».

Мечтания, основанные на завышенных притязаниях, *тревожное ожидание* счастья и боязнь, что оно может начаться там, где его нет, наконец, расчет на *необыкновенный случай*, а не на собственные силы и активность — все это свидетельствует о психическом напряжении, возникшем в душе Николеньки в период его перехода из отрочества в юность. Это напряжение, по нашему мнению, было обусловлено внутренними противоречиями: с одной стороны, Николеньке (еще подростку) хотелось, не прилагая никаких собственных усилий, как по волшебству, в одно

мгновение стать известным, богатым и любимым, то есть стать взрослым счастливым человеком (отметим, что это желание было у него всеобъемлющим и доминирующим, отсюда и уверенность, или правильнее — вера в его исполнение), а с другой стороны, он все же интуитивно чувствовал, что его мечтания в реальной жизни неосуществимы.

Важно отметить, что «ребяческие» мечтания Николеньки носили характер «разумной, нравственной, безупречной жизни» (убираться без слуги в собственной комнате; ходить в университет пешком, а не ездить на дрожках; сделаться «первым ученым в России»; помогать бедным и пр.). Проблема состояла в том, что эти мечтания не побудили его к соответствующей социальной активности. Следовательно, они имели для него в основном *утешительное* (психорегулирующее) значение. Видимо, Николенька просто не осознавал (в силу неполной зрелости), как заняться своим социальным развитием. Активность Николенька проявил только в делании гимнастики, с помощью которой он хотел улучшить свою фигуру, даже мечтал «сделаться первым силачом в мире», так как его непривлекательная внешность по-прежнему его раздражала. «Ребяческие» мечтания и направленность сознания на собственное тело свидетельствуют о том, что Николенька еще *не вышел из подростковости*.

О том, что к 17-ти годам Николенька не достиг социальной зрелости и в душе оставался еще подростком свидетельствуют многие последующие события: не написанные им «Правила жизни» (за написание которых он брался много раз); страх божьего наказания в виде смерти за утаенный им на исповеди «стыдный грех» (который, скорее всего, грехом-то вовсе не был); случайность поступления в университет (выдержать экзамены помогли не мотивация профессионально-



го самоопределения и соответствующая подготовка, а желание выглядеть «дельным малым» в глазах Дмитрия Нехлюдова и удачно выбранный билет по математике, который с помощью друга он прошел перед самым вызовом к доске (с. 153); бестолковая трата выделенных отцом после зачисления в университет денег на ненужные предметы, в том числе на «курительные препараты» и шампанское; кутеж с первокурсниками до потери контроля над собой; другие поступки (с. 154, 159, 164, 225).

Одновременно важно отметить наличие у Николеньки хорошей интуиции и наблюдательности, что свидетельствовало о его природных умственных способностях, которые с полным основанием можно считать психическим потенциалом его будущего социального созревания. Интуиция Николеньки проявилась, прежде всего в разделении людей на «благовоспитанных» и «неблаговоспитанных», бессознательном подведении каждого нового лица под одно из названных «подразделений» (с. 205–206). Важно, что «благовоспитанность» Николенька ставил выше профессии человека, что с нравственной, а значит, и социальной точки зрения совершенно правильно. Одновременно, надо сказать, что понимание сущности «благовоспитанности» у Николеньки было очень ограниченным. «Благовоспитанность» он связывал с отличным знанием французского языка, длинными и очищенными ногтями, умением кланяться, танцевать, вести беседу и изображать «изящную скуку» (равнодушие ко всему окружающему). Чтобы понять ограниченность приведенного понимания, отметим, что с точки зрения современной научной педагогики «благовоспитанность» (или *воспитанность*) взрослого человека следует связывать с его устойчивой мотивацией на самосовершенствование во всех исполняемых им дея-

тельностью, в том числе в процессе профессионального образования (об этом мы говорили в Предисловии). Конечно, ожидать в то время от 17-летнего юноши такого понимания было невозможно. Похвально, что Николенька вообще пришел к принципиально важному (и, на наш взгляд, вполне научному) подходу к разделению людей по степени их воспитанности. Похвально и другое — в соответствие со своими представлениями, он втихомолку работал над французским языком, умением кланяться, танцевать и пр. Понятно, что себя Николенька причислял к «благовоспитанным» людям, которых уважал и считал достойными иметь с ним равные отношения. Других, то есть «неблаговоспитанных» (в том числе *простой народ*) Николенька презирал и даже ненавидел (что, разумеется, было незаслуженно, в чем он убедился позже, когда «казеннокоштные» студенты-однокурсники, которых он считал «неблаговоспитанными», бескорыстно помогали ему готовиться к экзаменам).

Что же касается наблюдательности Николеньки, то она проявилась у него уже на первом вступительном экзамене в университет. Он отметил, что профессора «притворяются», «лицемерят» и незаслуженно унижают экзаменующихся (с. 152). Это до такой степени его поразило, что он хотел дальше не экзаменоваться. Не сделал этого Николенька только потому, что «был не свободен в своих поступках». Однако остальные экзамены он уже сдавал без всякого старания и волнения, решив, что «глупо стараться быть первым». С установкой «не быть первым, но не быть и последним» он весь год проходил в университет. Такая социальная установка, безусловно, была вызвана сильным разочарованием (оказывается, во «взрослой жизни», преобладают притворство, неуважение, несправедливость и другие людские пороки). Неудиви-

тельно, что после этого Николенька стал критически (даже с предубеждением) относиться к профессорам и их лекциям. Так уже на первых лекциях он решил, что «записывание всего, что будет говорить всякий профессор, не нужно и даже глупо» (с. 220). И этого правила продолжал придерживаться на всех лекциях. Правда, он регулярно ходил в университет, но делал это скорее по выработанной привычке, так как *papa* каждое утро «усылал его из дома». На лекциях же, сидя на задней лавке, он чаще всего о чем-нибудь мечтал и наблюдал за товарищами, а во время перерыва любил участвовать в различного рода «проделках», например, мог с кем-нибудь «сбежать к Матерну выпить водки и закусить, а затем, зная, что за это могут распечь, после профессора, робко скрипнув дверью, войти в аудиторию» (с. 237).

Незнающие Николеньку люди (в частности, экзаменирующие его профессора), безусловно, такое его отношение к учебе в университете определили бы как безответственное, как признак невоспитанности и незрелости. Однако наше знание Николеньки позволяет рассмотреть его поведение с иных позиций. На наш взгляд, хорошая интуиция Николеньки (о ней, как о психическом потенциале его будущего социального созревания, уже говорилось выше) ему и подсказала, что выполнять по принуждению рутинную учебную работу в психологическом отношении неперспективно, и чтобы не развратить собственную душу, лучше ею не заниматься. Конечно, к такому выводу Николенька пришел неосознанно, в силу устойчивого внутреннего побуждения к самосовершенствованию, которое практически не удовлетворялось на занятиях в университете.

Итак, отдадим должное Николеньке, который не захотел приспособливаться к рутинному, проти-

воречащему его потребностям преподаванию в университете, не стал демонстрировать ложный интерес к учебе и имитировать учебную активность. Разумеется, возникшее внутриспсихическое противоречие не могло его не беспокоить. К весне беспокойство усилилось — в голову стала приходить вполне здравая мысль: сможет ли он выдержать экзамены? Но он быстро успокоился. Сравнивая себя с другими студентами, он решил, что большинство из них (несмотря на свою «неблаговоспитанность») все же должны выдержать экзамены. Следовательно, у него как человека «благовоспитанного» шансов этого добиться много больше. Такая логика, конечно, была бы верной, если бы процесс обучения, в том числе «держания экзаменов» в университете осуществлялись на добропорядочной, а главное на креативной (творческой) основе (на что интуитивно рассчитывал Николенька), а не рутинно — в форме запоминания и пересказывания нормативных знаний. Таким образом, есть все основания оправдать Николеньку за «веселое» времяпрепровождение в университете, которое с точки зрения *психического самосохранения*, безусловно, было более полезным, нежели, если бы он занимался деформирующей душу зубрежкой, вызывающей у способного человека отвращение.

Провал Николеньки уже на первом экзамене, конечно, был закономерным. К сожалению, его он пережил как несчастье, то есть слишком тяжело (с. 244–245). Отметим, что тяжесть переживания была вызвана не страхом исключения из университета (никаких профессиональных планов на будущее, как известно, Николенька не строил), а его ущемленным самолюбием. Ведь он неожиданно оказался в униженном положении перед студентами, которых презирал (причем, нередко откровенно) как «неблаговос-

питанных», то есть как людей *второго сорта*. Таким образом, подтвердилась ранее высказанная мысль о том, что поступление в университет было для Николеньки случайным (либо преждевременным, либо вообще ошибочным). К сожалению, к такому выводу он не сумел прийти самостоятельно, что лишний раз доказывает его социальную незрелость. Поэтому в своем «несчастье» Николенька винил кого угодно (высокомерных профессоров, отца, который послал его учиться, других близких людей), но только не себя (с. 245). И в значительной мере он был прав: ведь профессора не сумели сформировать у Николеньки соответствующую мотивацию, а близкие люди (в том числе брат Володя и друг Дмитрий, которые поступили в университет годом раньше) не предупредили его о *сложностях* университетской жизни. В этой связи можно вспомнить, что сам Л. Толстой бросил учебу в Казанском университете, но это, вряд ли, отрицательно сказалось на его судьбе.

Заключая, можно констатировать, что к исходу 17-ти лет студент университета Николенька Иртеньев еще не созрел (как этого можно было бы ожидать) в социальном плане, и это стало причиной многих его ошибочных поступков и неприятностей. В то же время важно отметить, что благодаря развитой интуиции, наблюдательности и устойчивой потребности в самосовершенствовании, он, чтобы не навредить себе, не притворялся и не приспособливался в университете, а главное — не предавался вредным занятиям (например, «кутежам» среди студентов), сохранив тем самым в себе психический резерв для социального созревания в будущем. Неслучайно, оправившись от неудачи, Николенька вновь решил писать «Правила жизни», чтобы уже никогда им не изменять. И судя

по заключительным словам в повести, другая половина его юности сложилась более счастливо.

В повести «Юность», как и в предыдущих, Л. Толстой большое внимание уделяет половой жизни Николеньки, голова которого в описываемый период была переполнена романтическими мечтаниями, ожиданием любви и встречи с *ней*.

Беспрестанно находясь в тревожном ожидании чего-то волшебного счастливого, он предавался мечтаниям, которые, как уже отмечалось, носили характер «разумной, нравственной, безупречной жизни». Доказательством может служить следующий монолог мечтающего Николеньки: «...для приготовления к лекциям буду ходить пешком на Воробьевы горы, буду читать, возьму с собой что-нибудь закусить (сыру или пирожок), потом буду читать какую-нибудь хорошую книгу, или рисовать виды, или играть на каком-нибудь музыкальном инструменте (обязательно выучусь играть на флейте) ...Потом *она* тоже будет ходить гулять на Воробьевы горы. И когда-нибудь подойдет ко мне и спросит: кто я такой?...станем друзьями... буду целовать ее...» (с. 137). Понятно, что размечтавшись, Николенька порой не мог совладать с самим собой. «...Бывало утром занимаешься в классной комнате и знаешь, что необходимо работать... но вдруг пахнет из окна каким-нибудь весенним духом... и в голове начинают пробегать разные пестрые, веселые мечты... Или тоже сидишь за книгой и кое-как сосредоточишься... как вдруг по коридору услышишь женские шаги и шум платья ...и все выскочит из головы «а ежели вдруг это *она*» и «я пропущу?»» (с. 148).

Важно подчеркнуть, что мечтания о *ней* носили у Николеньки преимущественно романтический характер. Встречая возможный предмет своей любви, он постоянно спрашивал себя: «Неужели это *она*?

Неужели *начинается?*» (с. 191). Иногда он убеждал себя в том, что влюбился и что надо думать о *ней*. Но всякий раз, как только он в этом себе признавался или рассказывал об этом, например, другу Дмитрию, чувство любви почему-то начинало уменьшаться, а потом он и вовсе переставал думать о предмете своей страсти. Так происходило по отношению к Сонечке, которую в описываемый период он «любил» два раза. Первый раз — в ожидании новой встречи с ней он просто «приготовился» в нее влюбиться. Дело в том, что Сонечка вернулась после двухлетнего пребывания за границей и Николенька воображал увидеть ее необыкновенно привлекательной, хотя и чуть-чуть изуродованной (ведь с ней случилось несчастье: выпав из кареты, она изрезала лицо стеклами). Кроме богатого воображения и сострадания, возникновению «любви» способствовало и то, что в первые же минуты встречи Сонечка проявила к нему нежность, назвав его ласково «милый *Nikolas*» (с. 171).

В другой раз он влюбился в Сонечку, когда сестра Любочка дала ему тетрадь стихов, переписанных Сонечкой, в которой «Демон» Лермонтова был во многих мрачно-любовных местах подчеркнут красными чернилами и заложен цветочками. Вспомнив, как Володя целовал кошелек своей барышни, он попробовал сделать то же. И действительно, когда он вечером в своей комнате стал мечтать, глядя на цветок, и прикладывать его к губам, то почувствовал приятно-слезливое расположение и снова был влюблен... (с. 222–223).

Менее эмоционально (а более рассудительно) строились отношения Николеньки с Варенькой — сестрой друга Дмитрия. Николенька размышлял о том, что хорошо бы сделаться членом этого семейства, и представлял, как Варенька становится его женой, а сестра Любочка женой Дмитрия. При этом он сожалел: «Как

жалко, что Варенька не хорошенькая и вообще не Сонечка» (с. 191, 194). В то же время, когда Варенька в задумчивости принимала «величавую позу», Николеньку вновь будоражила мысль «Не *начинается* ли?»

Будучи уже студентом, Николенька влюблялся в незнакомых и даже замужних женщин. Он живо воображал себе, как похищает ту или иную женщину, как увозит ее в деревню, как с ней живет и что делает... В таких случаях на него, как отмечено в повести, находила застенчивость в тысячу раз сильнее той, которую он испытывал с Сонечкой. И чтобы женщина не узнала о его любви и даже о его существовании, вел себя очень скрытно.

Тема любви и будущей семейной жизни, как и следовало бы ожидать, неоднократно возникала в беседах Николеньки с другом Дмитрием. Эти беседы, как правило, приносили обоим большое удовлетворение. Правда, Николенька больше слушал, чем говорил, стесняясь сообщить своему другу даже про любовь к Сонечке. Дмитрий же, рассказывая о живущей в их доме *рыженькой* Любове Сергеевне и о своей сестре Вареньке, совершенно обоснованно отмечал, что любить нужно не за красоту, а за добрую душу (с. 180–182).

Отдельная глава в повести отводится отношениям Николеньки с уже повзрослевшими «домашними» девочками — Катенькой и сестрой Любочкой. Николенька, по примеру старшего брата Володи, относился к ним с презрением, так как у них, по его наблюдениям, отсутствовало логическое мышление, и они «не имели нашего понимания». Позже он признал, что был несправедлив по отношению к девочкам. Л. Толстой от имени уже повзрослевшего Николеньки об этом пишет так: «Там где мы видели фразу, они видели чувство, наша ирония была для них правдой... Но



тогда я не понимал того, что они не виноваты в этом отношении и что это отсутствие понимания не мешает им быть и хорошенькими и умными девочками, а я презирал их... обвинял в притворстве и скрытности...» (с. 201). Заслуживает внимание определение любви, которое Николенька дал в одном из разговоров с Катенькой: «любовь как желание приобрести в другом то, чего сам не имеешь» (с. 201). В этом определении, подтверждающем развитость интуиции нашего героя, просматривается приоритетный для взрослого человека социальный подход к любви — любовь как стремление и способность дополнять и обогащать друг друга. Однако высказанная Николенькой здравая мысль, к сожалению, не нашла соответствующего развития в размышлениях самого Л. Толстого. В повести писатель (как бы делая философское отступление) выделяет три вида любви (с. 186–188), которые он также рассматривает больше в социальном, нежели в половом плане, но которые, по нашему мнению, нельзя считать полноценными: 1) «любовь красивая» — как приятное, постоянно возбуждаемое самим человеком чувство (в ее основе, по нашему мнению, лежит самовнушение и имитация); 2) «любовь самоотверженная» — как навязчивое стремление постоянно доказывать другому свою любовь (это, по нашему мнению, больше свойственно невротикам); 3) «любовь деятельная» — как готовность удовлетворять все нужды, желания и даже пороки любимого существа (такая любовь, по нашему мнению, похожа на привычку). На что опирался Л. Толстой (напомним, еще молодой человек), создавая такую классификацию? Видимо, на свои наблюдения за ближайшим окружением: отцом, который лишь изображал любовь к жене и собственным детям, так как на большее не был способен; материю — Натальей Николаевной, которая любила мужа

больше умом, чем сердцем, поэтому терпела все его пороки; Авдотьей Васильевной — второй женой отца, которая жертвовала собой ради мужа и получала от этого моральное удовлетворение (*об этой женщине мы не писали, так как она не имела никакого отношения к воспитанию Николеньки*).

Итак, можно говорить о том, что к 17-ти годам у Николеньки актуализировалась и стала доминирующей потребность в любви, которая, к сожалению, должным образом не удовлетворялась. Девочки, которые его окружали (Сонечка, Варенька, Катенька), вследствие своей слабо выраженной сексуальности, не пробуждали в нем высоких эротических чувств и соответствующих социальных устремлений. Светские балы, где можно было завести знакомство, Николенька избегал, так как они вызывали в нем тяжелые переживания (подавленность, тоску, отчаяние). Встретить *ее* «где-нибудь в необыкновенном месте» также не получалось. Вот и предавался юный Николенька разного рода романтическим мечтаниям, более свойственным подростку.

Повлияла ли неполноценная половая жизнь в юношеском возрасте на готовность Николеньки к созданию семьи и его дальнейшую судьбу? Ответ на этот вопрос мы встречаем в *главе XXIV «Любовь»*. В ней Л. Толстой от имени Николеньки замечает, что он «был так несчастлив в жизни, что никогда не видал ...в любви ни одной искры правды, а только ложь, в которой чувственность, супружеские отношения, деньги, желание связать или развязать себе руки до того запутывали самое чувство, что ничего разобрать нельзя было» (с. 186). Этот вывод сделан по-житейски: раз счастья нет, значит, нет и любви. С социально-педагогической точки зрения вывод должен быть другим: счастья не может быть, если в человеке не

развита способность к любви. Соответственно, чтобы быть счастливым, надо развивать в себе способность любить. Таким образом можно думать, что счастливая семейная жизнь Николая Иртеньева в будущем не сложилась главным образом потому, что в юности (и видимо, в последующие периоды жизни) у него не развилась способность любить.

Зададимся последним вопросом: почему к 18-ти годам Николенька оказался не вполне зрелым в социальном и половом отношении человеком?

На наш взгляд, причина заключена в недостаточном воспитании. Вспомним, что еще в подростковом возрасте никто (ни гувернеры, ни отец, ни другие родственники) должным образом воспитанием Николеньки не занимались. Правда, оставшись без внимания, он сумел прислушаться к своим внутренним побуждениям (или внутреннему зову) и активно заняться самовоспитанием, что способствовало сохранению и развитию его души. В юности же Николенька также остался без должного внимания со стороны отца и других родственников. Хорошо, что в это время он встретил друга — Дмитрия Нехлюдова. Благодаря его влиянию у нашего героя сформировались «страстное желание совершенства» и «вера в добро и счастье будущего». Однако для социального и полового созревания Николеньки этой дружбы оказалось недостаточно. Тем более, что влияние Дмитрия, которого Николенька сумел лучше узнать, бывая у него дома, стало ослабевать. Нужны были новые друзья, новые эротические привязанности, а главное — участие в актуальных социально значимых видах деятельности. Однако среди новых друзей Николеньки оказались люди (в основном так называемые «казеннокоштные» студенты), которых он одновременно и уважал (за их природный ум и удальство), и пре-

зирал за «непорядочную внешность» (розовые рубашки, нагрудники, грязные руки с обгрызенными ногтями) и «неблаговоспитанность» (неправильную речь, ругательства, кутежи). К чести Николеньки, в общении с новыми друзьями он вел себя сдержанно и не поддавался дурному влиянию. Не встретил он в этот период (хотя очень этого хотел) и «необыкновенную» барышню, которая могла бы стимулировать его половое и социальное развитие. Наконец, учеба в университете (из-за своей рутинности), не вызвала у Николеньки устойчивой мотивации профессионального и личностного роста, поэтому не сопровождалась творческой самоотдачей и социальными достижениями. Что же оставалось делать в сложившейся ситуации 18-ти летнему Николаю Иртеньеву — человеку физически здоровому, моральному, с «неповрежденной» психикой и развитой интуицией, хотя и не вполне зрелому в социальном отношении?.. Идти в социальную жизнь, причем в ту ее область, которая могла бы активизировать его стремления к самовыражению, самоутверждению, самоопределению и самосовершенствованию. Такой (экстремальной по характеру) социальной деятельностью для молодого человека (дворянина) в то время могла стать служба в армии, ведущей боевые действия с неприятелем. Если бы высокоуважаемый Лев Николаевич Толстой написал (как намеревался) вторую часть повести «Юность», возможно, так бы оно и случилось.



В повести «Юность», как и следовало бы ожидать, основное внимание Л. Н. Толстой уделил социальной стороне жизнедеятельности Николеньки, связанной,

во-первых, с подготовкой и поступлением его в университет, с самой учебой в университете; во-вторых, с построением отношений с представителями противоположного пола. Прочие описанные в повести события прямо или косвенно связаны с этими сторонами его жизни. Сущность социально-педагогического анализа содержания повести, таким образом, сводилась к оценке социального благополучия (соответственно, социальной зрелости) Николеньки на основе изучения его образовательной деятельности и полового поведения и связанных с ними педагогических событий.

В начале юности (как и в подростковом возрасте) на развитие Николеньки наибольшее влияние оказывал его друг Дмитрий Нехлюдов, который открыл ему «новый взгляд на жизнь» и внушил «веру в добро и счастье будущего». Согласившись с суждениями друга, Николенька, тем не менее, не занялся составлением, как намеревался, «Правил жизни» и их исполнением, а стал предаваться несбыточным мечтаниям о том, как без усилий (по волшебству) стать известным, богатым, любимым, счастливым человеком. Мечтания Николеньки Л. Н. Толстой назвал «ребяческими» (то есть социально незрелыми), обоснованно считая, что они имели для него, прежде всего «утешительное» (то есть психорегулирующее) значение. К сожалению, и многие другие поступки Николеньки, произошедшие в это время, говорили о том, что к 17-ти годам (несмотря на благотворное влияние Дмитрия Нехлюдова) он еще не достиг социальной зрелости и в душе оставался подростком. К таким социально незрелым поступкам следует отнести случайное (не основанное на знании себя и соответствующей мотивации) поступление Николеньки в университет; бестолковую (нередко в ущерб здоровью) трату выделенных отцом после зачисления в университет денег и другие поступки.

В то же время анализ показал, что у Николеньки имелся значительный психический потенциал для будущего социального созревания. Это его природные умственные способности — развитая интуиция и хорошая наблюдательность. Интуиция Николеньки проявилась, прежде всего, в разделении людей по педагогическому признаку (единственно правильно-му!) на «благовоспитанных» и «неблаговоспитанных» (правда, такое разделение людей осуществлялось им главным образом на основании оценки их поведения и приобретенных навыков, а не мотивационно-смысловой направленности их личности). Но даже примитивное понимание воспитанности (ведь оно было собственным, а не чужим) побуждало его к самосовершенствованию. С другой стороны, у него неожиданно пробудилось негативное, а подчас даже презрительное отношение к так называемым «неблаговоспитанным» людям, что свидетельствовало о его неполноценной воспитанности. Наблюдательность Николеньки проявилась уже на первом вступительном экзамене в университет, а затем на лекциях, когда он заметил, что профессора «притворяются», «лицемерят» и незаслуженно унижают экзаменующихся и студентов. Это до такой степени его разочаровало, что он решил сильно не стараться и среди студентов не выпячиваться. Сидя на задней лавке, он в основном мечтал и наблюдал за товарищами, а во время перерыва любил отлучиться, чтобы выпить водки и заку- сить, после чего с новой силой предавался мечтам...

Такое отношение Николеньки к учебе (на первый взгляд совершенно безответственное) было продиктовано внутренним побуждением (чистой интуицией) — нежеланием приспособливаться к рутинному, противоречащему его потребностям преподаванию в университете, демонстрировать ложный интерес к учебе, имитировать учебную активность и тем самым расстраивать свою душу.

Закономерным был провал Николеньки уже на первом экзамене, который, он, к сожалению, пережил слишком тяжело (как несчастье). Но главная причина переживаний была связана вовсе не с исключением его из университета, а с чувством стыда за свое унижительное положение перед теми студентами, которых он презирал, считая «неблаговоспитанными» (или людьми «второго сорта»). Этим фактом подтверждается ранее высказанная нами мысль о том, что поступление в университет было для Николеньки случайным (социально не мотивированным). О социальной незрелости Николеньки свидетельствовало также то, что в своем «несчастье» он винил кого угодно (высокомерных профессоров; отца, который послал его учиться; других близких людей), но только не себя. В значительной мере он был прав: ведь профессора не сумели сформировать у Николеньки соответствующую мотивацию, а близкие люди (в том числе брат Володя и друг Дмитрий, которые поступили в университет годом раньше) не предупредили его о «сложностях» университетской жизни.

В повести «Юность», как и в предыдущих, Л. Н. Толстой большое внимание уделил половой жизни Николеньки, у которого к 17-ти годам потребность в любви стала доминирующей, но которая, к сожалению, должным образом не удовлетворялась. Так, девочки, которые его окружали (Сонечка, Варенька, Катенька), вследствие слабо выраженной у них сексуальности, не пробуждали в нем высоких эротических чувств и соответствующих устремлений. Например, Сонечку в описываемый период Николенька «любил» несколько раз, каждый раз спрашивая себя: Неужели это она? Неужели начинается? Он даже убеждал себя в том, что влюбился и что надо думать о ней. Но всякий раз, как только он себе в этом признавался, чувство любви почему-то начинало уменьшаться, а позже он и вовсе переставал думать о предмете своей страсти. Бывая же

в доме Нехлюдовых, у Николеньки чаще всего возникала мысль (но не чувство, к сожалению), что хорошо бы сделаться членом этого семейства. А далее он представлял, как Варенька (сестра Дмитрия) становится его женой, а его сестра Любочка женой Дмитрия. Размышляя так, он в то же время сожалел, что Варенька не такая хорошенькая, как Сонечка. Что касается «домашних» девочек — сестры Любочки и Катеньки, то к ним Николенька и вовсе относился с презрением, так как у них, по его наблюдениям, отсутствовало логическое мышление, и они «не имели нашего понимания».

Завести знакомство с прелестной барышней, конечно, можно было на светских балах. Однако балы с некоторых пор вызывали в Николеньке тяжелые переживания (подавленность, тоску, отчаяние), поэтому он перестал на них бывать. Встретить ее «где-нибудь в необыкновенном месте» также не получалось. Поэтому и предавался юный Николенька разного рода романтическим мечтаньям, более свойственным подростку. Например, влюблялся в какую-нибудь незнакомую, даже замужнюю женщину и воображал, как похищает ее, увозит в деревню и живет с ней...

Тема любви и будущей семейной жизни, как и следовало бы ожидать, неоднократно возникала в беседах Николеньки с другом Дмитрием, который совершенно обоснованно отмечал, что любить женщину надо не за красоту, а за добрую душу. В этой связи заслуживает внимание определение любви, которое Николенька дал в одном из разговоров, правда, не с Дмитрием (его он больше выслушивал, чем сам высказывался), а с Катенькой: «любовь как желание приобрести в другом то, чего сам не имеешь». В этом определении, подтверждающем развитость интуиции нашего героя, просматривается приоритетный для взрослого человека социальный подход к любви — любовь как стремление и способность дополнять и обогащать друг друга.



В конце повести закономерно встает вопрос, был ли Николай Иртеньев счастлив в жизни? На этот вопрос Л. Н. Толстой от лица Николеньки дает прямой ответ: счастлив не был, так как не встретил честной любви... Этим ответом наш герой как бы снимает с себя вину за собственную несчастьность. И в этом мы не можем с ним согласиться. По нашему разумению, счастливая семейная жизнь Николеньки в будущем не сложилась потому, что в юности (и видимо, в последующие периоды жизни) у него не развилась в полной мере способность любить — генеральная способность человека. Иначе бы он смог разглядеть среди женщин ту единственную, которая способна ответить взаимностью на его честную любовь (к тому же в его памяти сохранился образ незабвенной матушки — верной и любящей жены, честной и заботливой матери).

Итак, к 18-ти годам Николенька Иртеньев (физически здоровый, с «неповрежденной» психикой и развитой интуицией) все же оказался не вполне зрелым в социальном и половом отношении человеком. Причина заключена в недостаточности его воспитания со стороны гувернеров, университетских преподавателей, отца, других родственников. Все лучшее в нем в этот период было обусловлено самовоспитанием, побудительной основой которого стала сформированная еще матушкой в детстве внутренняя потребность к саморазвитию, позже трансформированная в потребности более высокого порядка: потребность в самопознании (в отрочестве) и потребность в самосовершенствовании (в юности), благодаря, главным образом, общению со старшим другом Дмитрием Нехлюдовым. Однако для полного созревания Николеньки этого все же оказалось недостаточно. Нашему герою нужны были новые друзья, новые эротические привязанности, а главное — участие в социально значимых видах деятельности, способных активизировать его потребно-

сти в самовыражении, самоутверждении, самоопределении и самосовершенствовании.

Как сложилась дальнейшая судьба Николая Иртеньева? О его несчастливой семейной жизни автор нам поведал. Что же касается трудовой деятельности, то о ней можно только догадываться. Вряд ли наш герой преуспел бы на государственной службе или помещичьем хозяйствовании. Учитывая его интуицию, наблюдательность и склонность оставаться в любой ситуации независимым — его уделом могла стать какая-то творческая деятельность. Какая? Из содержания повестей видно, что ни в детстве, ни в отрочестве, ни в юности он не проявлял выраженных наклонностей к какому-либо творчеству, кроме одного — художественного интереса к самой жизни, взаимоотношению людей и их характерам...

**«ЖИВАЯ» ПЕДАГОГИКА**  
**Н. С. ЛЕСКОВА**  
**(в повести «Детские годы»)**

*Ребенок есть тот же человек в миниатюре,  
которая все увеличивается.*

*Н. С. Лесков*

Социально-педагогический анализ повести Н. С. Лескова «Детские годы» (Лесков Н. С. Захудалый род. Детские годы. Павлин. М.: Сов. Россия, 1985) осуществлялся нами согласно ранее выдвинутой *идеи* и с учетом опыта работы над трилогией Л. Н. Толстого. Главное состояло в том, чтобы понять авторский замысел, выделить в повести педагогические события, дать им оценку с позиции концепции воспитания П. В. Симонова и изучить зависимость судьбы главного персонажа повести Меркула Праотцева от особенностей его воспитания.

## **ПРЕДВЕСТИЕ СУДЬБЫ**

### **АВТОРСКИЙ ЗАМЫСЕЛ**

Н. С. Лесков в повести выступает от имени некоего Меркула Праотцева — послушника монастыря, основным занятием которого в «миру» была живопись.

Меркул Праотцев, психологически готовясь к смерти (хотя ему чуть больше 40 лет), пишет о мотивах, которые побудили его к написанию воспоминаний о своем детстве, или «исповеди», как он уточняет. Слово «исповедь», по-видимому, автор использует не случайно, ведь он готовится к смерти не где-нибудь, а в стенах монастыря.

Почему же Меркул Праотцев решил написать о своем детстве? Оказывается, вовсе не потому, что «находил свою жизнь особенно интересною и назидательною» (с. 207). Его история, как он пишет, «по частям встречается во множестве современных романов» (с. 207). Но он попытался ее рассказать не так, как рассказывают в искусственных по форме романах «с закругленной фабулой и сосредоточением всего около главного героя», а иначе, что, как ему кажется, и «может составить интерес, и даже новость, и даже назидание» (с. 207).

Как же автор задумал написать свою повесть?

По его мнению, в жизни все не так, как в романах. Он пишет: «Жизнь человека идет как развивающаяся со скалки хартия, и я ее так просто и буду развивать лентою в предлагаемых мною записках» (с. 207). Образность (точнее, завуалированность) данной мысли очевидна («скалку» можно ассоциировать с угнетением человека, «хартию» и «ленту», соответственно, с содержанием и направлением его жизни). Завуалированность мысли автора объяснима. Достаточно вспомнить, что он жил в середине 19-го века — эпоху невыносимого *николаевского гнета*, подавления свободы мысли. И все же, несмотря на жесткую цензуру и возможные репрессии, автор решил честно написать свои воспоминания. Отсутствие страха он связывает с тем, что уже находится на пороге смерти, поэтому «теперь стоит выше всех предрассудков или предвзя-

тых задач всяких партий и направлений и ни с кем не хочет заигрывать» (с. 207). Таким образом, для автора приоритет правды (*как важного социально-педагогического фактора.*) становится выше самой жизни, построенной в основном на лжи и хитрости.

Однако вернемся к завуалированной мысли автора, которую он выбрал в качестве основополагающей *концепции* своего повествования. А значит, в ней должны найти отражение все описываемые им события реальной жизни. Разумеется, перед нами встает проблема интерпретации завуалированной мысли автора. Это важно сделать, во-первых, чтобы осознать авторскую мысль, а во-вторых, чтобы самим осуществить должный научный анализ событий из жизни главного персонажа повести (с учетом авторского замысла и собственного представления о сущности воспитания).

Угнетение человека в детстве отрицательно сказывается на его личности, поэтому, став взрослым, он идет по ложному жизненному пути, который заводит его в нравственный тупик, где утрачивается смысл жизни; и наоборот, воспитание ребенка (а затем подростка и юноши), основанное на *удовлетворении его базовых потребностей, среди которых главной (или генеральной) является потребность в свободе*, обусловливает позитивное развитие личности человека и выбор им единственно правильного для себя жизненного пути — так выглядит наша интерпретация основополагающей мысли автора.

В качестве подтверждения правильности нашей интерпретации приведем последующие размышления автора о том, что «ребенок есть тот же человек в миниатюре, которая все увеличивается» (с. 208). Эту свою мысль автор подкрепляет сначала умозаключением из французской бытовой философии («Дитя —

это отец будущего человека»), а затем и русской поговоркой: «каков в колыбельку, таков и в могилку». Отсюда и стремление автора, показать свою «детскую колыбель», чтобы читатель понял, как и «почему он очутился в монастырской ограде» (с. 208).

Далее автор, размышляет над стихами любимого в юности поэта Бенедиктова и его поэтической фразой о том, что счастье — это «перл, опущенный на дно чаши» (с. 208). Соответственно, чтобы достать со дна заветный перл, надо испить всю чашу. В этой связи, автор замечает, что он, как ни старался, испил лишь незначительную часть этой чаши. И только теперь, когда жизнь заканчивается, он стал понимать, что там, где искал «света и тепла... был только один заводящий в трясину блеск...» (с. 209). И сожалеет о том, что поздно это увидел... Этими горестными словами автор заканчивает свое *предисловие*.



Автор вознамерился написать свои записки не в форме традиционного романа, а так, чтобы они были полезны, прежде всего, с педагогической точки зрения. А значит, они предназначались, главным образом для родителей — основных воспитателей детей. Последняя мысль, хотя ее напрямую нет у автора, по нашему мнению, не может не вызвать интереса у современного профессионального педагога, тем более исследователя истории педагогики.

Автор, в меру своих способностей и доминирующих в Российском обществе середины 19-го века социальных установок, сумел увидеть связь между психологически напряженными годами детства (в понимании автора, это первые 19 лет жизни) и трудно-

стями последующей взрослой жизни (или судьбы) человека и тем самым указать на социальное значение правильного (полноценного) воспитания детей.

Предложенная автором идея (а скорее, гипотеза) о том, что в растущем человеке можно рассмотреть его будущую судьбу, имеет научно-педагогическое значение. Но поскольку автор руководствовался данной, на наш взгляд, вполне научной идеей (или гипотезой) при написании художественного (а не ожидаемого научно-художественного) произведения, актуальной становится задача научного социально-педагогического анализа детства (первых 19 лет жизни) и последующей жизни главного персонажа повести Меркула Праотцева.

### РАННЕЕ ДЕТСТВО

В *главе I* автор начинает повествовать о своих детских годах и описывает «довольно оригинальный» случай, когда он «в первый раз сознал свою индивидуальность» (с. 209). Судя по всему, ему тогда было примерно 3–4 года. «... Я держался обеими руками за нижнюю планку рамы и висел над тротуаром за окном пятого этажа... руки мои ослабели и готовы были выпустить раму, вдруг меня за них кто-то схватил и втянул в комнату» (с. 210). Случилось то, нередко случается с маленькими детьми и в наши дни, когда они остаются дома предоставленными сами себе: ребенок, побуждаемый биологической потребностью в физическом саморазвитии, включающей в себя потребность в подражании какому-то образу и потребность в преодолении внешних препятствий, вылезает из окна или за перила балкона... При этом он так увлечен, что не чувствует опасности и не испытывает страха даже, когда силы его оставляют. Что это действительно так, подтверждается воспоминаниями са-

мого Меркула: «передо мною неслось что-то легкое, тонкое и прекрасное: оно тянуло меня за собою или мне только казалось, что оно меня тянет, но я бросился к нему и... очутился в описанном положении, между небом и землею...» (с. 210). В этой связи важно отметить, что потребность в физическом саморазвитии побуждает детей ко многим несуразным и опасным для жизни действиям: лазать по деревьям, перепрыгивать канавы, пробираться в трубы и норы, бегать по стройкам и т.п. А ведь (с точки зрения *здоровьесозидающей* педагогики) свою двигательную потребность дети должны удовлетворять не в непригодных для этого квартирах, дворах и стройках, а на специально созданных игровых площадках физического саморазвития — «полосах препятствий», «треках», «стадионах» и др. (об этом нами писалось в начале книги).

Понятно, что таких площадок не было в те годы, когда жил Меркул. К сожалению, нужных игровых площадок (сложных в двигательном отношении и формирующих позитивный образ для подражания) нет и сегодня ни во дворах, ни в школах, ни в парках и стадионах. Но главное, что как раньше (150 лет назад), так и сегодня родители (прежде всего отцы) не занимаются должным образом воспитанием (в том числе физическим воспитанием) своих детей, а ведь это является их (*отцов*) приоритетной обязанностью. Неудивительно, что современные дети (подобно Меркулу) продолжают заниматься «эквилибристикой», нередко со смертельным исходом. Таким образом, в случае с Меркулом нет ничего неожиданного, тем более «оригинального». Хорошо, что отец вовремя успел вбежать наверх в свою квартиру и спасти сына от неминуемого падения, в то время как мать от страха за ребенка впала в глубокий обморок. Таким образом, в сцене спасения сына автор точно определил сущ-



ность мужчины, как человека социального действия (*спасителя!*), и матери — человека психического состояния (*страдалицы!*).

Здесь следует сказать о роли родителей в воспитании Меркула в раннем возрасте. Отец Меркула, судя по всему, был человеком неглупым и ответственным (разумеется, по меркам того времени). Он служил в армии и был командиром кавалерийского полка, который стоял тогда в густонаселенном польском городе. А это значит, что понятия «приказ», «исполнительность», «дисциплина», «наказание» были ключевыми в его взаимоотношениях с подчиненными. Понятно, что такой подход к малолетнему сыну был неприемлем. Поэтому, он, как видно из текста, отстранился от процесса воспитания сына, поручив это жене, которую нередко поругивал за мягкое отношение к ребенку. Нельзя сказать, что он совсем не думал о сыне. Вот только в оценках сына (даже совсем еще маленького) у него было больше предвзятого (негативного), чем позитивного; и вообще было много противоречивого, что свидетельствовало о его непросвещенности в вопросах детской души и воспитания. Так, с одной стороны, он сумел заметить и оценить «природную замечательность» сына, который сразу после рождения не плакал и внимательно все рассматривал вокруг. Действительно, редкий ребенок ведет себя так, и это свидетельствует о том, что Меркул родился психически здоровым, с хорошим умственным (творческим) потенциалом. С другой стороны, отец постоянно высказывал опасение за будущее сына. Так, заглянув в глаза сына сразу после его рождения, он сказал: «Э, да это, кажется, в свет пришел новый верхолет, которых и без него довольно» (с. 210). А после того злокачественного случая, о котором шла речь выше, заметил, что из него «со временем непременно выйдет какой-нибудь совершенно неспособ-

ный к жизни фантазер» (с. 210). В какой-то степени прогноз отца сбылся, Меркул не сумел полно реализовать себя в жизни, хотя не был пассивным обывателем, а был социально активен: противостоял насилию, боролся с несправедливостью, занимался рисованием, стремился к счастью...



Меркул родился крепким телом и нервами, а главное — способным мальчиком, потенциально готовым стать в будущем социально активным и успешным человеком. Есть все основания считать, что таким он родился благодаря правильному (в соматическом отношении) образу жизни и природному здоровью своих родителей (ведь отец был командиром кавалерийского полка, а значит, физически подготовленным и социально ответственным человеком, мать же была заботливой и честной, то есть хорошо воспитанной женщиной).

Главным воспитателем Меркула в первые годы жизни была его мать, которая воздействовала на него своим нравственным примером, добротой и заботой, что с социально-педагогической точки зрения совершенно обоснованно и правильно. Отец же в это время должен был бы вовлекать ребенка в игровые и творческие занятия, чего он, к сожалению, не делал. Возможно, поэтому Меркула и потянуло на злоключения.

## РОДИТЕЛИ И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ

Как же дальше воспитывался Меркул? В этой части «*Живой педагогике*» мы продолжим разговор о роли родителей, а также других родственников в его воспитании и развитии — больше нравственно-психическом, нежели соматическом.

В *главе II* автор дает морально-психологическую характеристику своим родителям. Отец был человеком, с одной стороны, безмерно раздражительным и вспыльчивым (когда был «не в духе... топал ногами и рвал все, что ему попадалось под руку»), а с другой, излишне доверчивым, честным и энергичным в делах. «Матушка» (так чаще всего Меркул называет свою мать) была нежной с ним (сыном) и сдержанной с мужем. Судя по имени «Каролина» и родителям, проживающим в Лифляндии, она была немкой по национальности, а значит, человеком рассудительным и практичным. Так в сложной ситуации мать могла сказать «веское слово» и «проявить волю». Например, она могла быстро (совместно с денщиком) успокоить мужа в минуты его буйства. Как «полковная дама» она хорошо понимала требования военной службы и поддерживала своего мужа в его делах. В повести автор описывает случай, когда мать приложила много усилий, чтобы помочь мужу подготовить вверенный ему кавалерийский полк к смотру, от которого зависела его дальнейшая карьера.

Автор описывает, как он с матерью и денщиком отца поехали в Лифляндию к бабушке, вдове барона, некогда служившего в русской армии, чтобы занять у нее денег на подготовку полка к смотру (на обмундирование, закупку лошадей, новые инструменты для полковой музыки и пр.). Но акцент в рассказе он делает не на этом, а на одной привычке бабушки. Бабушка любила каждый субботний вечер проводить в бане, где она мылила и мыла головы всем своим домочадцам (незамужним дочерям, теткам и самому барону — своему мужу) и где такой же процедуре подвергся Меркул. Автор описывает свои негативные переживания стыда, страха и физической боли в бане («сугубые муки»... с «плачем и стенаниями»),

когда бабушка насильно, несколько раз ударив ладонью, чтоб не сопротивлялся, помыла его, а помогали ей в этом взрослые голые девки с плоскими торсами и короткими ногами (*рассмотрел же!*).

Далее важно понять, как Меркул относился к своим родителям. Из текста видно, что Меркул безмерно любил свою матушку. О любви к матери говорят такие его слова-характеристики: «...исполненные небесной кротости глаза моей прекрасной матери...», «...в прелестных глазах матери сияла беспредельная радость и благодарность небу...» (с. 211), «...матушка пододвинула меня рукою к отцу, а сама села в кресло и закрыла глаза своими нежными белыми руками» (с. 213). Отца Меркул, скорее всего, терпел, ибо чувствовал, что ему не нравился его (сына) характер, внешность и фантазерство (последнее, как мы уже выше отмечали, свидетельствовало о хороших умственных способностях Меркула, а не наоборот). В тексте приводится дважды одно и то же назидание, с которым отец обращался к сыну: «...учись всему полезному, а то я тебя в гусары отдам» (в другом случае слово *гусары* он заменял на *уланы*). Судя по всему, иных методов *воспитания* (кроме угроз) отец (как сугубо военный человек) и не знал. Но как ни странно, эти слова устрашающе действовали на Меркула, и он ревностно учился всему, чему учили (с. 211, с. 215).

Наблюдая за родителями, автор (будучи еще ребенком) сумел *уразуметь* тщательно скрываемую от него драму их жизни. Позже он поймет, что в их совместной жизни не было ни любви, ни счастья. Отец увлекался другими женщинами, и мать это знала. О последнем знал и сам отец. Скорее всего, чувство вины и побуждало отца Меркула подчиняться своей «кроткой» жене и беспрекословно исполнять ее просьбы.

В этой связи интерес представляют воспоминания Меркула о своей безудержной и бессмысленной пого- не за семейным счастьем, которой он часто предавал- ся в жизни (будучи уже взрослым), и которая была обусловлена, как он замечает, не естественным жела- нием человека, а сожалением, что его детство прохо- дило в семье, где мать была несчастна.

Еще больший интерес вызывают размышления автора от «увлечениях» (точнее, *изменах*) людей, связанных законным браком. «Увлечения! Боже мой, как печальны ваши последствия и как поздно человек начинает понимать, что, поддаваясь вам без удержа, он оскорбляет не ту узкую мораль, которая в разные времена послушна разным велениям, а рушит ве- ковечный завет, в разладе с которым нет места для счастья!» (с. 215). К этой мысли, как отмечает автор в конце главы, он еще не раз будет обращаться.



Общая обстановка в семье, где рос Меркул, была достаточно напряженной и не благоприятствовала его нравственно-психическому развитию. Отец часто буя- нил, правда, быстро успокаивался под воздействием жены, по-видимому, испытывая чувство вины перед ней за свои прегрешения. Отец не любил Меркула и пугал казарменными «страшилками», таким образом нанося вред его психике. Мать своей сдержанностью, прежде всего по отношению к своему мужу, старалась поддерживать в семье спокойствие. И в целом ей это удавалось, хотя у Меркула (как психически развитого ребенка) возникло предчувствие, что родители не иск- ренни по отношению друг друга и живут несчастливо. Больше всего мать волновало то, что отец не любит Меркула, и это (как подсказывала ей интуиция) могло

плохо отразиться на будущем сына. К Меркулу же она проявляла нежность и заботливость, что побуждало сына к ответным действиям и способствовало его психическому развитию.

Событие в бане продемонстрировало психическую развитость Меркула (не по возрасту), иначе бы у него не возникло переживание стыда (достаточно зрелой позитивной эмоции) за свою наготу перед чужими людьми и сопротивление насилию, что, согласно психологической теории развития, более свойственно подростку, а не ребенку. Одновременно важно отметить, что острые негативные эмоции Меркула, связанные с принуждением и унижением в бане, а также его непонятные переживания от увиденных там голых девок, были вредны для его детской психики, не случайно они запечатлелись в памяти Меркула до конца жизни.

### СКОРОПОСТИЖНАЯ СМЕРТЬ ОТЦА

В *главе III* автор описывает событие, которое он назвал «первой своей катастрофой». Оно связано со скоропостижной смертью отца, который не выдержал унижения со стороны «высокой особы», инспектировавшей его полк.

Полк вышел к осмотру «в таком блестящем состоянии, что осматривающему его лицу не оставалось ничего, кроме как хвалить и благодарить» (с. 216). И все шло «как нельзя лучше», пока высокая особа, к безмерному своему *злорадству (что характеризует его как сложившегося невротика)*, не обнаружила, что пуговицы на мундире солдат шиты «прелыми нитками» и стал их в бешенстве срывать. А потом набросился с криком и на отца в стремлении оторвать пуговицу на его мундире. Отец достойно ответил на унижение, но от острых переживаний у него случился сердечный удар, приведший к мгновенной смерти.

Затем последовали новые беды, которые, как верно заметил, автор «бродят толпами»: Меркул с матерью мгновенно стали нищими, к тому же с непомерным долгом по векселю. А его «энергическая» бабушка, которая взяла для отца в долг деньги под залог своего имения, умерла, когда ее выводили из своего баронского дома, проданного с молотка (вместе с баней).

Вспоминая случившееся, автор вновь обращается мысленно к своим родителям, и сожалеет о том, что в детстве не сумел поровну разделить между ними своих привязанностей. Отца он вспоминает, прежде всего, как честного, храброго, изрубленного в боях офицера. Но едва помнит его бравую военную фигуру, коротко остриженную голову, горячий цвет лица и другие особенности внешности. Как видим, в воспоминаниях Меркула преобладает гордость за отца как за офицера; сожаление, что жизнь и карьера у него не сложились; а еще чувство вины перед ним (чувство, конечно, ложное, но характеризующее Меркула только с положительной стороны).

Что же касается матери, то она всю жизнь была для Меркула (а также для всех, кто знал ее) «добрым ангелом». «Священный лик» ее безвыходно жил в его душе, спасая в трудную минуту. В этой короткой, но емкой мысли заключена беззаветная любовь Меркула к своей матери (с. 217).



Со смертью отца Меркул лишился, хоть и грубого (неполноценного), но все же мужского воспитания — так необходимого в его возрасте. Без отца жизнь Меркула ухудшилась не только в материальном, но и социально-педагогическом отношении. Только отец (как

более «социальный» человек, по сравнению с матерью) был способен (конечно, в меру своего понимания и общей культурности) мобилизовать и активизировать соматическую, волевую и образовательную деятельность своего сына на всем протяжении его роста и развития. Став взрослым, Меркул хорошо это осознал. Не случайно он вспоминал только хорошие черты отца и сожалел, что никогда не сможет отплатить ему своей привязанностью.

Мать для Меркула была идеалом, примером скромности и бескорыстной доброты даже к незнакомым людям. Влияние ее было настолько сильным, что Меркул в трудную минуту чаще обращался за поддержкой к ее священному образу, нежели включал свой ум и волю. И это делало его человеком больше «психическим», нежели «социальным», а значит, ослабляло его социально-половой статус.

## ИСПЫТАНИЯ КАЗАРМОЙ И СВОБОДОЙ

В этой части исследования дается социально-педагогический анализ, пожалуй, самых тягостных (с психологической точки зрения) эпизодов в жизни Меркула Праотцева, которые случились в его детстве и отрочестве (то есть в период взросления), и которые оставили в основном отрицательный след в его судьбе.

### ПРЕБЫВАНИЕ В КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ

...После скоропостижной смерти отца (см. заключительные абзацы *Главы III*) начался новый этап в жизни Меркула. Сначала он попал в приют для малолетних, а затем по достижению им известного



возраста в Петербургский кадетский корпус. Отдать сына в кадеты мать была вынуждена, ибо содержать его и себя за скромный пенсион, который получала за отцову службу, было невозможно. К тому же «зачисление в кадеты в те времена считалось вождеденнейшим устройством судьбы мальчика». Из кадетского корпуса он должен был выйти в офицеры, что было престижно в тогдашней *замундированной* России. Пребывание в кадетском корпусе, как пишет автор, было преисполнено для него самых разнообразных воспоминаний, среди которых грустных было значительно больше, чем веселых. Вот что он пишет по этому поводу: «Масса описаний темных сторон нашей школьной жизни так велика, что я не вижу нужды увеличивать ее своими рассказами, тем более что я не могу сказать ничего нового и... должен сознаться, что я все-таки чувствую благодарность к этому заведению, которое призрело и воспитало меня так, как оно могло и как умело. Оставленный самому себе на руки беспомощной матери моей, я бы, конечно, был еще несчастливее — и потому мир тебе, мой детский приют, так часто видевший мои детские слезы!» (с. 218).

Что важно понять из этого текста? Меркул, которого еще ребенком отец пугал, что отдаст в уланы (в наказание, если он будет плохо учиться), зачислили именно в учебное заведение, где готовят к военной профессии, которой он страшился с детства. Но он с этим мирится, хорошо понимая, что в его положении это лучший вариант, как для него, так и особенно для его беспомощной матери. Это здравое, социально зрелое (не по возрасту) понимание помогает ему легче переносить все тяготы и унижения кадетской жизни, а главное — не поддаваться низменному, чтобы не огрубеть и не деградировать. И даже быть благодарным этому заведению за заботу и защиту. Откуда же

у Меркула такое взвешенное отношение к казарменной школе, вся система которой находится в глубоком противоречии с потребностями учащихся, уничтожающей в них все лучшее? По нашему мнению, оно проистекает от неиссякаемой любви и сострадания Меркула к своей матери, которая приложила много усилий, чтобы устроить его в кадетский корпус, и которую он ничем не хотел печалить.



Пребывание в кадетском корпусе, было для Меркула полезным только с материальной точки зрения, так как обеспечивался «полный пансион». Но в психологическом отношении его кадетская жизнь (с жестокостью, унижением и наказаниями) была абсолютно ущербной.

Выжить в казарменных условиях и сохранить в себе человеческие качества, помогала Меркулу сформированная в нем (не по возрасту) правильная установка, что другого не дано и надо терпеть во имя дорогой матушки.

#### ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ КАДЕТСКОГО КОРПУСА

«Попечительская опека» (официальное определение), а по сущности, тотальное принуждение с жестокими наказаниями по любому поводу, типичное для кадетского корпуса должно, согласно *социально-педагогической* концепции, приводить либо к слову и деградации личности (если, конечно, не к гибели), либо к сопротивлению и сохранению личности.

В *главе IV* автор повествует о редком для тех времен событии — «бунте» кадетов, последующими за этим санкциям и переходу многих из них, в том числе

Меркула, к «житью на воле», что, естественно, не могло не отразиться на их психическом развитии.

Все началось с того, что одного из кадетов (без вестской причины) «секли розгами перед фронтом» и на мольбы других кадетов о его пощаде начальник пригрозил выпороть всех. И тогда в экзекуторов полетел сначала один камень, а затем град камней. Началось следствие, которое зашло в тупик, так как кадеты «не винулись и не выдавали виновных». И тогда, как водится, помиловали тех, кого нельзя было не помиловать («бесприютных сирот, находившихся в таких летах, когда «определение к статским делам» еще невозможно), а наказали тех, кого давно хотели наказать и кто по возрасту уже мог перейти на гражданскую службу... Их исключили «из заведения с правом поступать на гражданскую службу, с весьма удлинённым сроком на получение первого классного чина» (с. 219). Среди исключённых оказался и Меркул. Он прошёл все унижения (допросы, угрозы, карцер), а потом и первую проверку свободой: оставшись без всякого контроля, «бунтари» (отметим, что им было по 16 лет) устроили ещё в казарме попойку (с передразниванием начальства и исполнением «дрянных романсов»), и Меркул, который никогда не пил вино, был вынужден к этому «приучаться».

В сложившейся ситуации был только один позитивный *социально-педагогический* (и психологический) момент — это прощание исключённых с остающимися «камрадами», когда последние в порыве восторга с криками «Вы герои! Вы наши благородные рыцари!» бросились обниматься — с поцелуями и слезами на глазах. В памяти Меркула эта «прекрасная минута» запечатлелась на всю жизнь.

Потом была ещё одна попойка (уже до умопомрачения) в грязном трактире, где их угощали сладкой

водкой мужики (возницы), которым было поручено на троечных телегах доставить их до места назначения (к родителям). Для Меркула таким местом назначения был Киев, куда к тому времени переехала матушка в надежде устроить там его на гражданскую службу с помощью одного родственника, занимавшего видную штатскую должность.

В связи с предстоящим путешествием Меркул переживал сложные чувства: с одной стороны, он радовался, что увидит матушку и святыни Киева (Печерскую лавру и прочее), но с другой, испытывал страх, что ничему не выучился, ничего не может делать, что даже в гусары не годится, и что только усугубит нелегкую жизнь матери. С тяжелыми мыслями в «больной от похмелья» голове, что ничего путного в жизни он, по всей видимости, не сделает (*роковое предначертание отца!*), он и отправился в очень длинный по тем временам путь (в месяц, по расчетам возницы) — из Петербурга в Киев. На этом пути Меркула ждали новые испытания и сильные переживания.



«Кадетский бунт», в котором активно участвовал Меркул, и последовавшие за ним со стороны руководства заведения допросы, угрозы, карцер и изгнание из кадетского корпуса, не вызвали у него стрессового переживания и, значит, не имели для души негативного последствия. Напротив, освобождение от тотальной опеки обусловило включение у него «генеральной» потребности в свободе и потребностей подросткового возраста (в рефлексии и смысловторчестве), актуализация которых задерживалась казарменной системой обучения и жизнедеятельности. Следовательно, к 16 годам (по существу, к началу юношеского периода

развития) Меркул задерживался в своем психическом развитии. В этой связи следует думать, что такие ложные его поступки как передразнивание начальства, пьянство, дебош и исполнение «дрянных романсов» в компании соратников были им совершены по причине резкого (а не своевременного и постепенного) включения подростковых потребностей. Правильно развивающийся подросток слишком занят своей личностью, чтобы поддаваться дурным влияниям и возвращаться к детским забавам. О том, что Меркул задержался в своем психическом развитии, свидетельствовало и то, что (будучи по возрасту уже юношей) он не видел своего будущего и даже боялся его.

Главный вывод состоит в том, что исключение Меркула из кадетского корпуса и переход к гражданской (относительно свободной) жизни, должны были благоприятно сказаться на его личностном развитии и будущей социальной деятельности, нежели дальнейшее пребывание в казарменном режиме, из которого он, скорее всего, вышел бы только в гусары, презираемые им с детства.

### ПЕРВЫЕ ДНИ ПУТИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В КИЕВ

В *V главе* автор повествует о первых днях пути из Петербурга в Киев. «Молодые господчики» сразу заметили, что их возница Кирилл любил выпить, но «считал неуместным делать это за свои деньги», поэтому сначала пил вместе с ними и за их счет «сладкую водку», а когда те перестали к нему благоволить, продолжал пить за счет подсаживаемых им по дороге случайных пассажиров.

Далее автор замечает, что уже в течение первых дней совместного путешествия, бывшие однокашники заметно преобразились и среди них «начала обозначаться индивидуальная разность». И если раньше

все они были «кадеты», то теперь среди них стали выделяться — «будущие фаты, щеголи, которые будут пускать пыль в глаза, и задумчивые философы с зародышем червя в беспокойном, вдаль засматривающем воображении» (с. 226). Себя Меркул относил к философам, но спокойно воспринимал фатов и щеголей. Это хорошо видно из событий, которые произошли в Твери. Здесь с повозки сошел первый из них — по фамилии Волосатин. Этот молодой человек, спустя два часа, приехал к ним на постоялый двор (где они остановились до следующего утра) в дрожках, запряженных парой лошадей, в щеголеватом виде и с тростью в руках, чтобы пригласить всех от имени отца на вечер. Общался он с заметной небрежностью и превосходством, из чего автор сделал заключение, что этот их «товарищ» уж очень быстро (всего за два часа разлуки) преобразовался в щеголя. Его «обидный тон» многих возмутил и, возможно, они бы поддались протестному чувству, и не пошли на вечер, если бы Волосатин не сказал, что у них «будут гости и будут танцевать», что, кто хочет танцевать должен «запастись хорошими перчатками» и что он едет купить себе и сестре перчатки. Мысль о танцах, сестре и возможных других дамах так возбудила *молодцов*, что они забыли об обидном тоне бывшего товарища и сосредоточились на подготовке к вечеру. И хотя перчаток не купили (расход был «не по карману»), отравились на вечер в качестве «нетанцующих кавалеров».



Подростки, подвергавшиеся тотальному принуждению и унижению в заведении казарменного типа, и поэтому не развитые в психическом отношении, не

способны были разобраться в душах других людей и дать им точную оценку. Вот почему в свободной обстановке (каким было путешествие) скорее по привычке, чем по собственному разумению, они поддавались желаниям взрослого — возницы Кирилла — человека психически и социально ущербного (лживого, корыстолюбивого, пьяницы), вместе с ним пили сладкую водку и совершали другие вредоносные поступки.

Тотальный контроль и принуждение (то есть отсутствие свободы) в кадетском корпусе подавляли в подростках не только позитивные порывы их души (а что таковые в них имелись, видно из содержания IV главы), но и негативные тенденции в их характере. О последнем свидетельствуют события, связанные с одним из них по фамилии Волосатин, который не успел сойти с повозки и провести несколько часов в доме своего отца в Твери, как преобразовался в щеголя и франта, и стал заносчив и высокомерен со своими недавними товарищами. В этой связи следует отметить, что признаком хорошего воспитания является способность человека (в том числе взрослеющего) сохранять достоинство и вести себя одинаково культурно в разных ситуациях. В определенной мере это было свойственно Меркулу, судя по его терпимому отношению к товарищам, независимо от их индивидуальных особенностей.

#### НА БАЛУ В ТВЕРИ

В VI главе автор описывает эротические события, произошедшие с ним на вечере (на балу) у Волосатиных. Встреча со старшей сестрой Волосатина Аней «страной, прекрасной и непонятной женщиной», которая вывела Меркула из неловкого положения, пригласив сама его танцевать, когда он, поддавшись примеру одного взрослого мужчины, стал неловко и не по этикету «прикладываться» к ручкам всех присутствующих на вечере дам. И которая затем была к нему

внимательна (интересовалась его прошлой жизнью), по хорошему назидательна (говорила ему о том, чтобы он много учился, причем «не для чинов, а <...> для своего собственного развития»), добра и заботлива (прислала на дорогу корзину с порогам и фруктами), благодарна (подарила книгу), а главное — дала ему ощутить себя настоящим мужчиной, достойным любви (с. 230). Автор по существу описывает в идеале (в чувствах, мыслях и мечтах) первую юношескую испепеляющую любовь Меркула, которая оставили в его душе (душе еще социально незрелого человека) неизгладимые впечатления на всю оставшуюся жизнь.

Приведем полностью внутренний монолог влюбленного юноши: «Странная, прекрасная и непонятная женщина, мелькнувшая в моей жизни, как мимолетное видение, а между тем мимоходом бросившая в душу мне светлые семена: как много я тебе обязан, и как часто я вспоминал тебя — предтечу всех грядущих увлечений,— тебя, единственную из женщин, которую я любил, и не страдал и не каялся за эту любовь! О, если бы ты знала, как ты мне была дорога не тогда, когда я был в тебя влюблен моей мальчишеской любовью, а когда я зрелым мужем глядел на женщин хваленного позднейшего времени и... с болезненной грустью видел полное исчезновение в новой женщине высоких воспитывающих молодого мужчину инстинктов и влечений — исчезновение, которое восполняют разве *новейшие* женщины, выступающие после отошедших новых» (с. 230–231).



В кадетском корпусе Меркул был лишен «женского общества», а главное — возможности в рефлексии



и смыслотворчестве — психических процессах, важных для его душевного, в том числе полового развития. Вот почему первая встреча с женским полом в лице взрослой сестры Волосатина Ани (ее внимание и расположение, но не более того) оказалась для него такой ошеломительной, что он помнил эту девушку всю жизнь и, постепенно взрослея, вознес ее идеал до такой степени, что другие (новые и новейшие) женщины казались ему (когда он стал взрослым) все менее достойными любви.

В этой связи важно поразмышлять о предмете любви Меркула — взрослой (30-летней) девушке Ане. Почему она была не замужем, и как видно, не собиралась замуж? А ведь она (по восприятию Меркула) была девушкой высокой, стройной, красивой, а главное, доброй и хорошо воспитанной, а значит, достойной быть любимой и счастливой. Скорее всего, у нее были высокие (даже завышенные) притязания по отношению к мужчинам (не случайно, она побуждала Меркула к самосовершенствованию), а в ближайшем окружении не было «достойных».

#### ПРОЕЗД ЧЕРЕЗ МОСКВУ И ДАЛЕЕ...

В последующих VII — IX главах автор описывает много событий, которые произошли с ним и другими товарищами сначала в Москве, в которой они хотели всему восторгаться и «хоть несколько раз *упасть ниц*», но этого не получилось, так как их извозчик Кирилл запил «до потемнения рассудка», исчез на целых четыре дня, и тем самым довел их «до всеобщего отчаяния и страха». Поэтому в последующие дни, проезжая ничем не примечательные для них Тулу и Орел, они были озабочены только тем, чтобы Кирилл вновь не запил и не бросил их на произвол судьбы. И лишь когда они «перевалили за широкую балку, середине

которой тек маленький ручеек, служивший живым урочищем, составляющим границу Великой России (страны «неба, елей и песку») с Малороссиєю (страной «украинских черешен»), они оживились и стали смотреть по сторонам.

Здесь автор описывает страшную и бесперспективную картину жизни в *великорусской* деревушке (с дырявыми крышами, покосившимися избами, нищетой и голодом), где население было озабочено только тем, чтобы пропить все, что можно, на другой *малорусской* стороне, где водка была и лучше, и дешевле, но перенести ее за границу строго возбранялось (стоял *кордон*). И вот там, на малорусской стороне, где веяло процветающей жизнью, скапливалось много телег и каждый приезжий из России первым делом напивался дешевой водкой. И от того здесь происходило много страшных событий — ссор, драк и даже убийств.

Оказавшись в этом месте (имевшей соответствующее название «Пьяная балка») Кирилл не мог не удержаться и пил здесь несколько дней. При этом он только досадовал, что «его никто не потчует и возымел намерение «хорошо проучить чертовых хохлов», которые, по его мнению, были до жалости глупы» (с. 239). Собственно этим он и занялся в последующем: сначала спровоцировав хохлов на выпивку за их счет в корчме одного села, а затем, разыграв целый спектакль в маленьком грязном городишке Королевце, где проходила ярмарка. В этом театральном действии (надо сказать, разыгранном талантливо) участвовал один из товарищей Меркула, некий Станислав Пенькновский — поляк по происхождению, 18-ти лет, высокого ростом, довольно мужественный, красивый и франтоватый. Этот франт, вырядившись в яркую и нелепую одежду (венгерку, яркоцветные шаровары и турецкую

ермолку, которые купил в Москве у какого-то своего земляка), везде производил «большой эффект». Этим и воспользовался Кирилл, внушив Пенькновскому, «что стоит ему показаться, так дураки хохлы для него все с себя поскидают» (с. 241). И действительно, Пенькновский вместе с Кириллом начал заходить во всякую корчму, где ими разыгрывался целый спектакль: Пенькновский садился развязно за стол, Кирилл шептал что-то шинкарю или шинкарке и те тотчас подавали наливки и закусок, сколько они хотели, не требуя ни гроша. В какую роль вошел Пенькновский, раскрылось только, когда они покинули Королевец с целым набором пирогов, рыбы, колбас, яиц, вина и прочей снеди, которые заполучили известным театральным способом на базаре, к тому же под звон новых бубенчиков, которые также достались даром. Их обогнал тарантас, на козлах которого сидели кучер и солдатик с нагайкой через плечо, а внутри — краснолицый господин с военной осанкой. Этот господин велел остановиться и потребовал паспорта. А дальше учинил допрос Кириллу, после чего солдатик всыпал тому сто ударов нагайкой. По этому поводу автор пишет, что они были очень благодарны «быстрому на руку» королевецкому начальнику, который проучил Кирилла, открыв им тайну. Оказывается, «коварный мужичонка» выдавал Пенькновского за московского палача, который якобы ехал в Киев наказывать польскую графиню, а сопровождающих его мальцов (то есть Меркула и «маленького» Кнышенко — последнего из оставшихся сотоварищей) — за «учеников» палача. И никто из них, в том числе Пеньковский, этого не знали. Они, конечно, обиделись и возмутились на Кирилла, ведь пострадала их репутация, но вскоре успокоились, так как тому досталось хуже их.

Далее автор описывает несчастный случай, когда в красивом местечке Батурин (бывшей столице Мазепы), после того, как они обежали все его достопримечательности, им вздумалось половить раков в местной реке Сейме. И будучи еще немножко пьяны после королевицкой оргии, «зашутились» и «забаловались» в воде: Кнышенко стал трунить над Пеньковским, который был неловок в ловле раков, а тот в свою очередь «бросился на него с поднятыми кулаками». Маленький Кнышенко, по-видимому, оступился, попал в глубокий омут и утонул. Эта история, наполненная тяжелыми хлопотами (пока утопленника достали, вскрыли и похоронили), задержала поездку на четыре дня.

Здесь надо сказать, что «господчики», поддаваясь дурному влиянию Кирилла, постоянно пили наливки и сладкой водки и вели себя вольно по отношению к барышням. И этот процесс происходил по нарастающей и достиг предела в Королевце. Гибель «доброего и очень нежного мальчика» Кнышенко, который «пламенно любил свою мать, говорил о ней с восторгом и стремился к ней с какой-то болезненной страстью» (с. 244), подвигла Меркула к тяжелым размышлениям «о непрочности всего земного и о тщете и несбыточности самых ближайших надежд» (с.244). Эта мысль, как отмечает автор, стала его «болезнью», которая ему «во многом вредила и во многом была полезна».

В погибели Кнышенко Меркул увидел несчастье, ниспосланное им в наказание за «бесчинное поведение: за питье сладкой водки и наливок и в особенности за оскорбление нравственности вольным обхождением с королевицкими ярморочными красавицами» (с. 245). С этого дня в Меркуле стало развиваться глубокое отчаяние, которое усугублялось мыслями о том, что скажет он несчастным родителям Кнышенко, когда те их встретят в Нежине, и вообще мыслями

о смерти «может быть она вовсе не несчастье, а счастье» (с. 245). Ужасно тяжелый нравственный переворот, достигший экстаза, как пишет автор, довел его до того, что он «не видел средств оставаться в живых». Но вспомнив матушку «как близкое лицо», он решил подождать... И ей (как на исповеди) «открыть снедающую скорбь, не иначе как с немедленным же обетом посвятить всю <...> остальную жизнь исправлению <...> недостойнств и загладить их подвигами добра и самопожертвования» (с. 246).

На протяжении еще некоторого времени Меркул то обращался к спасительным мыслям о самоотречении (*видимо, здесь началось его «монашество»*) и самопожертвовании (*идея самопожертвования будет давить над ним всю жизнь*); то размышлял о тоске (тяжелом, но живом чувстве) в противовес «сухой скуке», раздражающей человека и побуждающей его делать то, чего бы он ни за что не хотел делать (эта мысль возникла у него, когда они проезжали «до жалости ничтожный и маленький городок Борзну» с тюрьмой украшавшей его пустую площадь). Здесь он до предела возненавидел все, что его окружало (в том числе извозчика, товарища, и даже телегу, в которой они ехали). Считая свою жизнь *испорченной погибшей*, он бежал ото всех, куда глаза глядят, и потом долго плакал в какой-то заросшей травой канаве на окраине города.

«Казня себя за всю развращенность, столь быстро усвоенную <...> им с тех пор, как очутился на воле» (с. 247), Меркул, доведя себя до полного отчаяния, и выплакавшись, проникся духом смирения (*видимо, это стало дополнительной мотивацией к «монашество»*). Автор пишет: «... я порицал свободу (*и это так рано!*), и жаждал какой-то сладкой неволи, и тосковал о каком-то рабстве — рабстве сладком, добром, сми-

ном, покорном и покойном, — словом, о рабстве приязни и попечительности дружбы, которая бы потребовала от меня отчета и нанесла бы мне заслуженные мною укоры, нанесла бы тоном глубоким и сильным, но таким, который бы неизбежно смягчался и открывал мне будущее в спокойном свете. Но где же такой друг, перед которым бы я мог подвергнуть себя такому сладостному самобичеванию? — Где?» (с. 247).

И здесь он вспомнил, хотя и не сразу, о *ней*, о той доброй сестре своего тверского товарища, которая была к нему так великодушна, ласкова и добра. «Разве это еще не дружба, и притом не более чем обыкновенная дружба — дружба с женщиной» (с. 248). Так воспоминания о божественной женщине, привели Меркула в чувство, и в новом порыве любви он стал находить свою «потерянную чистоту». Любовный порыв был настолько силен, что он со всех ног бросился в город. Здесь он купил в лавке бумаги и конверт и сел писать письмо к своей «пафосской богине». Что это был безумный поступок, Меркул понял позже. Тогда же он «находил его прекрасным». И, по нашему мнению, он тогда поступил правильно, тем самым непроизвольно оградив себя от самоубийства.



Новый эмоциональный стресс (страх и отчаяние быть брошенными на произвол судьбы) Меркул и его товарищи испытали в Москве, где их возница запил до потери рассудка и исчез на четыре дня. После Москвы они еще долго ехали в психическом напряжении (через Тулу и Орел, а затем малые города Малороссии). Все это, естественно, не могло не сказаться негативно на нервной системе молодого человека. Значитель-

но усугубили психическое состояние Меркула сначала ужасающие по скуке, порочности и безысходности картины жизни людей, которые он наблюдал в деревнях и малых городах «Великой» России (в контрасте с малорусскими городами, где жизнь бурлила); затем безнравственные проделки возницы Кирилла и его презрительное отношение к украинцам (как отражение общего пошлого состояния русской жизни); наконец, бессмысленная и нелепая гибель товарища, хорошего мальчика Кнышенко. Все это побудило Меркула к тяжелым размышлениям (к тому же подогретым систематическим употреблением алкоголя) о своей испорченной жизни и смерти. Были, правда, у Меркула и у других позитивные порывы, в частности, стремление познакомиться с достопримечательностями мест, которые они проезжали и даже чувство гордости за Москву и желание «упасть ниц» перед каким-нибудь священным местом. Последнее говорит о живости в Меркуле чувства патриотизма, которое, возможно, формировалось (как одно из немногих позитивных чувств), в том числе в стенах кадетского корпуса на занятиях «Истории Государства Российского».

Осознание Меркулом своего нравственного падения, самобичевание, полное отчаяние по поводу настоящего и (интуитивно) будущего, порицание свободы и жажда какой-то «сладкой неволи» (но не казарменной неволи, из которой он освободился), а также готовность к самоотречению и самопожертвования (на наш взгляд, предтеча ухода в монастырь) — все это привело его к нервному срыву, который мог бы закончиться трагически, если бы не светлая память о ждущей его в Киеве несчастной матери и особенно воспоминания об идеальной женщине Ане, на дружбу с которой он рассчитывал (иначе бы не стал писать ей откровенное письмо). Именно эти воспоминания, а главное — стремление откровенно разделить свои

страдания с взрослой и безмерно дорогой женщиной и подчиниться ее воли, вернули Меркула к жизни.

### ЗЛОСЧАСТНОЕ ПИСЬМО

В следующих *главах (X и IX)* автор говорит о содержании написанного и отправленного им письма молодой женщине Ане и о новых трагических событиях и переживаниях с этим связанных.

Меркул написал трогательное и задушевное письмо (так ему вначале казалось). В этом письме он возводил любимую женщину в сан богини, просил прощения за свою невоспитанность, описывал свое душевное состояние, причиной которого было его нравственное падение (прежде всего пьянство) и просил применить ее нежность — если не к нему, то к своему брату, который по летам своим мог бы подвергнуться тем же искушениям. Как видим, ничего пошлого и недостойного в письме не было. Напротив, это было письмо-исповедь. А после исповеди становится легче на душе и происходит восстановление нравственности (так, по крайней мере, кажется), что для Меркула было тогда жизненно необходимо. Нравственной в письме выглядит идея побудить Аню предостеречь своего брата от всего того, что случилось с ним — Меркулом. Эта нравственная идея (*еще раз отметим*), видимо, интуитивно пришла в голову Меркула, когда он уже иссяк в излишних любви и изложении своего падения. В этой связи надо отметить, что сильные переживания трудно описать словами (тем более не зрелому молодому человеку, который никогда этого не делал), поэтому при написании письма Меркул невольно успокоился, что также его оправдывает. Однако потом, когда он включил свое воображение, им стали овладевать сомнения: позволительно ли было такое обращение к девушке, которую он видел



только один вечер. И чем больше он размышлял над этим, тем эта «непозволительность» становилась в его понимании «возмутительной». И им уже в который раз стали овладевать мучительные страдания — стыд и ужас за содеянное. А когда он подумал о том, что содержание его письма могут (*вдруг!*) прочесть другие (в семье Волосатиных или его собственная мать), им овладело полное отчаяние. И в разгоряченном мозгу вновь возникла трагическая мысль, что для спасения своей чести он должен будет застрелиться. Навязчивая мысль о самоубийстве, которая застряла в голове Меркула — это признак его душевной незрелости и слабости.

Далее приведем текст, важный для понимания психологического статуса Меркула: «Но, впрочем, как застрелиться мне очень не хотелось, то я скоро занялся подыскиванием другого подходящего средства, обратясь к которому я только умер бы для людей, а для самого себя был бы жив» (с. 250). Это желание Меркула еще раз доказывает, что он (несмотря на юношеский возраст) оставался еще подростком с рефлексивной (незрелой) душой. А рефлексия (как доминирующий психический процесс), как известно, не только сопровождается острыми эмоциональными переживаниями (являющимися не чем иным как реакциями на неожиданные внешние события), но и побуждает подростка дорожить самим собой. Вот почему в этот, хотя и сложный период жизни, совершить самоубийство Меркул не мог психологически.

Выход из душевного кризиса Меркул нашел, проезжая мимо кого-то монастыря. Так впервые у него возникла мысль «скрыться навсегда в стенах какого-нибудь монастыря и посвятить всю будущую <...> жизнь искуплению безрассудств <...> глупой молодости» (с. 250).

Далее автор описывает, как в Нежине он убежал в городской монастырь, чтобы там навсегда остаться, избежав таким образом еще и тяжелой участи изъясняться с родителями покойного товарища, предоставив это вознице Кириллу.

В монастыре он потребовал, чтобы его принял настоятель, но поскольку тот был в отлучке, разговаривать пришлось с заменяющим его монахом Диодором, плохо говорящим по-русски греком, который раньше служил на российском флоте, а потом волей судьбы оказался в монастыре.

Во дворе монастыря Меркул почувствовал не покой, как ожидал, а смятение. Но попав в большую и хорошо убранную келью, состоящую из двух комнат, в одной из которых восседал здоровый и ухоженный инок, стал постепенно успокаиваться. Отец Диодор, встретивший вначале Меркула сухо, так как был занят гостьей («розовой дамой»), которую потчевал вином и восточными сладостями, потом разговорился. Свою главную мысль о том, что молодому человеку собираться в монастырь рано, что прежде надо «всего испытать», он подкреплял рассказом о собственной жизни, потчuya Меркула, сначала кофе, позже вином и жареной курицей, начиненной манной кашей, яйцами и изюмом. Вкусная еда, уверенный тон рассказчика, живущего в монастыре не аскетической, а полной жизнью, подействовали на Меркула психотерапевтически. Несмотря на это, «внутренний голос внутреннего чувства» говорил ему, что он очередной раз обманулся: искал успокоение в монастыре, а встретил там гулянье.

«Где же покой?» — допрашивал Меркул себя, «доканчивая свое путешествие грустный и унылый». Он был в отчаянии, что жизнь его, еще по существу не начавшись, уже была испорчена, что он «не нашел в ней и, уж конечно, не найдет той правды и того добра, для

которых считал себя призванным» (с. 256). Страх за будущее и сомнения все более усиливались в нем... Чего стоит, например, душераздирающая мысль Меркула о том, что, возможно и мать его «не совсем такое глубокое и возвышенно-благородное создание, каким <...> себе ее воображал» (с. 256).

Но как только Меркул увидел блестящий крест Киевской Печерской лавры и вступил на берег Днепра, его расстроенную душу наполнили возвышенные чувства гордости, веры и патриотизма, а также нетерпение скорее припасть к ногам своей доброй матушки и даже «умереть под ее покровом и при ее благословении». В таком полусознательном состоянии он и постучал в дверь, которую не разу открыла «высокая добрая» старушка, черты которой только могли *напомнить* его мать...



Находясь в полном отчаянии, по-человечески Меркул поступил правильно, написав письмо-исповедь самому дорогому, по его мнению, человеку — девушке Ане. Тем более, что само письмо (и по содержанию, и по стилю) было выдержано им в правилах уважения и приличия. Так что переживать (испытывать стыд и новый всплеск отчаяния) было совершенно напрасно. Но это произошло. Произошло из-за ложного чувства чести, являющегося следствием слабой (не сформировавшейся) души Меркула, что, в свою очередь, было обусловлено «казарменным» (неполноценным) воспитанием в кадетском корпусе.

Нет ничего постыдного в том, чтобы в трудную минуту, будучи еще незрелым человеком, проявить «слабость» (а точнее — чувственность), рассказать о своих

переживаниях любимому (более взрослому) человеку и попросить у него моральной поддержки. Станным представляется другое (и об этом мы узнаем позже), когда, вроде бы, взрослые люди, узнав о тайной любви к ним со стороны подростка (или юноши), над ним насмеются или, что еще хуже, делятся «веселой» новостью с другими людьми. Все это, скорее свидетельствует о социальной незрелости и невоспитанности последних, нежели об их взрослости. А ведь это можно наблюдать «сплошь и рядом» и в наше время.

Психологическая проблема Меркула состояла в том, что, не пройдя важного этапа в своем развитии, а именно, «рефлексии» (вина здесь полностью лежит на казарменной системе воспитания), у него не сформировалась адекватная самооценка и, соответственно, уверенность в себе. Не знание Меркулом себя, его неуверенность и как следствие — неадекватные ожидания им сначала любви (или нежности) от барышни Ани, а затем ложная надежда на утешение со стороны отца Диодора, который оказался более похож на «гуляку», нежели на проповедника — все это вместе углубили в нем трагические переживания по поводу своего бесперспективного будущего, а значит, усугубили неуверенность. В то же время, такие достаточно позитивные факторы как вкусная еда (да еще с вином) в монастыре, пространный рассказ отца Диодора о своей «героической» жизни, а также вдохновение, которое испытал Меркул при встрече с родиной (Киевом) и родной матушкой, в известной мере ослабили его негативные переживания и осветили мрак будущего.

В связи с завершением продолжительной (более месяца) поездки на телеге из Петербурга в Киев, которая вылилась для Меркула в череду испытаний и страданий, важно отметить, что на протяжении всего пути ему встретился только один достойный человек (это барышня Аня — сестра кадетского товарища из Тве-

ри), которая сначала (при встрече) оказала на него большое положительное воспитательное воздействие, а позже (после совершенного им «безумного поступка» — написания ей по наивности чувственного письма) вызывала в его памяти только мучительные переживания стыда и раскаяния (но в этом он был уже сам виноват). Остальные же люди (а это были по большей части пьяницы, плуты и бездельники) вызывали у него то отвращение, то скуку, то отчаяние, побуждая к ложным поступкам и самовредительству (прежде всего пьянству), формируя чувство безысходности и страха перед будущим, нежелание жить в этом безнравственном мире и готовность уйти в монастырь.

## ВОСПИТАНИЕ ЧЕСТНОСТЬЮ И РАЗУМОМ

В этой части исследования дается социально-педагогический анализ взаимоотношений главного героя повести Меркула Праотцева со своей матерью (после шести лет разлуки), а также складывающихся отношений с новыми и старыми знакомыми.

### РАЗГОВОРЫ С МАТЕРЬЮ О БУДУЩЕМ

Следующий (юношеский) этап своей жизни автор связывает со встречей в Киеве с *татам* (главы XII–XIV). Не станем описывать подробно, какой увидел Меркул свою мать, спустя шесть лет после их расставания. Отметим только, что, по его мнению, она выглядела сильно постаревшей (*а ведь ей было только 36 лет!*), в ее «полном возвышеннейшего выражения лице все-таки было трудно угадать ту очарователь-

ную, неземную красавицу, какую она была в роковой год смерти отца» (с. 257).

В первые минуты и часы общения с матерью «глаза в глаза», стоя перед ней на коленях и держа в своих руках ее руки (*в настоящее время редкий случай!*), с благоговением созерцая ее, Меркул был счастлив. Матушка, лаская его рукой по лицу и голове, изложила план его дальнейшего образования. План был хорошо продуманный, обширный и обстоятельный. Слушая мать, Меркул вдруг осознал, что мать по уму и характеру совсем другая, чем та, которую он знал с детства. В ней остались прежние качества, нежность, доброта, заботливость, но для него открылись и новые стороны ее характера — властность, твердая воля, практичный ум. Она намеревалась властно распорядиться его судьбой, хотя он, едучи к ней из корпуса, «лелеял мысль жить с ней на равной ноге, даже, пожалуй, с некоторым перевесом <на свою> сторону» (с. 259). Он считал себя *мужчиной* и поэтому рассчитывал на определенную самостоятельность, разумеется, не отвергая ее материнского авторитета.

Мать по доброму, даже с нежностью, но настойчиво стала внушать сыну смысл, цели, распорядок и правила его будущей жизни, причем все, так хорошо (по «полноте» и «положительности») обосновывая, что ее речь подействовала на Меркула «благотворнейшим образом». Приведем основные умозаключения (где-то в цитатах, а где-то в собственном изложении), которые выслушал Меркул от своей матушки (здесь следует напомнить, что мать его была немкой и по национальности, и по воспитанию, что во многом объясняет ее рациональный подход к жизни).

Мать отметила, что Меркул внешне очень похож на своего отца, что будет иметь недурную наружность, но эту «форму» надо наполнить достойным со-

держанием, то есть образованностью, а значит надо много учиться. «Ты, впрочем, очень счастлив — рано испытал несчастье; я уверена, что оно дало тебе хороший урок» (с. 258). Позитивное напоминание матери об отце, и особенно ее мысль о счастье, которое можно почувствовать, только испытав несчастье, — на наш взгляд, совершенно правильны с социально-педагогической точки зрения. Не случайно Меркул от ее слов так разволновался, что заплакал. Слезы благодарности полезны для души. Они лучше слов благодарности. Далее мать сказала: «Ты не плачь... тебе теперь нужны не слезы, а душевная бодрость. Ты лишен самого величайшего блага — правильного образования; но бог милосерд, может быть, мы не только ничего не потеряем, а даже выиграем. А о том, что ты потерял несколько прав или служебных привилегий (исключение Меркула из кадетского корпуса лишало его привилегий при устройстве на государственную службу. — Г.З.), — не стоит и думать. Все дело в облагораживании чувств и просвещении ума и сердца, чего мы с тобой и станем достигать, сын мой, и в чем, надеюсь, нам никто не помешает» (с. 258).

Выбор города Киева для жизни и дальнейшего образования Меркула мать объяснила тем, что здесь проживает и служит близкий родственник — дядя по линии матери. Она договорилась с ним, что он даст ему в своей канцелярии самое незначительное место и по обязанностям, и по вознаграждению. И это справедливо и прекрасно. Справедливо потому, что он не подготовлен. Прекрасно потому, что при незначительных обязанностях по службе, у него будет время на полезные занятия и развитие. Киев она выбрала еще и потому, что Меркул, будучи сыном русского человека (она имела в виду отца), должен воспитываться в преданиях и симпатиях русского края, а не чуже-

земной Лифляндии, которая была ее родиной. К тому же в Киеве есть университет — источник знаний.

А далее автор приводит полный разговор с матерью, в котором она изложила по существу подробный (по часам) распорядок жизни Меркула, наполненный главным образом учебой. Общение матери с Меркулом проходило в повелительной форме, которому последуют и мы, но только от «третьего лица» и в сокращенной форме.

Мать начала с того, что показала Меркулу отдельной комнату, в которой он будет спать, другая комната была ее, а третья общая. При этом она заметила, что для жизни двух родных людей этого вполне достаточно, что миллионы людей лишены даже таких условий.

Один день (завтра) она дает сыну на отдых, чтобы пойти вместе с ней в церковь и помолиться за своего отца. На вечер она пригласила профессора духовной академии Ивана Ивановича Альтанского, «умного», «скромного» и «честного» человека, который будет давать Меркулу уроки.

Вставать (с завтрашнего дня) Меркул будет в 7 часов утра, что не должно быть обременительно, а, напротив, здорово. Полчаса на туалет, затем чтение главы из немецкой библии (как в ее детстве). Это будет некоторой практикой в немецком языке, который надо знать как «из уважения к национальности матери», так и потому что «он имеет обширную и едва ли не лучшую литературу». В этой связи мать отметила, что хоть она и лютеранка по рождению и воспитанию, но приняла православие, так как считает, что исповедовать надо ту веру, в учении которой должна воспитывать своих детей.

После чтения библии — чай. Далее один час на занятия греческим языком. С девяти до десяти будут занятия по истории. И греческий язык, и историю она



будет преподавать сама. После короткого перерыва — занятия латинским языком (то же с ней). Потом — завтрак и выход Меркула на службу, которую (какой бы она ни была) надо делать «усердно и аккуратно». Если работа будет состоять в переписывании каких-нибудь бумаг, значит, надо улучшать свой «неразборчивый» почерк. И понятно это обосновала: «Благовоспитанный человек всегда должен писать так, чтобы чтение его письма не затрудняло читающего» (с. 263).

После службы, в три часа дня будет обед, после которого Меркул целый час может иметь «в собственном распоряжении». В пять часов будет приходить профессор и проводить занятия по математике и другим предметам, в которых, она сама «не может быть ему полезна». По ее словам, заниматься с профессором два часа будет нетрудно, потому что он «большой знаток» и «талантливо преподает». На занятиях с профессором мать тоже будет присутствовать, как она отметила, «для себя самой, потому что не знает лучшего занятия, как учиться» (с. 263). На самом же деле, как потом выяснилось, «ее цель присутствовать на занятиях заключалась в поощрении (сына. — Г.З.) к тем довольно утомительным трудам, на которые она (его. — Г.З.) обрекала» (с. 263).

В восьмом часу будет заходить дочь профессора — молодая девушка Хариточка (о ней мать отзывалась очень тепло). Эта девушка по соседству берет уроки музыки и пения, после которых заходит к матери на урок английского. Вторым учеником по английскому языку, как мать надеялась, станет Меркул. *Английский* мать намеревалась сделать домашним разговорным языком вперемежку с французским. Профессор Альтанский плату за уроки брать не будет, а будет заниматься за уроки матери с его дочерью. Вот так

*tata* все устроила «ко всеобщей выгоде и удовольствию» (с. 264).

Но это было еще не все. В оставшееся время (после «английского») будут занятия музыкой и пением, к чему склонялись Альтанские и мать («они уже пели сообща маленькие трио и романсы»), а значит, и Меркул должен это делать. В «десять» Альтанские будут уходить к себе. До одиннадцати Меркул сможет что-нибудь почитать вслух для матери — русскую повесть или роман. В одиннадцать они будут расходиться по своим комнатам, чтобы обдумать проведенный день и написать, если нужно, какие-нибудь письма далеким друзьям. Здесь она спросила, ведет ли Меркул с кем переписку? Этот вопрос напомнил ему борзенское послание к тверской барышне. Он покраснел от страха, что мать догадается о его корреспонденциях любовного характера... И было похоже, что мать догадалась, но не стала пытаться его новыми вопросами, только отметив, что «переписка — важная вещь... ибо ею поддерживаются отношения с людьми и, кроме того она лучше всего способствует приобретению навыка к хорошему изложению своих мыслей» (с. 265).

*Строгая* программа образования, предложенная матерью, ее повелительный тон, а главное — логическое обоснование, даже сегодня у кого-то могут вызвать восхищение. Однако в программе (а точнее, в способе ее исполнения) было одно существенное *недоразумение* — там не было свободы. И это почувствовал сам ученик, но... чувство величайшего восторга перед матерью в нем все же победило... У Меркула стал заплетаться язык (видно, от эмоционально-интеллектуального напряжения), и он почувствовал себя снова ребенком. В то же время, поскольку от матери «веяло здоровым стремлением к неутомимой, энергетической деятельности и любовь к созерцательной мудрости»,

он почувствовал благоговение, гордость, желание ее любить и лелеять, чтоб сделать счастливой (ведь она никогда не была счастлива — он это помнил). От нахлынувших чувств и мыслей душа Меркула вскипела «величайшим восторгом», он «громко зарыдал... бросился перед матерью на пол — и, обняв, ее колени, облил ноги чистыми покаянными слезами...» (с. 267).

Мать, прижав Меркула к груди, сказала очередную глубокую мысль о том, что у него есть сердце, но этого еще мало, чтобы не делать зла. В эти и последующие минуты, когда они вышли на улицу с матерью под руку «как пара совершенно равных друг другу людей», Меркул почувствовал исцеление — все пережитое (казарма, возница Кирилл, тверская любовь, «Пьяная балочка», утопленник Кнышенко, отец Диодор) показалось ему очень далеким и даже «как будто бы этого совсем не было». Лишь одно по-прежнему смущало, томило и угнетало Меркула — это «роковое борзенское письмо» и плохие предчувствия с ним связанные (с 267).



Мать Меркула, как видим, была, очень культурной, образованной, заботливой, нежной, спокойной, умной, целеустремленной, скромной и одновременно очень властной женщиной, готовой всецело посвятить себя воспитанию и образованию своего сына. Она владела многими иностранными языками — немецким, французским, английским (а также, отметим, еще греческим и латинским, которые изучила в последние годы исключительно, чтобы научить им Меркула). Она знала историю, играла на фортепьяно и пела, а главное, могла обосновать и сформулировать правила поведения, благоприятствующие развитию сына. Много из перечисленного о своей матери Меркул знал с дет-

ства. Открытием для него стали ее правильные и глубокие (не вызывающие сомнения) рассуждения об образовании и поведении в обществе, а главное — ее властность и готовность участвовать во всех его делах (как с «маленьким»). Последнее не могло не вызвать в нем внутреннего сопротивления.

Меркул рассчитывал на некоторую свободу (это естественная потребность человека переходного возраста), однако любовь и уважение к своей прекрасной матери было настолько сильным, что он был готов (чтобы только доставить ей радость) выполнять жесткую (практически без права на самостоятельность), насыщенную занятиями (а значит, умственно тяжелую) программу предстоящего образования, которую составила сама мать во благо его будущего. Тем более, что после пережитых им недавно страхов, унижений и сомнений, ясные слова о настоящем и будущем самого близкого человека (матери) были ему очень нужны для восстановления души.

Мотивация учения как выполнения учебной задачи, поставленной более старшим и умным, причем самым близким человеком (матерью, которой ребенок всецело доверяет), безусловно, можно рассматривать в качестве фактора его активности и, следовательно, культурного роста и повышения образованности. Ценность такого обучения состоит в том, что в человеке развивается способность терпеть и преодолевать трудности, готовность жить правильной жизнью (в данном случае по христианской морали) — не поддаваться ложным искушениям и не делать зла другим людям. В то же время чрезмерное утомление от рутинной (не творческой) учебы и ее эмоциональный фон (без вдохновения и торжества) не могут быть в полной мере благоприятными ни для тела (организма), ни тем более для ума (психики). Главная опасность принудительно-нормативного обучения, даже если оно пони-

мается человеком как необходимость и ценность, состоит в том, что происходит ущербная трансформация его генеральной потребности в свободе, и он становится зависимым, по существу исполнителем чужой воли, в нем не развиваются творческие задатки, составляющие его сущность (он даже не догадывается, что они у него есть).

Позже (из последних глав повести) мы узнаем, что мать Меркула, в конце концов, осознала всю пагубность воспитания сына, основанного на беспрекословном его подчинении своему авторитету. И поняв, что не принесла сыну блага (хотя употребила на это, как ей казалось, весь свой ум и все силы), а наоборот, нанесла ему непоправимый моральный ущерб, она посчитала себя виновной, а свою жизнь (как прожитую, так и будущую) бессмысленной...

#### ЗНАКОМСТВО С ПРОФЕССОРОМ АЛЬТАНСКИМ И ЕГО ДОЧЕРЬЮ

В главах XV–XVII автор рассказывает о первых встречах с отцом и дочерью Альтанскими, с которыми мать намеревалась его сблизить.

Утром следующего дня мать вместе с сыном совершили «паломничество» по Киеву. Они посетили Софийский собор, Андреевскую и Трехсвятительскую церкви, Михайловский монастырь (здесь помолились об отце Меркула), а затем отправились на католическую гору, откуда открывался превосходный вид на Днепр. При этом матушка обстоятельно рассказывала Меркулу значение «каждой местности и каждого предмета», как будто прожила в Киеве всю жизнь. В результате Меркул «получил непоколебимое убеждение, что она говорит только о том, что основательно знает» (с. 268).

Далее автор описывает, как они с матушкой встретили девушку, на которую Меркул почему-то сразу обратил внимание. Его внимание к ней увеличилось, когда она приветливо поздоровалась с матерью и протянула свою ручку Меркулу и «с прелестной ласковой улыбкой и молвила: Мы с вами непременно должны подружиться: я люблю вашу *taman*, как родная дочь, и хочу, чтобы вы любили меня как сестру» (с. 269). Это, как потом сказала матушка, была та самая Харитина (или Христя) — дочь профессора Альтанского.

Слова Харитины, полные самоиронии и необъяснимой грусти, обращенные более к Меркулу, чем к матери, произвели на него сильное впечатление. Это впечатление усиливалось при новых встречах с девушкой, особенно, когда он увидел, как близки мать и эта девушка и как похожи они в необъяснимых ему пока страданиях. А увидев слезы на глазах девушки, полулежащей в их квартире перед камином и обхватившей руками колени его матери, не понятно почему возникшие (как видно, от каких-то воспоминаний), Меркулу захотелось сделаться для нее другом и даже «умереть за нее, лишь бы она так не грустила и не плакала» (с. 273). Но кто мог быть виновником ее страданий? Меркул был готов сделать ему «самую невозможную дерзость». Вначале он подумал, что причиной страданий девушки является ее отец, но когда его увидел, то понял, что жестоко ошибался. Профессор Альтанский был слишком добр, а в обхождении прост и удивительно открыт и приветлив. С Меркулом он заговорил как со старинным другом, и притом с таким, который «во всем был ему по всему равен» (с.274). Уже в первом разговоре Меркул не ощутил никакой разницы между «многоученностью» профессора и своим «круглым невежеством». В разговоре профессор «никого не оспаривал и не проводил ника-

ких идей, но все, что при нем говорилось, — невольно как-то выравнивалось и округлялось по превосходной и совершеннейшей форме» (с. 276). А на слова матери «Вот ваш ученик!», он, ласково пожав Меркулу руку, тихо ответил: «Друг, а не ученик».

В разговоре, касаясь исключения Меркула из детского корпуса, матушка с желчной иронией отзывалась о «правительственной системе», а профессор, «точно Тацит, облегчал ее суждения». Далее автор отмечает, что эта «первая политическая беседа» почему-то осталась в его «полудетской» памяти и оказалась пророческой.

Уходя, профессор пригласил Меркула прийти завтра в гости. После ухода гостей мать заговорила на неожиданную для Меркула тему. Мать спросила его: «Мой сын! Ты, кажется, куришь?» Меркул сконфузился и потупил глаза. Далее приведем полностью слова матери, которые характеризуют ее как педагога: «К чему это так рано?... я не думаю, чтобы эта бездельная привычка портить воздух, необходимый для нашего дыхания, могла приносить много удовольствия; но если уже ты хочешь курить, то, пожалуйста, не скрывай и кури при мне. Это, по крайней мере, не будет тебя приучать иметь от матери тайны» (с. 276).

*Глава XVI* заканчивается событием, которое потом много времени интересовало и волновало Меркула. Вечером того дня, лежа в постели, он подсмотрел, что мать кому-то долго писала письмо. А на следующий день он, относя это письмо на почту, прочитал на конверте «Филиппу Кольбергу в Петербург» (почему-то имя и фамилия Меркулу очень понравились). Его размышления по поводу того, кто этот человек (к которому мать обращалась запросто, не указывая титула) привели его к мысли, что человек этот «превосходнейший». На почте он встретил Харитину, ко-

торая также отправляла кому-то письмо. Так у Меркула возникло предчувствие, что и матушка, и девушка хранят в себе тайны, в которых заключены объединяющие их страдания.

Размышления Меркула по поводу «сокровеннейших тайн двух милых женщин» постепенно оформлялись в открытия, которые наносили его сердце «небольшую рану». Так он стал испытывать к девушке Харитине «возвышенное», «любовное» чувство, подобное тому, которые он испытал в Твери. Но несмотря на то, что 19-ти летняя Харитина, более подходила ему, нежели 30-ти летняя тверская барышня, он чувствовал, что у нее есть *кто-то* (раз она собственно-ручно отправляет письма), а значит, надо держаться роли друга и хранить ее тайну. Что же касается тайны матери, то Меркул предчувствовал одно, «что тут пылает какая-то купина, пламень которой должен быть свят» и что касаться этого ему нельзя (с. 278).

Следующая сцена происходила в доме Альтанских, куда Меркул пришел согласно приглашению. Его встретили ласково, но профессор вскоре ушел в университет, оставив Меркула на попечение дочери. И здесь он заметил, что в девушке нарастает какое-то внутреннее напряжение, и постарался поскорее откланяться, за что она была ему бесконечно благодарна. Но уходя, Меркул успел увидеть как Христа, лежа на полу, еле сдерживала свои рыдания, а ее спину и плечи судорожно корбило... Позже он узнает, что девушку мучили эпилептические удары, но в то время он смог ощутить только ее «гордое, молчаливое горе», которое не требовало его участия. От этого он «готов был сам зарыдать и, надвинув шапку, опрометью выбежал на улицу» (с. 280).





С точки зрения воспитания (в том числе, религиозного) правильным следует считать «паломничество», которое организовала мать для Меркула по святым местам Киева (соборам, церквям, монастырям) с соответствующим рассказом. Культурный человек обязан знать историю тех мест, куда его забросила судьба и где он проживает. Конечно, достопримечательности Киева вызвали у Меркула большой интерес. Но после «похода» его мысли были больше обращены к собственной матери, которая изучила историю новых мест не столько из собственного любознания, сколько, чтобы донести нужные сведения до него. И это еще больше повышало авторитет матери в глазах сына.

Правильно повела себя мать по отношению к Меркулу, когда узнала, что он тайно от нее курит. Она отметила, что это рано для него, обосновала вредность курения и назвала ее причину, а потом сделала точный педагогический ход — предложила сыну курить открыто в ее присутствии. Откажется ли Меркул от курения, если практически все мужчины в то время курили? Вряд ли. Скорее всего, он будет продолжать изредка курить, но так, чтобы не портить воздух, которым дышит дорогая матушка.

Важное значение в образовании и воспитании сына мать придавала знакомству его с профессором духовной академии И. И. Альтанским и его дочерью — людьми честными, добрыми, образованными и достойными во всех отношениях (в том числе достойными быть счастливыми, но, к сожалению, таковыми не являющимися). Профессор уже в первом разговоре с Меркулом повел себя с ним уважительно, как с равным, что подтверждало ранее высказанные матерью слова о том, что профессор не только много знает, но

и талантливо преподает. С матерью же профессор вел разговоры на все темы, включая политические, при этом смягчая ее критику правительства.

В дочери профессора Меркул сразу разглядел не только доброту, ласковость и образованность, но и усталость, и страдание. Эти ощущения только усиливались в Меркуле по мере его знакомства с девушкой и вызывали в нем сострадание, желание помочь и даже пожертвовать для нее своей жизнью. В этих социальных чувствах и стремлениях Меркула проявились первые ростки его социального созревания, его движения к взрослости.

Социальным можно считать и отношение Меркула к неожиданно обнаруженным им тайнам матери и дочери профессора. Он чувствовал, что их тайны и связанные с ними страдания сближали мать и девушку. Недостаточный социальный опыт не позволил Меркулу сразу понять главного, а именно — что в тайнах взрослых людей чаще всего лежит «тайная любовь». Однако у него хватило такта (а точнее, интуиции), чтобы не только не проникать в чужие тайны, но и даже стать их хранителем.

#### ВСТРЕЧА С КОРПУСНЫМ ТОВАРИЩЕМ ПЕНЬКНОВСКИМ

В *главах (XVIII и XIX)* автор описывает, как он «полный скорби за Христю», выскочил на улицу, где неожиданно встретил корпусного товарища Пенькновского. Пенькновский обратил внимание на слезы Меркула и слегка позлорадствовал («Ты — вечная плакса!»), а потом стал тихо (как страшную тайну) рассказывать о том, что в Австрии революция и что там воюют венгерцы, а поляки их старые союзники, значит, и ему придется воевать. И что если они встретятся на войне по разным сторонам, то чтобы «щадить

ли друг друга», «скакали мимо» и «махали саблей мимо», «как должно благородным людям и однокашникам» (с. 281). Меркул, конечно, не возражал, и они скрепили союз дружеским поцелуем.

Дальнейший их разговор коснулся занятий Меркула с профессором, на что Пенькновский съязвил: «Фуй, какая скука!». Затем Пенькновский вернулся к теме революции и своему отцу, титулярному советнику, у которого есть седло, две винтовки и сабля, и который, если начнется революция, непременно станет их полководцем. Он просил Меркула об этом никому не говорить и тот дал слово «держатъ это дело в большом секрете». Дойдя до квартиры Меркула, они благополучно расстались, однако мать узнав, что Меркул встретился с корпусным товарищем, послала немедленно воротить его и привести к ней.

Дальнейший разговор по существу происходил между Пенькновским и матерью Меркула, которая внимательно слушала товарища сына и непринужденно поддерживала разговор. Пенькновский сначала театрально распространялся о начальстве кадетского корпуса и офицерских женах, а потом, что особенно взволновало Меркула, о приключениях, произошедших с ними в течение многодневного переезда из Петербурга в Киев. Пенькновский рассказал о вознице Кирилле, который учил их пить водку и которого «королевское начальство» отпороло нагайкой. Но, когда мать стала возмущаться тому, почему их отправили без сопровождения с одним возницей-пьяницей, и воскликнула в ужасе, решив, что они пьянствовали с возницей, Пенькновский стал находчиво врать... и выдавать себя за «нравственного руководителя» Меркула, которого удерживал от пьянства и других пороков.

Все было терпимо, пока Пенькновский не стал рассказывать о тверском товарище, который пригласил их

к себе на вечер и где Меркул повел себя неприлично: как, войдя впереди всех товарищей в большую залу, он «как сумасшедший бросился целовать руки у всех женщин». Меркула в этой ситуации волновало только одно, как мать отнесется к его промахам и возможным порокам, о которых поведал корпусный товарищ, которого к концу разговора он так возненавидел, что хотел забрать обратно свое слово «не сражаться с ним» на войне и «махать саблей мимо». Однако мать вела себя удивительно спокойно и дипломатично. И здесь Меркул вновь оценил ее «страшную пронизательность». Он видел, что она с самого начала не верила Пенькновскому, а «читала истину (в его, сына. — Г.З.) потупленных глазах». В то же время его покоробили вполне искренние, как ему показалось, (но противные для его слуха) слова матери о том, что она согласна изредка отпускать Меркула к Пенькновскому «на его ответственность» и что будет рада видеть его у себя в доме, чтобы ближе познакомиться. Унижающая ложь и самохвальство Пенькновского, а также неожиданное (двуличное) поведение матери, сказались на психике Меркула. Он почувствовал себя нездоровым, что не осталось незамеченным матерью. Но она уже в который раз за день сказала не то, что думала. Хорошо понимая, что «озноб» сына вызван нервным перенапряжением, она притворно назвала другую причину: «Это тебя надуло в голову, когда ты вчера курил у форточки» (с. 286).

В течение дня Меркул выслушал еще несколько нравоучений со стороны матери, касающихся «практики» жизни и в том числе «практики» предстоящего общения с родственником — статским генералом, к которому ему вечером надлежало идти одному (без матери) по поводу принятия на службу в канцелярию. Эти нравоучения (где ключевой была мысль о том, что «надо привыкать к обхождению с людьми... а это приобрета-

ется только привыком и *практикой*) в совокупности с другими неприятными событиями дня, построенными на лицемерии, вызвали у Меркула тревожные мысли и побуждения. Приведем их дословно, так как в них отразились его озарения и новые стремления — важные для его психического и социального созревания.

«Опять практика!» — подумал я, упав в постель с тревожной мыслию, что вокруг меня что-то тяжелое и совсем не так, как бы мне хотелось. А отчего мне было тяжело и как бы я хотел учредить по-иному — этого я не знал; но только воображение несмело и робко, словно откуда-то издалека, нашептывало мне, что моя *татап*, без сомнения, строгая, нравственная и в высшей степени благородная, но сухая женщина, — и я вдруг вспомнил об отце и, кусая концы носового платка, который держал у лица, тихо заплакал о покойном. Мне показалось, что мы с отцом «терпим одинаковую участь» от тяжести живо нами осознаваемого высокого, но уж слишком авторитетного превосходства матери, меж тем как есть же на свете кто-нибудь, к кому она мягче и снисходительнее» (с. 286–287). Последние мысли Меркула были о Филиппе Кольберге, которого он никогда не видел, но к которому, как он догадывался, благоговела матушка. Он даже начал рисовать этого мужчину в своем воображении, а потом вошел в сон, где ему приснился совершенно идеальный (высокий, стройный, сильный, умный) человек с длинными темно-русыми кудрями, огромными густыми усами и энергетическими, как небо голубыми глазами, который сжимал его руку и говорил: «Да; ты угадал: я люблю твою мать, я люблю ее, люблю, люблю, люблю, как херувим любит бога, потому что видеть его благодать и величие и не любить его невозможно, и мы с тобой сольемся в этой любви и полетим за нею в ее сфере» (с. 287)...



Встреча на улице с корпусным товарищем Пеньковским — франтом и лицедеем, который сначала слегка унизил Меркула, а затем стал разглагольствовать о какой-то революции в Австрии, героическим участником которой он собирался стать, отвлекли Меркула от скорби за судьбу Христи. Но потом, когда Пеньковский зашел к ним на квартиру и стал (войдя в роль старшего друга и даже попечителя) рассказывать матери о скверных наклонностях ее сына, как он по дороге в Киев сдерживал его от дурного влияния пьяницы Кирилла и неприличного поведения на вечере у одного товарища в Твери, у Меркула стали назревать другие тяжелые чувства, но уже за самого себя. Сначала возникло сильное чувство стыда, что мать узнает от Пеньковского, как он пил водку, как «бросился целовать руки у всех женщин на балу», как там же возлюбил взрослую девушку только за то, что она была с ним приветлива и добра (последнего, к счастью, не случилось, так как Пеньковский про это ничего не знал). А потом возникло более сложное чувство душевной податливости (из-за «слишком авторитетного превосходства матери»), переходящее в чувство защищенности (также исходящего от матери, точнее, от понимания ею «практики» жизни). И чувство стыда (побуждающее к само совершенствованию), и чувство душевной податливости (как готовности к сопереживанию) и чувство защищенности (уберегающее от нервного расстройства) — все эти чувства, на наш взгляд, были важны для социального созревания Меркула.

Но более важными в социальном отношении оказались «воображения» Меркула, которые еще не оформились в новые (социально значимые) мысли. Первое «воображение» касалась общей «практики»

жизни, где взаимоотношения (в особенности между чужими людьми) построены не на честности, а на лицемерии и приспособленчестве. Другое «воображение» касалась его самого, матери и покойного отца (то есть внутрисемейной жизни): он вообразил, как трудно было жить его отцу с добродетельной, «сухой», «страшно пронизательной» женой (и ему стало жалко отца до слез), и как теперь ему (сыну) вытерпеть строгость и «практичность» матери, чтобы сохранить к ней любовь. Ответ он увидел во сне: спасителем матери (а заодно и его — Меркула) должен был стать Филипп Кольберг — мужчина, с которым мать вела доверительную переписку, которого Меркул никогда не видел, но которого идеально нарисовало его изображение... Именно любовь Филиппа Кольберга к матери (как к божественному существу) должна была сделать ее и мягче, и снисходительнее.

## ПОСЕЩЕНИЕ ДОМА ГЕНЕРАЛА

В следующей *XX главе* автор рассказывает о своем посещении дома родственника Льва Яковлевича, высокопоставленного чиновника — генерала, на службу к которому устраивала его матушка.

Но вначале главы он пишет о том, как *татап* подготавливала его к предстоящему визиту. Она сказала, что «Лев Яковлевич очень не злой человек и имеет свои заслуги и достоинства, а жена его Ольга Фомишна положительно очень добрая женщина, и дети их тоже очень хорошие, особенно старшая дочь Агата, которую *татап* назвала даже натурой превосходною, благородною и любящей» (с. 288). Она также сказала, чтоб Меркул не сидел долго и не спешил, а «соображал по приему» и почаще говорил Льву Яковлевичу «ваше превосходительство». При этих словах «губы

матушки сложились в несколько презрительную улыбку», а профессор Альтанский, который при этом присутствовал, «громко откашлялся и сплюнул».

С нехорошим предчувствием Меркул вошел во двор дома генерала, где его встретили ленивые собаки и многочисленные посетители — «жиды, которые каждый день <...> в обилии стекались сюда, неся с собой разнообразные дары для приобретения себе дядиной благосклонности» (с. 288). Чем дальше Меркул входил в атмосферу дома генерала, тем более отталкивающее впечатление производили на него все, кого он видел: сначала низенький дядин камердинер Иван «с широким алчным затылком», с заносчивостью бравший с посетителей деньги; затем сам Лев Яковлевич, больше напоминающий «запеченный свиной окорок», нежели человека, надменный, кичливый, «непроходимо глупый», который был «до того самообольщен, что даже <...> не говорил по-человечески, а только как-то отпырхивался и отдувался» (с. 288); а далее все прочие его также свиноподобные родственники (жена, свояченица генерала, дочери и сыновья) до такой степени «однородные» и «одновидные», что невозможно было различить среди них мужчин и женщин. В этой обстановке Меркул и себя почувствовал бестолковым и глупеющим.

Лишь когда в дом генерала пришел молодой человек (как потом оказалось) 25-летний племянник генеральши, «закончивший университет, но не желающий служить» — некто Серж, обстановка в гостиной оживилась. Меркулу понравилось в Серже многое: его милое лицо и женственная фигура, независимое поведение, повелительное, даже несколько презрительное обращение к присутствующим. Он был совсем не похож ни на кого из *серых* членов генеральской семьи. Благодаря родству с генеральшей, Серж мог спокойно



жить (ночевать и закусывать) в этом доме, приезжая сюда из имения, находящегося в двадцати верстах от города, где он «хозяйничал и покоил» свою мать

Разговор еще более оживился, когда генеральша спросила у Меркула, как они с матушкой устроились. Все начали говорить о его матери, называя ее «необыкновенно умной и практичной женщиной». Но когда Серж откланялся, генеральша и свояченица стали больше говорить о Серже: «что ему пора жениться», «но он, бог даст, на ней не жениться» и «что только Каролина Васильевна (мать Меркула. — Г.З.), как женщина «практическая», воздействуя на нее, а не на него, может их разъединить». И здесь «практичность» матушки уже в который раз стала для Меркула предметом переживаний, сначала вызвала «некоторое смущение», а затем стала казаться «чем-то тягостным и даже враждебным». Размышляя об этом, Меркул вдруг «начал чувствовать», что все — и Серж, и он сам, и его отец, и Христя страдали, страдают и будут страдать, потому что «благородны, горячи, доверчивы и искренни, меж тем как она (*матушка*) так практична!» (с. 293).

Расстроенный этими размышлениями Меркул, шел, опустив голову домой, как вдруг из-за угла одного дома, перед ним выросли две тени. Присмотревшись, он понял, что это были Серж и Христя... Сердце его екнуло. Уменьшив шаг, он последовал за ними, и «мимовольно учинился ближайшим свидетелем их сокровеннейшей тайны — тайны, в которой (он. — Г.З.) подозревал суровое, жестокое, неумолимое участие матери и... желал ей неуспеха...» (с. 294). Нет! Он желал ей более чем неуспеха, он чувствовал в «душе злое стремление стать к ней в оппозицию» (с. 294).



Посещение Меркулом дома высокопоставленного чиновника оказался важным психологическим и социальным событием в его взрослении. Матушка, как женщина практическая, настроила Меркула на чопорное поведение в гостях, выдержанное в нормах того времени, и обращение к генералу не иначе, как к «его превосходительству». И Меркул как послушный сын (и одновременно, ученик) в целом выполнил установку матери: вел себя тихо, можно сказать, «немо» и тем самым не вызвал со стороны хозяев никаких негативных реакций. В то же время в душе его происходили психологические перемены. Под влиянием свиноподобного вида генерала и такой же внешности членов семьи, а также царящего в доме подобострастия, морального унижения посетителей и в целом животного подхода к жизни он произвольно почувствовал, что сам становится частью этой обстановки — неодушевленным ее предметом. У него отключились не только мозги, но и слух, и зрение.

Возможно, с таким заторможенным настроением Меркул и покинул бы дом генерала, если бы не появление нового гостя — племянника генеральши, 25-летнего Сержа, который совершенно не походил ни на кого из серых членов генеральской семьи. Этот молодой человек оживил обстановку, привлек внимание Меркула, и даже ему понравился женственным внешним видом, особенным тембром голоса, снисходительным обращением к окружающим и игривыми манерами поведения. Большинство обитателей генеральского дома (прежде всего сыновья и дочери генерала) побаивались Сержа (для них он был слишком умен и образован), и лишь генеральша по-родственному его любила, позволяя ночевать и закусывать в своем доме.

Положительный интерес Меркула к Сержу заметно повысился, когда из разговора генеральши и свояченицы генерала он почувствовал, что в судьбе этого во всех отношениях приятного молодого человека принимает участие его матушка, на «практический ум» которой рассчитывали родственники. Так положительный интерес к Сержу стал усиливать в душе Меркула чувство противостояния к матери.

## ПРАВСТВЕННЫЕ МУЧЕНИЯ

В этой части исследования дается социально-педагогический анализ домашней учебы Меркула Праотцева, ставшей для него приоритетной каждодневной деятельностью, и чиновничьей службы, к которой он относился добросовестно, хотя и без интереса.

### РАЗГОВОРЫ МЕРКУЛА С МАТЕРЬЮ О «ЖИТЕЙСКИХ ИСТИНАХ»

В *XXII главе* автор впервые говорит о недуге, которым Меркул переболел в преддверии новой жизни *по наполнению себя образованностью*.

У него сделалась «лихорадка и колотье в ушах» — болезнь, которую приглашенный медик (университетский профессор) связал почему-то с большой длиной ног Меркула. По его словам, «люди на длинных ножках... всегда немножко валки... и несколько кволы» (с. 302). Что имел в виду доктор, осталось загадкой (но поскольку лихорадка возникала у Меркула периодически, есть основания думать, что эта болезнь имела для него серьезные последствия и стала причиной короткой жизни).

В период болезни (отметим, что Меркул лежал больным в постели) дополнительное негативное воздействие на его психику оказали два события. Сначала в их дом явился возница Кирилл, чтобы попрощаться, и стал рассказывать матушке о злключениях, постигших их в дороге, что вызвало у Меркула плохие воспоминания и негативные переживания. А через некоторое время пришло письмо из Твери, в котором корпусный товарищ Волосатин ругал Меркула, назвав его «дураком» и «мерзавцем», за то, что тот написал письмо его сестре. Представив, что содержание письма стало известно матери, Меркул так переволновался, что проспал в постели целые сутки.

Безусловно, негативные переживания, могли усугубить болезнь Меркула. Но матушка, хорошо знавшая впечатлительность и нервность своего сына, сумела успокоить его правильными словами. Сначала она высказалась о Волосатине, который прислал обидное письмо в ответ на «ласковость» Меркула, отметив, что тот имеет «плохую голову и нехорошее сердце». Конечно, это была очень мягкая оценка, а ведь следовало бы сказать и о барышне, которой письмо предназначалось, но мать пожалела ее, ибо не хотела сильнее ранить душу Меркула. А далее, когда между Меркулом и ею зашел длинный разговор о «практичности и светскости людей», она дала исчерпывающий ответ на эту тему. «... Светские люди стараются быть сдержанными; а люди практические — если хотят кого обидеть, то не бранятся с первых строк, потому что тогда благоразумные люди далее не читают. Кстати, извини меня: я бросила это глупое письмо в печку» (с. 304). Эти слова и поступок матери окончательно успокоили Меркула и вернули его к мысли, что матушка его «самая умная, самая добрая» (с. 305).

Разговор с матерью о «простых, но важных житейских истинах», имел для Меркула большое педагогическое значение. Отметив, что Меркул «очень пытлив» и что это качество «может вести к широкому разумению; но надо, чтобы при этом не было беспокойного воображения, которое всегда ведет к напрасным тревогам и ошибкам» (с. 305), мать тем самым благоприятствовала его рефлексии (самопознанию) — важному для развития психическому процессу. На этой психологической основе она затем начала раскрывать перед Меркулом «в самой малой вещи весьма сложные идеи, объяснение которых было (ему. — Г.З.) чрезвычайно приятно» (с. 305). И это стало для него сильнейшим побудителем к учебе и поиску новых знаний. Вот что в этой связи пишет автор: «Относясь еще вчера весьма пассивно к матушкиному проекту моих усиленных научных занятий, я уже осуждал себя за это равнодушие — и теперь сам страстно желал учиться, и учиться не для чего-нибудь корыстного, не для чинов... а для постигания всего того, что при незнании и необразованности проходит у человека незамеченным и ничтожным, меж тем как при глубоком разумеении жизни в ней все так осмысленно, так последовательно, причинно и условно, что можно властвовать жизнью, а не подчиняться ей» (с. 305). Так в Меркуле «вспыхнула жажда знаний» и с тех пор он «без перерыва много лет кряду рыскал и шарил везде, где надеялся найти какое-нибудь новое знание» (с. 306). Его прилежание и быстрота усвоения уроков нередко им самим выпрашиваемых, приводили и *tataп* и профессора Альтанского в такое удивление, что они даже стали сдерживать его учебные порывы. В конце главы автор отмечает, что «найдя вкус и удовольствие в занятиях науками», он уже в ранние годы начал казаться «изрядным чудаком» (с. 306).



В этой главе мы впервые получаем представление о физическом (соматическом) состоянии Меркула: вялый и хилый телом, с длинными слабыми ногами он не мог быть не склонным к заболеваниям. К тому же он был очень впечатлителен, эмоционален, нервозен, что еще больше ослабляло его организм. Поэтому появление у него болезни (с приступами лихорадки), вполне можно объяснить. В этой связи отметим, что в программе учебных занятий, которую ему предложила матушка, не было занятий физическими упражнениями. Возможно, это объясняется натурой самой матери, которая была человеком умственным, а не физическим. И здесь следует вспомнить отца Меркула, кавалериста, которого он рано потерял и который по законам дворянской жизни должен был бы внушить сыну необходимость в физическом самосовершенствовании. Именно отсутствие мужского воспитания (приоритетного для мальчика с детства, но особенно в отрочестве и юности) во многом, на наш взгляд, обусловило не только соматическую слабость Меркула (хотя напомним, что он родился физически вполне здоровым ребенком), но и его внутреннюю (психическую) нестабильность, а позже и характер, более женственный, нежели мужественный.

Все что делала мать в отношении Меркула (вся ее педагогическая работа) — это было замещение воспитательного воздействия отца. Благодаря уму, интуиции, практичности и психической уравновешенности в большой степени это матери удалось. Меркул поверил матери (она была слишком «правильной» женщиной) и под ее педагогическим воздействием фанатично занялся своим образованием. Однако ни мать, ни тем более сам Меркул не способны были предвидеть

того обстоятельства, что прилежание в учебе и большие умственные нагрузки могут усугубить его хроническое заболевание (что в будущем, к сожалению, и произошло).

В связи с вышесказанным, встает вопрос: взяв на себя все воспитательные (по большей части отцовские) функции смогла ли мать Меркула сохранить в себе женскость? На этот вопрос, мы сможем ответить только, прочитав и проанализировав последние главы повести.

### О КАНЦЕЛЯРСКОЙ СЛУЖБЕ МЕРКУЛА, ОБЕДАХ У ГЕНЕРАЛА И ДОМАШНИХ БЕСЕДАХ

*XXIII главу* автор начинает с рассказа о первых днях и неделях своей службы в канцелярии, которая была для него не обременительной и протекала в одном режиме — в переписывании нескольких бумаг «набело», после чего он с удовольствием уходил домой.

Генерал Лев Яковлевич лишь в начале несколько раз осведомился о том, что делает родственник, и более не интересовался. Ближайшее начальство ему «вольготило» (видимо, как «генеральскому родственнику») и сильно не загружало. Прочие чиновники, видя в Меркуле конкурента на должности, старались не посвящать его в тайны «канцелярской науки». Но он и сам, и по совету матери к этому не стремился. Поэтому хоть Меркул и прослужил в канцелярии достаточно долго, но «ничего и не заимствовал и не усвоил себе» из чиновничьей среды. И это, безусловно, благоприятствовало сохранности его миролюбивого характера.

Знакомств новых ни мать, ни Меркул не заводили как из-за ограниченности средств, так и потому что

«не чувствовали в них надобности». Из дома выходили редко — в основном по праздникам ходили обедать к генералу по его требованию, что было сущим наказанием для Меркула. Мать тоже тяготилась посещать дом генерала, но вынуждена была это делать «в целях весьма практических», отчасти для того, чтобы удерживать эти отношения для пользы Меркула.

Иногда они ходили в дом Альтанских, но чаще (почти ежедневно) профессор с дочкой приходили к ним. У них в доме проходили совместные занятия науками, которым Меркул предавался со страстным увлечением, а потом была еще умная и приятная беседа у камина и совместный чай, а позже легкий ужин. Благодаря такому режиму все «сблизились и слились до неразрывного душевного согласия, взаимной привязанности и единства» (с. 308).

Далее процитирует два абзаца, о том, как проходили «совместные» беседы, так как они дают представление о педагогической значимости для Меркула этой деятельности.

«В этом тесном кружке нам не нужно было никакого более просторного мира, хотя мы отсюда часто обзревали весь мир и передвигали перед собой его картины при различных освещениях. В характере наших собеседований было замечательно то, что лица в наших разговорах играли относительно очень небольшую роль; мы почти никогда не говорили о *ком-нибудь*, а всегда о *чем-нибудь* — и поэтому разговор наш получал форму не осуждения, а рассуждения, и через это беседе сообщался спокойный, философский характер, незаметно, но быстро дававший моему уму склонность к исследованию и анализу. Отправление в каждой беседе от живых и часто, по-видимому, ничтожных явлений частной жизни к вопросам общего значения — делало эту беседу столь легкой и доступною, что я, самый



младший и невоспитанный член нашего кружка, сам не заметил, как начал свободно понимать все, что мне доводилось слышать, и чувствовал себя в силах вставить иногда более или менее уместно свое слово. Если мнение мое не служило к разъяснению вопроса, то оно нередко было поводом к указанию не бывшего до сих пор на виду возражения со стороны непросвещенного разума. Голос мой, в своем роде, был нечто вроде *голоса из толпы*, на которой всегда давался терпеливый и разумный ответ, всегда шедший мне — представителю толпы — на добрую потребу» (с. 308).



Покровительство родственника генерала и отсутствие у Меркула карьеристской мотивации (что является большой заслугой его матери) благоприятствовали тому, что, исполняя долгое время в канцелярии рутинную службу писаря при общем недоброжелательстве со стороны других чиновников, он сохранил в себе позитивные черты характера — трудолюбие и миролюбие.

Свободное время после службы он использовал для научных занятий (также по наставлению матери), к которым относился с увлечением, и для задушевных бесед с дорогими для него людьми (матушкой, профессором и его дочерью), что способствовало развитию его в умственном (психическом) направлении.

Заметки автора (их вполне уместно назвать «научными») о характере бесед, говорят об их высокой педагогической ценности. Их анализ позволяет вывести ряд прогрессивных подходов (или педагогических принципов), применимых к воспитанию и образованию взрослого человека: ♦ показывать мир и его отдельные картины с позиции различных наук;

♦ меньше обсуждать кого-либо, а больше рассуждать о чем-либо, придавая разговору философский характер; ♦ от анализа частной жизни переходить к исследованию вопросов общего значения; ♦ беседы проводить легко и доступно, тем самым, побуждая даже самых младших и невоспитанных собеседников к свободному высказыванию своих мыслей; ♦ идти от реальной жизни и учить жить умно (правильно).

Нетрудно понять, насколько указанные педагогические подходы (или принципы) были актуальны и прогрессивны для «казарменного» («николаевского») времени. К нашему удивлению, они остаются актуальными и сегодня. Ведь по-прежнему воспитательная работа в семье, школе и вузе строится преимущественно на «средневековой» «принудительно-нормативной» основе, ущербной для психики обучающихся. И это несмотря на наличие новых научно-педагогических достижений.

#### ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕРКУЛА С МАТЕРЬЮ И УЧЕБА У ПРОФЕССОРА АЛЬТАНСКОГО

В следующей *XXIV главе* автор описывает педагогическую сторону своих занятий и бесед с профессором. Но прежде он рассказал о беседе (когда к ним в дом пришли профессор с дочерью), в которой произошло их с матушкой «сердечное примирение». Поводом послужили слова матушки о том, что она «сегодня сделала дорогую находку или приобретение». И на вопрос Христи: «Разве вы выходили сегодня?» Она ответила, что нашла находку у себя дома — «она нашла сердце своего сына и приобрела его доверие» (с. 309). Это признание вызвало сильные переживания у Меркула (он покраснел). В этой связи нам следует напомнить, что Меркул вообще «страдал» повышен-

ной чувствительностью и эмоциональностью и сильно реагировал практически на все события, в которых принимал участие (и это, разумеется, не могло не сказаться отрицательно на его здоровье).

Вопрос Христи («Но разве его сердце не всегда вам принадлежало?») побудил матушку сказать слова, которые оказали на Меркула большое воспитательное воздействие. Она сказала: «Да; он меня любит, и он был уверен в моей любви, но с сегодняшнего дня все, что мне принадлежало от него *по вере*, он отдал мне *по убеждению*. Это очень дорого — и я высоко буду ценить этот день. Это мой праздник» (с. 309).

И тогда Меркул покраснел еще сильнее, а мать сказала: «Не стыдись, пожалуйста, моей благодарности <...> я знаю, что присутствовать на своей собственной цензуре очень неприятно, особенно когда нас в глаза хвалят; но я все это говорю не в похвалу тебе, а просто открываю тебе мою высшую радость. Приобрести твою откровенность — это все, чего я могла желать и молить бога, и он все это дал мне» (с. 309).

Слова матери так подействовали на Меркула, что, разволновавшись, он стал открывать ей и гостям все свои тайны и «приносить покаяние во всех своих путевых проступках, не умолчав даже о том, что встретил под ярмарочными шатрами в Королевце женщин...» (с. 309). А когда окончил, заключил, что он не стоит ее доброго мнения. Однако мать спокойно выслушала сына. Скорее всего, она либо знала, либо догадывалась о грехах сына и ждала, чтобы он сам осудил себя. Возможно даже, она сознательно (или, скорее, интуитивно) создала ситуацию для покаяния сына. Ее педагогический ход был правильно выверен — сын в знак благодарности бросился к ней на шею и, обняв, зарыдал (*как же часто он плачет!*).

Дальнейшие признания Меркула касались Пенькновского, который «...совсем не такой, каким себя представлял». Меркул даже выдал тайну Пенькновского о том, что поляки «хотят делать революцию» и республику. По этому поводу произошел разговор в основном между матерью и профессором, из которого Меркулу стало понятно, что в его сообщении нет никакой тайны; что поляки несчастные люди, так как потеряли свою самостоятельность; и что они «пустые люди», поэтому, принимаясь за «хорошую идею», могут только ее испортить. Из разговора Меркул также понял, что его матушка и профессор, куда большие республиканцы, чем Пенькновский с заговорщиками, и что они точно знают, как не испортить «хорошую идею». Еще он заметил, что между матерью и профессором по многим вопросам не было полного единства, но спорили они очень мягко. Мать относилась ко всему «возвышенно», в то время как профессор «со спокойным величием мудреца». Профессор «считал мать женщиною, выходящей далеко вон из ряда», но... когда считал ее слова не достойными серьезного ответа, давал ей «рифмованные ответы».

Совсем по-иному профессор строил отношения с Меркулом. Он читал ему лекции в ораторском стиле, нередко в образах. А окончив урок, подолгу беседовал с ним, давая ему пищу для размышлений и побуждая к этому. Вмешательство *tataп* в урок, как правило, вызывало у профессора «рифмоплетение». Почувствовав такое отношение, мать сначала перестала присутствовать на уроках, а затем предложила Меркулу «для большего удобства» ходить к профессору на дом. У себя дома «старик был еще дружественнее и общительнее». Занятия шли долго, но «время летело на крыльях», и в беседах они нередко засиживались до сумерек. Повествование профессора порой так ув-

лекало Меркула, что он начинал дрожать и замирать от страстного волнения. Заметив это, профессор как-то спросил: «Ты дрожишь от негодования на людскую несправедливость: слагай это в своем сердце» (с. 313). А когда Меркул ответил, что готов «умереть за справедливость», профессор воскликнул: «О добрый юноша! Справедливость покуда лишь хорошая идея, осуществления которой в толпе нет, точно так же, как не может ее быть у тирана» (с. 314).

Однажды старик уснул в ожидании, когда Меркул вышел на кухню поставить самовар. Увидев спящего старца, Меркул подумал: «Так-то мирен закат твой <...> каков-то задается он мне?» (с. 314). И при этом ему вдруг почудилось, что ему еще куда-то надо сбежать отсюда до заката. Ворвавшаяся в открытую форточку свежая струя куда-то его поманила... Куда? И дальше автор пишет: «Но я отвращался от этой взманы и учился, учился все больше и служил своему учителю все покорнее и смиренней. Я с каким-то сладким раболепством исполнял при нем разные послуги: ходил покупать ему нюхательного табаку бегал за Подол за особыми булками... аккуратно чистил клетку его седого бердичевского соловья» (с. 314). А учитель в это время «царапал» в тетради Меркула мысли, которые хотел водворить в его душе, чтобы сделать «господином, а не рабом жизни».

Последний абзац в главе: «Успехи я делал невероятно быстрые, но влияние их на меня было несколько странно; я чувствовал себя очень слабым на моих длинных ножках» (с. 314).



Доверительные беседы и искренние признания, вызывающие положительные чувства и эмоции, — лучший способ воспитания. И этим способом неоднократно пользовалась мать Меркула, которая это делала сознательно (или интуитивно), хорошо зная чувственность своего сына.

Другим важным фактором воспитания Меркула был пример добрых (правильных) взаимоотношений его просвещенной матери и мудрого профессора Альтанского. Мать безмерно уважала профессора, а профессор, высоко ценя ее просвещенность, никогда не показывал того, что он умнее, а главное самостоятельнее в своей оценке событий и подходов в обучении. Взаимоотношения мужчины и женщины — предмет многих педагогических исследований. В повести, на наш взгляд, показан лучший пример сосуществования и сотрудничества женщины (просвещенной и понятливой) и мужчины (культурного и умного).

Эффективным методом воспитания и образования Меркула были выполненные в ораторском стиле лекции профессора, побуждающие ученика к социальным переживаниям (негодованию на людскую несправедливость) и к готовности умереть за справедливость (ведь тема несправедливости/справедливости была актуальной для того времени). Но еще большее воспитательное значение имели беседы, которые проводил профессор со своим учеником после лекции, побуждая его к размышлениям (надеемся, не столько об изучаемом «предмете», сколько об общественной и личной жизни). Важно отметить, что в отношениях профессора с Меркулом не было традиционных «отметок», а была похвала или критика, касающиеся не столько знаний ученика, сколько понимания им сущно-

сти предметов и явлений. А ведь такого подлинно научного (обусловленного потребностями обучающегося) подхода в педагогике нет до сих пор в ни системе общего, ни в системе профессионального образования.

Показателем хорошего воспитания, а значит, и социального созревания Меркула явилось его отношение к профессору, с одной стороны, как к мудрецу, которым он восхищался и на которого ему хотелось в будущем быть похожим, и одновременно как к старому человеку, нуждающемуся в его услугах, а по существу — в социальной помощи. В общении с профессором в голове Меркула впервые проскочила мысль (как свежая струя в открытую форточку) о какой-то другой своей жизни, навеянной борьбой за справедливость.

#### МЫСЛИ МЕРКУЛА О МАТЕРИ И ПРОФЕССОРЕ АЛЬТАНСКОМ

В XXV и XXVI главах автор продолжает, начатый в предыдущей главе, разговор об особенностях своей учебы, которая плохо отразилась на его здоровье — он почувствовал себя очень слабым на своих «длинных ножках».

Но прежде чем сказать о той болезни, которая с ним приключилась, автор описал немало событий, которые этому способствовали. Серьезные (не по возрасту) наблюдения и мысли о жизни, о судьбах близких людей, острые переживания и сочувствие с этим связанные, а также «беспокойное воображение», свойственное для взрослеющего пытливого человека, как оказывается, кроме позитивного педагогического воздействия, может иметь и негативные последствия — вызывать нервное перенапряжение и болезнь. Сегодня о психическом перенапряжении школьников и студентов написано немало медицинских и валеологических статей, но ведь события повести относятся

к середине 19-го века! Что только подтверждает пронизательность *гения-Лескова*.

Какие же глубокие наблюдения и мысли взволновали Меркула от общения с матерью — его главным воспитателем, и в процессе научных занятий с профессором Альтанским, ставшим для него не просто учителем, а мудрецом?

Вот содержание основных мыслей и наблюдений Меркула, связанных с матерью.

◇ Меркула давно волновала мысль, почему бескорыстная, просвещенная, пронизательная, внушающая людям возвышенные чувства и заслуживающая полной ответной любви женщина (коей была его мать) не была любима (истинно любима) теми людьми, которые ее знали (вероятно, он имел в виду и своего покойного отца)? А ведь она все это сама понимала и очень хотела *быть любимой*. Меркул это понял по ее «постоянной тихой грусти, отражающейся во взгляде». И поэтому старался любить свою матушку как мог, но вскоре заметил, что счастливой ее сделать не может. И это удручало его до слез.

◇ Но когда матушка получала письма из Петербурга, приходившие с немецкой аккуратностью в каждый воскресный день, надписанные по-русски, но высоко-немецким почерком (он догадывался, что это письма от Филиппа Кольберга), *татап* теряла свою внешнюю спокойность и, перечитывая письма, погружалась в тихое воспоминание чего-то чудно-прекрасного и... *была счастлива*. В эти мгновения Меркул хорошо понимал, что «возвышенная, искренняя» любовь Филиппа Кольберга была много важнее для матери, чем его любовь, и за это он безмерно любил неизвестного ему мужчину.

◇ Несмотря на свою приверженность к постоянству, мать почему-то изменила для Меркула порядок,



намеченный ею в первые дни, на тот, который сложился «органически» потом, и в котором доминировала не она (как хотела), а профессор с его занятиями и беседами. Меркул видел, что это ее печалило, так как отдаляло его от матери, поэтому сам стал расстраиваться по этому поводу. Но мать его успокоила, высказав мнение, что от нового порядка больше пользы для него, поэтому возвращаться к прежнему нет оснований. К тому же они «поступили бы неблагодарно по отношению к такому достойному старику, как Альтанский, и огорчили бы его» (с. 317). А когда Меркул спросил, почему тот должен огорчаться, если он у него только отнимает время, мать заметила, что профессор учит Меркула, «как внушает ему его любовь к просвещению и истине», и это доставляет ему большое удовлетворение. В то время как в духовной академии он «говорит только то, что обязан говорить по требованию службы» (с. 317). «Ты — счастливец, сын мой: ты имеешь редкого *образователя*, трудов которого нельзя оплатить никакими деньгами. Дорожи им и уважай его, потому что это такой честный и свободомыслящий человек, значение которого ты поймешь только со временем» (с. 317). Эти слова матери глубоко вошли в сознание Меркула, и он все больше и больше *прилеплялся* к своему наставнику. Учился у него «с чрезвычайно быстрыми и прочными успехами» и «заправлялся в беседах» с ним «на особый лад», что впоследствии, к сожалению, привело его к «большому разладью» (с. 317).

Слова матери об Альтанском были справедливы. Много позже (когда профессора уже не стало) Меркул хорошо осознал, какого духа был этот человек. Вот содержание основных мыслей и наблюдений Меркула, связанных с профессором Альтанским.

◇ Профессор был для меня «какой-то сосуд, заключающий целебную смесь, которую однако, надо

было пить умеючи, потому что малейшее усиление приема вместо пользы, покоя, здоровья развивало во мне мучительный душевный недуг» (с. 317).

◇ «Легкая форма его бесед, с тонкою критикой истории культуры, зароняли во мне мысль, что жизнь современного общества, которая делалась доступною моему ведению, идет не по тому течению, которое может вывести человечество к идеалу. Идеал этот представляло мне христианство, которое все как будто бы уважают, но к которому, однако, никто сильно и искренно не стремится. Что это за ложь? Как повернуть, чтобы это шло иначе?» (с. 317–318). А выплыть к этому идеалу, как подсказывал профессор, можно было только, гребя против *уносистого* течения себялюбивых, низменных страстей.

◇ Когда же профессор коснулся логики и философии, у Меркула образовалась «неотвязная мысль»: «отчего все умные люди не соберутся в одно место и не устроят такого государства, где бы государь философствовал, или же бы где философ царствовал» (с. 319).

Подобные мысли терзали душу Меркула, поселяя в нем тревогу, которая накапливалась от занятия к занятию. Беспокойные размышления порой занимали Меркула так сильно, что он терял аппетит и его задумчивый вид начинал беспокоить мать, и тогда он начинал с ней делиться терзающими его мыслями, нередко заливаясь горькими слезами от отчаяния, что никогда не сможет «ничего знать основательно», «ничего понимать ясно»... Так продолжалось, пока у него не произошел нервный срыв с рыданиями. И тогда матушка положила его в постель, в которой он опомнился через полтора месяца «изнеможенный, бледный, худой, с бритым теменем и растравленными ранами на спине и затылке» (с. 320). У Меркула случилось воспаление мозга.



В собственных мыслях взрослеющего человека, как известно, отражается его развитость и воспитанность. Размышления Меркула о возвышенной любви и счастье, которых, по его мнению, была достойна его мать, но чего у нее в полной мере не было, безусловно, свидетельствовали о его движении к социальной зрелости. К сожалению, при этом Меркул оставался человеком психически незрелым (с неуравновешенной и неуверенной психикой, более свойственной подростку, нежели юноше), а главное — сексуально недоразвитым. Его половое созревание замедлилось после того, как была опошлена его возвышенная романтическая любовь к молодой женщине из Твери, а затем не получило развитие его эротическое чувство к дочке профессора Христи (хорошо, что он не раскрылся перед этой девушкой, иначе б долго переживал свой стыд перед ней, а главное — перед матерью). Возможно, именно из-за этих «любовных неудач», а также предчувствия своей неготовности к семейной жизни у Меркула больше не возникало мотивов завести с кем-либо половые отношения. К тому же в «планах» матери также этого не значилось. Вот и занялся он в основном учебой, не выходил в свет, не встречался с барышнями, и поэтому не имел возможности познать собственную сексуальность, развить свои эротические способности и проявить половые чувства. Можно сказать, что его социальное взросление происходило без опоры на психическое и сексуальное созревание и, следовательно, было преждевременно и опасно для здоровья. Что и подтвердилось позже, когда Меркул свалился в постель с воспалением мозга. Кто виноват в сложившейся ситуации? Разумеется, его «учителя» — матушка и профессор, которые уделяли недостаточно внимания его психическому состоянию и совсем не за-

нимались половым воспитанием. Но в этом нет ничего неожиданного: в те далекие времена психика и сексуальность взрослого человека не были объектом специального педагогического воздействия ни в системе официального образования, ни в домашнем обучении. Не было даже таких предметных областей, как психология и сексология. Впрочем, и сегодня, хотя такие предметы уже давно есть, но ни в школе, ни в профессиональных учебных заведениях не занимаются должным образом психологической подготовкой и половым воспитанием подрастающего поколения.

Одновременно надо сказать, что в сложившейся ситуации у двух взрослых людей, принявших на себя обязанность и ответственность «образовывать» молодого человека — у просвещенной матери и у преподавателя с профессорским званием, могла, конечно, сработать интуиция — важный побудитель продуктивной педагогической деятельности. Однако этого не произошло. Почему? На наш взгляд, это связано с личностями самих «педагогов». Каждый из них (мать со своей просвещенностью и рационализмом, и профессор, больше философствующий о жизни, нежели реально живущий) были в сексуальном отношении неполноценны. У матери половые потребности были задавлены с самого детства сначала ее деспотичной матерью-баронессой (достаточно вспомнить ее «банные» дни), а позже — собственным рационализмом. Такая женщина любить была способна больше умом, нежели чувствами и тем более — телом. И судя по всему, от этого страдал отец Меркула (кавалерист — человек «физический») и поэтому «ходил по бабам». Другое дело Филипп Кольберг (человек «умственный»), который, судя по всему, любил Каролину (напомним, так звали мать Меркула) именно за ее ум и правильность. И это для нее было счастьем. Что касается профессора то, хотя его история жизни нам неизвестна, скорее всего, его эротические способности также не были разви-

ты в период взросления, поэтому женился он поздно и по необходимости (вспомним, что дочери «старика» было меньше двадцати лет). К тому же занимался он преподаванием в духовной академии. А что можно преподавать «бесполом» слушателям, догадаться нетрудно. Таким образом, ни мать, ни профессор в силу собственной половой незрелости, не были способны побудить Меркула к сексуальному саморазвитию, самопознанию и созреванию.

Именно вследствие психической незрелости Меркула, важнейшим компонентом которой была его половая недоразвитость, у него стали развиваться неадекватные (терзающие душу) мысли о несовершенстве человечества, несправедливости и лжи среди людей, которые сначала вызвали в нем неуверенность и прогрессирующую тревожность, а позже трансформировались в болезнь — воспаление мозга.

#### РАЗМЫШЛЕНИЯ МЕРКУЛА О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МАТЕРИ И ПРОФЕССОРА

В *XXVII главе* автор решил полнее раскрыть характер взаимоотношений матери и профессора Альтанского. Характер этих взаимоотношений он ясно показал, когда в дом Меркула пришел неожиданный гость — панчик Пенькновский и завладел вниманием матушки и всех своими пространными разговорами о своем отце и других поляках, затевающих революцию. Пенькновский, бравируя, в лицах рассказывал последние события из жизни киевских поляков. Эти события вызвали у присутствующих либо снисхождение (как у профессора), либо плохо скрываемое презрение (как у матери). Здесь Меркул впервые ясно заметил, как по-разному реагировали на одни и те же события, профессор и мать, которые, хотя и очень уважали и ценили друг

друга, но постоянно противостояли в оценках событий. И было ясно, что такое противостояние основывалось не на существе дела, а имело моральное (то есть психологическое) значение — мать и профессор боролись за лидерство во взаимоотношениях. Иначе говоря, это была борьба характеров. И так было практически всегда, когда они были вместе.

Не сходство характеров (по аналогии) Меркул заметил и в своих отношениях с Христей. Он был настроен к по-настоящему дружеским (искренним и теплым) отношениям, а Христя была дружелюбной больше внешне, чем по внутренней потребности, и в душу свою не пускала никого, видимо, даже своего отца. Не была она полностью откровенной (что совершенно неоправданно) и с матерью Меркула и тем более с ним — младшим по возрасту и другого пола. В последующих главах мы еще не раз убедимся, что Христя была умна, начитана и хорошо воспитана, но в то же время чрезмерно сдержана в чувствах и скрытна в мыслях.



Во взаимоотношениях матери и профессора при полном их взаимоуважении и дружелюбном отношении друг к другу всегда возникала психологическая напряженность, обусловленная тем, что каждый из них стремился доминировать. И если со стороны профессора (представителя мужского пола, человека научного склада ума и более старшего по возрасту) такое стремление можно было оправдать, то склонность своей матери к противостоянию вызывало у Меркула, скорее всего, сожаление (иначе бы он не написал об этом).

Проблему противостояния женского характера мужскому автор проследил и на примере своих отно-

шений с дочерью профессора. И хотя должных выводов им сделано не было (по причине недостаточной половой зрелости), нам же совершенно понятно, что отношения (тем более, любовные) с девушкой, имеющей сильный и независимый характер (какой был у Христи) всегда будут сопряжены с сомнениями и мучениями... и даже могут закончиться для кого-то трагически... (в чем мы позже и убедимся).

## СОСТРАДАНИЕ К ЖЕНСКОЙ СУДЬБЕ

В этой части исследования дается социально-педагогический анализ половой жизни Меркула Праотцева, его отношения к любви и счастью.

Сразу отметим, что Меркул не познал в жизни главного — семейного счастья. Основная причина — незрелость половой сферы: его сексуальное развитие задержалось в подростковом возрасте, поэтому всю жизнь у него были только завышенные (идеализированные) требования к женщинам, более свойственные взрослому, нежели социально зрелому мужчине.

Начало жизни Меркула (с точки зрения его полового воспитания) складывалось относительно нормально: он родился в материально благополучной семье и видел перед собой пример мужественного отца и пример заботливой матери, хотя и чувствовал, что в их взаимоотношениях не было полного согласия.

Проблемы начались для Меркула после скоропостижной смерти отца, когда мать была вынуждена отдать его в кадетский корпус. В кадетском корпусе Меркул в течение шести лет был лишен «женского общества», а главное — возможности в *рефлексии* и *смыслотворчестве* — психических процессах, важ-

ных для его душевного, в том числе полового развития. Вот почему первая встреча 15-летнего Меркула с женским полом (после исключения его из кадетского корпуса) в лице взрослой (30-летней) девушки Ани (ее внимание и расположение, но не более того) оказалась для него такой ошеломительной, что он посчитал эту девушку женским идеалом и помнил всю жизнь.

Первая (юношеская) любовь чаще всего благоприятствует психическому и сексуальному развитию человека. Однако с Меркулом такого не произошло... Дело в том, что его *любовь* возникла как *благодарность за возвращение к жизни* в ситуации полного отчаяния, самобичевания и даже желания умереть. Вспомним, как, оказавшись на балу, Меркул поддавшись примеру взрослых, стал «прикладываться» к ручкам всех присутствующих на балу дам. А когда над ним стали насмехаться, пережил приступ острого (конечно, сильно преувеличенного и совершенно необоснованного, но типичного для психически не развитого подростка) переживания неловкости и стыда, из которого его вывела девушка Аня, пригласив сначала на танец, а затем добрым словом вернула к жизни. Понятно, что в такой экстраординарной ситуации у психически неразвитого Меркула произошел одномоментный всплеск необузданных (необоснованно возвышенных) эротических (точнее романтических) чувств. Затем, как мы помним, было «злосчастное письмо», которое он отправил *любимой* девушке Ане в состоянии очередного переживания отчаяния и самобичевания (из-за своего *нравственного падения*, выразившегося в питье водки и связях с блудными девками во время путешествия из Петербурга в Киев) в надежде на ее психологическую поддержку. А поскольку должного ответа (хотя бы в виде дружеского совета) от нее не последовало, а наоборот, пришлось (правда, спустя много дней, уже



в Киев,) гневное письмо от брата Ани, то у Меркула как у неуравновешенного в эмоциональном плане подростка, переживания стыда, а затем и самобичевания стали только усугубляться. Вот и получается, что первая любовь Меркула, сначала была ему во спасение (и даже, возможно, уберегла от самоубийства), но затем, наоборот, усугубила его негативные переживания относительно себя (как мужчины) и отрицательно сказалась на половом статусе.

Новое чувство любви (такое же *возвышенное*, и такое же незрелое как и к девушке Ане) Меркул испытал к 19-летней Харитине (или Христе) — дочери профессора Альтанского. Уже при первой встрече она произвела на Меркула сильное впечатление (он почувствовал ее доброту, ласковость и одновременно — усталость и страдание). Эти ощущения усиливались в Меркуле по мере его знакомства с Христей, особенно, когда он увидел, как близки мать и эта девушка (как будто их объединяла какая-то тайна) и как похожи они в своих непонятных ему пока страданиях. Одновременно он чувствовал, что у Христи есть *кто-то* (раз она собственноручно отправляет письма), а значит, рассчитывать на взаимность не приходилось, поэтому он решил держаться роли друга и хранить ее тайну.

Последующие главы повести дают нам представление об эротических переживаниях Меркула, вызванных любовной историей Христи и Сержа. В этой любовной истории (а точнее любовной драме) оказалась замешана мать Меркула, и сам он стал ее невольным участником.

## ВОСПРИЯТИЕ МЕРКУЛОМ ЧУЖОЙ ДРАМЫ ЛЮБВИ

В XXI главе автор повествует о подслушанном Меркулом разговоре между Сержем и Христей. Это

случилось, когда Меркул вышел из дома генерала, расстроенный размышлениями о матери, которая своею «практичностью» приносила страдания всем, кто ее окружал. Тогда на улице в полумраке перед Меркулом выросли две тени. Присмотревшись, он понял, что это были Серж и Христя...

Разговор между Христей и Сержем проходил в манере выяснения отношений. Серж говорил «покровительственно», но не совсем уверенно. Он в чем-то укорял Христю и делал это «как будто для того, чтобы не вспылить и не выдать своей душевной тревоги» (с. 294). «Христя отвечала совсем иначе: в голосе ее звучала тревога, но речь ее шла с полным самообладанием и уверенностью, которые делали всякое слово ее отчетливым, несмотря на то, что она произносила их гораздо тише» (с. 294).

Из разговора Меркул понял, что Серж и Христя уже год любили друг друга и решили пожениться. Но Христя постоянно отодвигала свадьбу, выдвигая перед Сержем все новые требования: «чтоб помирился со своими тетками», «чтоб не говорил о свадьбе в течение целого года», «чтоб получил согласие своей матери»... (с. 296). И Серж, хорошо понимая, что Христе нужно время, чтобы испытать прочность его любви, неуклонно выполнял все ее требования: помирился со «сплетницами тетками», целый год не напоминал о свадьбе, получил согласие матери, которая «смотрела на его любовь с барскими предрассудками», и даже настоял на том, чтобы мать, «преодолев свою гордость», побывала в доме Альтанских. И вот теперь, когда пришло время определить день свадьбы, Христя прислала Сержу письмо «с просьбой не приезжать неделю сюда». И за эти дни написала письмо его матери, содержание которого привело ту «в совершенный восторг». Но поскольку мать не захотела рассказывать Сержу содер-

жание письма, он не выдержал и приехал встретиться с Христей, чтобы от нее все узнать.

Далее автор пишет, как Серж настоял на том, чтобы Христя открыла «свою тайну». А «тайна», с ее слов, состояла в том, что она не может быть его женой, так как любит другого. Для стороннего человека, коим явился Меркул, такое признание выглядело фальшивым. Но не для Сержа. Автор описывает последние минуты расставания у дома Альтанских. Серж несколько патетически произнес: «Прощайте!». А Христя, «все смотрела ему вслед... тихо и неутешно плакала» (с. 299). Видя все это, Меркул хотел было уже выйти из тени и подойти к Христе... От принятия решения отвлекла его «шумная компания молодых людей, в числе которых (Меркул. — Г.З.) сразу узнал Пенькновского» (с. 299), который, «заметив в калитке женское платье Христи кинулся к ней со словами: «Позвольте вас один раз поцеловать!». Это обстоятельство заставило Меркула выйти из тени, чтобы защитить Христю, которая, к его радости, уже успела захлопнуть за собой калитку.



Подглядывание и подслушивание, как известно, являются признаками дурного тона, то есть невоспитанности. Однако Меркул в это включился не из праздного любопытства, типичного для невоспитанных людей, а по внутренним (добрым) побуждениям взрослеющего человека, с одной стороны, по идеальной потребности — познать себя через восприятие взаимоотношений людей близкого возраста (актуальная потребность подросткового возраста), а с другой стороны, по социальной потребности — определиться в своих отношениях к этим людям (актуальная

потребность юношеского возраста). Это полностью оправдывало его поведение, более того положительно действовало на его психику и, следовательно, на дальнейшую жизнедеятельность. Его поведение можно оправдать также тем, что в круговорот отношений Христи и Сержа была вовлечена его мать, которую он начал осуждать за ее, как ему казалось, чрезмерную «практичность» и, конечно, хотел избавиться от терзающих его душу сомнений и переживаний.

На чьей стороне был Меркул, когда вслушивался в напряженный разговор Христи и Сержа? По нашему мнению, удовлетворяя потребность в самопознании, он, безусловно, выступал в роли Сержа, а удовлетворяя потребность в самоопределении, он, скорее всего, «любил» Христю и желал ей счастья (как «в роли Сержа», так и самостоятельно). Возникшие у него при этом чувства в форме сопереживания драмы любви были, безусловно, полезны для его психического, сексуального и социального созревания. Разумеется, Меркул этого не осознавал, ведь все происходило на уровне потребностей, связанных с их удовлетворением, а значит — в подсознании.

## РАЗГОВОР МЕРКУЛА И ХРИСТИ О ЛЮБВИ И СЧАСТЬЕ

*Главы XXVIII и XXIX* автор посвятил своему разговору с Христей, который позволил ему полнее понять ее характер, определить отношение к ней, а заодно и к собственной матери.

Но вначале автор кратко рассказал о намечающемся браке Сержа (бывшего жениха Христи) с девушкой из богатой и знатной семьи. Предполагаемая невеста была для Сержа очень удачной партией, которой он сам никогда бы не сделал, «если бы в устройстве этого брака не принимало участие самое высшее лицо в городе, имевшее особое попечение о матери Сержа»

(с. 324). Этот факт подтвердил общую тенденцию — браки в дворянских семьях устраивались по сговору родителей или других влиятельных лиц. Такие браки держались на сословных предпочтениях, материальном расчете и соблюдении внешних приличий.

Несмотря на то, что все окружающие Христю люди старались молчать об этом браке, она о нем все знала и поэтому была возбуждена. Это возбуждение проявилось в разговоре с Меркулом, который зашел вечером к Альтанским, когда Христя была дома одна и шила.

Сначала разговор зашел о матери Меркула, которая хотела взять Христю с собой в Одессу для взаимного «удовольствия». И здесь прозвучала ее первая негативная реакция (как проявление неудовольствия): «... я вовсе не поеду: на мне еще не лежит крепостной обязанности исполнять все, что нравится вашей *taman*» (с. 326). А далее прозвучали новые неудовольствия: «Вы разве не знаете, что все, что делается с людьми, которые имеют счастье пользоваться каким-нибудь вниманием вашей *taman*, должны быть во всех подробностях известно какому-то господину Филиппу Кольбергу?» (с. 326). И этого человека она не знает, и, как оказывается, не знает его и Меркул, но этот человек, как Христя считает, «правит» ими обоими. А дальше уже совсем расстроившись (до плача) Христя сказала главное о матери Меркула: «Людям, пока они живы, тяжело с ангелами... Ее превосходство как-то давит меня» (с. 327).

Дальнейший разговор касался любви Христи к Сержу. Христи призналась: что любит «без ума», «без памяти», но не жалеет, что «сама все расстроила». А теперь ненавидит всех, кто говорит о какой-то «благопристойности» и рассказывает, «как *это* надо терпеть» (Христи, конечно, имела в виду мать Меркула и неизвестного ей Филиппа Кольберга). После-

дующие слова Христи сводились к следующему: отказаться от любимого человека можно, но заставить себя его не любить невозможно; он (Серж) «скверный человек» и «женится за деньги»; с ней (Христей) он счастлив бы не был, потому что она простая и бедная; но он (Серж) любит ее (Христю) и позже (*надо полагать, когда насытится чужими деньгами*) он к ней вернется, потому что она «честная женщина»; и она его любит и будет любить, несмотря на весь мир; «мир лицемерный, притворный, гнусный»; но она не станет притворяться и «что хочет, то сделает» ... (с. 328–329).

В последних словах Христи Меркул почувствовал, что она счастлива своею *свободой любить*... Но такое *счастье* ему было не понятно. И еще он почувствовал, что Христя общалась с ним странно: «вполовину как с ребенком, лепету которого не придают большого значения; вполовину как с другом, от которого ждала сочувствия и отзыва» (с. 329).

Разговор, который вела Христя с Меркулом «под тягоснейшими впечатлениями своей неласковой доли», произвел на него сильное впечатление. Он понял, что Христя «шла бунтом» против морали его матери, которая стремилась всех, кого любит, «воспитывать и укреплять в своем духе», и почувствовал, что «тоже склонен взбунтоваться» (с. 330).



Для молодой и нравственной женщины, какой была Христя, пережить сначала расставание с любимым человеком (даже, если расставание, произошло по ее собственному решению), а затем пережить известие о его намечающемся браке с другой девушкой, было очень трудно. Отсюда ее ответная реакция — нена-

висть ко всем, кто может жить без любви и кто способен подавить в себе любовь ради сохранения какой-то «благопристойности»; отсюда ее ненависть и ко всему миру — лицемерному, притворному, отвратительному. Ее позиция честная — если любит, надо любить и стараться быть счастливой даже в несбывшейся любви. И в любви надо больше слушаться своего сердца, нежели тех, кто призывает к «благопристойности», даже если они — «правильные» люди, искренне желающие тебе добра. Бунт влюбленного сердца сильнее морали, предназначенной для сдерживания чувств ради благопристойности (которая чаще всего бывает ложной). В этой «формуле жизни» проявляется определенный психический стереотип — чтобы почувствовать себя счастливым надо преодолеть условности (то есть ложные установки) и пережить несчастье, но при этом сохранить в себе внутреннюю свободу для продолжения любви. Христя интуитивно осознала эту «формулу жизни» и поэтому смогла почувствовать себя и свободной, и счастливой. Это позволяет говорить о ее социальной зрелости, проявляющейся в готовности сначала расстаться с любимым человеком и пережить связанное с этим несчастье, чтобы дождаться момента, когда он (любимый человек), спустя какое-то время «дозреет» (психически, сексуально и социально), почувствует себя несчастливым и захочет вернуться к «началу», к ней, честной женщине, способной любить и достойной любви. Опыт показывает, что искренно любящие друг друга молодые люди, расставшись по субъективным (ложным) причинам и совершив после этого немало ошибок, спустя какое-то время приходят к мысли, что «первая» любовь была настоящей и возвращаются друг к другу. И такой сложный путь к счастью (через испытания, ошибки и несчастливость) чаще всего бывает оправданным. Одновременно возникает вопрос, почему у Христи сформировался такой социально зрелый подход к любви и браку, ведь, по

нашим рассуждениям, ее отец (главный воспитатель в семье!) в сексуальном отношении был недостаточно развитым и, следовательно, не мог должным образом заниматься общим и половым воспитанием своей дочери? На этот вопрос можно ответить примерно так: судя по всему, в семье Альтанских и отец, и мать (о которой нам, к сожалению, автор ничего не поведал) служили для Христи примером нравственного отношения друг к другу (хотя и без выраженных половых чувств). Познание собственной сексуальности и половое созревание, скорее всего, Христя смогла осуществить благодаря художественной литературе (ведь у отца была обширная библиотека), а также благодаря анализу жизни реальных людей, того же Сержа и его родственников.

Что же касается Меркула, то он, в силу своей сексуальной незрелости (о чем мы уже неоднократно писали), не смог осознать всей полноты «любви» и «счастья» Христины. И девушка это поняла. Неслучайно она разговаривала с Меркулом не на равных, а вполнину как с ребенком. Естественно, ни «сочувствия», ни «отзыва» от Меркула она не дождалась (он не дорос!). Но в его душе возникло сходное с ней сопротивление морали, которая препятствует и любви, и счастью. И это был важный шаг в его половом самоутверждении и самоопределении.

В заключение выскажем мысль, возникшую на основании проведенного анализа: социально зрелым людям для того, чтобы быть счастливыми, надо жить по любви (это больше относится к Христе). Мораль же предназначена для сдерживания чувств социально незрелых людей (это больше относится к Сержу, которому еще предстояло дозреть до подлинной любви).



## СОСТРАДАНИЕ МЕРКУЛА К ЖЕНСКОЙ СУДЬБЕ

*Главы XXX — XXXII* объединяются главным событием — возвращением Сержа к Христе (как она и предсказывала), правда, на правах «любовника» и их последующем расставании.

Это случилось спустя почти четыре года, в течение которых Христи вела спокойную жизнь, хотя, благодаря «донесениям» Пенькновского, который был вхож в дома Сержа и его тещи, хорошо знала, как «неладно» жили молодожены. Супруга Сержа оказалась барышней «злой, капризной и самовластной», отчего случались скандалы, в которых положение Сержа было «очень жалким» (с. 332).

И вот однажды Меркул с Христей, идя вместе, заметили впереди себя фигуру Сержа, который, дойдя до дома Альтанских, притаился на другой стороне улице.

Проскочив в дом, Христи быстро написала записку и попросила Меркула передать ее Сержу. В записке с позволения Христи Меркул прочел: «Если вы несчастливы и я могу что-нибудь для вас сделать, то я ни перед чем не остановлюсь. Я хочу вас видеть» (с. 334). Передавав эту записку Сержу, Меркул от предчувствия «великого горя» тихо зарыдал (*а ведь ему, заметим, уже было 19 лет!*).

С этого момента женатый Серж стал регулярно приходить в дом Альтанских. Старика Альтанского это не смущало (он слишком любил свою дочь). Профессор по-прежнему невозмутимо и добросовестно занимался с Меркулом «классиками и математикой» и как-то после занятий передал *tata* записку от своей дочери, в которой та объясняла, почему перестала приходить к ней в дом, называла себя «недостойной

ее расположения» и просила только об одном — «не считать ее неблагодарной»...

Мать ответила запиской о том, что любит ее, ждет с нетерпением и «встретит с верным сердцем». Спустя час произошла эмоциональная встреча Христи с матерью, в которой женщины с плачем признались друг другу во взаимной любви. Видевший все это Меркул, заперся в своей комнате и пережил там немало тяжелых минут. В его душе «восстало смутное недовольство жизнью, которой он не понимал», недовольство всем светом за его законы, ради которых «лучшее гибнет, принося себя в жертву худшему»; а Христия ему «казалась героинею — и притом такой искренней и прекрасной», что он «был готов за нее умереть» (с. 336).

Вот что говорила Христия в этот день *taman*: «Я теперь счастлива, я любима, и вы меня не отвергайте — а более мне ни до кого нет дела»... «Моя совесть чиста. Я никого не погубила и не погублю»... Я это сделала, «чтобы сделать хоть немного счастливее того, кого я люблю и кто свыше меры несчастлив»... «Бог ваш меня простит, потому что вы, будучи его творением, меня простили»... «Я хочу умереть скорей... чтобы не надоесть и умереть любимой...» (с. 337).

Меркул, слышавший весь разговор, горько рыдал, стоя на коленях перед изображением Христа, и просил его: «Омой, омой грех ее твоею кровию!» (с. 338).

Далее автором описаны вполне ожидаемые события: «роман» Христи получил огласку, она перестала появляться на людях и лишь (вся закутанная) посещала уединенную церковь. Ее «прятанье» вызывало у Меркула неприятное впечатление: «укрывающаяся Христия была точно олицетворение нечистой совести, что совсем не шло к ней, тем более, что она, судя по

ее недавнему объяснению с *taman*, считала свою совесть совершенно чистой» (с. 339).

А Пенькновский продолжал ретиво доносить Христе о событиях, связанных с Сержем. По просьбе жены и матери Сержа, высокопоставленное лицо, у которого служил Серж, чтобы утихомирить, решило отправить его с поручением в Петербург. Тот воспротивился и даже хотел подать в отставку, но «Христя убедила его не поднимать спора и ехать. Он ее послушался и уехал, кажется, точно так же легко, как прежде послушался ее и женился на другой. И в том и другом случае, слушая ее, он слушался собственных своих задушевных и тайных желаний, которые Христя только умела отгадывать и предлагать в виде своих просьб» (с. 339).

Когда Серж уехал, Меркул заметил значительные перемены в Христи. Она стала как будто спокойнее, что навело Меркула на мысль, что «Христи только бодриться, а в существе очень страдает от невыносимой тяжести положения, которое себе устроила, очертя ум и волю» (с. 339). Спокойствие Христи проявлялось во всем — в поступках, в мыслях, во внешности. «Ее костюм и ее комнаты приняли прежний стройный характер, который было совершенно утратился и исчез во дни ее безумных увлечений» (с. 339). Спокойным умом она восприняла письмо Сержа, где он писал, что два года должен прожить с женой за границею, потому что иначе теща лишит его значительной доли наследства, но что он за всем тем останется верен своему чувству к ней и «будет любить ее до гроба». Складывалось впечатление, что Христя заранее знала ход событий и была к нему готова.

Пережить изгибы судьбы как самой Христи, так и Меркулу, который ей искренно сочувствовал, помогли «веселые» события, связанные с Пенькнов-

ским, который вырос в «замечательного красавца» и стал пользоваться расположением двух вдовствующих «старух» — матери Сержа и его тещи. *Веселость* была вызвана тем, что Пенькновский решил сделать предложение теще Сержа — старухе, «сохранившей следы некогда замечательной красоты». Но когда его опередил не менее расчетливый дядя Меркула, чтобы «укрепить себя на своем кресле» (к тому времени у него умерла жена и от него «взятками запахло»), Пенькновский решил посвататься к другой (еще более старой) женщине — матери Сержа и стал просить *татап* быть «посаженой матерью». Это вызвало у всех сначала «замешательство», а потом еще большую *веселость*. Христина же «смеялась до упаду и до истерики» (с. 343).



Красивая и нравственная женщина, способная посвятить себя любимому человеку, чтобы тот почувствовал себя счастливым, даже если это не согласуется с нормами общественной морали, а главное — способная увидеть трагический конец своей любви и задуматься о собственной смерти, будучи в молодом возрасте (а именно такой была Христя по отношению к Сержу и к самой себе), не могло не вызвать у Меркула (также человека с чистой душой) сочувствия и готовности пожертвовать собой ради нее. Таким образом, если войти во внутренний мир Меркула, то там наряду с научными знаниями, которые он систематически получал от профессора Альтанского, можно было бы еще найти его интерес и сострадание к двум женщинам — к матери, которая была для него олицетворением «правильной» (умной), но несчастливой женщины, и к Христи, которая была для него «пре-

красной героиней», достойной самой лучшей судьбы, но также несчастливой. Обоих он по своему любил (можно сказать, платонической любовью) и, вероятно, их идеальный образ, во многом предопределил его отношение к другим женщинам, которые позже встречались на его пути и ничем не походили ни на тамап, ни на Христю.

Что же касается Сержа и Пенькновского (практически ровесников Меркула), то они представляли собой типичных молодых мужчин того времени, расчетливых по отношению к браку и одновременно склонных к внебрачным отношениям (правда, первый это умело скрывал, а второй, наоборот, открыто демонстрировал). Принципиально другой (размышляющий, сочувствующий и мучающийся всякого рода сомнениями относительно справедливости и несправедливости в жизни) Меркул не мог иметь с ними ничего общего.

## СУДЬБА — [НЕ] ИНДЕЙКА

В последней части исследования представлен социально-педагогический анализ профессионального самоопределения Меркула Праотцева и его дальнейшей нелегкой судьбы.

### НЕДОВОЛЬСТВО СОБОЙ

*XXXIII* и *XXXIV* главы повести автор посвятил своей встрече с талантливым (хотя и доморощенным) художником Лаптевым, встреча с которым привела его к «глубочайшему раздору с собой» и с прежней жизнью, предопределив дальнейшую судьбу.

А случилось это тогда, когда Меркула, по долгу службы, отправили «в один довольно далекий великороссийский город за принятием медной монеты»,

а «схлопотала» для него эту «посылку», судя по всему, тамап (надо полагать, чтоб отвлечь от «трагедий» местной жизни). И в этом городе Меркул, оказавшись совершенно свободным (поскольку случилась большая задержка в «исполнении долга»), он повстречался, близко познакомился и по-человечески влюбился в талантливого живописца Лаптева — 36-летнего мужичка (веселого, добродушного, умного, самокритичного, большого театрала), занимающегося росписью стен и купола местного собора. Лаптев «взманил» Меркула пойти в театр, а затем, «рисую одну за другой картины артистических нравов», так увлек его, что тот «ощутил в своей душе ближайшее родство с ним» (с. 345). И это «родство» стало расти через сны, в которых Меркул увидел себя «величайшим художником», через память о том, что в детстве (будучи кадетом) он хорошо рисовал, через прямое соучастие в росписи церкви и разговоры с Лаптевым об искусстве.

Влечение к Лаптеву и через него к искусству оказалось очень сильным. В этом влечении Меркул узнавал «знакомые черты пылкости и восторженности» своей натуры. И новые переживания не были похожи «совсем на то, что он чувствовал некогда к матери или Альтанскому». Там все было «сухо, строго и подчинялось разуму», меж тем как тут Меркула «охватило что-то неодолимое и неодолимою же тайной властью влекло к Лаптеву». В нем Меркул «видел... чувствовал посланца на его душу из того чудного, заветного, мира искусства, который вдруг стал своим — и манил, и звал ... к себе, привечая и ластя»... И Меркул «стремился к нему, дрожа и млея, и замирая от сладостной мысли быть в нем известным, знаменитым... славным...» (с. 347).

Прошло две недели и пришло время собираться в «великолепно скучающий Киев», к «страдающей

матери», кажется, «страдающему профессору Альтанскому» и «несомненно, страдающей Христе». И Меркулу стало страшно и не захотелось возвращаться в этот «кружок», который теперь казался ему «таким унылым и скучным»... Он представил себе в деталях свой дом, дом Альтанских, все эти «милые» ему, но как бы не его «письма лица», а потом представил... «службу... канцелярию с ее стертыми, как старые пятиалтынные, лицами и запахом спертого воздуха и папирос»... и ему захотелось куда-то бежать... Бежать туда, где бы «встретить жизнь, ошибки и тревоги, а не мораль, вечную мораль добродетели и забот о своем совершенстве»... (с. 349). Он не смог лукавить с самим собой, ему «наскучило быть с матерью», ему «не хотелось к ней возвращаться и он заплакал... от стыда своей неблагодарности и от досады, что беден, ничтожен, что не может обеспечить свою мать всем нужным и сам броситься в какую-то иную жизнь»... Ему хотелось «попробовать жизни — уважения не достойной», и это «влечение» в нем становилось neodолжимым... (с. 349).

Лаптев почувствовал состояние Меркула, его «недовольство собой», его муки и готовность нести «крест служения» искусству, но он (по себе) хорошо знал все опасности и невзгоды, которые могут ждать Меркула на новом пути художника. И для того, чтобы отпугнуть его от новой мечты, решил показать ему «настоящее искусство» и «настоящего искусника», чтобы тот понял, как ему далеко до «вершины». Лаптев предложил Меркулу совершить с ним прогулку в село Кротово (в восемнадцати верстах от города), которое замечательно тем, что там, в господской усадьбе (уникальной самой по себе) есть собрание произведений искусства — галерея с картинами всех школ. В добавок там, у хозяина усадьбы Павла Дмитриевича

ча Кротова, который в свое время рассорился со всем Петербургом, уехал к себе в село и никого не хотел видеть, в куполе над библиотекой пишет что-то «в виде фрески» известный немецкий художник. И все это ему (Лаптеву) страсть как хочется увидеть и Меркулу от этого будет тоже «несметная польза» (с. 352).



В течение многих лет Меркул наполнял свой ум и память научными знаниями из уважения к татап, принуждая себя подчиняться ее плану и режиму жизни, но как только он оказался на свободе и тем более в среде изобразительного искусства (интересной ему с детства), в нем проснулись затаенные интересы, связанные с художественным творчеством. Интересы к творчеству оказались настолько сильными, что он уже не смог вернуться к прежней жизни, несмотря на уважение к матери.

И «правильная» мать, и ученый Альтанский вели себя с Меркулом по-честному. Они не знали иной формы воспитания и образования, кроме как информирование, принуждение и самопринуждение, и поэтому следовали этим методам — нагружали Меркула знаниями и требовали их запоминания (тем более, что ученик, и сам, вроде, этого хотел). Ученику Меркулу был навязан достаточно полный (по тем временам) набор знаний (история, математика, языки), но без выбора, и следовательно, без учета его интересов, что психологически выдержать было трудно. К сожалению, Меркулу не были предложены различные формы занятий (хотя профессор оставлял время на свободную беседу и не ставил оценок). Но хуже всего оказалось то, что ему не было предложено разнообразие видов творчества (было предложено только пение под фортепи-



ано, которое не вызывало удовлетворения). В таких условиях Меркул не мог определиться в полной мере со своими интересами, переутомлялся, замедлялся в развитии и болел.

Но произошел счастливый случай, когда Меркул был отправлен в длительную и далекую командировку, где он познакомился с талантливым (доморощенным) художником и хорошим человеком Лаптевым, который его полюбил и разглядел в нем художественные способности и вспыхнувшую страсть к рисованию. Эта страсть, как почувствовал Меркул, жила в нем со времен пребывания в кадетском корпусе, но не найдя продолжения в программе напряженной учебы, предложенной матерью, оказалась не реализованной. И вот, благодаря Лаптеву, эта страсть вновь в Меркуле вспыхнула и поманила его в другую жизнь, от которой он уже не хотел отказываться. Но Лаптев, как человек, познавший все трудности и мучения ремесла художника, посчитал своим долгом отговорить Меркула от занятий искусством, и порекомендовал после получения первого чиновничьего чина, делать «не славу, а деньги»... А для того, чтобы показать Меркулу, как ему далеко до «вершины» (и тем самым отпугнуть от мечты), он решил познакомить его с настоящим искусством и настоящим искусником, работавшим в господской усадьбе в селе Кротове. Однако идея Лаптева, напротив, только укрепила стремление Меркула посвятить себя искусству.

### ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР И СУДЬБА

Последние главы повести XXXV–XXXVI посвящены началу новой жизни Меркула, связанной с художественным творчеством.

Автор описывает свершившуюся как в магическом сне свою встречу с Филиппом Кольбергом —

немецким художником — другом его матери, в художественных произведениях которого там, где присутствовали женские облики, Меркул заметил черты своей *taman*. Во встрече с Филиппом Кольбергом для Меркула действительно было много магического. Казалось, что кто-то свыше свел их вместе. На самом же деле, если вспомнить, что командировка Меркула была организована *taman*, то их встреча не была случайной. Да и содержание письма, о котором пойдет речь дальше, доказывает, что *taman* спланировала встречу сына с Филиппом Кольбергом — самым верным своим другом.

Филипп Кольберг рассказал ему историю своей жизни, в которой мать Меркула «сыграла, по обыкновению, святую и миссионерскую» роль. *Maman* он полюбил еще студентом, сватался за нее, но получил отказ от ее родителей из-за своего низкого происхождения. Он никогда не переставал ее любить и вновь сватался, когда она стала вдовой, но вновь получил отказ уже от нее самой... Почему? Потому что ее сердце уже принадлежало только сыну... Взамен любви *taman* предложила Кольбергу дружбу, и он жил этой дружбой. А теперь, когда «ее не стало», он будет жить любовью к нему — Меркулу. Здесь Кольберг проговорился (он уже знал о смерти *taman*, но постарался отвести разговор в другую сторону, чтобы Меркул не узнал об этом от него). Разговор пошел о таинственном последнем письме *taman* к Кольбергу, с содержанием которого он не хотел знакомить Меркула полностью, но дал ему прочитать начало письма. В письме мать рассказывала своему другу о смерти Христи, которая «хотела погибнуть и погибла». «Суть дела была в том, что у Христи явилось дитя, рождение которого было неблагополучно — и мать и ребенок отдали богу свои чистые души» (с. 361). В письме мать укоряла себя за

то, что слишком «высоко подняла в ней тон — и это ее сгубило. Принимая вещи обыденнее, она была бы счастливее»... (с. 361).

Дальнейшие события также разворачивались по трагическому пути. Меркул отправился домой в Киев, а Кольберг — в Петербург. При расставании Кольберг взял с Меркула слово, что если ему «понадобится друг, то он не станет искать никого другого, кроме него» (с. 361). Примечательны последние мысли Кольберга, которые он сказал Меркулу. Первая мысль состояла в том, что жить надо «проще», иначе в ней можно запутаться и запутать других (от чего он и пострадал). Вторая мысль заключалась в том, что мало «не делать того другому, чего себе не желаешь» («потому что это одно отрицание зла»), а надо «поступать так, как бы вы хотели, чтобы с вами поступали» (эту мысль он сказал по-французски).

Размышляя над мыслями Кольберга, Меркул почти доехал до Киева, когда на последней станции смотритель передал ему пакет, в котором Кольберг передавал недочитанное им «материно письмо». В письме мать размышляла о противоречиях христианской морали, в том числе относительно самоубийства, но главное — она размышляла о судьбе своего сына, находящемся на перепутье, который, с одной стороны, получал чин и мог со временем сжиться с канцелярской удушливой атмосферой, но, с другой стороны, мог бы поехать к нему (*Кольбергу*), чтобы он «открыл дорогу его художественному развитию». Мать склонялась к последнему. Она писала: «Мое счастье развязать ему крылья и благословить его полет, искупив свое самовластие над собой карой, которой буду заслуживать» (с. 362). Мрачные предчувствия, которые охватили Меркула после прочтения письма, оправда-

лись, когда он вошел в свою квартиру и не встретил матери...

Последние страницы повести читаются тяжело.

Мать Меркула, как сообщил старик Альтанский, «увлеклась своим самоотвержением» и «кончила с собой» (отравилась). Меркул переживал горе, смешанное с чувством вины перед матерью, ведь он не сумел скрыть от нее, что ему «скучно» и что его «манит что-то другое». Видимо, мать Меркула в какой-то момент (скорее всего, после гибели Христи) поняла, что и в отношении сына была чрезмерно требовательна. Возможно даже, у нее возникла трагическая мысль, что «образование сына» она построила в ущерб его счастливого будущего. А честной и любящей матери прийти к такой мысли — значит, вынести себе приговор. Вручив сына в руки своего верного друга, она, судя по всему, не видела больше смысла в жизни... А ведь в суициде заложена не только душевная боль, но и какая-то болезнь или, как минимум, отклонение психики (но это уже из другой области знаний).

Несколько дней Меркул провел, молясь на могиле матери, и уехал из Киева навсегда, к Кольбергу.

Прощаясь со стариком Альтанским, Меркул сказал, что он не может «быть ученым» (как он), что в его душе «горит другой огонь: огонь жизни», что он хочет служить искусству. Старик не возражал... Он умер годы спустя «не от грусти, не от печали одиночества, а просто от смерти», прислав Меркулу в наследие своих классиков.

Приведем последние строки повести: ...«а я... вступил в новую жизнь — в новую колею ошибок, которые запишу когда-нибудь; конечно, уже не в эту тетрадь, заключающую дни моего детства и юношества, проведенного между людьми, которым да будет мирный сон и вечная память» (с. 363).



Определиться в своих художественных наклонностях и вырваться в свободное развитие Меркул смог только по стечению обстоятельств (хотя и интуитивно подготовленных матерью), причем только к 19-ти годам отроду, что для художника поздновато. Что он успел сделать в области художественного искусства под руководством Филиппа Кольберга — профессионального художника, нам неизвестно, но, судя по всему, немного — в тогдашней России творческих (тем более талантливых) людей должным образом не поддерживали ни правительство, ни общество и им всегда жилось бедно. Важно одно — Меркул определился в трудовой деятельности, он стал заниматься любимым делом, а значит, развивался и как личность, и как художник. Служа в канцелярии, он бы никогда не пошел вверх по служебной лестнице (ибо холуйствовать не мог), а значит, работал бы всю жизнь средним чиновником или вообще заболел и помер.

В этой связи не лишним будет напомнить, что в монастыре Меркул психологически готовился к смерти, хотя и находился в относительно молодом возрасте — чуть более 40 лет. Почему он помирал так рано? Скорее всего, по причине ослабленного здоровья (ослабленного неправильным, психологически напряженным образом жизни). Почему умирал в одиночестве? Слишком идеализированными (романтичными) были его требования к женщинам, что помешало ему (как недостаточно зрелому в половом отношении человеку) завести семью. Почему помирал в монастыре, а не в своем доме? Да, не было у Меркула никакого наследства (вспомним, что имение бабушки в Лифляндии было продано по долгам),

не было у него и «расчета» жениться на богатой невесте, а профессия художника не позволяла накопить денег.

\*\*\*

В заключение важно поразмышлять о судьбах других персонажей повести (для этого, возможно, надо перечитать представленный выше материал) и ответить на главный вопрос: насколько прожитое *детство* Меркула стало предвестником его судьбы?

◇ Матушка Меркула, девушка Христа и ее отец профессор разительно отличались своею нравственностью от показанных в повести *типов* недовоспитанных и плохо воспитанных людей, преобладающих в обществе того времени (свиноподобных родственников матушки, откровенно расчетливого полячика Пенькновского, затаенного в своей расчетливости дворянчика Сержа и прочих персонажей). Но жили нравственные люди, как можно было заметить, труднее безнравственных и в материальном, и в психологическом отношении. И их судьба чаще всего была трагической. Но таковой, видимо, была особенность российской жизни, ведь не зря об этом писали практически все классики русской литературы (и Н. С. Лесков не был исключением).

◇ В повести есть еще один положительный персонаж — это художник Филипп Кольберг, который вначале повести появился как незнакомец, с которым мать Меркула вела переписку, а в последних главах и как реальное лицо. Возможно, Филипп Кольберг — даже самый положительный персонаж повести, ведь он был умен, образован, красив, честен, хорошо владел профессией художника, был цельной личностью. Через всю свою жизнь он сумел пронести любовь к одной женщине, что бывает крайне редко. Но и он ока-

зался несчастлив. Правда, Кольберг сумел сам определить причину своей несчастливости: он пассивно ждал любимую женщину, а надо было добиваться ее и добиваться добрыми делами. Перед добрыми делами честного и умного мужчины не устояла бы ни одна благоразумная женщина. Размышляя о судьбе Кольберга и матери Меркула, возникает вопрос: почему мать Меркула (уже будучи вдовой) отказалась стать женой Филиппа Кольберга и сделать счастливым достойного и проверенного временем (и даже каким-то образом, ею любимого) человека, к тому же ставшего другом для ее сына, ведь втроем они могли бы лучше обустроить совместную жизнь? Причина, которую назвала мать: «Мое целое (имелось в виду сердце. — Г.З.) принадлежит все моему сыну» — не может быть правдой. Правда в таких делах бывает только одна: «Согласна, потому что люблю» или «Не согласна, потому что не люблю». Вывод напрашивается один: значит, она не любила (не любила всей душой и всем телом, а любила только умом, то есть любила не полной любовью, а этого было недостаточно для принятия решения). В молодости мать Меркула не смогла стать полноценной женой его отцу (не зря тот «бегал по бабам»). Почему? По нашему мнению, прежде всего, из-за ее не развитой сексуальности. А за годы вдовства и взращивания сына она, скорее всего, и вовсе утратила способность любить. Спрашивается, зачем было столько лет морочить голову положительному во всех смыслах Филиппу Кольбергу? Логики нет... Логики нет, даже у *правильной* женщины! Мысль профессора Альтанского (ученого человека): «Она увлеклась своим самоотвержением...» — похожа на психологический (если не психиатрический) диагноз того, что сделала с собой мать Меркула. Она довела свое стремление пожертвовать собой ради будущего сына до са-

моубийства. А ведь от совершенного ею *акта* будущее Меркула в моральном плане стало только тяжелее — всю жизнь его должно было бы мучить чувство вины перед матерью. К сожалению, в повести не показана роль Кольберга в последующем развитии и дальнейшей судьбе Меркула. Но одно то, что Меркул честно написал историю своего детства и решил продолжить описывать другую часть жизни в новую тетрадь, говорит о социальной направленности его личности, что, безусловно, было заслугой взрослого друга и одновременно наставника — Филиппа Кольберга.

◇ Остается ответить на вопрос, поставленным автором в начале повести: насколько прожитое *детство* человека становится предвестием его судьбы? Напомним, что под «детством» автор понимал первые 19 лет жизни. Ответ однозначен: связь *детства* Меркула Праотцева и его человеческой судьбы очевидна. Благодаря полноценному нравственному воспитанию, прежде всего со стороны добропорядочной матери и ответственного профессора Альтанского, Меркул вырос в честного человека. Благодаря своему старанию в учебе и самообразовании (в этом заслуга опять-таки матери и профессора), он стал трудолюбивым и образованным человеком. Случайная инициатива матери и связь с художником Филиппом Кольбергом помогли Меркулу, хотя и со значительным опозданием определиться в выборе профессии. *Опоздание* обусловлено тем, что главные его воспитатели (мать и профессор) в силу своих личностных особенностей и субъективного неполноценного понимания целей образования, не уделяли внимания развитию его художественных способностей. К сожалению, не достиг Меркул в жизни главного — семейного счастья. Причина состоит в том, что ни матушка (в силу своей рациональности и не развитых эротических спо-



собностей), ни профессор, который больше философствовал, нежели жил реальной жизнью, вообще не занимались его половым воспитанием. Не благоприятствовало половому созреванию Меркула и стечение обстоятельств. Его половое развитие замедлилось после того, как была опошлена его возвышенная романтическая любовь к молодой женщине из Твери, а затем осталось без взаимности эротическое чувство к Христе — дочке профессора. Возможно, именно из-за этих *любовных неудач*, а также предчувствия своей неготовности к семейной жизни, у Меркула больше не возникало мотивов заводить с кем-либо эротические отношения. К тому же в *планах* матери также этого не значилось. Вот и занялся он в основном учебой, не выходил в свет, не встречался с барышнями, и поэтому не имел возможности познать собственную сексуальность, развить свои эротические способности и проявить половые чувства. Неоднозначное (хотя больше положительное, нежели отрицательное) влияние на отношение Меркула к половой (семейной) жизни оказали примеры (или образы) двух близких ему женщин: «правильной» матушки (нравственной женщины, но с неразвитой способностью к любви) и честной, готовой к самопожертвованию ради любви девушки Христи. Безусловно, их *исключительные образы* не могли не повлиять на отношение Меркула к другим женщинам, которые позже встречались на его жизненном пути и, судя по всему, ничем не походили ни на «правильную» матушку, ни на «честную» девушку Христю. Иначе бы Меркул Праотцев не заканчивал свою жизнь в одиночестве в стенах монастыря.

**«ЖИВАЯ» ПЕДАГОГИКА**  
**Ф. А. ИСКАНДЕРА**  
**(в повести «Школьный вальс,**  
**или Энергия стыда»)**

*Цель человечества — хороший человек,  
и никакой другой цели нет  
и быть не может.*

*Ф. А. Искандер*

Историю своего взросления Ф. А. Искандер (*Искандер Ф. А. Школьный вальс, или Энергия стыда // в кн. Кролики и удавы. Проза последних лет. М.: Книжная палата, 1988. С. 191–286*) выписал в точной связи с национальными традициями, особенностями воспитания и закономерностями психического развития человека.

Для осуществления социально (*национально*) — педагогического анализа жизни героя повести мы воспользуемся как и в предыдущих случаях мотивационной концепцией воспитания, предложенной академиком П. В. Симоновым, а также докторской диссертацией Ш. К. Царгуша (*Царгуш Ш. К. Развитие абхазской народной педагогики. Дисс. в виде науч. докл. на соиск. уч. степ. докт. педагог. наук. Сухум, 2008*), в которой история развития абхазской народной педагогики проанализирована с учетом *ансуара*

(духовного наследия абхазского народа) и выше названной теории воспитания\*.

Социальный и национальный интерес к подобному исследованию очевиден: с его помощью можно, понять, как в детско-юношеской период жизни в Абхазии формировалась личность писателя Ф. А. Искандера, ставшего в будущем литературным классиком.

Повесть написана от первого лица. Поэтому мы, выступая сторонними наблюдателями описываемых событий, будет называть главного персонажа то *автором*, то *героem*, то *мальчиком*, то *учеником*.

## ПОБУЖДЕНИЕ К УЧЕНИЮ

Автор начинает повесть словами: «Я пошел в школу на год раньше, чем это было положено мне по возрасту, и дней на двадцать позже, чем это было положено по учебному календарю. Думаю, что в том и другом сказалось раненое честолюбие нашего семейства, требовавшее скорейшего возмездия за все неудачи нашей жизни» (с. 192). Этот текст можно рассматривать в качестве эпиграфа к повести. Отметим три ключевых слова в тексте — «семейство», «честолюбие», «возмездие». В них заключены родовой подход к жизни, стремление к почестям (в том числе, сохранению фамильной чести) и борение за справедливость — все это, согласно *ансуара*, есть в национальном характере абхазов. В этой связи важно сказать, что Фазиль Абдулович Искандер (*абхаз* по матери) жил и трудился согласно заветам предков — постоянно подтверждал свою кровную связь со своим народом, утверждал

---

\* При участии А. С. Бганба.

в творчестве приоритет справедливости и стал всемирно известным писателем.

Вернемся к тексту, где автор говорит о «неудачах жизни». Эти «неудачи» (или, как он пишет, «простейшие формы фамильного невезения») сводились, главным образом, к плохой учебе старшего брата, который «как-то сказочно, феерически плохо учился», а, кроме того, «попадал в каждую историю, которая случалась в школе и ее ближайших окрестностях» (с. 192). Отметим, что автор не осуждал своего брата, более того, он отмечал, что тот обладал многими «скрытыми достоинствами». Что имел виду автор, не известно. Возможно, какие-то положительные человеческие черты, например, доброту и честность, которые, как известно, вовсе не связаны с умственными способностями человека и его *ученостью*. А ведь *доброта* и *честность* являются лучшими чертами личности, которыми мало, кто из людей характеризуется, и которые, как ни странно, легче воспитываются (именно *воспитываются*, ибо научить им невозможно) у детей *соматического*, а не мыслительного типа.

Отметим, что о старшем брате автор много не распространяется, хотя по правилам семейного воспитания, тот должен бы помогать ему (младшему) легче расти и взрослеть. Но этого, как видно, не было. Возможно, старший брат по рождению имел легкую форму умственной отсталости (возьмем на себя смелость это предполагать), и поэтому был существом больше *биологическим*, нежели социальным. Дело в том, что легкая форма умственной отсталости (или дебилности) у детей в то время, вряд ли, определялась, и такие дети посещали школу наравне со всеми, где они, по простоте своей души, не приспособлялись и не ловчили (как большинство!). И поэтому (как простаки!) вызывали насмешки у других (это

в лучшем случае), а в худшем — становились изгоями. Здесь мы напишем фразу, которая прямо связана с дополнительным заголовком повести («Энергия стыда») и которая постоянно *читается* между авторских строк: Как же людям не стыдно быть злыми, лживыми и жадными! Как же людям не стыдно смеяться над слабыми и убогими!..

А от себя добавим следующее. Все, что есть в человеке, с одной стороны, генетически обусловлено (и за это несут ответственность его родители), а с другой стороны, воспитано (за что также несут ответственность родители, а еще школьные учителя и другие случайные взрослые). Вот и посмейтесь над этой истинной, а значит, — и над собой!

Как известно, в любом автобиографическом повествовании автор, по понятным причинам, выделяет только тех людей и те события, которые повлияли на его судьбу в положительном или отрицательном смысле. Это мы и наблюдаем в повести Ф. Искандера. Одновременно мы видим, какое значение он придает *чести фамилии и родственным связям*, что особенно характерно для абхазской жизни.

*Честь фамилии* в психологическом плане — это переживание либо гордости за членов семьи, либо... стыда. Последнего (то есть стыда) в детской жизни автора было значительно больше (отсюда, повторимся, и второе название повести «Энергия стыда»). Именно накапливающийся *фамильный стыд*, как мы позже убедимся, и побудил его (младшего в роду) стать человеком, которым могли бы гордиться родители, другие родственники, а в конечном итоге — весь абхазский народ... и даже больше...

Но вернемся к тексту...

Весь род переживал стыд за плохую учебу старшего брата. Он не успевал по всем предметам, но

особенно сильно доводил учителя немецкого языка (антифашиста, бежавшего из Германии). Брат (разумеется, с другими мальчишками) доводил учителя до того, что тот «в ближайшем окружении признавался, что хочет бросить все и вернуться на родину, хотя целиком и полностью одобряет политику Советского союза» (с. 192).

Стыд был основным переживанием в семье. Автор пишет: «Примерно раз в неделю учителя с выражением суховатой скорби горевестников на лице входили в наш двор <...> завидев учителя, соседи по дому, а иногда даже и по улице с каким-то тайным сладострастием спешили окликнуть маму: — Опять к тебе!» (с. 192). И мать «обреченно приглашала учителя в дом», чтобы притихшие и *открывшие уши* соседи, не слышали их разговора. Но иногда учитель шел мимо к другому ученику и тогда «мама, обрушиваясь на их (соседей. — Г.З.) скоропалительные выводы, частично утоляла свою душу, жаждущую возмездия» (с.192).

Другим объектом (а по нынешним понятиям — субъектом) фамильного стыда был один из родственников автора — дядя Самад, «опустившийся юрист, который на базаре из столика в кофейне устроил себе конторку для писания прошений крестьянам, и получавший за это гонорар в виде непосредственной выпивки» (с. 192).

Если дядя Самад задерживался, бабушка посылала племянника (нашего героя) за угол, «подежурить с тем, чтобы (тот. — Г.З.) не попал под машину или его не увлекли другие пьянчуги» (с. 192). Но была и другая причина: возможно, так бабушка хотела выглядеть более приличной перед соседями. Она считала, что если дядюшка будет идти по улице не один, а с племянником, то меньше будет заметно его пьяное

состояние, а главное — он «не будет казаться таким одиноким и опустившимся человеком» (с. 193).

В этой связи надо сказать, что в традиционных абхазских семьях авторитет старшего по возрасту человека является непререкаемым. Скорее всего, в роду автора полнотой власти пользовалась именно бабушка. Автор пишет, что «в свое время бабушка изгоняла несколько женщин, которых он (имелся ввиду Самад. — Г.З.) приводил домой в качестве жен, по-видимому, находя их в обозримых из кофейни окрестностях базара» (с. 193). И возможно, бабушка, чувствовала свою вину перед Самадом за его несложившуюся судьбу и пьянство. Поэтому была к нему снисходительна, хотя его поведение позорило всю фамилию (пьянство считается большим позором у абхазов).

Далее автор пишет о своем отношении к дяде Самаду. Как и положено в абхазских семьях, он (еще мальчик), несмотря ни на что, уважительно относился к дяде. И безропотно (даже с удовольствием) шел по указанию бабушки его встречать. Тем более, что тот почти всегда давал ему конфет и денег «жалкие остатки своего дневного заработка». При этом дядя говорил: «Тот, кто был богат и обнищал, еще тридцать лет чувствует себя богатым. Тот, кто был нищим и разбогател, еще тридцать лет чувствует себя нищим» (с. 193). Как понимал эту мысль автор, будучи маленьким мальчиком, неизвестно. Но нам прокомментировать ее смысл будет полезно. Действительно, психика человека очень консервативна. Почему? Потому что *ядром* психики (по П. В. Симонову) являются, прежде всего, мотивы и смыслы, формирование которых, как известно, происходит в процессе воспитания, а значит, медленно и долго. Поэтому и перестраиваться (даже в лучшую сторону) психика человека не торопится.

Далее автор много рассказывает о поведении своего дядюшки Самада (честного, не глупого, образованного и достаточно начитанного человека, который однако, возможно, по слабости воли, не нашел своего места в жизни). Автор рассказывает о его «реваншистском монологе», который он часто произносил в пьяном состоянии перед пустующей в вечернее время школой. О его разговорах с племянником и вопросах, которые он задавал, чтобы проверить его познания. О его продолжительных и систематических спорах с соседом — шапошником Самуилом, считавшим себя также образованным человеком, так как имел несколько томов Большой Советской Энциклопедии, которые регулярно перечитывал и задавал детям каверзные вопросы. Разговоры касались многих тем: например, исторических военных событий, но почему-то главным образом между Францией и Германией; самого большого города в мире Токио, в котором обязательно должна совершиться революция; новой экономической политики или нэпе (развитию этой темы почему-то всегда препятствовала бабушка, для этого она нередко привлекала физически более крепкого «сумасшедшего дядю Колю»). Вероятно, тематика разговоров была бы более широкой, будь у соседа Самуила все тома Большой Советской Энциклопедии.

Иногда дядюшка Самад говорил соседу Самуилу: «Нельзя отрекаться от нации»... И тогда между ними возникал продолжительный спор о «караимах». Самуил выдавал себя за «караима» (народ, живущий малыми группами в Крыму. — Г.З.), а дядюшка считал его крымским евреем (наверное, по жене, которая была еврейкой).

Племянник поддерживал все разговоры дядюшки. Но иногда тот его «раздражал совершенно непонятным, бессмысленным бормотанием». И здесь ав-



тор отмечает, что, будучи совсем еще ребенком, он впервые почувствовал важность ясного мышления и «полюбил ясность и четкость образа мыслей». Возможно, именно тогда в нем стало созреть стремление самому начать писать, а не только вслушиваться в умные мысли других людей. В этой связи важным представляется следующий тезис автора (уже вполне зрелого литератора): «Люди, не стремящиеся к ясности мышления, разумеется, в данных им скромных пределах или тем более стремящиеся к туманности, могут рассматриваться как генетически поврежденные, увеличивающие мировой хаос, вместо того, чтобы уменьшать его, что является прямой обязанностью каждого человека» (с. 193).

Но можно ли было ожидать *ясности мышления* от людей, живущих вдали от больших городов и торговых путей, лишенных разнообразия литературных источников (или, как сейчас принято говорить, информации)? Трудно, но можно. Доказательством последнего служит судьба самого писателя — Ф. Искандера. За год до школы, он уже умел хорошо (бегло) читать, прочитал с дюжину книг, начав сразу с «Гадкого утенка» и «Рассказов о мировой войне», причем, последняя книга «была самая толстая и самая интересная из прочитанных книг» (с. 198).

Возможно, кто-то из *педагогов* скажет, что, мол, у ребенка была «жажда знаний». Мы же считаем, что такой *жажды* у человека, тем более у ребенка быть не может! У ребенка (согласно концепции П. В. Симонова) доминирует биологическая потребность в саморазвитии, составными частями которой являются две другие — потребность в подражании и потребность в игре. Соответственно, можно считать, что сказка «Гадкий утенок» могла послужить для мальчика материалом для подражания: как из *гадкого* пре-

вратиться в *привлекательного*, из *неприметного* — в *прославленного*...

Вторая книга (абсолютно социальная) могла помочь ребенку удовлетворить свою потребность в игре (ведь мальчики любят *играть в войну*). Играл ли наш герой в войну у себя во дворе, мы не знаем (автор об этом не написал). Возможно, *война* происходила только в его воображении, где он, безусловно, был героем-победителем. Таким образом, две внимательно прочитанные книги и основательно *прожитые* темы, могли, по нашему мнению, обеспечить главное — психическое (в том числе, умственное) развитие мальчика и его интерес к слову (литературе).



В повести Ф. Искандер честно описал жизнь своей фамилии со всеми ее социальными (а, следовательно, и социально-педагогическими) проблемами, чтобы показать, что для абхазов (как горского народа) мотивация сохранения и приумножения родовой чести является сильнейшей побудительной силой. И в случаях постыдного (тем более позорного) поведения кого-либо из членов рода, перед будущими поколениями фамилии неминуемо встает задача восстановления родовой чести, достижения заслуженных почестей, а в более широком плане — сохранения и укрепления национальных традиций.

Автор с сожалением повествует, что в период своего детства он (как и многие в роду) переживал стыд за позорное поведение отдельных родственников (старшего брата — хронически неуспевающего ученика; дяди Самада — опустившегося человека, пьянчуги; «сумасшедшего» дяди Коли). Именно «фамильный стыд» стал той энергией, которая побудила мальчика

(самого младшего в роду) стать на путь напряженной учебы (благо, что он от природы был смышленным), чтобы в будущем стать человеком, которым могли бы гордиться родители, другие родственники, а в конечном итоге — весь абхазский народ... и даже больше.

Большое воспитательное воздействие на нашего героя в детстве (еще до поступления в школу) оказали две книги, которые он, научившись рано читать, постоянно перечитывал, так как они удовлетворяли его актуализирующиеся потребности: «Гадкий утенок (эта сказка служила материалом для подражания: как из «гадкого» превратиться в «привлекательного») и «Рассказы о мировой войне», материалы которой побуждали играть мальчика в победную войну (больше на уровне воображения).

## КАК СРАЗУ НАДОЕЛА ШКОЛА

Именно *фамильный стыд*, о котором говорилось выше, побудил родителей побыстрее отдать нашего героя (младшего сына в семье) в школу (не по годам развитого, по сравнению со старшим *неучем*), чтобы тем самым реабилитировать семейный род.

Автор рассказал полную сарказма историю его поступления в школу.

Лицо школы, как известно, — это ее директор, а еще больше — завуч... Именно с ними первыми и столкнулся маленький мальчик, когда мать привела его устраиваться в школу. На что же в первую очередь обратил внимание мальчик (заметим, смышленный и наблюдательный)?.. Что из своего кабинета директор мог наблюдать, «как гуляют во время перемены по веранде учителя и обозревать весь школьный двор» (с. 198). Директор — с *церберскими* наклонно-

стями! Конечно, такой мысли у маленького мальчика возникнуть не могло. Но это важно понять нам, исследователям... Ведь, что может быть унижительнее для учителей и учащихся, чем быть *под колпаком* директора?! Конечно, объяснение этому есть — в эпоху сталинизма *подозрительностью* была пронизана вся жизнь. Но оправдания этому, с педагогической точки зрения, конечно, нет! Кто мог выходить из такой школы? *Надсмотрщики? Приспособленцы? Угнетатели? Угнетенные?..* Вот и спрашивается, как из такой школы смог выйти ученик, ставший всемирно известным писателем?!

А то, что директор был *цербером*, наглядно видно из описанного автором случая, рассказанного ему матерью. Именно из окна своего кабинета однажды директор увидел мать, идущую на базар... Он не побоялся выскочить из кабинета, чтобы ей сказать, что ей покупать надо не продукты, а пару кирпичей и веревку, чтобы вместе с сыном (он имел в виду старшего сына *неуча*) спрыгнуть с конца причала... При этом он издавал горлом булькающий звук, который, как ему, вероятно, казалось, мог служить «залогом нормальной педагогической работы в школе» (с. 198).

Похожая сцена повторялась несколько раз, но уже на расстоянии — с веранды школы директор показывал матери знаками, чтобы она приобрела веревку и два кирпича... Мать относилась к словам директора сначала настороженно, а позже с весельем. Она театрально воспроизводила слова директора, произнесенные им с ужасным мегрельским акцентом, хотя сама говорила по-русски с ужасным абхазским акцентом. Юмор состоял в том, что директор преподавал русский язык, но об этом автор узнал только в 5–6 классе, когда тот появился у них в классе и два года писал грамматику в зарифмованном виде, стараясь,

таким образом, *вдолбить* ее в головы учеников. Юмор состоял также в том, что директор носил «детский чубчик». С этим чубчиком «недотепистый» директор был похож на «стареющее дитяти»... Вот к этому директору и привела мать смышленного мальчика...

Они вошли в канцелярию, но дальше их не пустили. «Маленький человек, весь красный, с красными глазами, с выражением лица, какое бывает у измотанных драками, но, однако, всегда готовых к новым дракам петухов, оттеснил от директорской двери и постепенно вывел на веранду. Это был завуч» (с. 199). Мы сознательно дали полный текст автора, чтобы показать второго (если не первого) в школе *педагогического лица*. Физически неприятные люди (если не сказать прямо — физические уроды) директор и завуч — какие чувства они вызывали у детей, которые, как известно, имеют склонность делить всех взрослых только на *добрых* и *злых*? Ответить, не трудно. В этой связи зададимся вполне педагогическим вопросом: может ли физически уродливый человек иметь добрую душу? Если вспомнить *формулу*: в здоровом теле — здоровый дух; то нетрудно провести аналогию: в уродливом теле — уродливая (злобная) душа.

Конечно, могут быть исключения, но в нашем случае этого не было. Последующее поведение и завуча, и директора, это подтвердило.

Разговор завуч начал с унижения матери и знает (согласно, *ансуара*), и всего ее рода. Он стал возмущаться: «Одного не хватит?.. Одного еле держим, уже другого привела и тем более в середине года»... (с. 199–200). Потом он посмотрел метрику, заметил недостаточный возраст и сказал: «Это что? Это метрикул?..» Так с унижения матери, он перешел на унижения ее сына... Восприятие ребенка не обмануть!..

Мать стала говорить, что директору должен был позвонить Владимир Варламович (это был их сосед по дому, работавший инспектором в гороно). В этой связи автор вспомнил одну историю, связанную с этим Владимиром Варламовичем. Отметим сразу — историю пошлую, антипедагогическую...

...Как-то автор (еще мальчиком) дома пел подслушанную на улице (не вдумываясь в содержание) пошленькую песню. Его пение через стену услышал Владимир Варламович, и потом все время при встрече, похохатывая, просил мальчика воспроизвести пошлые стишки... Это вызывало у мальчика стыд, причем стыд возникал не от содержания, которого он толком не понимал, а от того, что его пение услышал взрослый дядя и теперь принуждал исполнять это для него. И мальчик с изображением «идиотской невинности» выполнял просьбу «жизнерадостного инспектора». Так, будучи еще ребенком, автор стал задумываться о глупостях людей, и о таинственной природе стыда... Его переживания стыда закончились только, когда сосед-чиновник съехал на другую, более благоустроенную квартиру (*каждому, как говорится, по труду!*).

Далее автор продолжает описывать свои детские размышления об «играх взрослых людей», которые уже начинал принимать, еще их толком не осознавая. Так, он вспомнил, как был однажды с тетушкой на вечернем сеансе в кино, где целовались, как он ясно понял, не по-родственному, а по любви. Это вызвала у мальчика бурную реакцию: «Поцеловались! Поцеловались!» — заорал он, что вызвало хохот в зале... (с. 203). Реакция ребенка объясняется просто: согласно «апсуара», любовный поцелуй должен быть скрыт от свидетелей.

Но вернемся в школу... Завуч ушел с метрикой к директору... Вдруг он выскочил на веранду и крика-

ми стал прогонять продавщиц семечек, которые уселись перед школой. Женщины со своими мешками нехотя пошли, чтобы вновь вернуться, когда прозвенит звонок на перемену...

Потом завуч стал спрашивать мать, откуда она знает Владимира Варламовича. Мать своими ответами давала понять, что Владимир Варламович не случайный их знакомый, что он прожил с ними рядом шесть лет, почти как родственник, и что на его глазах вырос ее мальчик. В ее словах звучал «намек, что на глазах дяди Володи плохой ребенок не мог вырасти». Но завуч только мельком взглянул на мальчика с «брезгливым недоверием (к его. — Г.З.) наследственным качествам» (с. 204).

Прозвенел звонок на перемену и мальчик увидел новую картину школьной жизни. Учителя (в основном женщины) стали входить в канцелярию и выходить оттуда. Он слышал обрывки их разговоров и удивлялся, что они говорили о базаре, стирке, собственных детях (как обычные женщины с их двора). Так через наблюдения мальчика автор недвусмысленно указывает, что *не женское это дело — учить детей в школе.*

В сложившейся ситуации мальчика осенила мысль: он раскрыл книгу, которую принес собой (это была хрестоматия для второго или третьего класса), и стал громко читать, исключительно для того, чтобы учителя обратили внимание на *беглость* его чтения. Замысел был прост: учителя обратят внимание, узнают, что такого подготовленного и способного мальчика не принимают в школу и потребуют от директора, чтобы его определили в первый класс. Честный ребенок собрался учиться... взял с собой хрестоматия, чтобы показать, как он хорошо читает, если директор спросит, что он умеет делать. И натолкнулся на полное безразличие (и даже пренебрежение) со стороны

и директора, и завуча, и учителей... Вот и спрашивается, чем же занимаются такие, с позволения сказать, педагоги в школе?.. *Порчей* детских душ!

Мать с сыном прождали приема еще долго. По всему было видно, что директор не хотел их принимать. Он хотел, чтобы у них лопнуло терпение, и они ушли. Но мать решила еще подождать. Мальчик видел, как усиливалось «выражение горестности» на ее лице и вспоминал, что такое лицо у нее всегда возникало, когда она входила в какое-нибудь официальное учреждение за справкой и что-то подписать... «Выражение горестности» просителя и *выражение презрения* (замешенного на *властолюбии и лицемерии*) к просителю со стороны чиновника. А ведь эта знакомая всем ситуация по существу *взаимной вражды* двух людей (только маскируемой одним и нескрываемой другим) подмечена совсем маленьким мальчиком!

В этой связи автор, отвлекаясь от школы, размышляет о выражении горестности и безнадежности на лицах одних людей, и лицемерии других, когда они разыгрывают сцены из жизни. И подтверждает это новыми примерами.

Так автор описывает очередную сцену, где взрослые люди исполняли двойственную роль.

Как-то дети (в том числе он) и взрослые наблюдали за пьяным, который дебоширил возле своего дома... У всех была двойственная роль... Все молча (про себя) осуждали пьяного, который ногой разбивал забор, ругал своих домочадцев непотребными словами и демонстративно пил из бутылки водку. Но при этом никто не осуждал пьяного открыто, интуитивно, чувствуя, что, высказав осуждающие слова, придется совершать соответствующее действие, то есть вмешиваться, а связываться с пьяным никто не хотел. Иначе говоря, с одной стороны, все осуждали поведение



пьяного, а с другой стороны, выступали зрителями пошлой *сцены*.

Психология *толпы* автором описана правильно: не трогай меня, не будем трогать и тебя. Дальнейшие события это только подтвердили. Брошенный мужиком камень попал рикошетом в голову мальчика, тот имитировал падение, чтобы его пожалели, но никто из взрослых даже не вздрогнул... И здесь автор проводит аналогию с Гитлером, за которым с любопытством наблюдали в Европе, что только разжигало в нем агрессивность... На другие аналогии автор не решился, хотя совершенно понятно, что описанные им типы людей были *воспитаны в сталинскую эпоху*.

Но вернемся в школу, где мать и сын ждали приема директора (надо сказать, что все описанные автором отступления от основного действия в форме воспоминаний, обусловлены именно затянувшимся ожиданием им решения своей ученической судьбы).

*Главное действующее лицо* завуч бегал по школе и бросал реплики: «Почему не позвонил, если такой близкий человек»... «За старшего спасибо не говорит»... «Еще младшего привела»... (с. 208).

Потом завуч «погнал», толкая в спину, к директору двух мальчиков пионерского возраста приговаривая: «Посмотрим, как там засмеетесь...» (с. 208).

Наблюдая педагогическую (а по сути антипедагогическую) активность завуча, мать вспомнила и рассказала сыну историю о том, что в свое время этот человек попросил у отца накосить в саду сена для своей коровы. Отец позволил, завуч вывез большой воз сена, но ничего не заплатил. Отец решил, что завуч это сделал сознательно, рассматривая воз сена как «счет» за то, что старшего сына терпели в школе. Слушая эту историю, младший сын подумал, что на него этот «счет», как видно, уже не распространялся...

Старший брат «использовал его до травинки». Здесь мать впервые сказала сыну об отце, который по ее словам «слишком много времени проводил в кофейне и слишком мало зарабатывал на семью» (с. 298). Говорить матери сыну плохое об отце — не в правилах абхазской семьи. Но, по-видимому, этой репликой мать хотела направить внимание сына не против отца, а на его собственную судьбу, в которой кофейня не должна быть главной.

Мать и сын продолжали терпеливо ждать. Мать заметила, что завуч, пробегая мимо них, бросал взгляды на окно директорского кабинета и знаками ему показывал, что они еще здесь... Это только укрепило стремление матери сидеть до конца.

«Неужели хоть в уборную не захочет», — сказала она, удивляясь упорству, с которым директор отсиживался в кабинете. Но только она это сказала, как директор, отвернув от них слегка голову, стремглав выскочил из кабинета, пересек веранду и исчез на лестнице... Мальчик даже «не успел поднять книгу и пустить ему вслед небольшой абзац хрестоматийного текста» (с. 209).

Когда голова директора высунулась из-за поворота лестницы, мальчик уже был готов читать и громко затараторил. «Но директор, проходя по веранде, слегка прикрыл ухо, обращенное в (их. — Г.З.) сторону <...> сделал вид, что почесал ухо»... Мальчик все понял, но не обиделся. Напротив, в этой попытке отстраниться от его чтения мальчик увидел признание директором его силы и проявление собственной слабости (с. 209).

Дети младшего школьного возраста, как известно, склонны оценивать, прежде всего, человеческие (а не профессиональные) качества учителей. Подтверждение этой мысли мы находим у автора. Так увидев завуча

ча, наш герой сразу подумал: «Злой». А увидев позже свою будущую учительницу Александру Ивановну, сразу подумал: «Добрая». Увидев директора, он почувствовал, что матери с ним («слабохарактерным») справиться будет гораздо легче, чем с завучем, хотя ему-то они никакого сена сроду не дарили. Так и оказалось... Минуты через три выскочил завуч и жестами показал, чтобы они, как можно быстрее входили к директору. На лице завуча было написано, «что ему всю жизнь приходится отрабатывать воз сена. И что именно ему они обязаны вызовом директора» (с. 209).

Когда мать и сын вошли в кабинет, директор говорил по телефону. Он бросил на них болезненный взгляд, а мальчик услышал в телефоне веселый голос дяди Володи.

Директор долго сопротивлялся инспектору. Говорил: «Что один уже учится»... «Чтобы старшего тогда перевели»... «Песенки поет... так может, его в музыкальную школу?..». Наконец, он сказал: «Хорошо». И положил трубку.

На протяжении всего телефонного разговора на лице у матери, как несколько раз отметил в тексте автор, было выражение «горестной безответственности», которое только усиливалось... Но как только вопрос решился, выражение «горестной безответственности» с материнского лица почему-то перешло на лицо директора... «Горестная безответственность» — наверное, это переживание писатель считал разновидностью эмоции стыда.

Здесь надо отметить, что до сего момента в кабинете находились те два пионера, которых на расправу к директору (как животных!) пригнал завуч (погонщик!) и которые в течение всего времени только фыркали и посмеивались... Значит, устроенная им *головомойка* была безрезультатной, что типично для

бездумной школьной педагогики (выводов, правда, ни один из директоров из этого не делает, ибо других методов воздействия не знает).

«Придется взять», — сказал директор завучу, — «Старший половину печенки съел, теперь этого привели... К Александре Ивановне попробуем»... (с. 211).

Нескрываемое недоброе отношение директора и завуча к ученику... — как можно определить такую *педагогичку*? Не иначе — как унижение личности... Почему же не задумываются директора и завучи школ о том, что когда-нибудь их ученики вырастут, кем-то станут и будут их определенным образом вспоминать (*а может и не будут вспоминать, а просто забудут, как дурной сон?!*). Почему они не задумываются о том, что от воспитания человека в школе в большой мере зависит его судьба, а значит, и судьба всей страны?!

Завуч грубо сказал матери, чтобы она шла домой, и, подталкивая мальчика сзади (*методика погонщика*), повел его во флигель... видимо, в класс учительницы Александры Ивановны. По дороге завуч схватил камень и собрался его запустить в собаку, которая рылась в урне... У мальчика сердце замерло, «как и у всякого пацана такого возраста, (у него. — Г.З.) была повышенная любовь к животным и, конечно, особенно к собакам». Завуч стал подкрадываться, но слишком увлекся, и собака убежала на другую сторону улицы... Оглянувшись, завуч увидел мать, которая не пошла домой, а упрямо следовала за ними, и «устыдился своего неуспеха» (с. 211). Отметим, что он устыдился своей неловкости, а не того, что мать и ребенок увидели в нем *живодера*. Значит, жестокость была *генеральной* чертой его личности.

Они прошли в коридор и завуч, пропустив мальчика вперед, вдруг наклонился возле одной из дверей и стал смотреть в замочную скважину. Мальчик

оглянулся и «увидел его маленькую фигуру, хищно склоненную у дверей» (с. 212). Для мальчика было странно, что завуч не стыдился подсматривать в его присутствии. Когда завуч выпрямился, на его лице было блаженное выражение... Как позже узнал наш герой, в том классе «работала юная учительница, очень хорошенькая, может быть даже красивая. Именно к ней часто приходили расфранченные молодые люди, и она на переменах бегала к ним своей трепещущей походкой»... (с. 212).

Увиденное взбудоражило душу ребенка — такое блаженное выражение лица он уже видел у своего «ненормального» дяди, когда тот подсматривал за женщиной, в которую был влюблен... Но ведь «ненормальный» дядя был таковым по рождению, и этим объяснялось его ненормальное поведение. А здесь была, вроде, нормальная школа!..

Оставим в покое нашего героя и выскажем по поводу описанного события свое мнение. Безусловно, завуч, судя по его эмоциям, считал себя вполне нормальным человеком. Таковым его, видимо, считали и другие, например, учителя в школе и уже знакомый нам Владимир Варламович — инспектор горноно! Однако уже на данном этапе проводимого нами социально-педагогического анализа становится ясно, что в школе работал физически уродливый директор с *церберскими* наклонностями, физически уродливый завуч с наклонностями *погонщика* (к тому же с неполноценной, а возможно, и больной сексуальностью) и учителя женского пола, которым лучше было бы сидеть дома, варить мамалыгу и ждать своих детей из школы, а мужа с работы, а не работать в учебном заведении. Нетрудно понять, что вся работа таких с позволения сказать *педагогов* была направлена на подавление (это в лучшем случае), но чаще на уни-

жение личности учащихся. Впрочем, не будем сами жестоки — ведь уничижительной в те годы была вся социальная жизнь, и школа не могла быть исключением. Педагог Макаренко, как известно, был тогда в единственном числе, и ему жилось и работалось, ой, как тяжело!

В связи с увиденным и пережитым, автор делает отступление и пишет о том, что в детстве красивая женщина вызывала у него чувство стыда, как бы своей «обнаженностью, или неподготовленностью (к ней. — Г.З.) окружающей среды». Ему казалось, что красивые женщины должны появляться на улице только в праздничные дни, когда все настроены на праздничное настроение. Продолжая вспоминать, автор пишет, что в детстве у него было «ощущение ранимости красивого женского лица» и поэтому его надо закрывать... И замечает: «Уж не чадролюбивые ли гены моих предков тосковали во мне!» (с. 212). А ведь здесь автор не столько спрашивает себя, сколько утверждает. И действительно, взаимоотношения мужчины и женщины в абхазской жизни, тем более их отношение к сексуальности носят закрытый характер, что обусловлено, правда, не генами, а традициями в воспитании. Именно поэтому автор на протяжении всей повести практически не говорит о возникавших у него половых побуждениях и чувствах — у абхазов это не принято.

Но вернемся в школу.

...Завуч «хозяйским жестом» открыл нужную дверь и впустил мальчика в класс. Ученики вскочили, гремя крышками парт... Потом по указанию учительницы также с грохотом сели.

Первая реакция учительницы была отрицательная: «Но у меня...». Но, взглянув на нового ученика, сказала: «Хорошо!»

Учительница указало новичку место... Когда за-вуч выходил, все вновь вскочили, но новый ученик не среагировал, и это вызвало смешки. Мальчик просто не знал, что и при уходе учителя тоже надо вставать... В смешках он почувствовал враждебное любопытство к себе со стороны учеников, прежде всего мальчи-ков, «какое бывает ко всякому чужаку, который вхо-дит в среду привыкших друг к другу людей» (с. 213). Здесь важно сделать одно уточнение, а именно: бес-причинное враждебное (а точнее тревожно-враждеб-ное) отношение к другим типично для людей «живот-ного» или невротического типов (если они взрослые). Что же касается детей, то их «враждебное любопыт-ство» вполне обоснованно, поскольку они до 10 лет остаются существами преимущественно «животны-ми» (в силу доминирующих у них биологических по-требностей). А значит, автор оценил ситуацию вполне правильно. И другой реакции трудно было ожидать, тем более, что в воспитании детей в те времена при-менялись в основном принуждение и угнетение. А в таких условиях, как известно, у детей могут прояв-ляться и закрепляться только *животные* эмоции — *страха* перед учителем и *враждебности (агрессии)* по отношению к другим детям.

...Ощущение враждебности у нашего героя в ходе урока постепенно стало ослабевать — в этом, безус-ловно, была заслуга учительницы, которая сумела направить мысли детей в нужное русло. На переме-не новый ученик встретился с детьми, которых знал по двору. И не отреагировал, как другие, на звонок... Ему тогда показалось несправедливым, что перемена длится так мало, по сравнению с уроком.

Впечатление от первого дня в школе было нега-тивное: «Надоело!» А ведь мальчик так хотел в шко-лу, этого хотели все родственники и ждали от него

успехов. Все думали, что младший брат своим интересом вызовет «аппетит к учебе у старшего брата, а он сам потерял этот свой хваленый аппетит в первый же день учебы» (с. 214).

И вот, он шел из школы и думал о том, что все дома взволнованно и празднично ждут его возвращения... И что он им скажет?... Что в первый же день ему надоело учиться в школе? Но у него хватило выдержки скрыть свое разочарование школой, но и восторга не изъявил — «просто сил не хватило» (с. 214). До такой степени устал!

К радости мальчика, показывать свой настрой ему и не надо было, так как в этот день машина, как и боялась бабушка, сбила дядю Самада, и его, когда ученик пришел со школы, увозила скорая. Все были обеспокоены случившимся и было не до него...

Так наш герой стал ходить в школу. Он быстро усвоил гласные и негласные школьные правила. Учился хорошо, иногда даже отлично. Но поскольку учиться он начал с двухнедельным опозданием, то многие его поступки долгое время не соответствовали школьным правилам и вызывали смех. Например, он не знал, что в классе нельзя разговаривать, многого не понимал и многому противился. А за нарушения Александра Ивановна нередко просила его выйти из класса, с чем он «соглашался с неприличной поспешностью» — начинал быстро укладывать все в портфель, что вызывало смех, даже у самой учительницы. В таком поведении (как говорит автор) проявилась его склонность «уходя, уходить целиком», которая со временем оформилась в привычку (с. 215). И далее автор рассуждает об этой своей привычке (*уходить целиком*), в которой было заключено его стремление избавлять себя от общества хамоватых людей. При этом он замечает, что такое его, вполне терпимое отношение к хамам, к со-



жалению, не убавляло в них хамства, а делало их хамство только более вкрадчивым. Отсюда автор (как философ) сделал вывод, что «наслаждение от покинутого хамства не должно затягиваться» (с. 215).



Герой повести (смышлennyй и честный мальчик) стремился пойти в школу, но наткнулся на презрительное отношение к себе (а также к матери и всему фамильному роду) со стороны директора и особенно завуча — морально ущербных лиц, внушающих к себе только омерзение. Первый учебный день, проведенный в школе (с ее тотальным контролем, унижением и даже пошлостью), отрицательно сказался на настроении мальчика — школа (вопреки его ожиданиям) сразу надоела и утомила.

Несмотря на все, что отталкивало героя повести от школы, он заставлял себя хорошо учиться. И делал он это по родовой обязанности, чтобы избавить родственников от накопившегося «фамильного стыда» и создать совершенно противоположное, а именно — «фамильную гордость». Такая уникальная побудительная сила могла проявиться только в кавказском (абхазском) обществе, где чрезвычайно ценится родовая честь.

## ВОСПИТАНИЕ КИНО[м]

Автор возвращается к повествованию, когда ему было примерно 9 лет. Он продолжает говорить о *фамильном стыде*, включив в содержание повести свою тетушку, которая считала себя главной воспитательницей в семье, хотя собственных детей не имела. С этой

тетушкой наш герой в начале 3-го (или 4-го) класса практически каждый вечер ходил в кино. Поэтому данный период в жизни мальчика можно определить как *воспитание кино[м]* (но вовсе — не тетушкой).

Прежде чем начать анализировать роль кино в воспитании мальчика, расскажем об умственном затруднении, которое он испытывал, постоянно общаясь в этот период с тетушкой. Дело в том что, начиная с первого класса и до того времени, к которому относится повествование, тетушка при всяком удобном случае говорила окружающим, что ей тридцать пять лет и что ее племянник — «отличник». По поводу *отличника* мальчик сильно не возмущался, хотя считал тетушкину оценку преувеличенной. Интуитивно, он понимал, что тетушке было приятно иметь племянника — отличника. Его удивляло другое, что в течение всего этого времени она предпочитала оставаться в неизменном *полюбившемся* ей тридцатипятилетнем возрасте, всем об этом уверенно говорила, и при этом обязательно добавляла, что ее племянник — отличник. Какая была связь между этими двумя «обстоятельствами» мальчик толком не понимал. Такая связь, видимо, имелаась только в *гуттаперчевом* мышлении тетушки.

Чувствуя себя неловко при чужих людях, мальчик нередко протестовал, и тогда тетушка еще настойчивее утверждала: «Круглый... круглый отличник!». И добавляла: «Одного боюсь... слишком много читает...». И в подтверждение рассказывала случай, когда наш ученик читал «Детство» Горького и неожиданно потух свет. И тогда он продолжил чтение при свете закоптелой керосиновой лампы. Из этого единственного в своем роде случая тетушка сочинила целую легенду о «мученике ученья». В поддержку ученика можно сказать только одно: он читал книгу, которая во всех

отношениях была ему полезной. В этой связи автор, сознается в том, что «в последующие годы, да и до сих пор горячка чтения сменяется (у него. — Г.З.) долги-ми промежутками равнодушия к книге» (с. 217).

Что побудило тетушку считать себя в течение нескольких лет тридцатипятилетней, автор не пишет. В женской душе много бестолкового. Но у нас (исследователей) в этой связи поневоле возник другой известный образ — «сумасшедшего дяди Коли». А далее появилось подозрение, что тетушка, как и дядя Коля представляли в роду *сумасшедшую* линию... Однако дальнейшее чтение повести развенчало эту версию. И мы стали адекватнее оценивать и дядю Колю, и тетушку. Так, стало понятно, что дядя Коля вовсе не был *сумасшедшим*, а был от природы человеком, мягко говоря, не целого ума (иначе говоря, слабого, *биологического* ума), а посему был прямодушным и исполнительным, жил строго по распорядку, определенному ему бабушкой (то есть его матерью), при которой он всегда состоял в качестве домашнего работника. Иначе говоря, дядя Коля был человеком совершенно не опасным, более того, достойным жалости. А ведь способность жалеть другого человека — это признак нравственной воспитанности. Поэтому наличие в семье такого человека как дядя Коля можно считать важным условия для нравственного воспитания детей, в том числе и нашего героя, и соответственно, не может рассматриваться в качестве элемента *фамильного стыда*, как мы об этом ранее писали. Но такое понимание может возникнуть только внутри самой семьи, для других же (соседей и прочих), к сожалению, быть признаком ущербности фамилии.

Что же касается тетушки, то она возомнила себя в семье умнее и главнее других, а, следовательно, была, как мы считаем, человеком, образно говоря, *не*

ровного ума, к тому же с невротическим характером. О последнем свидетельствовало то, что она ко всем, даже к близким людям, относилась с тревогой и враждебностью, и ни к кому — по-доброму, в чем мы позже убедимся. Причем, отметим, что ее такое умственное (или психическое) состояние было обусловлено не природой рождения (как это было с дядей Колей), а не полноценным воспитанием и перипетиями жизни, которые только усугубляли ее невротизацию.

Перипетии жизни у нее начались, когда она вышла замуж за «провинциального персидского консула», который увез ее в Персию, но откуда она уже вернулась без консула, одна. В семье часто об этом говорили «как-то естественно, словно консул этот от старости развалился, и ей ничего не оставалось, как приехать домой» (с. 229). Иначе говоря, все в роду считали, что вина за случившееся лежала вовсе не на тетушке, а на пожилом иностранце, за которого она вышла замуж по ошибке в расчетах. Позже, мы убедимся еще не раз, что тетушка никогда и ни в чем не считала себя виноватой, а виноватыми всегда были другие (верный признак невротической личности).

Вторым мужем тетушки стал дядя Миша — директор гастронома (замуж за него, скорее всего, она также вышла по расчету). И ее расчет также не оправдался, так как дядя Миша очень добросовестно относился к своим обязанностям, не жульничал, хотя многие из его продавцов это делали. И тетушка часто упрекала мужа в том, «что другие на его месте особняки строят, а он семье отказывает в куске хлеба» (с. 218). В общем, она считала свою молодость загубленной и часто ссорилась с дядей Мишей. Возможно, поэтому на его «правильном лице» всегда было выражение «тайной унылости». Иногда тетушка «из-за своей вздорной страстности» совершенно вы-

ходила из себя и грозилась покончить с собой (чего, на самом деле никогда бы не сделала, и это также указывало на ее нездоровую психику). Тотальная неудовлетворенность жизнью, как видно, и побуждала тетушку к «кинообжорству».

Но если тетушке кино помогало отвлечься от собственной, как ей казалось, неустроенной жизни, и прожить чужую (более интересную), то для нашего 9-ти летнего ученика, кино играло совершенно другую роль — воспитательную. Этот период в своей жизни автор называет «фантастическим» — каждый вечер он имел возможность смотреть по два фильма (причем один из них, обычно поздно вечером, бесплатно, так как директором одного из кинотеатров была тетушкина приятельница — тетя Медея).

Сначала автор описывает, как в ожидании сеанса, они с тетушкой сидели в кабинете тети Медеи, где две приятельницы чуть ли ни каждый вечер обсуждали одну и ту же тему, как какая-то Негодяйка увела у тети Медеи мужа, и которого тетя Медея почему-то также называла Негодяем. При этом обе женщины с жадностью курили, «пуская изо рта воинственные струи дыма» (с. 220). Для мальчика было странно, зачем надо было тысячу раз переживать, как Негодяй ушел к Негодяйке, если это кажется вполне естественным. Здесь следует сказать о ложных представлениях брошенных женщин, которые в семейной драме винят кого угодно, но только не себя. Впрочем, возможно, в их переживаниях всегда слишком много обиды, что препятствует самоанализу.

Кроме темы о Негодяйке, которой, как считали обе женщины, «непременно надо отомстить», они еще обсуждали зрителей. Правда, ни одного доброго слова о зрителях мальчик не слышал. Больше всего доставалось какому-то семейству, которое бесплатно посещало

кинотеатр, бесцеремонно и бесосновательно занимая «правительственную ложу». «Подумаешь, в АБСОЮ-ЗЕ работает», — говорила тетя Медея о главе семейства. И добавляла в адрес его жены: «Эта гальская кекелка тоже себя дамой почувствовала»... (с. 221).

Мальчик слушал весь этот вздор в ожидании начала киносеанса, хорошо понимая, что «свирепые советы» тетушки о наказании Негодяйки и ее «презрительные замечания» в поддержку слов тети Медеи относительно своевольных или жалующихся посетителей кинотеатра, делались лишь для того, чтобы оправдать их бесплатное посещение кино.

Какие же чувства и мысли должны были возникать у смышленного мальчика от виденной им вокруг позорной жизни? Вспомним, что отправляясь в первый класс, автор уже тогда стал задумываться об играх взрослых людей, их глупостях, и о таинственной природе стыда... И вот прошло еще три года и его прозрения подтверждаются: взрослые люди играют в игры, которые сами придумали, чтобы обманывать себя и других. И можно лишь сожалеть, что ему у них нечему было поучиться...

И если несколько лет назад в его воспитании определяющую роль сыграли две прочитанные им книжки, то на данном этапе это должно было сделать киноискусство, которое неожиданно стало для него очень доступным. Кинофильмы, которые он смотрел в большом количестве, побуждали его к размышлениям, что подтверждало развитость (не по возрасту) его критического ума — основы будущего писательского творчества.

Так, из картины «Петр Первый» мальчик понял, что царь злой и очень опасен, так как не известно, чего от него ожидать... А когда посмотрел киножурнал, где выступал Сталин, который сказал: «В семье

не без уroda» — то тут же стал мысленно подыскивать в знакомых семьях какого-нибудь уroda, а в некоторых семьях находил по нескольку уродов» (с. 222). Он даже стал находить уродов в семьях, которые казались ему идеальными. В этих семьях уроды, как он решил, ловко «маскировались, скрывая свое уродство». *Скрытое* уродство, которое он расценивал как еще более «уродливое уродство», его поражало. Из разговоров взрослых мальчик узнал, что у Сталина есть сын Вася, который, несмотря на все старания вождя, плохо учится. От этого у мальчика возникло «теплое чувство» к вождю, которого раньше никогда не было, что его очень мучило.

Многие фильмы вызывали у нашего героя недоумения. Например, картины о шпионах ему нравились, но он их считал неубедительными. Почему-то храбрые чекисты всегда оставались живыми, хотя в них постоянно стреляли. Почему-то в фильме вылавливали всех шпионов, но они вновь появлялись уже в других картинах.

Ужас у автора вызвал фильм, в котором испанский мальчик Педро, оказавшись на фашистском корабле, который перевозил бомбы, бесстрашно готовился совершить подвиг — взорвать этот корабль... Дрожа от страха, наш герой понимал, что сам он этого никогда бы не смог сделать ... (наш герой оказался, как видим, *совсем не героем!*)

Какие же социально-педагогические размышления возникают у нас по поводу «киношного разгула», в который автор «с удовольствием окунался» (именно так он сам называет свое увлечение кино)? «Киношный разгул», как любой *разгул*, безусловно, нес в себе что-то отрицательное. И действительно, после ночных сеансов, утром следующего дня мать с трудом поднимала ребенка с постели. И это не могло не отразиться

на его учебе в школе (в этом мы вскоре убедимся). Но для смышленного мальчика, каким был наш автор, от просмотра кинофильмов все же было больше пользы, чем вреда. Дело в том, что фильмы тех далеких времен предназначались, главным образом, для воспитания у молодого поколения *высших чувств* — почитания царя-созидателя, любви к мудрому вождю, бесстрашия и готовности к самопожертвованию, но у нашего героя почему-то таких чувств не вызывали, а пробуждали в основном сомнения. Иначе говоря, вместо предполагаемой готовности слепо подражать героям фильмов, у мальчика появился интерес к поиску правды жизни. Именно, стремлением к правде, по нашему мнению, должен характеризоваться *взрослеющий* человек, живущий в лживом (постыдном) мире, чтобы, вопреки всему, вырасти в честного человека и в будущем стать почитаемым писателем.

Но такая вполне взрослая (с национальным оттенком) мотивация, совершенно не свойственная ребенку, не могла держаться в его душе постоянно. Иначе можно было, если не умом тронуться, то просто переутомиться. Поэтому у мальчика поневоле возникали естественные для его возраста желания поиграть, побездельничать, сходить в кино (о пользе последнего мы уже выше говорили). Вот и стали появляться в его домашних тетрадах, наряду с пятерками, еще и четверки, и тройки, и даже совсем плохие отметки. Но кто сегодня обращает внимание на отметки в тетрадах?!.. Только родители с *церберскими* склонностями. Ведь для нормальных родителей больше важны отметки в дневнике (но дневников в то время у школьников не было), а еще важнее — отметки в таблице. Так вот в таблице у нашего ученика были только достойные уважения отметки, и все в семье это хорошо знали, поэтому в его тетради обычно не заглядывали. Но наступил



час («час расплаты», как пишет автор), когда тетушка (считавшая себя главным воспитателем, а была, по сути, главным надзирателем в семье), поругав старшего брата за плохие отметки, «решила показать ему пример хорошей учебы и самой отдохнуть на хороших отметках» младшего племянника, и попросила его принести и показать ей свою домашнюю тетрадь. Наш ученик, как сам пишет, впал в «состояние какого-то оупения», и послушно принес тетрадь в надежде, что тетушка посмотрит только начальные ее страницы, где были отличные отметки, и успокоится... Но тетушка стала листать всю тетрадь (а в комнате, отметим, кроме членов семьи, были еще и соседи — дядя Самуил и дядя Алихан), и чем дальше она листала, тем сильнее огорчалась и возмущалась. Кончилось тем, что, увидев отметку «плохо» и поставленные рядом учительницей Александрой Ивановной три восклицательных знака, она закричала: «О, помогите несчастной! <...> Вот на кого сгубила я свои лучшие годы...» (с. 228).

Автор описывает, как отреагировали на его плохие отметки другие присутствующие. Дядя Коля, как всегда, смотрел перед собой своими немигающими глазами, показывая всем, что его это не касается. Он ждал, когда придет время пить чай... Наш страдающий ученик даже ему позавидовал и подумал про себя: «Хорошо жить, как он <...> ни за что не отвечать, ничего не стыдиться, не ведать, что делается вокруг» (с. 227).

Бабушка попыталась унять разбушевавшуюся тетушку и сказала по-абхазки, чтобы не поняли дядя Алихан и дядя Самуил: «Хватит, отстань от мальчика!».

Мужчины (к тому же не родные), как и положено представителям сильного пола, не увидели в плохой учебе ребенка ничего трагического (видимо, сами так

учились, а позже поняли, что школьные отметки никак не повлияли на их взрослую жизнь).

«Подумаешь, большое дело, да?!» — сказал дядя Алихан, пытаясь отвлечь внимание тетушки. А дядя Самуил сказал: «Этого (он имел в виду младшего. — Г.З.) еще можно исправить... А старшего надо ремеслу учить...» (с. 229).

Мужчины, как видим, смотрели в будущее, чего не скажешь о тетушке и других женщинах, живущих, либо как *первобытные* настоящим днем, либо как *средневековые* чужой жизнью. К другим отнесем в первую очередь учительницу Александру Ивановну, которая имела *педагогическую* (а по нашим меркам, *антипедагогическую*) привычку ставить ученикам по каждому поводу отметки, даже не задумываясь, кем они могут стать в будущем... Поставить плохую отметку будущему всемирно известному писателю могла только *неодушевленная* учительница. Ее *неодушевленность* заключалась в том, что даже спустя много лет (когда ее ученик достиг славы), она вряд ли почувствовала стыд за то, что своим текущим оцениванием приравнивала его (смышленного мальчика) к другим, унижала достоинство и наносила вред психике.

Но вернемся к тексту.

...Возможно, переживание учеником своего стыда еще бы продолжалось, но в дверь вошла тетя Медея и завладела вниманием тетушки. Воспользовавшись паузой, бабушка благоразумно отправила нашего ученика в магазин за цейлонским чаем и папиросами «Рица», видимо, понимая, что ему надо отвлечься от позора. И он долго и с удовольствием бегал от одного магазина к другому, думая о том, что с завтрашнего дня начнет новую жизнь: перестанет засиживаться у тетки, ходить с ней в кино, станет «высыпаться, хо-

рошо делать уроки, чтобы никогда, никогда не повторялся этот позорный кошмар» (с.232).

Но это будет завтра, а сегодня он собирался в последний раз приятно «допоздна засидеться на тетушкиной кухне и вбирать в себя разговоры взрослых, из которых встают странные, соблазнительные, подлинные в своей глуповатости картины взрослой жизни. А потом уже в первом часу, если мать не загонит домой раньше, спуститься вниз, с головой, разгоряченной и опухшей от табачного дыма, и потихоньку лечь спать». Автор заключает: «Здесь внизу (имеется в виду первый этаж дома. — Г.З.) у мамы — суховатая необходимость, долг. Там (имеется в виду второй этаж дома. — Г.З.) — сладость излишка, страсть. Моя детская душа бьется между этими двумя полюсами, еще не ведая, что они полюса. Мать — долг. Тетушка — страсть» (с. 232).



Положительное воспитательное значения в детской жизни героя повести сыграло кино. Это объяснялось его, не по возрасту, критическим отношением к показываемым там событиям. При этом он оставался учеником школы, где также подвергался определенному (главным образом, отрицательному) педагогическому воздействию. И хотя школа стала ему не интересна с первого дня, он старался хорошо учиться, чтобы своими успехами доказать окружающим, что в его роду есть не только «потерянные» люди («неучи», «пьяницы», «сумасшедшие»), но и «отличники», и тем самым способствовать восстановлению фамильной чести. Понятно, что такая вполне взрослая (с национальным оттенком) мотивация, совершенно не свойственная ребенку, не могла держаться в его

душе постоянно. Иначе можно было, если не умом тронуться, то просто переутомиться. Поэтому у мальчика поневоле возникали естественные для его возраста желания поиграть, сходить в кино и даже просто побездельничать. К сожалению, увлечения, не связанные со школой, а тем более безделье иногда приводили к плохим отметкам в учебе (учительница, к сожалению, не учитывала ни настроения своего одаренного ученика, ни обстоятельств, приведших к неисполнению им учебного задания). Случайную «двойку» сам ученик пережил бы спокойно и со временем, безусловно, ее исправил. Но контроль за учебой, осуществляемый невротичной тетушкой, делал его жизнь психически невыносимой: случайную неудачу племянника она раздувала до позора семейного масштаба, тем самым, взвинчивала свои нервы и наносила моральный ущерб хорошему мальчику.

Уже в девять лет герой повести отличался наблюдательностью, более свойственной взрослым, нежели детям. Взрослые люди представлялись ему намного загадочнее детей, поэтому становились предметом его наблюдения и удивляли своею странностью и глупостью. Именно благодаря своей наблюдательности, став писателем, он смог их вспомнить и описать в натуральную величину.

Из авторского текста вытекает еще один психолого-педагогический вывод: в душе человека идет постоянная борьба между страстью или эгоизмом (как биологическим наследством) и долгом или добротой (как результатом воспитания). И судьба человека складывается в зависимости от того, какой полюс побеждает...

## УРОКИ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Редкие родители не наказывают своих детей, и редкие дети не подвергаются физическому насилию со стороны других детей. Данная тема нашла отражение в повести Ф. Искандера и стала предметом нашего социально-педагогического анализа.

В повести автор говорит о восточных обычаях, которые соблюдались в их семье. Он пишет: «... в нашем доме никогда не ели свинину. Не ели взрослые и детям строго-настрого запрещали. Хотя другая заповедь Магомета — относительно алкогольных напитков — нарушалась <...> безудержно» (с. 232). Такая противоречивость в веровании и образе жизни, на наш взгляд, связана с тем, что никакая традиционная форма религии не смогла прижиться в Абхазии в полной мере, так как люди соблюдали (и до сих пор соблюдают), прежде всего, традиции предков, в питании которых (согласно *апсуара*) всегда были вино, сыр, мамалыга, вареное и копченое (но только не свиное) мясо.

«Запрет породил пламенную мечту и ледяную гордость» (с. 232) — эту свою мысль автор расшифровывает: в детстве он «мечтал попробовать свинины» и такая возможность у него часто была в детском саду (когда подавали плов со свиной) или в гостях, но он никогда не нарушал принятого порядка и это возвышало его над окружающими. Позже, став взрослым, он попробовал свинину и удивился, насколько точно он представлял ее вкус в детстве, когда «долго простаивал у витрин магазинов и смотрел на потные колбасы» (с. 232).

Конечно, разговор в повести ведется не о колбасе, как о несбыточной мечте маленького мальчика (позже, когда свинина стала для автора совершенно доступ-

ной, он понял, что даже очень вкусная еда не может сделать человека счастливым). И это замечание очень важно: дело в том, что потребность в еде актуальна только для голодного человека. Для ребенка, подростка и взрослого, когда они достаточно сыты, актуальны потребности иного порядка, а именно: сложнейшая биологическая потребность в саморазвитии (для ребенка), идеальная (психическая) потребность в самопознании (для подростка), социальная потребность в самосовершенствовании (для взрослого). В этих случаях преодолеть пищевые соблазны людям не трудно. Сложно это сделать тем особам, которые по причине неполноценного воспитания остаются в течение своей жизни преимущественно *животными* людьми (наш герой к таковым, разумеется, не относился).

Автор говорит о запрете на свинину по педагогической причине и описывает случай, который остался в его памяти как физическое, но более как нравственное испытание.

Случай этот был связан с семьей, которая жила рядом и с которой у них были хорошие отношения. Автор дает психологический портрет этой семьи, состоящий из тети Сони и дяди Шуры (ниже, описывая их взаимоотношения, можно будет понять, что они были не абхазской, а, значит, скорее всего, русской национальности).

Тетя Соня была медсестрой, но почему-то все (том числе и наш герой) ее считали доктором. Скорее всего, тетя Соня сама это внушала окружающим, чтобы в их глазах выглядеть *привилегированной особой* (что, по нашему мнению, является верным признаком невротизации личности). В этой связи интересной представляется мысль автора о том, что, «взрослея, замечаешь, как вокруг тебя дяди и тети постепенно понижаются в должности» (с. 233). Авторскую мысль

можно было бы продолжить: взрослея, дети замечают, как окружающие их взрослые люди, в том числе родители (что особенно плохо с психолого-педагогической точки зрения) понижаются в росте, уме, мужественности (или женственности), доброте и других положительных качествах. К сожалению, этого не замечают сами взрослые и не придают данному процессу должного значения, когда общаются с взрослеющими детьми. Поэтому взаимоотношения взрослых и детей (родителей и детей) постепенно расстраиваются...

Продолжим описание автором портрета тети Сони (сделать это нужно, чтобы показать так называемую *социальную среду*, в которой обитал наш герой, оставаясь при этом, как ни странно, психически здоровым человеком): «Тетя Соня была пожилой женщиной с коротко стриженными волосами, с лицом, застывшим в давней скорби. Говорила она всегда тихим голосом. Казалось, она давно поняла, что в жизни нет ничего такого, из-за чего стоило бы громко разговаривать. <...> По вечерам она часто сидела у нас дома и рассказывала историю своей жизни, главным образом о первом своем муже, убитом в гражданскую войну. Рассказ этот я слышал много раз и все-таки замирал от ужаса в том месте, где она говорила, как среди трупов убитых ищет и находит тело своего любимого. Здесь она обычно начинала плакать, и вместе с ней плакала моя мама и старшая сестра. Они начинали ее успокаивать, усаживали пить чай и давали воды. Меня всегда поражало, как быстро после этого женщины успокаивались и могли весело и как-то освежено болтать о всяких пустяках. Потом она уходила, потому что должен был вернуться с работы муж... дядя Шура» (с. 233). Накормить пришедшего с работы мужа, наверное, было главной (и возможно, единственной) социальной обязанностью тети Сони. Любви к мужу

у нее, судя по всему, никогда не было, большого уважения тоже, хотя дядя Шура был крепким мужчиной (и не таким старым, как сама тетя Соня), а главное был добрым, смекалистым и работающим человеком. «Вечерами, придя с работы, он вечно что-нибудь чинил: настольные лампы, электрические утюги, радиоприемники и даже часы. Все эти вещи приносились соседями и чинились, разумеется, бесплатно» (с. 233). Когда он усаживался за ремонт, «тетя Соня садилась по другую сторону стола, курила и подтрунивала над мужем, в том смысле, что он берется не за свое дело и ничего у него не получится» (заметим, для абхазской жены такое отношение к мужу не допустимо, а значит, супруги были иной национальности, о чем выше нами уже говорилось). К счастью, у дяди Шуры все получалось, и наш мальчик, который при этом присутствовал, восторгался им, думая, «что он, наверное, не хуже того героя гражданской войны, которого никак не может забыть тетя Соня» (с. 234).

В этом тексте автором описана не только психология личности тети Сони (женщины невротического типа, социально недоразвитой, живущей иллюзиями, склонной эксплуатировать чужие чувства), но и ее примитивный образ жизни, в котором социальным было только одно — приготовление пищи для мужа. Насколько типичен такой образ жизни женщины? Наблюдательный читатель сам вправе решить.

Далее автор переходит к описанию главного события, которое взбудоражило его не сформировавшуюся душу, вызвало в нем негативные переживания и ложные побуждения, и о последовавших за этим телесных и нравственных испытаниях.

События разворачивались в названной семье, где наш герой часто пропадал, так как ему, судя по всему, нравилось находиться в компании с дядей Шурой, что



вполне объяснимо, ведь этот *дядя* служил для мальчика примером сильного, честного и умелого мужчины.

Однажды, когда мальчик, как обычно, сидел у дяди Шуры и тети Сони, зачем-то пришла сестра, и они оставили ее пить чай. Тетя Сони накрыла на стол, нарезала ломтями нежно-розовое сало, поставила горчицу и разлила чай. Они и до этого часто ели сало, предлагали мальчику, но он неизменно и твердо отказывался. Предложили и на этот раз...

«Дядя Шура положил на хлеб несколько ломтей сала и подал сестре. Слегка поломавшись, она взяла у него этот позорный бутерброд и стала есть», в то время как наш герой стал пить чай, который почему-то «затвердевал» в глотке и не хотел проглатываться (с. 234). Далее автор описывает смешанные переживания сестры, которая, поддавшись искушению, с удовольствием ела сало с хлебом, поглядывая с тревогой на брата, который смотрел на нее с укором, намекая на предстоящую кару, и чувства нашего героя, который, глотая чай и собственные слюни, желал, чтобы сестру постигло заслуженное возмездие.

«Отступничество» сестры вызывало в душе нашего героя больше зависти, нежели презрения. Возможно, он также поддался искушению поесть свинины, если бы дядя Шура предложил ему бутерброд более настойчиво и, разумеется, не в присутствии сестры. Дома он стал мучиться вопросом, как поступить. С одной стороны, справедливости ради, хотелось рассказать о проступке сестры родителям. С другой стороны, он видел, что сестра сама раскаивается в своем непристойном поведении, и боялась, что брат может наябедничать. Он видел тревогу сестры (особенно, когда вся семья сидела за обеденным столом), и ему почему-то нравилось держать ее на грани разоблачения, чувствовать власть над ней и даже чуть-чуть из-

деваться (автор описывает, как он, положив на хлеб нарезанный пяточками огурец, демонстративно ел его с таким же удовольствием, с каким вчера сестра ела бутерброд с салом, таким образом укоряя ее в содеянном). Конечно, такое отношение к родной сестре не красило нашего героя. Если бы он проявил доброту и простил сестру (ведь она уже раскаялась в своем проступке), то это имело бы воспитательное значение, причем для обоих. Однако мотивация наказать сестру за проступок, к сожалению, победила в нем все другие чувства к ней. Правда, этому способствовало одно обстоятельство: отец достал девять новеньких школьных тетрадей, что по тем временам случалось редко, и раздал их детям — каждому по три тетради. Такая «уравниловка» показалась нашему герою несправедливой, ведь старший брат учился плохо, а сестра, которая вчера «уплетала сало», и вовсе не заслужила подарка. От обиды у него даже «перехватило горло, и он дрожащим голосом сказал, обращаясь к отцу: «Она вчера ела сало...» (с. 238).

То, что случилось потом, осталось в памяти нашего героя на всю жизнь: отец побагровел, схватил сына за уши, потрянул его голову и, словно убедившись, что она не отваливается, приподнял и бросил на пол, крича: «Сукин сын!.. Еще предателей мне в доме не хватало!» (с. 238).

Ошеломленный случившимся, мальчик еще долго лежал на полу. Его потрясли не боль и не слова, а то выражение «брезгливой ненависти», которое было на лице отца. Он, конечно, не ждал от отца такой реакции.

Заключая, автор пишет: «Я очень любил отца, и он впервые меня наказал... С тех пор прошло много лет... Но урок не прошел даром. Я на всю жизнь понял, что никакой высокий принцип не может оправдать подло-

сти и предательства, да и всякое предательство — это волосатая гусеница маленькой зависти, какими бы принципами оно ни прикрывалось» (с. 238).

Наверное, наш герой долго не мог смотреть отцу в глаза, ведь пережить позор своего паскудства труднее, нежели физическую боль. В этой связи важно заметить, что даже взрослый человек, оказавшись перед выбором: *наказать* или *простить* — редко идет по второму пути (что свидетельствует о невротизации общества). А ведь выбор становится очевидным, если задаться простым вопросом, что полезнее для души: злая радость от созерцания наказания, добрая радость от прощения или позор за собственное паскудство (почему-то о последней реакции, мало кто задумывается, что и случилось в описанном случае). Для нас же совершенно ясно, что радость прощения мудрее всех радостей на свете! И наш герой (заметим, еще психически не сформировавшийся), кажется, усвоил эту истину за один урок и на всю жизнь.

К сожалению, на этом душевные и телесные испытания для него не закончились. Впереди были новые трудности. Автор признается, что, научившись читать еще до школы, он в течение трех лет не понимал, что происходит на циферблате часов. Ему было очень стыдно, но, боясь показать окружающим свою тупость, он прикидывался, что знает, как определить время по часам. Конечно, маленький мальчик напрасно стыдился — тогда редко у кого из взрослых были часы, не было часов и в домах. Поэтому люди ориентировались по солнцу, гудкам парохода и прочим приметам. В этой связи автор описывает много казусных и смешных историй, в которые попадали люди. Сам же мальчик чаще всего ориентировался по тени от края крыши соседского дома, падавшую на стену, покрытую листовым железом. Эта тень не только ука-

зывала на время, когда надо идти в школу, но вызывали у него разного рода видения и ассоциации.

Проблема определения времени, наверное, решилась бы для нашего героя сама собой, если бы в родительском доме были часы. Но во дворе домашние часы имела только одна семья, она переехала сюда из России. В то время в горах строили новую ГЭС, и глава семьи на этом строительстве был каким-то начальником. Вот в эту семью и стал заходить наш мальчик, чтобы узнавать время, и волей-неволей познакомился с ее членами. Про главу семьи автор ничего не пишет — видно, он постоянно был на работе. А вот о других — жене начальника тете Жене и его двоих детях (взрослой девочке Лизе и маленьком мальчике Эрике) автор написал достаточно много.

В материальном плане эта семья жила лучше всех. Это было видно по обстановке в квартире, то тому, как они одевались и даже по запаху, который исходил от них. Но нам важнее всего понять, какое влияние они смогли оказать на нашего героя. Больше всего нашему мальчику пришлось общаться с Эриком, который был примерно на три года младше его. В Эрике его поражали «дореволюционная» одежда, исходящий от него постоянный запах «ухоженного мальчика», умение определять время по часам и даже стороны света — по компасу. Но более всего его поражило поведение Эрика: рядом со своей матерью он находился постоянно в «военизированной-смиренной позе с выражением готовности выполнять ее любые приказы», что выглядело неестественно и даже комично, но когда матери рядом не было, он возбуждался и ожесточался. Так уже при первой встрече (в это время его мать разговаривала с тетушкой) Эрик предложил сыграть в «Чапаева», причем себе взял роль Чапаева, а нашему герою предложил роль «чапаевской лошади». Взгромоз-

дившись на спину *лошади*, он стал *ее* пришпоривать «ударами ног, обутых в крепкие новенькие ботиночки, все сильнее и сильнее». А когда они повалились, то сильно сжал ногами шею нашего мальчика и с ненавистью прошипел, что тот белый офицер, заслуживающий мести (с. 245).

Позже наш герой узнал, что «за тихое бешенство своего характера Эрик регулярно получал порционную порцию ремня» от своей матери. А после порки его обычно несколько дней не выпускали из квартиры... «В эти дни он был особенно опасен, пропитываясь ядом злости»... (с. 246). Вот почему, когда наш герой входил к ним в дом, чтобы узнать время, ему нужно было быть очень осторожным и даже хитрым. Если матери не было дома, Эрик «бросался к нему с просьбой поиграть, что в конечном счете означало разрешить ему пощипать его, покусать или даже слегка придушить» (с. 246). Отказаться было невозможно, и наш герой соглашался поиграть, но только недолго — «десять минут». А спустя некоторое время, испытывая боль, он уже говорил: «Все! Прошло десять минут!». Эрик кричал: «Нечестно! Нечестно! Сейчас только пятнадцать минут первого!». Так наш герой хитроумно узнавал текущее время.

Скорее всего, Эрик, несмотря на хорошее умственное развитие, был психически не вполне нормальным мальчиком (по рождению) и этим был опасен для окружающих детей. Одновременно важно заметить, что регулярные порки матерью, не способствовали его успокоению, а напротив, усугубляли его склонность к жестокости. Мы это отмечаем по одной простой причине: физическое насилие деформирует личность ребенка, в результате чего в нем начинают преобладать *животные* начала — либо страх, либо агрессия, которые постепенно трансформируются в черты харак-

тера. Нетрудно представить в какого *монстра* со временем мог превратиться Эрик... Разумеется, нашему герою полезнее было встретиться с этим *монстриком* в детстве и научиться с ним ладить, чем, если бы он встретился ему позже в качестве *надзирателя* или *экзекутора*.

Далее автор пишет: «Кроме этого милого садиста, бросив которому кусок мяса, можно было узнать время, еще одно препятствие стояло на моем почти сказочном пути к познанию времени. Это была его сестра. Правда, непосредственно препятствие это возникало довольно редко. Но по силе душевных терзаний оно не уступало физическим страданиям, которые я испытывал от ее брата. Хотя в отличие от брата она была доброй девушкой» (с. 247).

Автор описывает главную особенность поведения этой девушки, студентки педагогического института. Она постоянно влюблялась, причем будучи сильно близорукой, влюблялась в юношей с наиболее контрастными чертами лица, которыми чаще всего обладали армяне. После чего она писала о них короткие *рассказы*. Нашему герою, как человеку близкого дому, приходилось во время коллективных чтений выслушивать эти рассказы, которые раздражали его своей нелогичностью и несуразностью. Но он терпел, чтобы узнать время...

Еще долго наш герой узнавал время, проходя через физические и душевные страдания, которые вызывали у него то *жестокий Эрик*, то его самодовольная сестра Лиза, пока он не испытал *стыд* перед своими родственниками за то, что не только не умел определять время, но морочил им голову, делая вид, что умеет. И тогда он решил: во что бы то ни стало «разобраться со временем». Он стал наблюдать за движением стрелки на городских часах и для сверки

спрашивать время у прохожих, так к нему пришло озарение... Оказывается, он не знал, «что между цифрами на циферблате пролегает пространство в пять минут». Радость озарения была безмерной, ведь он (почти еще ребенок) сам научился вычислять время! Это был урок (преподанный самому себе), который остался в памяти на всю жизнь, потому что в одно мгновение окружающий мир стал для него понятнее и привлекательнее (с. 254–255).

Описанные события имеют педагогическое значение. В дополнение к сказанному автор пишет о том, что в детстве умел терпеть физическую боль — *сказы-вались*, как им самим отмечается, «осколки абхазского воспитания». Он пишет: «У абхазцев, как вероятно, у всех горцев, довольно сильно развит в народном творчестве и в народных обычаях мотив преодоления боли. Таким образом, этический мотив (стыд), подкрепляясь этическим примером (песня, легенда), помогал создавать тот духовный подъем, который отчасти заменял отсутствие наркотических средств в народной медицине. Так «Песня ранения» прямо адресовалась раненому, чтобы помочь ему перенести страдания» (с. 250).



Становление личности героя повести происходило в окружении многих людей, которые вольно или невольно оказывали на него воспитательное воздействие. Автор описывает характеры некоторых из них и рассказывает, как он (будучи еще ребенком) к ним относился: русского дяди Шуры, сильного, честного и умелого мужчину, которым мальчик восхищался; его жены — тети Сони, примитивной женщины, симу-

лирующей скорбь по давно погибшему первому мужу и подтрунивавшей над своим достойным уважением вторым мужем дядей Шурой, что вызывало у мальчика удивление (как можно было терпеть такую жену?!); подверженную слабостям свою старшую сестру, вызывающую у него смешанные чувства стыда и жалости; любимого, но не ласкового и страшного в своем гневе отца; маленького «садиста» Эрика, хитрого и жестокого мальчика, с которым надо было быть всегда настороже; его влюбчивую и самодовольную старшую сестру, вызывающую раздражение своими несуразными рассказами о любви. Достаточно адекватное отношение к людям — это свидетельство уже не детского ума нашего героя и его способности дружить с людьми достойными и остерегаться недостойных.

Автор продолжает развивать тему «энергии стыда». Абхазам стыдно отступать от обычаев, предавать близких, проявлять слабость, кричать от боли, лгать и не овладевать необходимыми для жизни знаниями и умениями. Соответственно, стыд является для них важнейшим побудителем исправления поведения, восстановления репутации, научения, а в более широком смысле — сохранения и укрепления национальных традиций.

## **ГЛАВНЫЕ ВОСПИТАТЕЛИ, ИЛИ ТОРЖЕСТВО ПРЕДАНОСТИ**

Тема заголовка вытекает из содержания заключительной части повести. Но прежде чем осуществлять анализ текста на заданную тему, мы решили сделать отступление.

Вроде, все понимают что, воспитанием подрастающего поколения должны заниматься учителя в школе, родители в семье, а также другие взрослые люди,



в сферу действия которых дети могут попадать. В то же время среди *исследователей* (но мы себя к ним не относим) доминирует мнение, что человека воспитывает *среда*. Такая аморфная позиция перекладывает вину за неполноценное воспитание подрастающего поколения на обезличенное общество (как среду обитания человека) и снимает ответственность с конкретных людей. В результате не с кого спросить за рост среди молодого населения вредных привычек, социальных заболеваний и преступлений, хотя конкретные виновные, безусловно, есть — это министр, ложно увлеченный *качеством* школьного образования, построенного на ущербной для личности учащихся нормативно-принудительной основе; это директора школ, из стен которых выходят недовоспитанный *молодняк*, а нередко и преступники; это родители и, прежде всего отцы семейств, которые не понимают, что их главной обязанностью является воспитание собственных детей (вот только, кто должен был это им внушить и кто должен был обучить их семейной педагогике?... Школа! Школа! Школа!). Цепочка, как видим, замкнулась.

Что же касается *воспитания средой обитания*, то эта псевдонаучная идея заимствована из биологии (надо сказать, что *ученистые* педагоги готовы использовать любую чужую *идею*, чтобы только не заниматься своей главной темой — воспитанием человека). В связи с этим отметим следующее: приспособляясь (или адаптируясь) к ущербной среде обитания (а об ущербности свидетельствует повсеместный рост асоциальных явлений), человек становится ущербным. В данном контексте мы использовали понятие *адаптация*, так как к среде обитания, согласно биологическим законам, можно только адаптироваться. Сделать же среду человеческого обитания полностью

благоприятной для жизни способны только хорошо воспитанные взрослые люди. В связи с этим вспоминается идеалистическая мысль академика П. В. Симонина о том, что проблем с воспитанием детей никогда бы не возникало, если бы их окружали только примеры достойного поведения людей. Иначе говоря, чтобы социальная среда стала для детей воспитывающей, надо, чтобы общество состояло только из нравственных людей. Отсюда становится понятно, что идея «воспитания средой» практически неосуществима и даже абсурдна. Значит, надо вернуться к мысли, что приоритетная роль в воспитании человека принадлежит не *среде*, а другому (более взрослому) человеку...

Обратимся к авторскому тексту.

*Первая учительница...* Автору повезло — он с любовью вспоминает свою первую учительницу — Александру Ивановну. Благодарная память о любимом учителе — важное средство воспитания и самовоспитания. Вообще человеку (для самовоспитания) надо чаще вспоминать людей, которые оказали на него благотворное влияние. Более того — надо размышлять о них, мысленно с ними советоваться...

Конечно, Александра Ивановна была обычным (традиционным) учителем начальных классов. И как положено традиционному учителю, она объясняла, читала, показывала, принуждала, требовала, спрашивала, ставила отметки, наказывала и хвалила, хотя, по нашему сегодняшнему разумению, должна была только побуждать учеников к играм и различным видам творчества, чтобы в них (играх и творчестве) они нечаянно (непроизвольно) научились и писать, и читать, и считать...

Ранее мы с некоторым сожалением уже писали об Александре Ивановне, которая, наряду с отличными отметками, по недалёковидности ставила нашему

ученику (будущему всемирно известному писателю) и плохие отметки (а ведь могла и не ставить!). Честный (к тому же одаренный) ученик по себе знает, что плохие отметки больше унижают, чем побуждают к учебе. Вот только учителя это либо забывают (хотя сами когда-то были учениками), либо попросту не знают, так как учились в школе нечестно, приспособившись. Впрочем, во всем виновато то государственное учебное заведение, где будущих учителей не учат должным образом воспитывать детей.

Так, за что же наш ученик любил свою первую учительницу?

Автор пишет: «Вспоминая свои чувства к Александре Ивановне, я думаю, что в моей любви к ней каким-то образом нераздельно слились два чувства — любовь к ней именно, такому человеку, каким она была, и любовь к русской литературе, которую она так умела нам раскрывать. Она почти каждый день читала нам что-нибудь из русской классики или несколько реже что-нибудь из современной, детской, чаще всего антифашистской литературы. Осталось в памяти чтение «Капитанской дочки» Пушкина, как минуты сладчайших переживаний. Если в области души есть чувство семейного уюта, то я его впервые испытал во время чтения этой книжки, когда в классе стояла мурлыкающая от удовлетворения тишина» (с. 256).

Прочитав этот текст и последующий, посвященный любимой учительнице, невольно представляешь себе эту немолодую женщину, живущую с единственным сыном — учащимся старших классов, физически крепким и умным юношей, который относился к ней и как к матери, и как к другу; женщину, которая свою любовь и доброту к сыну, распространяла и на своих учеников. Но вряд ли чувства автора (нашего ученика) можно назвать любовью — скорее это были жа-

лость и сожаление, что хорошая и честная женщина, достойная лучшей судьбы, живет трудно... несчастливо. Конечно, такой была судьба многих женщин, но пожалеть стоило хотя бы одну — для самовоспитания, что и делал наш сердечный ученик.

Не трудно представить себе, как Александра Ивановна своим мягким голосом (голосом доброй бабушки) читала складно написанную (как песню) повесть Пушкина. Отметим, что она читала повесть на уроке и читала сама, что объяснялось просто — ни у одного из учеников этой книги не было. Простой педагогический метод — художественное чтение, а эффект, судя по тишине в классе, был большой. А ведь сегодня книги (много книг!) есть у всех школьников, но интереса у них к чтению, к сожалению, нет (*как говорится, педагогическая проблема!*).

Педагогический эффект от художественного чтения учительницей «Капитанской дочки» наш ученик (ставший со временем сам писателем) пронес через многие годы. Почему? Потому что учительница ничего не навязывала своим ученикам и не занималась *литературоведением*, которым сегодня *славится* преподавание литературы в школе. Она просто хорошо читала произведение гениального Пушкина, которое *педагогично* само по себе. И каждый ученик мог войти в образ какого-нибудь персонажа повести (по выбору) и прожить с ним мысленно кусочек жизни.

Автор пишет, что, став писателем, он, читая записки Марины Цветаевой «Мой Пушкин», вдруг вспомнил то (далекое) чтение Александрой Ивановной «Капитанской дочки» (здесь еще раз уместно отметим, что память — это важнейший фактор самовоспитания). Его удивило несходство впечатлений: Марину Цветаеву поразил в повести Пугачев, который показался ей «таинственным, заманчивым, прекрас-

ным», а нашего писателя до сих пор волнует совсем другой герой Пушкина — холоп Савельич, а точнее, его абсолютная «преданность» барину. Однако, как нам представляется, в этих несхожих впечатлениях нет ничего странного: женщина (даже умная... большой поэт!) склонна видеть психологическую (эмоциональную) сторону жизни, а мужчина, к тому же писатель, философскую. Читая Пушкина, автор понял, что поэт рассматривал «преданность как величайшее чувство» (неслучайно он столько раз воспевал его красоту в стихах). А на примере повести «Капитанская дочка», Пушкин показал «торжество преданности» во всех ее обличьях: перед своими детьми, любимым человеком, барином, императрицей... Пушкин показал *преданность* как смысл, как готовность отдать свою жизнь за жизнь другого человека. Автор пишет: «И вот эта идея преданности с неожиданной силой погружала нас в свой уют спокойствия и доверия, уют дружеского вечернего лагеря перед последним утренним сражением. Мы ведь тоже преданы своему милому, еще кудрявоволосому барчуку, чей портрет висит на стене нашего класса» (с. 257). Философствуя о *преданности*, наш автор, как видим, приходит к очень важной патриотической идее, что мы все, чтобы быть честными, уверенными и непобедимыми, должны быть преданы Пушкину — нашему общему родственнику. На преданности Пушкину, как на объединяющем патриотическом чувстве, автору, конечно, можно было бы закончить философствовать. Однако он стал развивать «идею преданности идее» дальше, так как с ней связывались в те времена будущие воплощения, хотя и сопряженные с людскими трагедиями... Все-таки наш герой жил во времена, с одной стороны, трудового подъема, а с другой, репрессий, которые, как мы позже узнаем, не миновали и его род.

Возвращаясь в Александре Ивановне, автор пишет, что он любил наблюдать, как она встречалась на перемене со своим взрослым сыном, который учился в соседней школе. Ему нравились их взаимоотношения, которые носили шуточный и одновременно нежный характер. Он даже дает этому объяснение — мать и сын жили вдвоем (*неполная русская семья*), никого у них больше не было. Автор это отметил с сочувствием, так как абхазские семьи были, как правило, многочисленны и включали в себя даже некровных родственников.

Однажды наш ученик разговорился с сыном Александры Ивановны (она его называла Карлушей) и сказал: «Я у вашей мамы учусь». Этими словами наш герой как бы хотел войти «в родство» с юношей. Что же, понять мальчика можно — ему нужен был друг старше, сильнее и умнее его (заметим, что у автора в детстве практически не было друзей среди ровесников, иначе бы он, наверное, написал о них). А тут — взрослый сын любимой учительницы, подходящий по всем признакам (даже журнал они один и тот же читали, значит, было о чем поговорить). Однако Карлуша, потрепав по-доброму нашего героя по голове, сказал: «Да ты и так вроде неплохой пацан, стоит ли нам еще родственные отношения выяснять?!» Как видим, Карлуша правильно все понял и даже не отказался от родства, но дал ясно понять нашему мальчику, что тот сам достаточно умен и самостоятелен.

Признаком хорошего ума (даже в детстве) является способность человека выделять из людской массы людей особенных, достойных уважения, восхищения и подражания. Наш герой этим отличался, не случайно он разглядел Карлушу, который выделялся среди других своей независимостью, уверенностью, умом и сноровкой. Автор рассказывает случай, который

вызвал у него восторг. Карлуша заспорил с одним парнем с улицы, известным велосипедистом, что лучше его катается. Казалось, Карлуша дурачится, ведь у него не было своего велосипеда (по крайней мере, никто не видел его на велосипеде). Кто-то дал Карлуше велосипед, тот его проверил, приподнимая и ударяя о землю, как пробуют мяч, дал велосипедисту фору в двадцать шагов, и они помчались наперегонки до моря и обратно. К всеобщему восторгу Карлуша промчался дистанцию как старый наездник и победил, мастерски вздыбил велосипед после финиша. Эффект был грандиозным... И нашему мальчику стало казаться, что «Карлуша уже многое испытал в своей жизни и даже был когда-то замечательным велосипедистом, а ведь он был еще школьником девятого или десятого класса» (с. 260).

Завершая воспоминания об Александре Ивановиче, автор (*тогда 10-летний мальчик*) пишет о своем интересе к политике, которой была пронизана вся довоенная жизнь, в том числе и учеба школьников. Шел 1939 год — фашисты наступали и побеждали в Европе и было ясно, что они враги, но что мы их обязательно победим, «когда возьмемся за дело», потому что по «нашему учению правота всегда должна побеждать» (газеты были полны карикатуры на фашистов, в школах читали книги антигитлеровского содержания, дети играли в войну с *фрицами*). Но вдруг в газетах появились портреты Молотова и Риббентропа, и в одно мгновение нарастающая волна ненависти к фашистам в печати вдруг сменилась миролюбием... Детский мозг нашего ученика воспринял «мирный договор с Германией как шахматный ход (*он уже играл в шахматы*), с некоторой потерей качества для будущей грандиозной комбинации с шахом и матом всему капиталистическому миру» (с. 260). Такая мысль

имеет свое объяснение: детское мышление перестроить в одно мгновение невозможно, к тому же оно более оптимистично (а возможно, даже более победоносно), чем у взрослых. Вот почему на нашего героя произвели сильное впечатление однажды сказанные в классе слова любимой учительницы: «Ребята! Теперь нельзя говорить «фашисты» ... Эти слова были сказаны, когда один из учеников, разозлившись на товарища, назвал его фашистом. Автор пишет, что слова учительницы вызвали в нем «душевный взрыв, сильнее которого он не знал в жизни» (с. 261).

Все ждали, что Александра Ивановна как-то пояснит свои слова, но она продолжала молчать, «только красные пятна пошли по ее морщинистым щекам и края губ с одной стороны рта стали мелко-мелко вздрагивать» (с. 261). В эти минуты наш герой почувствовал *стыд*, который остался у него в памяти навсегда (заметим, что раньше он испытывал стыд за непристойных родственников и собственное паскудное поведение, а теперь — за власть, которая могла повернуть политику на сто восемьдесят градусов, никому ничего не объясняя и заставляя страдать любимую учительницу). А ведь «предательство» власти, а точнее ее вершителя происходило тогда, когда общество было заражено воинствующим патриотизмом и любые другие гражданские состояния могли рассматриваться только как враждебные. Спрашивается, как в такой противоречивой *социальной среде* можно было оставаться нормальным человеком?! Только благодаря правильному воспитанию! В противном случае человек трансформировался либо в невротическую личность (с тревожно-враждебным отношением ко всем окружающим), либо — в прислужника, доносчика, казнокрада, мародера и прочую людскую нечисть. Мы сказали: благодаря правильному воспи-



танию. Так вот любимая учительница своей эмоциональной реакцией (*и без слов!*) показала ученикам свое отношение к *предательству* власти и этим вызвала у них к себе сочувствие — состояние, воспитывающее детскую душу. А ведь какой-нибудь другой учитель мог бы сказал ту же предательскую фразу, но с приказной интонацией и вызвать у детей к себе совсем другую эмоцию...

Продолжим изучение текста...

У нашего героя был любимый «дядя Риза, самый любимый из всех дядей» (с. 262). Это он когда-то подарил племяннику первые книги — «Гадкий утенок» и «Рассказы о мировой войне», которые тот перечитывал много раз, проникая в сущность человеческой жизни и непроизвольно учась все лучше и лучше читать. Дядя был красивым человеком. В его фигуре была «какая-то невзрослая легкость, стремительность, а в глазах добродушная зоркость на все смешное» — все это казалось мальчику красотой (с. 262).

Дядя в прошлом был известным футболистом и часто водил племянника на стадион. Здесь, на стадионе разгорались невиданные страсти: зрители спорили о футболистах, тонкостях игры, проявляли местный патриотизм, спорили и даже враждовали. Здесь наш автор услышал много историй и легенд о футболистах. Это был тот жизненный материал, который, благодаря наблюдательности мальчика, обогащал его ум и насыщал память, а значит, имел воспитательное значение. Но, пожалуй, наибольшее значение для душевного развития нашего героя имело нарастающее чувство гордости за своего необыкновенного дядю, которого все уважали и с мнением которого все считались.

Иногда дядя брал племянника на стадион, чтобы помыться в душевой. Это было его привилегией, как бывшего футболиста. Мальчику нравилось наблю-

дать, как с удовольствием моется дядя, как двигается под струей воды его мускулистое тело, и старался ему подражать, делая вид, что смывает с себя килограммы грязи. После купания мальчишеское тело делалось легким и сильным. Они шли домой, и мальчик «с обожанием глядел на лицо своего дяди, его блестящие волосы, причесанные на косо́й пробор, на его улыбающийся рот». Он чувствовал, что его персона также доставляет «какое-то насмешливое удовольствие дяде, и это почему-то радовало, окрыляло». Автор заключает: «Мы любили друг друга. Это было точно» (с. 266).

Дядя был высшим «авторитетом в семье и во дворе (многолюдном, многоязычном и по-южному шумном)». Когда он входил во двор, женщины переставали ругаться между собой, прихорашивались, вспоминали, что они женщины. По всему было видно, что дядя очень нравился женщинам, но он относился к ним достаточно сдержано. До этого он был женат и жил в другом месте. Но теперь жил в фамильном доме с матерью и сестрой (для нашего героя она была той тетужкой, о которой мы уже писали). Почему он больше не женился, автор не пишет. Видимо, тогда этот вопрос его не интересовал. Ведь обремененный семьей дядя не смог бы уделять ему много внимания.

В традиции абхазов целоваться по-родственному при встречах и расставаниях. В этой связи автор отмечает, что на него обрушивалось «неимоверное число поцелуев, которые он ненавидел (жестконебритые, вино-водочные, чмокающие, скребущие, сосущие, пахнущие помадой)». Особенно были противны поцелуи женщин с неудавшимися судьбами. Он их *сразу* «отличал по какой-то свойственной им тупиковой силе удара» (с. 266). А вот поцелуев любимого дяди он не запомнил (видимо, это случалось крайне редко).

Дружба с дядей была важной составляющей частью жизни племянника. Дядя возил его на велосипеде на море, позволял заходить в свою комнату, садиться за его стол, чтобы рисовать и читать, часто приносил что-нибудь с работы и загадочно говорил: «А ну-ка посмотри, что у меня там в кармане?». И мальчик в сладкой лихорадке лез в карман... А однажды исполнилась его «великая мечта» — дядя купил ему «настоящий двухколесный велосипед, приятно пахнущий резиной и свежей краской, легкий, нарядный, чем-то похожий на самого дядю»... (с. 267). Радость переполняла мальчика... он трогал руль, звонил в звоночек, нюхал кожаное сиденье... Каждую свободную минуту возился возле велосипеда, выводил во двор, гладил, любовался, представлял как мчится по улицам города... Но ездить еще не мог, так как был слишком мал... Шли дни томительного и счастливого ожидания, но он так и не вывел свой велосипед, чтобы поехать на нем по городу, потому что случилось страшное... Однажды дядя не пришел с работы — его «взяли». Через полгода, узнав, что дядю перевели в Тбилиси, тетушка, чтобы туда поехать, продала новенький, так и не обкатанный велосипед. Такую «великую несправедливость» нашему мальчику было очень тяжело перенести, но он старался этого не показывать...

Далее автор описывает страдания, надежду и долгие годы ожидания дяди, письма к нему и от него, письма в разные инстанции, в том числе самому Берия, с которым якобы дядя учился в реальном училище. Во всем этом принимал участие и наш мальчик, который постепенно стал многое замечать и понимать. Так он заметил, что в это время на лицах взрослых людей то и дело появлялась гримаса «политической настороженности», что люди, как под влиянием

какого-то гипнотизера, начинали терять связь с материальным миром и увлекались потусторонним.

Дядя так и не вернулся. После двадцатого съезда пришло письмо о его реабилитации... «С годами боль улетучилась, оставив каплю яда в крови и воспоминание о нем (дяде. — Г.З.), как о далеком солнечном дне» — пишет прискорбно автор (с. 271).

Память о дяде (светлая, благодарная, сострадательная) — это не только выражение *преданности*, но и вечный побудитель к самовоспитанию и самосовершенствованию. В подтверждение приведем завершающий абзац автора о дяде: «Изредка, бывая у своих, я заглядываю в письменный стол дяди, перечитываю письма его друзей и женщин, еще пахучие и нежные...» (с. 271). Вряд ли, это было просто возвращение нашего уже взрослого героя в прошлое, скорее всего, — это было желание доверительно поговорить с очень близким человеком.

Последние страницы своей повести автор отводит собственному отцу. Он пишет об отце с сочувствием, называя его «прирожденным неудачником», хотя тот был видным мужчиной, острым на язык, добрым, честным и легко заводил знакомства. Но ему постоянно не везло по жизни, он даже несколько раз попадал в ситуации, когда мог погибнуть. Были у него и влиятельные знакомые, обязанные ему жизнью, но он никогда к ним за помощью не обращался. На этой почве мать с отцом часто ссорилась. Мать считала, что отец плохо обеспечивает семью, ругала его за то, что он подолгу засиживается в кофейне, ставила отцу в пример соседа портного, у которого было много клиентов и который время от времени покупал в дом какую-нибудь вещь. Но «отец с неистребимым равнодушием относился к чужим успехам, что особенно раздражало мать» (с. 275).

С удвоенной яростью «мать принялась за отца» после того, как она побывала с ним в командировке в г. Туапсе, где ее потрясли дешевизна кур и молочных продуктов. После возвращения из командировки отец уже было собрался активнее трудиться, но его, как нарочно, уволили. Здесь автор замечает, что, несмотря на то, что отец потерял работу, семья хуже жить не стала — помогали родственники, жившие в деревне, к тому же они сдавали внаем одну из комнат.

Из текста видно, что мать постоянно упрекала отца за его пассивность, доверчивость и многие поступки. Так однажды мальчик узнал, что у отца раньше (до его женитьбы на матери и рождения детей) был собственный дом, который он заложил, чтобы помочь приятелю греку, который якобы потерял казенные деньги. Но приятель сбежал в Афины, и они лишились отцовского дома.

Серьезные неприятности для отца и всей семьи начались, когда местное начальство решило «выслать по месту происхождения» турков, греков и персов, которые жили на черноморском побережье с незапамятных времен, но, как тогда казалось власти, «слишком вяло вращались в социализм». Отец (по национальности — перс) попал в число самых первых, которых выслали по месту происхождения. Он ездил в Москву хлопотать, чтобы его оставили, но ничего не получилось. Один из родственников, предложил отцу уехать в горы и жить там вместо его брата, потому что брат умер, а колхозная книжка осталась. Но отец не решился, хотя это было бы спасением, ибо через полгода международная обстановка изменилась и никого не стали никуда отправлять.

Отца увезли поездом... Не хочется описывать переживания автора и его матери, связанные с этим и последующими событиями... Отметим, что отца,

в отличие от дяди, не репрессировали — его выслали по месту происхождения. Но жене, детям и другим родственникам от этого было не легче.

От него иногда приходили письма, из которых становилось ясно, где он находился, чем занимался и как себя чувствовал. Сначала отец работал где-то в Иране в невыносимых каторжных условиях, а после войны в какой-то русско-иранской компании. Он хлопотал о выезде на родину, и просил, чтобы жена со своей стороны сделала запрос... Письма и запросы писались в разные учреждения, но время шло, а решений не было.

Автор пишет: «Когда я был маленький, я думал, что отец вернется к нам еще до того, как я окончу школу. Потом я думал, что он вернется, когда окончится война, — тогда все так думали. Потом я думал, что он вернется после того, как я окончу институт. Но окончилась война, я окончил школу, окончил институт, а он все не возвращался. И я все реже и реже о нем вспоминал. И только мама молчала и упорно ждала его все эти годы и, работая с утра до ночи, находила в себе силы напоминать о нем и тормошить нас с хлопотами» (с. 284).

Последний запрос автор сделал в МИД, когда учился в Москве... Ответ пришел через полгода, в котором «крупным, дрожащим старческим почерком» сообщалось, что отец умер в 1957 году... Когда он это прочел, «что-то резануло в груди, как будто кто-то точным движением вырвал не слишком крепкий, но все же упирающийся корень»... (с. 285). Что это было за чувство? Скорее всего — чувство жалости к отцу, дополненное жалостью к самому себе, выросшему без него, но еще большей жалостью к матери, которая нуждалась в отце (муже) больше всего и которая его не дождалась...

Автор не делает оценок, видимо, из-за сострадания к родственникам. Он пишет иносказательно, сравнивая письма отца с «криками тонущего человека», а себя и других детей уходящими от берега все дальше и дальше потому, что убедились, что нельзя помочь... Да, отец и не слишком досаждал им своими криками. «Десяток писем за двадцать лет»... (с. 285).

И все же в душе нашего героя жила светлая память об отце, которая, как и память о первой учительнице и любимом дяде Ризе формировала его личность и побуждала к социальным достижениям.



Люди, старея, все чаще вспоминают своих родителей и других взрослых, благодаря которым состоялись... Уравниваясь с ними по возрасту, они начинают их лучше понимать, а главное — жалеть. Жалость — продуктивное чувство, его можно рассматривать и как компонент еще более сложного чувства — преданности, о котором автор много рассуждает в конце повести. И если фамильный стыд в свое время побудил нашего героя лучше учиться, то многоплановое чувство преданности, скорее всего, побудило его (уже состоявшегося литератора) написать автобиографическую повесть, но не столько о самом себе, сколько о тех людях, которые повлияли на его судьбу.

Сохранить память о предках, вообще о достойных людях — это задача и национально-историческая, и литературно-художественная, и социально-педагогическая. «Живая педагогика Ф. А. Искандера» — наш скромный довесок к вкладу, сделанному глубокоуважаемым Фазилем Абдуловичем в решении названных задач.

## ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ РОМАНА Ю. Н. ТЫНЯНОВА «ПУШКИН»

*Домашнее воспитание в России  
самое недостаточное, безнравственное.*

*А. С. Пушкин*

Научная задача состояла в том, чтобы соотнести педагогические события, отраженные в романе «Пушкин» выдающегося советского писателя и литературоведа Ю. Н. Тынянова (*Тынянов Ю. Н.* Пушкин. М.: Книга, 1984), с мотивационной концепцией воспитания П. В. Симонова и вытекающими из нее правилами. И на основании этого определить, кто и как занимался воспитанием Александра Сергеевича, и как это сказалось на его развитии, характере, поведении, творчестве, судьбе. Педагогическим обращением к Пушкину (*нашему общему родственнику*) мы стремились внести своеобразный вклад в решение актуальной на сегодняшний день задачи — нравственного возрождения России.

### «ДЕТСТВО»

*Родители.* Ю. Тынянов начинает роман словами: «Майор был скуп» (с. 14). Эти слова относились к Сергею Львовичу Пушкину — отцу будущего поэта



(к тому времени 29-летнему отставному гвардейскому офицеру). В словах писателя просматриваются и личностные особенности гвардейца, и его образ жизни... Служебной карьеры (*ведь не генерал!*) он не сделал, так как в *суворовских войнах* не участвовал и за храбрость не награждался. А значит, просидел в казармах, а свободное время, как водится у таких *службистов*, проводил за карточным столом в Английском клубе, в гостях и светских салонах, с «вольными» девушками, в винных погребах и других злачных местах... Пока не женился, сам того не желая...

«В Надежду Осиповну (будущую жену и мать своих детей. — Г.З.) он влюбился без памяти, приволокнунул за ней по всем правилам хорошего тона, хотя не рассчитывал жениться. Однако очень скоро просил руки, все еще не думая, что женится, и неожиданно получил согласие красавицы» (с.16). Любовная страсть (как и следовало, ожидать) вскоре прошла, и его *потянуло на сторону* к прежним вольностям...

Вернемся к начальным словам Ю. Тынянова.

«Скуп» — значит, и ленив, и не мотивирован на хозяйство. И действительно, Сергей Львович, имея вполне доходное имение в с. Болдино (тысячу крепостных душ, мельницу и питейный дом), практически там не бывал, пустив дело на самотек. Он *бездейтельно* проживал с семьей в Москве в съемных квартирах на незначительные и непостоянные доходы от поместья.

Находиться дома Сергей Львович не любил и старался *улизнуть*... Отправлялся он или на Охотный ряд, как бы, «за рыбой», или в Английский клуб, или с визитом к Бутурлиным и Сушковым, или еще куда-нибудь, а вечер мог провести с *презренными* девицами в «святилище Панкратьевны» (гулял он, правда, с оглядкой, боялся, что узнает жена). И она

узнавала, и тогда Сергею Львовичу доставалось — рука у Надежды Осиповны была тяжелой...

С психолого-педагогической точки зрения Сергей Львович был человеком не вполне зрелым в социальном плане — без взгляда в будущее. Каким он мог стать отцом и что дать своим детям? В лучшем случае — *самую жизнь* в ее биологическом проявлении, что собственно он и сделал, зачав в страсти (без помыслов о потомстве) сначала дочь (Ольгу), а после сына, которого нарекли Александром...

Характеризуя Сергея Львовича как отца, Ю. Тынянов пишет: «В детскую комнату Сергей Львович не заглядывал, считая это для себя смешным и неудобным, ненужным... Он был брезглив; когда находил в комнате оброненную детскую вещь, двумя пальцами относил в дальний угол...». Однажды старший сын попросил его денег «для каких-то ребячьих мизерных вздоров» (*Александр просил денег на мяч*). Сергею Львовичу эта просьба не понравилась, он не хотел давать, но неожиданно для себя дал, а потом огорчился, что дал... (с. 60). *Скупость* по отношению к собственным детям стала чертой характера Сергея Львовича — отца.

Социальная незрелость, а в какой-то степени социальная ущербность Сергея Львовича объясняется просто — в свое время он сам не получил полноценного воспитания в родительской семье, где правила властная мать, подчинившая себе всех, в том числе своего мужа. Принуждение и тотальный контроль матери не благоприятствовали социальному созреванию детей. Вот почему Сергей Львович в душе оставался *подростком*, к тому же *криводушным* (любил побездельничать, покрасоваться перед зеркалом, ускользнуть из дома, *пустить пыль* в глаза, позлорадствовать и позавидовать).

Мы сознательно уделили много внимания личности Сергея Львовича, так как считаем отца *главным* воспитателем детей в семье, от которого в значительной степени зависит их судьба. Резюмируя, скажем, что отцом Сергей Львович был негодным, детей зачал по нечаянности и их воспитанием практически не занимался (не считал нужным и даже брезговал), поручив это занятие сначала няне Арине, а затем гувернерам. К сыну Александру (*не русскому* лицом, замкнутому и не любезному) он и вовсе относился с неприязнью, и даже считал, что тот не вполне соответствовал его древней фамилии.

Не лучше отца была и мать — Надежда Осиповна, урожденная Аннибал, внучка арапа Абрама Петровича Аннибала — слуги и *дружка* царя Петра. Выросшая без отца (Осип Абрамович Аннибал, сын арапа, оказался «злодей», бросил жену и малолетнюю дочь), не получившая должного воспитания, по словам *службистов* «прекрасная креолка» (но переоценивающая свою привлекательность), вышедшая замуж не по любви (а по решению матери), невротичная и психопатичная (постоянно грызущая ногти, со вспышками злобности к дворни, мужу и даже собственным детям), ленивая телом и душой, она могла то целыми днями «нечесаная» просиживать в своей спальне перед зеркалом, то требовать от мужа каждый вечер возить ее на бал, чтобы там ловить восхищенные взгляды кавалеров и слушать их восторги. К детям относилась с безразличием, а к сыну Александру с *неприязнью*, доходящей до *ненависти и телесных наказаний*, так как видела в нем отпечатки арапского наследия — так его презираемого.

*Дети.* У негодных родителей дети чаще всего бывают *не дружными*. Так было и в семье Пушкиных, и в этом, безусловно, были виноваты родители,

которые умудрились разделить детей на *любимых* и *не любимых*. Александр относился к не любимым: у него отбирали мяч, чтобы им играли младшие, и на него постоянно ябедничали старшая сестра и младшие братцы Николенька и Лёвушка (и Александр не всегда терпеливо сносил такие унижения, а нередко *драл* обидчиков). К сожалению, не нашлось в окружении Александра ни одного достойного ровесника и среди чужих дворянских детей, с которыми можно было пообщаться и пооткровенничать, порезвиться и поиграть. Барчук Николенька Трубецкой, с которым Александр познакомился, оказался ленивым и телом, и умом, и дружба с ним не завязалась. Поэтому Александр украдкой играл в мяч и другие игры с дворовым ребятами, чему противились и родители, и гувернеры. Таким образом, родители без должного внимания отнеслись к потребностям своего сына и не создали ему нужных условий для игр и общения с другими детьми, а значит, не способствовали его психосоматическому развитию (и даже, наоборот, препятствовали этому).

**Родственники.** Большинство родственников из ближайшего окружения семьи Пушкиных были из той же *пушкинской* породы, поэтому их педагогическое воздействие на детей, в том числе на Александра, было таким же неполноценным, как и со стороны отца и матери. Старший брат отца Василий Львович также вел праздный образ жизни, к тому же возомнил себя *поэтом* (имел знакомства с известными тогда авторами И. И. Дмитриевым, Н. М. Карамзиным, К. Н. Батюшковым, М. М. Херасковым), чем тщеславился. На племянника Александра он обратил внимание только тогда, когда брат попросил отвезти сына в Петербург в иезуитский колледж. Другие родственники Сергея Львовича — «пустая» сестра Лизанька и «фальши-

вая» сестра Аннета в воспитатели вовсе не годились — их показная строгость и назидательность к братни-ным детям (этим особенно славилась незамужняя Анна Львовна) действовали на психику Александра угнетающе. Единственное положительное влияние на детей в семье оказывала бабушка Марья Алексе-евна (мать Надежды Осиповны), которая пережила все трудности брошенной жены с малолетним ребен-ком, скромно ютилась на «антресолях» (так она сама называла верхний полуэтаж дома) и которая к концу жизни научилась трезво оценивать людей. *Положи-тельность* ее состояла в том, что она, по существу на правах экономки, занималась домашним хозяйством зятя, не пыталась ни по какому поводу высказывать-ся, хотя на все имела свое достаточно правильное мне-ние. И видя бездушное отношение зятя и дочери к де-тям, она жалела и внучку Олю, и внука Сашку (других внуков еще не было), но большой и открытой нежно-сти к ним не проявляла — критичность ума подавля-ла в ней родственные чувства.

Родственники по линии матери — именуемые в романе «Аннибалы» и вовсе остались в стороне от жизни своих наследников. Основатель *рода-племени* Абрам Петрович и трое его сыновей (в романе описы-ваются двое из них: прямой предок Александра — дед Осип Абрамыч и двоюродный дед Петр Абрамыч) не заслуживают того, чтобы о них много распространять-ся. Достигнув определенных чинов в армии и выйдя в отставку, оба братца (*солдафоны!*) оказались совер-шенно непригодными ни к поместной деятельности (и только разоряли полученное по наследству хозяй-ство), ни к семейной жизни (первый бросил жену и ребенка, а второй развелся с женой). Каждый из них поселился в своем поместье (Осип Абрамыч в Михай-ловском, а Петр Абрамыч рядом в Петровском) и там

вел безобразную (а по существу, *звериную*) жизнь, мало задумываясь о будущем своих детей и внуков.

**Няня.** Александру повезло с няней Ариной (из дворовых слуг), под присмотром которой он находился с раннего детства и даже спал в одной с ней комнате. Как женщина из народа, она использовала в воспитании Александра (причем, совершенно не задумываясь, что занимается воспитанием) *народные* методы. Так, когда «батюшка Александр Сергеевич» был совсем маленьким и только учился разговаривать, она на прогулках *пела ему песни о том, что сама видела вокруг* — это развивало в ребенке кругозор и наблюдательность. Позже она рассказывала «барчуку» нелепые (но только на первый взгляд) сказки, которые сама сочиняла, порождая у него ассоциации и фантазии, развивая его *сказочное* воображение. А еще она вовлекала господчика в народные поверья и обычаи, побуждая тем самым к *образному* мышлению. Но, пожалуй, самым важным средством ее воспитания были *добросердечие и заботливость* — к няни барчук бежал, к ней прижимался, спасаясь от гнева родителей и других взрослых. Нет сомнения, что, развивая в Александре наблюдательность и фантазию, оберегая его душевный покой, няня внесла бесценный вклад в становление русского гения. И совершенно не случайно Александр Сергеевич с любовью вспоминал свою няню Арину и посвящал ей стихи (тем самым воздвигнув ей своеобразный *литературный памятник*, чего, по понятным причинам, он не сделал в отношении своих криводушных родителей и других родственников).

**Чтение.** Сергей Львович собрал по тем временам хорошую библиотеку (здесь *отдадим ему должное!*), правда, главным образом — для себя (детей он туда не допускал). Александра рано научили читать

и по-французски, и по-русски. И однажды, вопреки запрету, он пробрался в кабинет отца и *заразился чтением*.

...Рано утром, когда все еще спали, ...«босой, в одной сорочке, он бросался на кожаный стул (в кабинете отца. — Г.З.) и, подогнув под себя ногу и не чувствуя холода, читал» (с. 89). «Больше других поэтов ему нравился Пирон со своим веселыми сказками, в которых главным героем был дьявол, ловко дурачивший монахинь и святых» (с. 90). Еще ему нравились путешествия. И чем дальше он отправлялся от дома, тем было лучше (он *не любил дом!*). Все книги были французскими. Но однажды его внимание привлек «заветный шкаф» (отец забыл его закрыть), в котором тот, как оказалось, хранил *русскую поэзию*. Письма, тетради, книги и сафьяновый том оказались рукописными, а письма — стихотворениями... Среди текстов он заметил руку отца... Он стал листать тетради... прочел несколько страниц и, изумленный, остановился... Он прочел краткие стихи, посвященные императору Павлу... потом о «свойствах» министров... В них упоминались имена людей... «Простодушные» стихов, их «просторечие» показались ему удивительно забавными... «Ему нравились намеки...» (с. 91). В неделю тайный шкаф был прочитан. Всего страшнее и заманчивее был Барков...

«По французским книжкам он постиг удивительный механизм любви. Тайны оказались ближе, чем он мог догадаться. Любовь была непрерывной сладостной войной с хитростями и обманами... Но у Баркова любовь была бешеной, кабацкой дракой с подножками...». Над тетушкой Анной Львовной, которая «приказывала ему выйти всякий раз, когда Сергей Львович намекал за столом на чьи-то московские шалости, он смеялся, скаля белые зубы» (с. 92).

Безусловно, открывшийся у Александра интерес к взрослой литературе (прежде всего, эротической), а также интерес к поэзии, особенно *русской* с ее намеками, тайнами, вольнодумством и пророчествами указывает на то, что *наш герой* (к 10-ти годам) был уже не ребенком, а *рефлексирующим* подростком и порой даже юношей, размышляющим о *механизмах любви* и других сторонах взаимоотношений людей. В кого мог вырасти такой ребенок в будущем? В поэта! Философа! Поэтом и *великим* он стал (за что ему, соответственно, *великое спасибо!*). Но стать больше, чем поэтом (стать философом) не успел...

**Гувернеры.** В семье Пушкиных (как тогда было принято у *их благородиев*) родители между собой и с детьми говорили в основном по-французски (мода на заграничное уже тогда процветала в России), и лишь со слугами они говорили по-русски. Няня Арина, понятно, *французского* не знала. Поэтому для детей нанимали гувернеров, главным образом, для того, чтобы они лучше изъяснялись по-французски (мода на *французское* оставалась, несмотря на то, что в Европе уже *злодействовал* Наполеон). Ю. Тынянов рассказывает о некоторых из них, которые не прижились. Так сначала отказали «благородной даме» (из русских) за лживость, ворчливость и «тайное поедание сладостей». Затем Надежда Осиповна удалила «французскую мадам», когда Сергей Львович стал заглядывать на ее «сильные плечи». И хорошо, что гувернантки не прижились, так как от «дам» и «мадам» с *командным голосом* (а возможно, и с *усами*) мальчику был бы только один *вред*. Да, и не женское это дело — воспитывать чужого сына, к тому же будущего гения, который собирался писать стихи на родном языке (хотя и не сразу — первые опыты стихосложения он все же делал *на французском*). А значит,



Александр больше нуждался в овладении русским языком, чего, конечно, не могли вообразить его *офранцузенные* родители.

Некоторое время Александра воспитывал граф Монфор (французский эмигрант), который раньше посещал семью Пушкиных в качестве гостя. Несмотря на то, что к тому времени Монфор постепенно превращался в стареющего, спивающегося, деградирующего человека, Александр подружился со своим воспитателем. Монфор интуитивно чувствовал, что не может быть типичным гувернером (учить языкам, истории, манерам и пр.). Ему было просто лень этим заниматься, хотя изредка он это делал: «учил чему положено» и учил, конечно, *нудно* (как все гувернеры), поэтому таких занятий ученик не любил и предпочитал им чтение, где чувствовал себя *свободным*. Видя неприятие учеником обязательных занятий, Монфор стал просто *держатъ ученика при себе и вовлекать его в свою взрослую жизнь*, что оказалось даже очень *педагогично*, так как Александр был настроен только на одно — *наблюдать взрослую жизнь (притворную и причудливую)*. Это соответствовало его потребностям, а значит, благоприятствовало душевному развитию. Учитель и ученик много ходили по Москве, и прогулки были для Александра праздником. Теперь он хорошо знал Москву и с интересом наблюдал сцены *пестрой городской жизни*; во время прогулок граф также много рассказывал о французском дворе, о славных поединках и дуэлях (*не детские истории о доблестях и пороках взрослых!*). Так непринужденные беседы с взрослым и многоопытным человеком о взаимоотношениях людей формировали у смышленного мальчика понимание жизни, в которой лицемерия и пошлости оказывалось много больше, чем честности и благородства. Но главным достоинством

*педагогике* Монфора было не содержание его бесед, а то, что он предоставлял своему воспитаннику *полную свободу* в мышлении, чувствовании и поведении. А еще граф много рисовал (правда, в основном, «головки и ножки известных ему парижанок») и, судя по всему, Александр перенял у него интерес к этому занятию. К сожалению, графа Монфора уволили. В день прощания француз нарисовал Александру на память борзую, а внизу написал по-французски: «Главное в жизни честь, и только затем счастье» (с. 102). Этот девиз, безусловно, имел для Александра назидательное (а значит, в известной мере и педагогическое) значение, так как он находился под сильным влиянием своего воспитателя-француза.

Причина увольнения графа была несуразной: Надежда Осиповна, находясь в невротическом состоянии, разгневалась на графа за то, что он осмелился играть в карты со слугой (*не по рангу!*). В результате вместо породистого, культурного, эрудированного, а главное, мягкосердечного графа Монфора, который благотворно влиял на психику и общее развитие Александра, в гувернеры был принят *безродный* французик Руссло — себялюбивый, самоуверенный и в то же время притворный и угодливый. Даже Арина (в отличие от родителей) сумела сразу разглядеть в новом мусье негодные черты и возненавидела его, обозвав «жеребцом»... Мусье Руссло, как типичный гувернер, стал контролировать Александра и скоро выследил его походы в отцовский кабинет и запретил пользоваться книгами. А еще он не захотел с воспитанником гулять и разговаривать на взрослые темы. Так новый гувернер лишил мальчика *свободы, чтения и наблюдения*, что раньше благоприятствовало его душевному развитию и взрослению. Он препятствовал Александру даже бегать, резвиться и играть, осо-

бенно с дворовыми мальчишками. Теперь Александру приходилось подолгу просиживать в доме, который он не любил, заниматься *рутинными* уроками, вызывающими раздражение, а еще слушать команды самоуверенного гувернера и подвергаться с его стороны поучениям и даже наказаниям, чего никогда не делал граф Монфор. Понятно, что в душе Александра зрела неприязнь (даже ненависть) к гувернеру и, как следствие, желание еще больше *уйти в себя*. Росло недовольство и гувернера, который не видел в своем ученике ожидаемой покорности и угодливости. И однажды их взаимное неприятие вылилось в конфликт (Руссло выяснил, что Александр что-то пишет и прячет; это оказались стихи — гувернер их похитил и за обеденным столом театрально *с издевкой* прочитал родителям, что вызвало у них веселье, а у Александра буйную ярость, а позже — даже желание *убить* обидчика). К сожалению, ненавистный мусье Руссло задержался в гувернерах надолго (до самого отъезда Александра на учебу в Петербург), так как устраивал родителей (особенным расположением он пользовался у Надежды Осиповны, которой нравилось его «обожание»). Таким образом, можно считать, что как сама отвратительная личность гувернера Руссло, так и применяемый им педагогический метод (*командовать и ограничивать свободу ученика*) дурно сказывались на психике Александра и препятствовали формированию у него *уравновешенного (терпеливого)* характера.

**Безразличность.** Полная отстраненность от воспитания собственных детей, деление их на *любимых* и *нелюбимых*, неприязнь к последним, доходящая до ненависти и телесных наказаний, со стороны грубой и часто деспотичной матери и криводушного ленивого отца; а также командный стиль общения,

ограничения в свободе и принуждение к рутинным занятиям со стороны гувернера Руссло — все это признаки «безнравственного воспитания». Так в последствии охарактеризовал «домашнее воспитание в России» сам Александр Сергеевич Пушкин (надо полагать, исходя из собственного опыта). Вполне понятно, что доминирующее в семье Пушкиных «безнравственное воспитание» подавляло лучшие стремления Александра, однако не вызывало страха (как этого можно было ожидать), а напротив, побуждало к сопротивлению и формировало в нем *бунтарский* характер. Совершенно понятно, что преодолеть этот *психический комплекс* с помощью *народной педагогики* няни Арины (имевшей место только в раннем детстве) и временной (в течение короткого времени) *педагогике* графа Монфора было невозможно. К счастью, кроме *внешнего* (в основном ущербного) педагогического воздействия, исходящего от людей, внутри самого Александра пробуждалась *новая сила* — способность к творчеству (*креативность*), реализация которой требовала *актуализации и удовлетворения* его естественных внутренних потребностей (в саморазвитии, самопознании и самоопределении), что (*слава богу!*) и произошло.

**Страсть.** Важное значение в развитии и взрослении Александра сыграли эротические переживания. Впервые он их испытал, будучи совсем маленьким. В Юсуповском саду, где он часто гулял вместе с няней и другими детьми, он тайно от всех рассматривал каменную статую обнаженной Дианы и ему на ум приходили «сомнительные, безотчетные, как во сне, слова...» (с. 47). Как видим, смышленного (не по возрасту) мальчика очень интересовали тайны взрослых, связанные с женским телом... Но в дворянских семьях того времени эротическая сторона жизни, чаще всего,

скрывалась от детей. Поэтому Александру оставалось только фантазировать, что у женщины под платьем, как *Это* происходит и о прочих тайнах взрослой жизни... Отсюда нетрудно представить, какие необузданные фантазии возникали в головке у «барчука», когда он в саду бесстыдно рассматривал статую обнаженной женщины, а позже, как уже нами отмечалось, пробравшись тайно в библиотеку отца, изучал картинки в книгах о любви?!

Однако наиболее сильное эротическое впечатление на Александра оказало реальное событие, произошедшее с ним в селе Захарово, куда его с другими детьми и гувернером Монфором привезли на лето родители. Это событие *разворошило* душу Александра и запечатлелось в его образной памяти на всю жизнь. Однажды отстав от гувернера, он «увидел, чудесное явление: в реке купалась полногрудая нимфа, распустив волосы. Она то подымалась, то опускалась в воде. Сердце его забилось. Потом нимфу окликнули издалека «Наталья!» (с. 87). Через два дня он встретил эту барышню в рощице, в белом платье, с цветами в руках, он обомлел и «почувствовал, что жить без нее не может и умрет». Александр стал ходить в рощицу... Он решил, что она там гуляет по вечерам и, обманув бдительность Монфора, пошел по знакомой дорожке. «Она сидела на скамейке и вздыхала, смотря на луну. Тонкая косынка вздымалась и опускалась на ее груди. Это была та прозрачная косынка и те бледные персы, о которых он читал в чьих-то стихах. Увидев Александра, она удивилась и засмеялась; она точно ждала кого-то другого. Щеки ее пылали, платье было легкое. Она заговорила с Александром. Он хотел отвечать, но голос у него пропал, и он в смятении убежал» (с. 88). Можно не сомневаться, что в последующие дни Александр продолжал ходить

в рощу, чтобы *полюбоваться прекрасной нимфой*, но новой встречи не произошло (иначе бы Тянянов об этом написал) ...Утром в день отъезда в Москву Александр пропал. «Его нашли в роще; он сидел на земле, прижавшись к скамейке» (с. 89). Заметим, что *нашему герою* было меньше десяти лет, когда он любовно (даже *страстно*) прикоснулся (правда, только глазами) к наготе *живого* женского тела (а не каменной статуи Дианы, как в Юсуповском саду). Наверное, он желал бы прикоснуться к незнакомой девушке всеми органами чувств. Это эротическое побуждение (заметим, эротическое, а не романтическое), безусловно, *более свойственно юноше*, а не ребенку. На сколько же Александр опережал в своем психо-сексуальном развитии?!

**Наблюдение.** Александр любил наблюдать за взрослыми. Наблюдательность — свидетельство его *не детского ума*, ведь обычный ребенок настроен на другое — игры и фантазии.

Особенно Александр любил наблюдать за женщинами, которые приходили к ним в гости. «Ему нравилась *женская* речь, неправильная, с забавными вздохами, лепетом и бормотаньем. Гости лукавили, наперебой картавили, пересыпали быструю русскую речь французскими фразами, притворялись и посматривали друг за другом...» (с. 65). *Покрасоваться и удивить* — вот *женская натура!* Но Александр, судя по всему, еще и подслушивал, и подсматривал за женщинами (*что совсем не по возрасту!*) ...Притворные ужимки их были ему особенно «милы». Возможно, здесь закладывалась эмоционально-побудительная основа его будущих любовных похождения...

Александр любил наблюдать за своими родителями. И, наблюдая за ними, не обнаруживал в себе добрых сыновних чувств. «Сергей Львович молодец при

гостях лет на десять, потому что никто, кроме гостей, не мог достаточно оценить его. Он и жил и дышал на людях. Утром, прохаживаясь у зеркала в гостиной, он даже мельком репетировал первый момент появления гостя... Александр видел, как губы отца шевелились и улыбались, а взгляд становился любезным и умным. Заметив Александра, он морщился...». ... На людях отец становился уверенным и овладевал разговором, а мать безропотно его слушала... Это были другие люди, моложе и лучше, незнакомые (*чужие!*). В присутствии гостей он с удивлением слушал, как они называли их (*детей*) «с нежностью, которой он боялся» (с. 58).

**Стихосложение.** В романе Ю. Тынянов показал нам первые опыты *сочинения* Александром стихов. «Часто Александр бродил по комнатам, ничего не слыша и не замечая, кусая ногти (признак нервного раздражения. — Г.З.) и смотря на всех и на все <...> отсутствующим, посторонним взглядом. Какие-то звуки, чьи-то ложные, сомнительные стихи мучили его; не отдавая себе отчета, он записывал их, почти ничего не меняя. Это были французские стихи, правильные и бедные; рифмы приходили на ум ранее, чем самые строки. Он повторял их про себя, иногда забывая одно-два слова и заменяя их другими; вечерами засыпая, он со сладострастием вспоминал полузабытые рифмы. Это были стихи не совсем его и не совсем чужие» (с. 126). Таким образом, под влиянием чужих несовершенных стихов, в уме будущего поэта сначала рождались другие, более близкие ему рифмы, а затем уже целые поэтические строки, которые воспринимались им как *собственные* и поэтому возбуждали... Возможно, именно так и проявляется в ребенке (или подростке) поэтический дар.



Александр Сергеевич Пушкин родился в семье, в которой к детям не были готовы ни психологически, ни педагогически... Отец Сергей Львович был человеком не вполне социально зрелым и криводушным, вел праздный (правда, скромный) образ жизни на непостоянные доходы от поместья, которым практически не занимался, к государственной службе относился безответственно, с женой был бесчестен, а воспитанием своих детей практически не занимался (не считал нужным и даже брезговал). Мать Надежда Осиповна (невротичная и психопатичная женщина) вышла замуж по расчету, любви к мужу не испытывала и была занята больше собой (своею внешностью), нежели детьми, заботливость и нежность к которым только «изображала». А к сыну Александру относилась с неприязнью и часто беспричинно его наказывала, так как видела в нем отпечатки своего презираемого ею арапского происхождения. Александр хорошо это чувствовал и старался избегать матери. Понятно, что Александр Сергеевич Пушкин не испытывал к родителям благодарных сыновних чувств: не случайно в своем творчестве он не посвятил им ни строчки.

В двенадцать лет (по современным меркам — это конец детства) Александр по духу был уже почти юношей. Оставаясь замкнутым и не любезным с окружающими (даже с любимой няней и почитаемым гувернером графом Монфором), он накопил в душе больше негативных, нежели позитивных представлений о жизни (а посему мало дорожил и собственной жизнью). Реагирующий на неприязнь к себе, принуждение и угнетение, доминирующие в семье, бунтарством (пока еще сдерживаемым и редко выходящим наружу), он вдруг открыл в себе потребность и способность к со-



чинению стихов и благодаря новому увлечению почувствовал себя достаточно независимым и сильным, чтобы защититься от непристойностей жизни и начать выражать свое исключительное отношение к миру.

Преобладание в характере Александре бунтарских черт не могло не сказаться на пробуждающейся у него необыкновенной поэтической одаренности (прежде всего, на вольном содержании стихов), а значит, не могло не сказаться в будущем и на отношении разного рода представителей общества к его превосходству в литературном творчестве и к нему самому — независимому, бесстрашному, резкому, а порой насмешливому и дерзкому...

Способность к стихотворчеству не возникла у Александра сама собой. Ее пробуждению благоприятствовало многое: ассоциации и воображение, воспитанные няней; тайное чтение эротической и поэтической литературы в кабинете отца (пробуждающее чувства и фантазию, а главное — благоприятствующее самопознанию и самоопределению); не детские наблюдения (произвольные и под влиянием графа Монфора) за жизнью взрослых людей (в особенности за женщинами с их жеманством и болтливостью) и возникающие на этой почве желания; сильные (не по возрасту) эротические переживания (основной побудитель юношеского сочинительства) — не детская любовь (до умопомешательства) к реальной девушке Наташе; первый опыт стихосложения (сначала в форме замены чужих рифм, которые им присваивались и побуждали к новым опытам; а затем и сочинение собственных стихов, благодаря которым высвобождающаяся психическая энергия делала генетически обусловленный процесс творчества уже необратимым). Наконец, важно заметить, что стихосложение тогда входило в российскую моду. Мужчины, чтобы выделиться и даже прославиться (раньше это было возможно только на войне), стре-

мились стать поэтами. Они писали оды, эпиграммы, экспромты и пр. В семье Пушкиных пиитом считался дядя Василий Львович. Он был знаком со многими тогдашними стихотворцами и вхож в светские салоны, где читались стихи и обсуждались поэтические новости. И Александр постепенно заразился поэзией.

Одновременно со способностью к стихотворчеству в Александре открылся (не по возрасту рано) интерес к тайнам женщин и необузданное стремление к разгадке этих тайн, что предвещало перерасти в доминирующее состояние его души (женолюбие) со всеми вытекающими последствиями как позитивными (вдохновением и торжеством), так и негативными (ревностью, страданиями, печалью и опасными для жизни поступками).

Таким образом, Александр рос в морально-психологическом противоборстве с большинством окружающих его людей (родителями, родственниками, гувернерами), которые своей неприязнью, скупостью, принуждением и наказаниями препятствовали его полноценному воспитанию и развитию. Так в нем формировался затаенный бунтарь (самолюбивый, вспыльчивый, бесстрашный, насмешливый), к тому же чрезвычайно чувственный (страстный). Сформированные в детстве черты характера, как покажет будущее, не изгладятся в последующие периоды жизни и отрицательно скажутся на его судьбе, литературном, историческом и нравственном предназначении.

Возвращаясь к словам самого А. С. Пушкина (см. эпиграф к тексту), отметим, что домашнее воспитание барчука Александра Пушкина являлось по тем временам достаточно типичным. И это заставляет нас смягчить критическое отношение к его родителям, родственникам и даже гувернеру Руссло, ведь все они были людьми (воспитанниками) своего (по сути церберского) времени и, соответственно, невольны-

ми проводниками тогдашней (по существу средневековой) педагогики. А значит, все они достойны больше сожаления, нежели осуждения. Однако чтобы не скатиться в фатальность, скажем, что в воспитании дворянских детей встречались и хорошие примеры, правда, тоже не идеальные, достаточно вспомнить Николеньку Иртеньева — героя трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность».

## «ЛИЦЕЙ»

Событием неординарным стало создание в России лицея (1811 г.) — единственного в своем роде *статского* (а не военного и не религиозного) учебного заведения, в котором преподавание осуществлялось, главным образом профессорами, причем на русском языке и по исключительной программе. Заметим, что произошло это в те времена, когда российские дворяне (несмотря на то, что в Европе, уже *злодействовал* Наполеон) в семьях разговаривали преимущественно на французском языке, а детей учили иноземные гувернеры, главным образом французского происхождения (примером могла служить семья Сергея Львовича Пушкина).

Достигнув определенного возраста, дворянские отпрыски могли быть отданы либо в кадетский корпус или гимназию, где из них готовили *верноподданных* (военных или чиновников), либо в иезуитский (католический, а значит, по сути антирусский) колледж, после которого они могли продолжить учебу за границей, чаще в Геттингенском и Гейдельберском университетах. Александра Пушкина нелюбящие родители хотели отдать в иезуитский колледж (*подальше от глаз!*). Но *судьбе* было угодно, чтобы он стал лицеистом...

**М. М. Сперанский.** Всякое прогрессивное дело, как известно, имеет своего идейного создателя, достойного войти в историю.

«Лицей» — так Ю. Тынянов назвал вторую часть романа о Пушкине. И начинается он ее с описания рабочего дня первого сановника государства — Михаила Михайловича Сперанского, который стал инициатором создания нового учебного заведения — Царско-сельского лицея.

Рабочий день сановник провел в рабочем кабинете своего небольшого двухэтажного дома за составлением письма к государю (Александру I). Ю. Тынянов пишет: «Теперь ему было сорок лет, он был министр и государственный секретарь... все государство, за исключением дел военных, лежало на нем. Власть его была обширна, и границы ее стали теряться. У него было много врагов: его кляло дворянство, проклинали чиновники, боялись и ненавидели придворные» (с. 139).

Люди враждуют, потому что по-разному воспитаны и неодинаково образованы. М. М. Сперанский (1772–1839) родился в семье священника, закончил Александро-Невскую семинарию и за границей не учился. Однако, несмотря на религиозное воспитание и образование, Сперанский сформировался в человека светского, просвещенного, трудолюбивого, сдержанного и дальновидного, что позволило ему стать ближайшим советником царя (он был автором проекта государственного преобразования России и указов против невежества знати и об обложении дворянства налогами). Историки сходятся во мнении, что для своего времени Сперанский был прогрессивным государственным деятелем. Соответственно, правильно будет полагать, что его ненавидели невежественные и бездеятельные люди, главным образом, из дворянского сословия, к которым, понятное дело, он испы-

тывал взаимную неприязнь (и даже враждебность) за их сословные привилегии и льготное существование, в то время как ему (*поповскому сыну*) приходилось делать карьеру своим умом и неустанным трудом, причем в противоборстве с недоброжелателями. В этой связи возникает вопрос: почему же *даровитый* и *просвещенный* Сперанский своим самым «страшным врагом» считал Николая Михайловича Карамзина — известного писателя, видного общественного деятеля, будущего автора многотомного труда «Истории государства Российского»? И была ли эта враждебность взаимной? А может, враждебность исходила только со стороны Сперанского — высокопоставленного чиновника? Ведь ученые и писатели, к которым следует отнести Карамзина, редко бывают завистливыми и склочными — они слишком заняты *сочинительством*. Ответа на поставленный вопрос в романе мы не нашли. Поэтому позволим предположить, что Сперанский, был человеком *болезненно* честолюбивым (и даже *амбициозным*), а посему видел в Карамзине сильного соперника по статской службе. Доказательством служит хотя бы тот факт, что «Карамзин не был назначен министром просвещения только по его (Сперанского. — Г.З.) настоянию» (ведь такое назначение могло стать началом восхождения Карамзина по служебной лестнице). Так волей-неволей возникает мысль, что, отмечаемое Александром I «невиданное трудолюбие» Сперанского на посту государственного секретаря, было обусловлено не столько его радением за государство, сколько *карьеристскими* мотивами, а возможно, и — невротическими наклонностями. А размышляя дальше, приходит понимание, что назначение выдающегося писателя и ученого Н. М. Карамзина (*личность историческую!*) на должность министра просвещения было бы вполне обоснован-

ным и во всех отношениях полезным (и для государства, и для будущего лица, и для будущего лицеиста А. С. Пушкина, поскольку Карамзин был в дружбе с семейством Пушкиных). А так, в 1810 г. министром просвещения был назначен *вельможный* граф А. К. Разумовский («сын пастуха»), который «людей не любил никаких» (*а значит, не любил и учащихся!*), русских книг в своей библиотеке не держал (*а значит, русским духом брезговал*) и считал должность министра просвещения «скучной». Безродный и бездарный бездельник во власти — беда России!

...В тот день, закончив письмо государю и просмотрев корреспонденцию, Сперанский сел перед камином, «посматривая на пламя, щипцами мешая и уравнивая уголья и наблюдая постепенное превращение их в прах... Войну он ненавидел как беспорядок... (она — Г.З.) путала все планы и нарушала размеры. Он был человек статский; произойди война, и система его — уголь и прах. Война предстояла решительная, и он не сомневался в поражении и гибели всего...» (с. 141).

«Он взял с полки «Дон-Кихота» и, раскрыв наугад, стал читать. Как всегда, любимая книга его успокоила. Дружба толстого Панса с сухопарым дворянином была самой высокой поэзией, какую он знал (дружба слуги и хозяина, объединенных общим стремлением, видимо, вызывала у него благостные ассоциации...). Почитав с полчаса. Он отложил книгу и своим ровным круглым почерком написал на листке: «Об особенном лице. Все состояние».

Дело было новое и важности чрезвычайной; о воспитании великих князей, из которых один был, возможно, наследник престола. Оно было поручено ему как бы вскользь, среди других важных разговоров, в прошлое свиданье, самим императором и так, как умел делать император: словно это не было поруче-

ние, а только ни к чему не обязывающий вопрос с его стороны» (с. 141).

В этой связи заметим следующее. Разговор императора «как бы вскользь» (или *намеками*) свидетельствует либо о его полном знании темы (*в форме собственного замысла*) и желании проверить способность подчиненного к *озарению* (важной особенности творческого ума), либо, напротив, о его стремлении общей беседой (обо всем и ни о чем конкретно) замаскировать свое поверхностное мышление и душевную вялость, что, по нашему мнению, является *признаком неполноценного воспитания*. Последнее более вероятно, судя по биографическим данным и особенностям характера Александра I, описанными Ю. Тыняновым и другими авторами.

*Лицей.* В день, отмеченный выше, Сперанский ждал гостей, чтобы обсудить *идею* нового учебного заведения.

Но раньше пришел «старый товарищ» Д. Илличевский, чтобы выразить министру благодарность за новое назначение... Дело в том, что Сперанский «верный своему правилу — рассеивать по империи людей близких для получения сведений, из которых впоследствии могли возникнуть новые важные следствия», назначил губернатором в Томск Илличевского, с которым сидел на одной скамье в Александро-Невской семинарии. Он вызвал его из Полтавы, где тот читал в семинарии риторику... (с. 145). Такой вот неожиданный *скачок*: из семинаристского лектора да сразу — в губернаторы. А неумеренно высокое назначение во власти, как правило, порождает рвение служить преданно своему благодетелю и покровителю.

Мы не случайно коснулись покровительства как основы верноподданнических мотивов — для России это типично! В свое время сам Сперанский восполь-

зовался покровительством, чтобы *возвыситься* до первого министра. Его благодетелем и наставником с самого детства был протоиерей Андрей Афанасьевич Самборский (он был уже «старец» и «жил на покое», хотя оставался влиятельным человеком, во многом потому, что был духовником Александра, когда тот был наследником). Именно старика Самборского, а также его зятя Василия Федоровича Малиновского («верного человека») и ждал в тот день Сперанский в качестве гостей...

Простившись с Илличевским, министр «тихим голосом» стал рассказывать Самборскому и Малиновскому «то, о чем по частям думал и что вдруг надумал полностью» (с. 148).

Размышления были следующими.

«Если отдавать великих князей в университет, следует их подготовить ранее. Дабы отвлечь от маршировок и дворянских привычек и изъять из рук угодников-кавалеров заведующих их воспитанием, должно для них учредить особое училище, русское; он уже отчасти думал о названии училища и набрел, читая Плутарха, на приличное, кажется, название: лицей или ликей. Это училище князя будут посещать, как и другие ученики. Из этих-то учеников со временем образуются помощники по важным частям службы государственной» (с. 148).

Как видим, министр был озабочен, прежде всего, воспитанием и образованием подрастающих великих князей (младших братьев царя — Николая и Михаила), один из которых со временем должен был взойти на престол. Таким образом, в своих планах министр руководствовался, что уже отмечалось, *честолубивыми мотивами*, и его совершенно не беспокоило *крепостное состояние народа*, более нуждающегося в просвещении. Одновременно важно отметить, что



министр хорошо видел многие вредные *для света* привычки дворянства — их *замундированный* образ жизни, приверженность ко всему иноземному, угодничество и лихоимство, которые, как он правильно считал, являлись прямым следствием неполноценного воспитания и образования.

Честолюбивые мотивы и правильный анализ действительности и позволили министру сформулировать вполне прогрессивную по тем временам *педагогическую идею* — в лицее должны были воспитываться и образовываться на равной основе (как бы *вариться в одном котле*) и царственные особы, и их возможные будущие сподвижники — министры.

В разговоре с Малиновским (его Сперанский прочил в директора лицея) составилось «начертание *особенного лицея*» по типу «загородного портика, где Аристотель, гуляя, создавал своих учеников. Новая порода главных людей государства должна была возникнуть в полной разлуке с домашними. Молодые люди брались из разных состояний, их испытывали в нравах и первых познаниях. Они составляли одно общество, без всякого различия в столе и одежде... преподавание велось на русском языке; в их образе жизни и взаимном обращении наблюдалось совершенное равенство. Так появлялся общий дух... Товарищество без всякой подлости было священо... Изучив бельлерд (фр. *изящную литературу*), историю, географию, логику и красноречие, математику, физику и химию, системы отвлеченных понятий, право естественное и народное и науку нравов, постепенно переходя от одного к другому, они своими силами постигали все. Им никто ничего пространно не толковал, токмо вопросами возбуждались их способности. Великие же князья, заразясь примером сверстников,

делались со временем добродетельны, если не даровиты...» (с. 149).

Как видим, *педагогическая концепция* будущего лица, как элитного учебного заведения, даже по нынешним временам выглядит вполне гуманистической: набор лицеистов осуществлять «из разных состояний» (то есть без учета происхождения) по начальным познаниям и воспитанности; соблюдать их полное равенство в учебе, взаимоотношениях и материальном обеспечении; добиться приоритета «священного товарищества» (без подлостей и прочей *безнравственности*); обучать, возбуждая «вопросами» (а значит, проблемно и интересно), переходя от предмета к предмету, развивая способности и заражая учеников «общим духом», то есть добродетелью. Заметим также, что список (названий) основных предметов, планируемых для освоения лицеистами, был достаточно широким (даже в сравнении с современной общеобразовательной школой). А еще напомним, что преподавание должно было вестись только на родном (русском) языке (что *патриотично*), причем преимущественно университетскими профессорами (что должно было обеспечить *качественное образование*).

Важный *аспект* педагогической концепции определился, когда Малиновский спросил: «А будут ли там телесные наказания?». Дело в том, что телесные наказания (причем, нередко *впрямь как профилактическая мера*) были главным средством принуждения учеников *к порядку* и применялись во всех учебных заведениях «низших ступеней».

На вопрос Малиновского министр ответил отрицательно. По его мнению, наказание «уничтожительно, обидно и на всю жизнь запоминается...» По отношению к подростку (с точки зрения современной концепции воспитания) это действительно так — наказание

деформируют его личность. Казалось бы, есть повод восторгаться интуицией высокопоставленного чиновника. Однако другая часть его ответа («Нам счастье повезло: ради великих князей лозу отложим») свидетельствует о том, что свое мнению, он сформировал все же *в подобострастии к царственным особам*, а не по психолого-педагогическим мотивам.

Отрицательной стороной лицейского устройства следует считать *закрытый* тип обучения («в полной разлуке с домашними»), что, естественно, лишало лицейстов *чувственной жизни* (разговоров с близкими людьми, спанья в домашней постели, общения с представителями женского пола, в котором они, как подrostки, уже нуждались).

Россия — страна забюрократизированная. Поэтому замысел, рожденный в одной голове, проходя согласования *в инстанциях*, может претерпевать значительные изменения. Вмешательство высокопарных и некомпетентных чиновников нередко приводит к тому, что проект выхолащивается и становится ущербным, но одновременно — обязательным к исполнению, а по сему практически не выполнимым. С *бумажным* вариантом проекта лица (подчеркнем, *бумажным*) подобного не случилось, видно, потому что был «начерчен» государственным секретарем — *вторым лицом* после царя (но практическое исполнение проекта, как мы ниже убедимся, мало соответствовало его первичному замыслу).

...Александр I выслушал Сперанского — многое в проекте лица ему нравилось, хотя у него «не было еще никакого своего взгляда на все это (*что свидетельствует о вялости ума императора, о чем выше нами уже говорилось*)» (с. 151).

Император пообещал, что не станет показывать проект министру просвещения, на чем настаивал Спе-

ранский, считая, что лицей как «учреждение особенное и требует особого попечения и надзора» (Сперанский имел в виду «попечение и надзор» со стороны самого царя, минуя министерство образования).

Но когда Сперанский ушел, император отдал распоряжения секретарю передать пакет с «начертанием особенного лица» для министра Разумовского. «Сперанского должно было проверить» (с. 153). Как видим, данного обещания император не сдержал — значит, не уважал даже своего верного и трудолюбивого подданного. Кого же уважал император? Должно быть того, кого боялся... *Вялый умом и слабый духом...* (об этом позже в эпиграмме напишет А. С. Пушкин).

Разумовский, который ненавидел Сперанского, в свою очередь показал проект *французску* графу де Местру «поэту придворных сплетен», с которым любил беседовать... Сей иностранный господин, «посланник несуществующего сардинского короля» (*враг всего русского!*) в своих *французских* стихах называл *русских* людей по кличкам. Сперанского он называл «наш якобинец» и в его наружности видел «нечто древовидное».

«Через две недели проект особого лица был переработан. К проекту министр приложил начертание Сперанского, ему посланное, краткий свой доклад и обширную записку де Местра, писанную в форме, которой он владел, как никто из новых писателей, — форме дружеских писем» (с. 155).

В своем докладе Разумовский (то ли по лени, то ли из опасений) не стал подвергать сомнению «начертания Сперанского» (который все же был рангом выше его, а главное — приближенный государя), сделал только поправку о цели лица — «подготовлении юношей из среды знатнейших фамилий для занятий важнейших мест государственных» (с. 156). В проек-

те Сперанского, как помнится, говорилось о наборе в лицей отроков независимо от сословий.

В то же время, приложив обширную (*литературно-философскую*?! ) записку графа де Местра, в которой влиятельный француз подвергал сомнению саму идею проекта «лицея», Разумовский, хоть и *чужими мозгами*, но все же постарался навредить Сперанскому.

В своей записке де Местр (*откровенный русофоб*), задаваясь вопросом («Созданы ли русские для знания?») отвечал на него пространно... По-видимому, француз хорошо знал, что император Александр на словах и в манифестах, говоря «о просвещении и добродетели...» (в этом он подражал королям Европы), в душе был против всего русского (как и большинство *офранцузенных* российских дворян). А значит, его *философские* размышления могли быть российскому императору интересны (тщеславие побуждало француза!).

Приведем фрагменты записки де Местра.

«Для России, как страны воинственной, вообще науки не только бесполезны, но и вредны. Они лишают мужества. Лучшие воспитатели — священство, разумеется не русское, полуграмотное. Новые воспитательные учреждения должны быть устроены по образцу иезуитских новициатов; у юношества не должно быть никаких сношений с внешним миром... Закон строго молчания господствует везде. Ночью ученики спят каждый в отдельной комнате, дабы избежать какого-либо общения. Все двери в дортуар стеклянные... Самый дортуар освещен... Надежный человек ходит по дортуару всю ночь...» (с. 156).

*Философия* француз о том, что русские воинственны и к наукам не способны, и поэтому из них следует готовить главным образом вояк, причем в учреждениях тюремного типа, как видим, совершенно

уничжительна для просвещенного русского человека. В измышлениях француза просматривается ложная националистическая мысль (дожившая до наших дней) о превосходстве просвещенного западно-европейского человека над невежественным русским (*медведем!*). О действительно невежественном состоянии российского дворянства (а следовательно, и народа), конечно, нам следовало бы знать. Но судить об этом (*нам — русским!*) лучше, конечно, по произведениям Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Гончарова, Толстого, Чехова и других отечественных литературных классиков. Причем судит с существенной поправкой: невежественность русского человека (как, впрочем, и человека любой другой национальности) не является генетически predetermined (как это пытаются внушить нам зарубежные «наблюдатели»), а обусловлена, по словам А. С. Пушкина, безнравственностью воспитания и недостаточностью образования. И следовательно, создание в России лицеза — учебного заведений нового типа было актуальным (в этой связи надо заметить, что идея создания *новой школы* и, соответственно, *новой педагогики* остается для России актуальной и до сих пор).

Но вернемся к *опусу* иностранца, в котором говорилось также о необходимости расширения и усиления религиозного (причем, католического) воспитания молодой поросли российского дворянства. Военизация России с одновременной привязкой ее к Римской церкви — это путь *присобачивания* русского дворянства (а через него и всего населения) к Европе в качестве человеческой ресурсной базы. И если учесть приверженность русского дворянства ко всему европейскому, в том числе к католицизму, то идея смены религии не покажется уж такой не осуществимой. В конце концов, чем отличается нутро православного

человека от нутра католика? Наверное, ничем, если, конечно, в их душах не доминирует чувство человеконенавистничества...

Читая листок де Местра, император «отчеркнул карандашом особо понравившееся ему место о сне юношей, стеклянных дверях и ночных дежурствах... Разврата не следовало допускать ни в коем случае» (с. 156). В императорской мысли (*юноши склонны к разврату и пресечь его можно только с помощью тотального надзирательства и экзекуций*) ничего неожиданного нет — вся общественная жизнь в России была подконтрольна власти. Ниже, подвергая анализу педагогическую систему лицея, мы сможем заметить, что надзирательство и наказания, правда, более мягкие, чем, к примеру, в кадетском корпусе (читайте повесть Н. С. Лескова «Детские годы») стали основным средством воспитания лицеистов.

Вернемся к тексту Ю. Тынянова.

...Император прочитал несколько фраз из проекта генералу Аракчееву (начальнику артиллерии), который пришел на прием. Аракчеев *заступился* за математику, отметив, что без нее «нельзя фортификации учить» (с. 157). А когда император спросил генерала «быть ли там телесным наказаниям», тот ответил: «Великие князья <...> посмотрели бы, как других наказывают, и сами бы лучше стали». Затем они вместе занялись выбором мундира для лицея. Остановились на форме старого татарского Литовского полка, давно отмененной: однобортный кафтан темно-синего цвета с красным стоячим воротником и такими же обшлагами»... (с. 158).

...«Император вычеркнул из проекта Разумовского о знатнейших фамилиях, а в записке Сперанского фразу о всех сословиях и подписал все одним росчерком... Образование князей должно было ограничиться

лицеем, который сравнен был в правах с университетами. Товарищи избираются из отроков дворянского происхождения. Числом не менее двадцати и не более пятидесяти. Каждому воспитаннику отводилась отдельная комната, под особым номером» (с. 158).

Директором был назначен статский советник Малиновский. Здание для лицея (в Царском Селе) приказано было спешно ремонтировать.

После посещения императором в Павловском императрицы-матери и разговора с намеками (стиль общения, *свидетельствующий о его слабой воли!*) о новом учебном заведении (император даже назвал другое имя возможного директора — кавалера Глинки — воспитателя братьев), стало ясно, что «лицей, который был основан для пребывания и обучения великих князей, должен был открыться, хотя великие князья оставались по-прежнему при императрице». Императрица-мать не захотела отпускать их от себя... И хорошо: обучаясь вместе с великими князьями, не сформировалось бы *лицейское братство*.

«В январе 1811 года было обнародовано постановление об учреждении лицея» (с. 163).

Заключая, заметим следующее.

Странно, что царь, прежде чем подписывать проект лицея, не согласовал его с императрицей-матерью, влияние которой было на него велико... Странно, что император после общения с матерью-императрицей, когда узнал о ее отрицательной реакции, не отменил своего решения об открытии лицея, ведь рушилась главная идея — воспитания великих князей в окружении будущих сподвижников. Инертность императора подтверждает вялость его ума и слабость воли.

Итак, нужная и правильная (по существу — государственная) идея по созданию особенного учебного заведения (лицея) для воспитания новой для России



породы людей совместно с царственными особами была пущена императором на самотек. Лицей стал подконтролен *бездарному и бездеятельному* министру просвещения Разумовскому (а не непосредственно царю) и уподобился обычному учебному заведению — вроде, *элитарной гимназии закрытого типа*.

**В. Ф. Малиновский, А. И. Галич.** Первым директором лицея стал Василий Федорович Малиновский (его император назначил по рекомендации Сперанского).

Личность Малиновского и его старания на посту директора лицея достойны уважения. Ему тогда было 46 лет, он был хорошо образован и еще бодр...

Вот, что пишет Ю. Тынянов о Малиновском: он «... три года провел в Англии, при миссии. Лондонская жизнь произвела на него глубокое действие. Он сделался на всю жизнь похожим на англичанина; говорил ровно, как они... Был потом по дипломатическим делам в Турции; знал турецкий язык; переводил с еврейского языка Библию. Но готовил себя к деятельности политической. Живя в Англии, он пришел к твердому убеждению, что русское правление есть <...> владыко-вельможное, народ в низком состоянии, подавлен суеверием, невежеством, рабством и пьянством. Рабство развращало и рабов и господ, депутаты должны быть собраны, чтобы создать новые законы, навсегда отменить рабство, и общий дух, которого не достает России, возникнет. Только теперь мечты его молодости близились к осуществлению, — если ненасытный Бонапарт не помешает. Была и еще помеха; старые чиновники были развращены, секретари брали взятки, начальствующие ленивы и роскошны. Нужно было не только нечувствительно переменить чиновников, но и создать новых людей. Откуда же всему взяться у юношей? Отобрать одних достойных не придется — все та

же великая беда России: случайность и покровительство. Буде нет случая и покровительства — праведник не попадет, а буде есть — и злодей устроится, вот в чем трудность» (с. 148–149).

В *удручающих* размышлениях Малиновского просматриваются и патриотические, и политические, и педагогические оценки русской жизни, невежественной и пошлой. Но совершенны ли были его взгляды о путях переустройства России? Отмена рабства (имелось в виду, крепостное право) и создание новых законов «собранным» для этого государственным органом — могло ли это (само собой) образовать в людях «общий дух» (или добродетель)? Весь последующий исторический опыт, включая теперешнюю (*монетизированную*) демократию, показывает, что не могло (и даже напротив). Отмена рабства *высвобождает* в рабах низменные побуждения, ранее задушенные страхом, и вызывает рост преступности и ложной революционности. А принимаемые «депутатами» законы (даже правильные) в криминализованном государстве, попросту не исполняются...

По нашему твердому убеждению, «добродетель» (в сегодняшнем смысле — нравственность) может быть воспитана только практической педагогикой, основанной на научной психологии. Только научно обоснованная *психопедагогика* способна сформировать в людях социальную зрелость, проявляющуюся, в том числе в готовности быть *свободными* (свободными, прежде всего, в творчестве как ведущем двигателе прогресса) и одновременно быть *законопослушными* (что принципиально важно для укрепления государственности). К сожалению, такого понимания не было у власти ни тогда (в описываемых Тыняновым временах), ни сегодня. Поэтому не будем строги к Малиновскому.

Размышления Малиновского, а главное — его психологическая готовность к решению необычной и сложной социальной задачи — воспитанию в лицее «новых людей» государственного уровня — заслуживает полного одобрения и уважения. Ведь лицей мог стать началом (первым опытом) переустройства всей системы просвещения (образования) в России на гуманистической идее (конечно, требующей еще основательной научной обеспеченности). И возможно, не назначенный министром просвещения Н. М. Карамзин был бы способен этим заняться...

К сожалению, лицей как прообраз нравственно-гражданского воспитания и образования в России не состоялся. Несмотря на это историко-педагогический интерес к нему, как своеобразному учебному заведению, не проходит до сих пор, но только по одной простой причине — в нем учился *русский гений*. Лицей — это, прежде всего, *социально-психологический памятник Александру Сергеевичу Пушкину и его друзьям-лицеистам*.

Прочитируем Ю. Тынянова дальше... «Начав с самой хлопотливой деятельности, всюду появляясь и во все входя, Малиновский очень быстро погас. Помня <...> свои беседы со Сперанским, он пытался хоть в самом бледном виде поддерживать первоначальное начертание лицея» (с. 239). Но, как это часто бывает в России он «натолкнулся <...> на ненависть высшего начальства. Министр (Разумовский. — Г.З.) стал вникать во все относящееся до лицея (тотальный надзор; отмена педагогических инициатив Малиновского; запреты на сочинительство, постановку пьес и другие творчества воспитанников стали главными в деятельности Разумовского. — Г.З.), и постепенно почти все профессора стали обходить опального директора, стараясь лично рапортовать министру (прежде всего, это

были Кошанский, Гауеншильд, Пилецкий, которые метили на место директора, но при этом не пользовавшиеся уважением лицеистов. — Г.З.). Падение Сперанского (император по ложному доносу отстранил его от должности. — Г.З.) сильно повлияло на психику директора. Малиновский тенью ходил по лицу, и все кругом за исключением дядек (воспитателей. — Г.З.), стали к нему относиться как к тени... Самый лицей был в опале: нечего было и думать о том назначении, к которому хотел готовить воспитанников Малиновский» (с. 240).

Социально-психологическая картина *травли или, как бы мягче сказать, выдавливания* из лица директора Малиновского (человека честного, патристичного, образованного, нацеленного на просвещенное будущее России) не уникальна. *Надзор, доносительство и унижение* (пройдет несколько лет и их ощутить на себе Александр Пушкин) — были типичны для российского казарменного государства, а значит, еще раз отметим, были на совести не дальновидного и вялого умом тогдашнего *правителя* России — Александра I.

Типично для России было и другое. «Запираясь дома, директор все чаще стал предаваться тайной слабости — пьянству. Пил он размеренно... В движениях его появилась осторожность и медлительность тайных пьяниц» (с. 240). Его стали чаще посещать профессора Куницын и Будри (*единственные порядочные преподаватели в лицее*), а также многие лицеисты (приходил сын Иван с другом Вальховским, которого директор опекал, а также лицеисты Кюхельбекер, Матюшкин, Пуцин...). Так неожиданно для самого себя директор приобрел сочувствие самих воспитанников. Поддержка «добродетельных» профессоров, «доверенность воспитанников», а также общение

с посещавшим его в это время тестем — уважаемым старцем Самборским, не могли не оказать на совестливого Малиновского морального действия.

И директор «вдруг испугался своего падения». В этот период он перечитывал философские оды Державина, которые предпочитал всякой «новой поэзии». К тому же приближалась война, а он был патриот... «Восемь лет назад он написал проект вечного мира» (с. 241). Понятно, что такой проект мог написать только полный идеалист.

Но, пожалуй, главным побуждением к восстановлению им своего директорского статуса послужили внутренние события, произошедшие в лицее. К Малиновскому пришел главный надзиратель лицея «иезуит», «монах», «пастырь душ», «инквизитор», «инспектор» (*так только его не называет в романе Ю. Тынянов!*) Мартин Пилецкий (*инквизитор — самое точное его прозвище*) стал требовать решительных мер по наведению порядка среди лицеистов. Он требовал исключить из лицея трех воспитанников: «отчаянного» Данзаса, «безрассудного» Броглио и «развратного» Пушкина. Причем Пушкина он требовал исключить немедленно, потому что он «предан страсти всех осмеивать в стихах (*в том числе и профессоров*) ... противоборствует и озлился». Директор сопротивлялся, говоря: «За что же выключать... не лучше ли их вразумить?». И тогда Пилецкий тихо сказал: «Пушкин должен быть выключен из списков за безверие» (с. 242). А затем также тихо донес, что «преданный страсти сочинительства отрок знает наизусть все безбожные стихотворения осмнадцатого столетия, и заставить его забыть их невозможно... что его безверие заразительно». В сему Пилецкий приложил «записи гувернеров о воспитанниках» (с. 243).

«Иезуит был прав» — подумал директор, но благодарно отмолчался, не приняв решения. Чуть позже, взглянув в окно, он увидел воспитанников, которых гувернер Чириков вел на прогулку. Все были разные... Он понаблюдав за Пушкиным... Тот шел рядом с Пуциным... был «проворен, весел и добродушно улыбался», общаясь с другом... Малиновский смотрел на лицейстов «как курица на утят, которых вывела: с тревогой» Малиновский запер записи (по сути, доносы на воспитанников. — Г.З.) в шкаф, где стола пустая бутылка» (с. 243) ... Он не мог предать своих *птенов*!

Здесь сделаем отступление. Как видим, Александр Пушкин мог быть и насмешливым, даже дерзким, но мог быть и добродушным — все зависело от обстоятельств и людей, с которыми он общался. А если представить, что в лицее среди профессоров, гувернеров и учеников, достойных уважения и любви было крайне мало (ниже мы еще поговорим об этом), то нетрудно понять, что он продолжал расти (как это было и в родительской семье) *в морально-психологическом противоборстве* с большинством окружающих его людей. И следовательно, бунтарские черты его личности продолжали укрепляться, а стихотворчество невольно становилось оружием в противоборстве с противными ему людьми.

Попробуем объяснить причины не стабильного психического состояния Пушкина и его открытого реагирования на окружение с позиции мотивационной теории воспитания и взросления человека. Но прежде заметим, что в лицее Александр не испытывал страха (*низменной животной эмоции*) ни перед кем, даже перед «инквизитором» Мартином Пилецким, которого боялся сам директор. Напомним также, что *бесстрашие, переходящее в сопротивление* и даже *враждебность* начало формироваться у нашего героя

уже в родительской семье в противоборстве с *негодными* родителями и *гнусным* гувернером Руссло. Так что же происходило в душе Александра Пушкина в лице уже на первом году обучения? С одной стороны, его подростковая душа требовала развития в виде *разнообразных* позитивных переживаний, что было обусловлено *потребностями в рефлексии*. С другой стороны, его открытые, а главное, адекватные эмоциональные реагирования на окружающую жизнь характеризовали его как человека, способного правильно воспринимать и оценивать людей, а значит, достаточно социально зрелого (то есть уже — не подростка). Отсюда понятно, что адекватные эмоциональные реагирования (в том числе, насмешливость) были естественны для взрослеющего человека (к тому же талантливому в стихосложении) и должны были прощаться окружающими взрослыми (разумеется, если бы они были достаточно воспитаны и социально зрелы, чего нельзя было сказать, в частности, о Мартине Пилецком). Одновременно заметим, что *насмешки* школяра над своими учителями не могут считаться социально-психологически нормальными (скорее это признак *невротизма*, который, осмелимся сказать, стал формироваться в характере будущего поэтического гения).

Но вернемся к тексту и директору Малиновскому. У описанных выше событий было продолжение...

После доносительства *иезуита* через некоторое время к директору пришли уже воспитанники и стали требовать удаления самого инспектора Пилецкого. Малиновский «не без удовольствия» выслушал жалобы. Особенно ему было приятно, что среди *жалобщиков* был и его сын, который «держал себя перед отцом без всякой короткости, как и все остальные... Он медленно объяснил, что удалять, как и назначать, дело министра, а никак не воспитанников; при этом ус-

мехнулся и вдруг хладнокровно заметил, что все это не что иное, как открытое возмущение, за которое министр не похвалит. Что посему — не противоборствуя своим начальникам — следует вернуться в классы и заняться науками. В остальном он надеется на добронравие и хода делу не даст никакого ни об их непослушании, ни тем паче, об удалении инспектора, как о деле несбыточном» (с. 244).

Приведенный текст характеризует Малиновского и как правильного педагога и как честного человека — он как нормальный директор был на стороне учеников.

Далее в лицее стали происходить по тем временам неожиданные и даже неординарные события, на которые директор, несмотря на доносы, благоразумно старался не реагировать. «Каждый вечер беспокойные собирались теперь вместе... стали распевать песни, куплеты — следствие тайного сочинительства» (с. 244). Однажды гувернер Илья Пилецкий (брат главного инспектора) попытался завладеть очередным сочинением силой, но получил отказ, а затем пинок («толчок со стороны», как пишет Ю. Тынянов). Пнул его, как решил «мартинов брат» Пушкин, который «с блестящими глазами, раздутыми ноздрями, задыхаясь и с бешеным видом, наскакивал на него крича: «Как вы смеете брать наши бумаги?» После чего даже такие «тихие» и «пристойные» лицеисты как Дельвиг, Кюхельбекер и Вальховский стали предъявлять гувернеру свои претензии, обвинять в чтении их писем домой и прочих самоуправствах... Возмущение лицеистов только усилилось при неожиданном появлении главного «иезуита» Мартина Пилецкого, которого все ненавидели. Лицеисты Мясоедов, Корсаков (обычно очень робкий), Иван Малиновский (сын директора), Дельвиг и особенно «буян» Пушкин набросились на



Мартина с обвинениями и стали требовать, чтобы он не обзывал их родителей, не читал их писем, вернул в лицей Иконникова (дружелюбного гувернера, которого Пилецкий выжил из лицея), иначе «они тотчас покинут лицей» (с. 246).

Ю. Тынянов описывает внутреннее состояние инспектора и его последовавшую реакцию.

«Мартин стоял в задумчивости. Он смотрел не на них (*бунтарей*), а на их ноги, на лицейский каменный пол — взглядом чужим и далеким. Быть может, деятельность воспитателя вдруг показалась ему жалкою, и другое поприще мерещилось ему, другая толпа: дрожащая паства, среди которой было много нарядных женщин, в прахе лежащая у ног его... Пилецкий улыбнулся». Прозвучавшие за улыбкой слова («Оставайтесь, господа, в лицее») и его поспешный уход поразил присутствующих лицеистов. Они ждали репрессий, но прошло совсем немного времени и они из окна увидели, как «по дороге ехала коляска. В ней сидел Мартин со связкой книг. Сомнений не было: монах уезжал; он покинул лицей... Пушкин вдруг засмеялся, как смеялись Ганнибалы: зубами. Это была его первая победа» (с. 246). Злорадный смех победителя — верный признак зарождающихся в душе бунтаря Пушкина *невротических наклонностей*, о социально-психологической опасности которых в те времена, конечно, ничего не знали.

Почему же инспектор Пилецкий, привычным делом которого было порабощение и насилие, ушел, причем ушел сам? Почему не последовало репрессий с его стороны? Прежде всего, потому что директор лицея не поддерживал инквизиторских методов инспектора. А собственные тайные планы Пилецкого стать директором (полным властителем) лицея не сбывались. К тому же *контингент* был не тот... Его мечтой, судя

по амбициям, был приход (церковь с причтом), чтобы поработать «нарядных женщин». Возможно, именно лицеист Пушкин (*проницательный и женолюбивый*) раньше других почувствовал половую испорченность инспектора. Поэтому и был к нему беспощаден.

Но вернемся к директору Малиновскому. Ю. Тынянов описывает его последние дни (смерть директора стала для всех неожиданностью). Директор хотел устроить «лицейский праздник», который должен был бы показать главное — «лицейский дух», в котором «нет духа раболепия» ... готовил речь к воспитателям и воспитанникам «о достоинстве русского человека, упорно отрицаемом Европой»... его главная идея (ее он хотел изложить в проекте): «Воспитание граждан должно было создать общий дух, которого в России нет». Он решил охарактеризовать лицеев... О Пушкине написал «вкус холодный, проницательность совершенная, с насмешливостью, любовь к словесности уединенная и к славе — тайная»... Он за него «тревожился» (с. 289–290).

Как видим, характеристика воспитанника Пушкина была точной и тревога за его будущее обоснованной. Что же касается рассуждений Малиновского о достоинстве русского человека и о приоритетности гражданского воспитания в России, то его мысли, безусловно, были передовыми. Но одно дело рассуждать и определять задачи, а другое, находить нужные способы их решения — с последним в России всегда было худо. Поэтому не удивительно, что планы Малиновского не были реализованы. К сожалению, они остаются актуальными по сегодняшний день (и это спустя 200 лет!).

Каким Малиновским был педагогом? Тынянов дает краткую, но емкую характеристику его педагогической деятельности: «...разговоры его были об-

думаны, занятия основательны. Он был справедлив и строг». Это значит, что Малиновский был больше преподавателем, просвещающим и контролирующим знания, нежели воспитателем, возбуждающим позитивные переживания и побуждающим к самостоятельным размышлениям. Причем Малиновский был преподавателем *классического* университета и, следовательно, *читал лекции*, что было совершенно не интересно лицеистам, и это отмечал Александр Пушкин и другие ученики. Ведь большинство из них были даже не подростками, а еще детьми, и соответственно, нуждались, главным образом, в играх и творческих актах в форме озарения, сочинительства, художничества или театрального действия, что совершенно не практиковалось «в классах» и даже не поощрялось после «классов», в свободное время. Впрочем, как можно упрекать Малиновского и некоторых других, честно исполнявших просветительскую работу профессоров лицея, если *игровой* и *креативный* подходы до сих пор не стали доминирующими в начальной школе?!

...В день выноса тела Малиновского Александр вспомнил, как дважды директор был им недоволен и «выговаривал <...> и оба раза сурово» и как однажды (во время войны) он «улыбнулся ему, широко и простодушно, и обнял его» (с. 292). Почему директор был сдержан с Пушкиным? Видимо, интуиция ему подсказывала, что сей ученик не нуждался в покровительстве и мог отвергнуть (причем, *язвительно*) любую форму персональной заботы. Скорее всего, он видел в Пушкине бунтаря, умом одаренного, а характером закрытого, независимого и даже злобно-насмешливого.

Как это часто случается в России, человека начинают по-настоящему ценить только после смерти.

Даже министр Разумовский, долго ожидавший случая сменить Малиновского, вдруг понял, что заменить его некем. Он впервые стал задумываться, чем был этот человек и чем должен стать в будущем (Малиновский занимаясь лицеем, избавлял его от многих забот с этим связанных).

Всегда строгий, озабоченный, хмурый Малиновский оставил о себе долгую память... Многие лицеисты, которые он ценил, осиротели... Щеголь Кошанский, как временно замещающий директора, продержался недолго и запил... Пришел ничем не похожий на него, — Галич.

Лицеисты с нетерпением ждали его первой лекции.

«Новый профессор (преподаватель русской и латинской словесности. — Г.З.) медленно и удобно уселся в кресла, посмотрел сквозь очки без подозрительности и развернул, не торопясь, учебник Кошанского. Кошанский старался всегда поспевать за курсом и сообразовываться с программой. Новый профессор взглянул на учебник, долго, не обращая внимания на своих слушателей, глядел, потом вдруг усмехнулся и захлопнул учебник. Он отложил его в сторону, и более об учебнике речи не было... Все так же, не торопясь, он попросил кого-либо прочесть другую книгу, которую привез с собою случайно. Это была драма Коцебу. Яковлев (*лицеист*) прочел первую сцену. Профессор остановил его и, так же не торопясь, спросил: «Чем дурна эта сцена?» И они поняли, что он добр, ленив, лукав, не добивается быстрых успехов, директорского места и даже немного от них ожидает. Начались споры о Коцебу... Александр с удивлением смотрел на нового профессора: у Галича был вкус... А потом профессор развернул истрепанную книжку, которую они узнали: это был Корнелий Непот, которого им читал Кошанский. Кошанский восхищался каждой его фра-

зой и поэтому не успевал переводить... «Потрешлем старика» — сказал новый профессор... С первой же встречи они его полюбили» (с. 297).

Почему полюбили? Потому что новый профессор не принуждал к освоению рутинных знаний (как все другие), он давал лицеистам свободу почувствовать и поразмышлять, что соответствовало их потребностям в рефлексии. Понятно, что *бунтарь* Пушкин воспринял *метод* профессора с восторгом. Для него появилась возможность свободно сочинять, что соответствовало его (уже даже не подростковым, а юношеским) потребностям в *самовыражении и самоутверждении*. К тому же ощущение свободы успокаивало его душу и позволяло направить силы не на противостояние, а на творчество.

Педагогический *подход* профессора Галича, рожденный по внутреннему зову (а возможно, и по лени), без сомнения, удовлетворял его собственные потребности в *самоутверждении и самоопределении*. Скорее всего, он впервые почувствовал себя педагогом (причем, *востребованным*), ведь до этого он только учился и путешествовал.

Кошанский учил лицеистов, что главное в поэзии — чувства. Галич говорил, что «главный предмет в поэзии — истина». Позже он скажет лично Пушкину, «что не знает лучшего предмета для поэзии, чем история» (с. 311). Не станем оценивать, насколько наставления Галича нашли свое отражение в творчестве Александра Сергеевича Пушкина, но есть уверенность, что все в его произведениях было истиной. Соответственно, истинными были и чувства, и история (правда, было бы много лучше, если бы в творчестве Пушкина было больше сказок и поэм на исторические темы, нежели насмешливых эпиграмм и стихов о неразделенной любви). Таким образом, рекомендации

профессора Галича поэту Пушкину были вполне разумными.

Галич не был похож на лицейских профессоров, которые отвечали за познания и поведение лицейстов. Он обращался к ним «не как профессор, а как знакомый» (с. 311). Они больше говорили о поэзии и литературе, чем готовились по книгам... Понятно, что в близком, свободном (а значит, и *душевном*) общении профессор мог лучше рассмотреть нутро ученика и определить, на сколько тот воспитан, умен, одарен. Галич первый рассмотрел в Пушкине поэта, он «простодушно радовался Александровым «Изменам», но находил стихотворение слишком быстрым».

Галич любил гулять по парку, там же после болезни (*горячки*) стал гулять и Пушкин. Они стали встречаться и разговаривать. Здесь Галич сказал Александру с намеком «что его «Измены» хороши, но важная элегия лучше». А далее сказал, что осенью будут экзамены, а на них чтения, что Разумовский хочет пригласить Державина, и что ему (*Александру*) нужно заняться элегией... Он также посоветовал гулять по парку вечером... «Вечер — время льготного хода для мыслей, утро — время проверки» (с. 312). Верный совет, ведь вечером у человека ум эмоционален, а на следующее утро рационален.

В бытность Галича (все знали, что он временный директор) лицей становился «республикой» (видимо, *по римскому образу*), в которой царил беспорядок... Росли распри, интриги, доносы министру... профессора боролись за должность директора. Только старик Будри, а также Куницын и «свободный гражданин» Галич не принимали в этом участия. Галич приглашал к обеду лицейстов и его за бокалом лимонада они единогласно выбрали в президенты... «Никаких пред-

метов не проходили по причине предстоящих публичных экзаменов» (с. 314).

Анализируя *педагогический метод* профессора Александра Ивановича Галича, мы начинаем понимать, как он незаслуженно недооценен историей, прежде всего, как педагог, оказавший заметное влияние на становление *Поэта* Александра Сергеевича Пушкина. Галич действительно был не типичным профессором, ведь он не пересказывал содержание своего предмета. Можно сказать, что он преподавал свою *мотивацию*, свое *понимание*, свою *воспитанность*, свой *опыт*, а значит, преподавал *самого себя*, свою *личность* (разумеется, в рамках указанного в расписании предмета). К сожалению, даже сегодня в вузах редко кому это позволено делать из-за так называемых *образовательных стандартов*.

Есть все основания считать, что без доверительных бесед, добрых оценок и правильных побуждений Галича не было бы *элегии* «Воспоминания в Царском Селе» лицеиста Пушкина и его исторического триумфа на экзаменах в присутствии Г. Р. Державина, который восторженно приветствовал рождение нового поэта, увидев в нем своего приемника.

Но мы (как педагоги) не склонны сравнивать, тем более противопоставлять *первого* директора лицея — Малиновского (человека честного, можно сказать примерного, которого ученик Пушкин ценил и уважал) и *второго* — Галича (человека неординарного, по существу сторонника *свободного воспитания*, а посему им любимого). Их педагогическое воздействие, безусловно, благотворно сказалось на развитии и взрослении *Поэта* именно в такой очередности — *сначала воспитание честностью, а затем свободой*. Страшно себе представить судьбу Александра Сергеевича Пушкина (а значит, и его значение для России),

если бы директором лицея был (или стал) какой-нибудь *инквизитор*, вроде Мартина Пилецкого.

**Преподаватели.** Педагогический статус преподавателя принято определять его ученым званием, но правильнее было бы его оценивать вкладом в судьбы обучающихся.

Большинство преподавателей лицея были профессорского звания. Профессорский состав преподавателей, как известно, традиционен для университетов, где обучаются молодые люди старше 17 лет. Но в лицей, который по содержанию предметов и набору преподавателей соответствовал университету (лицей так и задумывался), были приняты безусые 11–13-летние мальчишки. Воспитывать детей с помощью университетских методов, в частности, традиционных лекций, по нашему мнению, неправильно (*не по возрасту*); это противоречит их потребностям, а значит, *вредит психике*. Этого не понимали тогда; не понимают, к сожалению, и сегодня, спустя 200 лет, считая, что передача знаний — главный метод образования (*как же преступно консервативна система образования!*).

Еще в первую беседу министра Сперанского с Малиновским ими обсуждался возможный состав лицейских преподавателей. Ю. Тынянов приводит внутренний монолог Сперанского.

«Где люди, способные быть наставниками этой новой породы? Иностранцы холодны, далеки, не поймут. Для чего оставаться вечно в опеке? Найдутся, небось, и без иностранных: всему должно учить на родном языке. Пусть будет наставником их Малиновский, который стоял сегодня у купели новой породы и нового учреждения. Министр ранее об этом не думал, эта мысль явилась сама собой, внезапно» (с. 150).



Так был определен будущий директор лицея — присутствующий Малиновский, который покорно благодарил и в то же время высказал соображение, что «младой Куницын, быть может, более его достоин и подготовлен... Куницын был тверской семинарист, в судьбе которого Сперанский принимал участие. Уже третий год учился он в Гейдельберге и Геттингене, и успехи были, по слухам, блистательны. Он изучал там право и философию. Недавно он возвратился...» (с. 150). Так в состав преподавателей был включен профессор Куницын.

Ю. Тынянов много внимания уделяет Куницыну, который вел «тетрадь» (дневник), что говорит о социальной направленности его личности. Тынянов приводит содержание «тетради Александра Петровича Куницына». По ее содержанию можно судить о самом авторе, его окружении и событиях, происходивших в лицее. В «тетради» много сведений и педагогического характера, важных для нашего исследования.

Куницын начинает «тетрадь» с описания посещения им товарища по Геттингенскому университету профессора Н. Ф. Кошанского, который в лицее будет преподавать (с некоторым перерывом) русскую и славянскую словесность, и дает ему характеристику: «щеголеват на людях... дома сидит в балахоне, дабы не привести в дряхлость одежду... на все смотрит свысока, мрачно... мнит быть первым поэтом Руси»... И резюмирует «Боюсь, что Геттинген надул его гордостью, а ума, ни таланта не прибавил» (с. 186). Вот такой *гоголевский тип* будет преподавать словесность будущему поэтическому *гению!*

Упомянув в «тетради» других товарищей по университету — профессоров А. И. Галича (он, как помним, в течение одного года будет исполнять обязанности директора лицея и преподавать вместо Ко-

шанского русскую и латинскую словесность), математика Я. И. Карцова, историка И. К. Кайданова, Куницын с сожалением констатирует: «Их не узнать. Все брошены из великой опрятности и мечтаний в грязь существенности» (с. 186). Эту завуалированную мысль стоит расшифровать: патриотичные молодые люди, получив образование за границей, хотят служить отечеству, но произвол и беспорядок в России этому препятствует.

Куницын (после встречи с Малиновским) размышляет о лицее. В «тетради» он пишет: «Создание общего духа, воспитание без лести, раболепства, короче, воспитание *достоинства*. — Но ведь им потом придется всем быть чиновниками, пригодится ли? Не пропадут ли даром труды? — Если б я так думал, я отказался бы. Просьба к императору и справка к губернатору. Этого и без воспитания достигают. — Кого же и для чего мы будем воспитывать? — Для работы законодательства. Эту работу придется рано или поздно предпринимать, чтобы облагородить русских людей, показать их разум перед целым светом и уверить их в самих себе... По уставу должны готовить для важный постов в государстве, а самым важным пост будет скоро — депутаты <...> кто берет землю для себя, тот и обрабатывает ее. Рабство развращает, опустошает. Величайшая обида россиянам почитать их неспособными для составления своих законов» (с. 187–188).

Как видим, для Куницына (напомним, что он изучал в университетах право и философию), как и для Малиновского типична переоценка значения законов в социальной жизни людей, как средства их облагораживания. Ведь миром правят вовсе не законы, *придуманые* людьми, а сами люди. И правят люди (в зависимости от воспитанности) либо хорошо, либо плохо (последнее, как показывает жизнь,

бывает чаще). Об этом свидетельствует весь опыт социальной жизни. Отметим также, что воспитанный человек может соблюдать законы, даже не зная их. И делает он это по чувству (*высшему*) и по интуиции (*развитой*). Отсюда вывод: приоритетное место в обществе должно быть отведено вовсе не законотворчеству, а воспитанию (педагогике). В то же время следует согласиться с Куницыным, что писать законы должны только воспитанные люди. В размышлениях Куницына просматривается и другая важная мысль: «воспитание без лести». Воспитание честностью — это действительно главный инструмент педагогики. Понятно, что этот (на первый взгляд, доступный) *инструмент* способны реализовывать только хорошо воспитанные педагоги.

В одну ночь Куницын написал речь, посвященную открытию лицея. «Писал при свете ночника, со слезами. Отдал Малиновскому, но одобрения не получил за излишнюю смелость...» (с. 188). Друг другу Малиновский и Куницын говорили одно, но публично этого говорить боялись... А значит, *воспитание лицеистов честностью* станет для них проблематичной задачей.

Куницын показал свою речь Сперанскому... Тот в целом одобрил и даже подчеркнул, что более всего понравилось... И заключил: «Это хорошо! Давно пора нам сделаться русскими!» (с. 189).

В «тетради» Куницын приводит мысли из своей речи к воспитанникам лицея, которые подчеркнул Сперанский: «Не искусство блистать наружными качествами, но истинное образование ума и сердца... Если граждане забудут о должностях своих и общественные пользы подчинят корыстолюбию, то общественное благо разрушится и в своем падении ниспровергнет частное благосостояние... Отечество поручит вам священный долг хранить общественное благо...

Жалким образом обманется тот из вас, кто, опираясь на знаменитость своих предков... Какая польза гордиться титлами, приобретенными не по достоянию, когда во взорах каждого видны презрение, ненависть или проклятие?.. Вы не захотите быть последними в вашем роде, смешаться с толпою людей обыкновенных, пресмыкающихся в неизвестности...» (с. 190).

Мысли, безусловно, праведные и смелые. Но такие мысли, к сожалению, не способны воспринять лицеисты, ибо эти мысли им *не по возрасту* (в их умах еще не было образа *будущего*). Так в действительности и произошло. В «тетради» Куницын отмечает, что, выступая с речью на открытии лицея, он смотрел на студентов, но лишь некоторые из них слушали его со вниманием.

Далее Куницын пишет, что его посетил незнакомый ему человек, которого он характеризует: «тощ как скелет, глаза впали, черный сертук до пят» (с. 190). Внешность устрашающая, инквизиторская... Гость назвал себя: Мартин Пилецкий (выше нами он уже упоминался). Оказывается, Пилецкий также окончил Геттингенский университет, только на 5 лет раньше (но сей *спец* к наукам не пристрастился, и поэтому решил квалифицироваться в *инспектора*). Его действительно назначали инспектором лицея, ответственным «за нравственную и учебную части», а по тем временам — надзирателем. Пилецкий пришел познакомиться и принес сведения о лицеистах и их семьях «свойства чисто полицейского»... у одного «отец картежник», у другого «лихоимец»... «добрая половина учеников из семейств развратных, обнищавших и проч.». Его слова: «Для того, чтобы вырастить людьми совершенными, они (имелись в виду воспитанники. — Г.З.) должны уничтожить самую память о семье» — вызвали у Куницына нехорошие чувства

(с. 191). Пилецкий изложил «что думает о моральном надзоре». Воспитанники должны чувствовать, что их повсюду слышат и видят (*тотальный надзор!*) ... (с. 192). После ухода надзирателя Куницын проветрил комнату... И заключил: «Однако г.г. Гауеншилд (этого цербера, также назначенного в лицей, он и прежде знал. — Г.З.) и Пилецкий — товарищи отрядные. Одной логики против них, кажется, будет мало» (с. 192).

Позже Куницын познакомился с Иконниковым (гувернером), «добрым малым, от которого пахло водкой»; Калиничем, который «будет учить каллиграфии, а у самого руки дрожат»; старым французом Давидом Ивановичем де Будри (преподавателем французской словесности). У последнего Куницын даже побывал в гостях и составил о нем в целом положительное мнение.

В «тетради» Куницын пишет о том, как провел приятный вечер у Тургенева, где встретил «стихотворца» Пушкина, который ему не понравился ни своим видом («старый франт»), ни разговором («употреблял сильные выражения о Державине...»). Пушкин был с племянником — будущим лицеистом. Племянник показался Куницыну молчаливым и даже диковатым, но «по реакциям понятливым, сметливым» (с. 192).

Из «тетради» Куницына мы узнаем о его научном творчестве, которое, как известно, для каждого профессора является занятием обязательным, повышающим его педагогический статус. Куницын пишет: «Между тем закончил начатую еще в Геттингене свою диссертацию «Иврика, или Наука о нравах». Глава о страстях и равнодушии, разуме и суевериях мне удалась. Не знаю, кто согласится издать?» (с. 192). Вечная проблема — найти писателю (ученому) *своего* издателя. Чтобы это произошло, издатель должен по-

чувствовать себя соавтором книги, что, как известно, бывает крайне редко.

Интересна мысль Куницына о воспитании, которая возникла у него после того, как он увиделся (спустя немало лет) со своим братом Михаилом. Он пишет: «Михайло отпросился на день ко мне. Увидя меня во фраке, <...> так оробел, что стал говорить мне вы... Что с ним сделали, с Мишей! Он солдат, словно солдатом родился, руки по швам, и уныние на лице. Не знаю, может ли сделать воспитание из животного человека, но что из человека может сделать животное — верю» (с. 192–193). Над поставленной Куницыным педагогической проблемой, безусловно, стоит поразмышлять. На наш взгляд, именно воспитание (мы имеем в виду полноценное физическое, половое и нравственное воспитание) формирует в человеке, рожденном по существу животным существом (литературный образ *Маугли* не случаен), последовательно его тело, психику и социальную составляющую. И напротив, «недостаточное, безнравственное воспитание» (такое словосочетание в своих публицистических сочинениях позже использует А. С. Пушкин) обуславливает в человеке отсталость и забитость, а также преступные наклонности.

Выше мы уже писали о трудностях (главным образом морального свойства), которые выпали на долю первого директора лицея Малиновского, его разочарованности и неверии в начатое дело, болезни и неожиданной смерти (последнее, нет сомнений, было обусловлено, в том числе моральными страданиями). Подобное (но только в психологическом плане) пережил и профессор Куницын. После необоснованного (непонятого для многих) падения Сперанского (император отстранил его от дел и выслал из Петербурга) Куницын пишет: «Неужели все начинания М. М. (Спе-

ранского. — Г.З.) кончены, прерваны? Кажется так. Существует ли в таком случае достоинство, которое одно дает силу жить, мыслить, действовать? Я, как и М.М., как и Малиновский, как все мы, «геттингенцы», — дьяков внук. Но я просветил свой разум, верю в благодетельную его силу, в святость общественного договора, хочу видеть новую поросль людей — и неужто можно возвратить меня в первобытное состояние дикости и отсутствия желаний? Я в смятении подвел итог этого года (1811 года. — Г.З.). Гражданская арена вдруг закрыта для меня, как для Кошанского поэтическая. Я вдвое прилежнее стал читать лекции... Война приближается. Я подумал о питомцах своих, которых мне завещал Мих. Михайлович. И они за эти полгода испытали столько, сколько другие дети и за пять лет не испытывают: перемена родительского дома, а теперь вскоре война, которая все потрясет...» (с. 202–203). По нашему мнению, так может написать только честный и патриотичный человек, каким и был профессор Куницын.

Читаем его «тетрадь» дальше: «После крушения (имеется в виду увольнение Сперанского. — Г.З.) — мне кажется, не на что более надеяться, как на место профессора для малолетних. Займусь же им. Я хочу прочесть им лекцию об отечестве и о долге гражданском (решение совершенно правильное: в сложившейся ситуации профессору надо рассказывать воспитанникам о том, что волнует всех и что хорошо сам знаешь без учебников. — Г.З.). Сел за Карамзина. Никто с таким красноречием у нас, конечно, не пишет. Но холод в *разделении* любви к отечеству на три любви: физическую, нравственную и политическую — мне не нравится. Первая есть дело природы (по нашему мнению — это любовь к матери. — Г.З.), вторая — дело лет (по-видимому — это любовь к женщине. — Г.З.),

третья требует рассуждения и доступна лишь людям образованным (скорее всего — это любовь ко всему национальному, другими словами — к русской культуре. — Г.З.)» (с. 203–204).

Верный признак политической любви (по Карамзину, но в нашей интерпретации) — это когда человек слезится, говоря о Пушкине или Толстом! Но до такого понимания, и таких слез, конечно, надо еще дорасти педагогически и социально.

Тему любви Куницын вновь затрагивает в своей «тетради» после новой встречи с братом Михаилом, который собирается на войну. Он задается вопросом: «Каков же вид любви карамзинской присутствует у бедного солдата Михайлы?» (с. 204). Конечно, лучше самого Михайлы на этот вопрос никто бы не ответил. Но и вопрос, возможно, стоило бы сформулировать по-другому, кого Михайло шел на войну защищать — мать, жену или все отечество? Наверняка, ответил бы — отечество, потому что любовь к отечеству вмещает в себя и любовь к матери, и любовь к жене (даже когда она еще только *мерещится*).

Куницын основательно готовился к работе в лицее. Он прочел у Жан-Жака Руссо о воспитании и записал в свою «тетрадь» цитату: «Чем подвигаются сердца и как они начинают любить отечество и законы его? Осмелюсь ли сказать? Играми детей, предметами бездельными в глазах людей поверхностных, но образующими драгоценные привычки и непобедимые связи». В этой не совсем конкретной (и даже не вполне ясной нам) мысли *мудреца* Руссо можно, конечно, узреть сущность воспитания детей. Воспитание детей (в нашей *расшифровке* цитаты Руссо) происходит (точнее, должно происходить) с помощью игр, различного рода деятельностей и творческих актов (беготни, лазания, рисования, выдумки, озарения,



сочинительства, театрального действия и пр.), которые, на первый взгляд (особенно для мало образованных взрослых), могут показаться шалостями. На самом же деле именно перечисленные педагогические средства соответствуют базовым потребностям детей и благоприятствуют их воспитанию и развитию.

К сожалению, Куницын *не расшифровал* тезис Руссо, как это сделали мы. Следовательно, он не осознал его до конца. Иначе бы использовал в своей педагогической деятельности, хотя бы изредка, игры, инициативы лицеистов и их творческие порывы. Он же продолжал настойчиво читать лицеистам (многие из которых были еще детьми) классические лекции (как студентам). Он считал, что с лицеистами «нужно обращаться без всякой детскости, они кажется, все лучше понимают, что о них думают. Беда потакать их слабостям: нынче в моду вошли томные взгляды, старчество (Горчаков), меж ними какая-то щеголеватая шаткость» (с. 204). В этих словах есть понимание, что лицеисты уже не дети. И действительно, многие лицеисты развивались с опережением (так Пущин, Кюхельбекер, Илличевский, Дельвиг, Малиновский, Мясоедов, по нашему представлению, были уже рефлексирующими подростками), а Горчаков и Пушкин — даже мыслящими юнцами. Но даже им (последним) в первый год обучения лекции были неинтересны, а значит, не отвечали их потребностям.

В «тетрадь» Куницын записал еще одну педагогическую мысль Руссо: «Воспитание должно дать сердцам форму народную и так направлять мнения и вкусы, чтобы они стали патриотами по наклонностям своим, по страстям, по необходимости. Республиканец истинный да всосет с молоком своей матери любовь к отечеству, к законам его и к свободе...» (с. 204). В этом тезисе («воспитание должно...») указан

только желаемый результат («любовь к отечеству, к законам его и к свободе»), но, к сожалению, не указан способ достижения этого результата. «С молоком своей матери»? Под этими образными словами мудрец, скорее всего, подразумевал воспитание ребенка матерью с момента его рождения. Но ведь кормление грудным молоком (и вообще забота матери о новорожденном) — это только начальная стадия воспитания ребенка. А как воспитывать его дальше? Мудрец не сказал, а значит, и не знал.

Здесь мы решили сделать отступление и отметить, что со времен Руссо и до сей день размышления философов и прочих ученых касались (и касаются), главным образом, детского периода воспитания и развития человека, но почему-то так и не коснулись его подросткового этапа, который, по нашему мнению, является не менее важным, но исключительно сложным...

Вернемся к размышлениям профессора Куницына.

Свою теоретическую подготовку к воспитанию лицеистов Куницын дополняет фактами из практической педагогической деятельности — и своей, и других преподавателей (что очень важно для нашего исследования). И пишет об этом в «тетради».

...«Я вовсе не ожидал, что придется читать лекции сущим детям. Присмотревшись к ним, я решил ничего не менять и составлять лекции, как намеревался ранее... У всех, видимо, вывезено немало вздора из отчих домов, и почти все кой-что понаслышке знают, а стало быть, почти ничем не отличаются в знаниях нравственной философии от других» (с. 198). Таким образом, профессор вознамерился читать лекции по существу еще детям и свою педагогическую задачу видел в вытеснении из их голов «вздора» и наполнении знаниями «нравственной философии». Однако, так

называемый *знаниевый* подход, в том числе в форме чтения традиционных лекций, как мы сегодня понимаем, не имеет ничего общего с подлинным процессом воспитания, в основе которого лежит мотивирование. Неудивительно, что лекции профессора Куницына (заметим, ответственного и честного человека) не воспринимались воспитанниками.

Вот, что он сам пишет по этому поводу: «Первое, с чем я встретился — необыкновенное хладнокровие моих слушателей, вовсе не расположенных слушать. Я порешил с сим бороться. Кайданов, которого я повстречал, мрачен как туча. Он сказал мне, что «ругает хлопцев аж до трясы», — и за невнимание обзывает их животинами... Не нравится мне эта грубость. На него и на Карцова злы более всего. Я решил вести себя так, как будто всерьез считаю юнцов студентами, и не допускать никакой короткости. Убедился, что это льстит мальчишескому самолюбию. Я заставляю слушать этих куколок, по выражению Будри, дремлющих на лекциях и показывающих гримасы, — авось-либо вылетят из них бабочки... Сегодня рассказал об Аристиппе, а в конце — о стойке Зеноне... Перья скрипели. Одни записывали об учителе наслаждений (имелся в виду Аристипп. — Г.З.), другие о Зеноне, учившем побеждать страсти. Я не сказал им о том, что сам у него сему не научился. Мясоедова, который не только глуп, но и груб, я просил выйти вон. Другие не слишком поражены. Вальховский после классов просил почитать о Зеноне-стойке. Пушкин — об Аристиппе. Я обещал им привезти «Апофегмы» Левака» (с. 198–199).

Итак, никто из лицеистов не хотел слушать лекций — им было неинтересно. Причина простая — не удовлетворялись их детско-подростковые потребности. Но главное — не удовлетворялась генеральная

потребность растущего человека в свободе, точнее — в свободе выбора средств удовлетворения потребностей. Вот почему интерес у них возник только тогда, когда появилась возможность выбора... Заметим, что Вальховский (а он был учеником старательным) заинтересовался Зеноном, учившем побеждать страсти, а Пушкин (дичок, бунтарь) — Аристиппом, видевшем смысл жизни в наслаждении. Понятно, что выбор лицеистами разных *идеологов* обусловлен их различиями в воспитании и характерах.

Читаем дальше «тетрадь» Куницына...

«Полагая, что без знания логики никакая философия, тем паче нравственная, невозможна, вздумал разъяснять правила ее и силлогизмы (умозаключение, вытекающее из двух данных суждений. — Г.З.). Невнимание общее было ответом».

Куницын приводит пример, заданный им, который у Пушкина вызвал улыбку. Потом он ответил, что «логические силлогизмы странны, невнятны (видимо, упражнения в составлении силлогизмов, показались Пушкину — юнцу, пишущему свои тексты, — детскими забавами. — Г.З.). ...Обыкновенно внимательны не те, кто понимает... показное прилежание. Это лицемерие довольно отвратительное. Ничего не прочтешь в глазах, за исключение рассеянного желания похвал. Поэтому я не буду ничего говорить о Саврасове, Тыркове, Мясодове (совершенный облом), Костенском и прочих (заметим, что эти лицеисты не входили в ближайший круг общения Пушкина, поэтому в романе упоминаются очень редко. — Г.З.). Но те, кто понимает и могли бы понимать, обычно не внемлют ничему... Горчаков умен, но прихорашивается, точный Нарцисс... Вальховский без всякого упрека. Матюшкин тих. Кюхельбекер, видимо, посмешище для товарищей... Броглио отпетый;

Данзас тоже: делает гримасы, ему все трын-трава... Пушкин грызет перо и царапает на бумаге рисунки, так углубясь в свои занятия, как будто в классе никого, кроме него нет. Дельвиг спит — в точном смысле сего слова. Корф приличнее всех» (с. 199).

Картина известная: профессор читает лекцию (скорее всего, по конспекту), но лишь некоторые из студентов старательно записывают его слова, остальные же заняты своими делами, и не слушают... Конечно, можно понять *учебную пассивность* лицеистов (напомним, 11–13-летних мальчиков), ведь содержание лекции не касалось их собственной жизни, сам лектор был холоден как *манекен*, а принудительно-нормативный способ подачи материала не возбуждал естественную для отроков потребность в рефлексии. Мы определили лицеистов как отроков, так как среди них таковых было более всего. И Ю. Тынянов также обосновано считает лицеистов отроками, хотя, как мы уже не раз отмечали, среди них были и дети (шалуны), но были и *дети с взрослой психикой* (к последним, мы склонны относить Пушкина и Горчакова).

«На лекции о первобытной свободе <...> Пушкин, который никогда не задает никаких вопросов, вдруг спросил меня после классов: есть ли еще на земле народы, находящиеся в этом состоянии? Я ответил ему, что некоторые дикари сохранили первоначальную невинность, но их становится все меньше: образованность проникает в самые шалаши, а вместе с образованностью — пороки, общие всем; дики и невинны, как кажется, индейцы, о которых пишет Шатобриан (его книгу Пушкин прочитал раньше самостоятельно. — Г.З.). Я был несколько удивлен этим вопросом: они не только мыслят, но сразу же и прилагают мысли к настоящему» (с. 199–200).

Как видим, Куницын необосновано *отождествляет* Пушкина с другими лицеистами, которые, как мы уже не раз отмечали, заметно отставали от него в психическом развитии. Что же касается вопроса Пушкина о современных дикарях, то этот вопрос лишь подтверждает в нем *взрослость* и, соответственно, способность провести социальный анализ и разглядеть *первобытность* в окружающих его людях.

Далее в «тетради» Куницын возвращается к философии Зенона. «Мой рассказ о Зеноне, учившем подчинять страсти разуму, всех моих студентов задел за живое... (с. 201). Почему Куницын предпочел говорить о Зеноне, а не о Аристиппе, хотя лицеисты (Вальховский и Пушкин) просили поговорить об обоих философах? Наверное, потому что страсти надо учиться сдерживать каждому человеку (к этому, как известно, призывает и библия). Вот только весь опыт человеческой жизни свидетельствует о том, что сделать это почти невозможно, ибо *страсти сильнее ума*. И Куницын в «тетради» сам себе в этом признается, он так и не научился побеждать свои страсти. Что же касается лицеистов, у которых уже включились *идеальные* потребности и, следовательно, стала активно развиваться психика, то тема страстей (влечений и острых переживаний) для них была особенно актуальной. Потому-то и разгорелась у них горячая дискуссия.

После дискуссии лицеисты стали просить Куницына поговорить на близкие темы: Кюхельбекер — о справедливости, Горчаков — о малодушии, Пушкин — о скупости (возможно, вспомнил отца. — Г.З.)». Куницын обещал поговорить о скупости, ибо она (по сравнению со справедливостью и малодушием) более подходила под категорию страсти.

Далее Куницын пишет, что живой интерес у студентов вызвала дискуссия о гордости. Куницын от-

мечает, как быстро его объяснения находили приложение. Так Малиновский, дойдя до крика, гордецами назвал Горчакова и Мясоедова... «Хуже всего, что гувернер Илья, Мартинов брат, стал тут же распекать крикуна, увещевать, улещать по правилам иезуита, брата своего, и вынудил у него «раскаяние» (заметим, что гувернер всегда сидел на занятиях и вел записи о поведении лицеистов. — Г.З.). Прошу директора унять его. Гордость Горчакова основана на титуле и, кажется, на быстрой памяти. Мясоедова отец служит в сенате» (с. 201).

Итак, мы видим заметный интерес лицеистов к занятиям, проводимым в форме дискуссии, позволяющей им самостоятельно мыслить и свободно высказываться. Возбудила интерес лицеистов и сама тема, которая удовлетворяла их потребности в рефлексии (познании себя через сравнение с другими), ведь *гордецы* оказались и среди них.

Здесь надо, наконец-то, выразить благодарность Ю. Тынянову за то, что он включил в роман записки профессора Куницына. Только благодаря записям Куницыну мы можем составить представление о педагогическом процессе в лицее и дать ему оценку. Традиционная лекция, повторимся, была не подходящим (и даже психологически ущербным) методом воспитания и обучения лицеистов — она не возбуждала интереса, а напротив, вызывала у них неприятие и невнимание. И лишь, когда лектор отказывался от принудительного информирования, а давал лицеистам возможность самим поразмышлять и подискутировать, у них появлялся интерес, пробуждалась активность, а значит, происходило их личностное развитие. Заметим также, что интерес к занятию усиливался, когда тема дискуссии касалась самих лицеистов — их текущего состояния, личностных

особенностей и различий в характерах. В этой связи нам (исследователям) важно понять, что занятия в форме свободной дискуссии проводились в лицее очень редко даже находящимся в педагогическом поиске профессором Куницыным (ранее нами уже было отмечено, что свободу лицеистам на занятиях давал также временно исполнявший обязанности директора лицея, профессор Галич, но делал он это по другим причинам — ему не хотелось напрягать свой ум пересказом чужих текстов; так непроизвольно, возможно, *по лени*, он побуждал к размышлениям самих учеников). Что же касается большинства других преподавателей, то они настойчиво и безрезультатно пытались вдолбить в головы лицеистов рутинные обезличенные знания. Понятно, что педагогический и психологический эффект от таких занятий был отрицательным.

Далее (по понятным мотивам) следует поговорить о Н. Ф. Кошанском, преподававшем в лицее русскую и славянскую словесность. Казалось бы, сей профессор должен был первым заметить в Пушкине поэтический дар и поспособствовать его развитию (ведь приоритетная обязанность подлинного педагога именно в этом и состоит — заметить в ученике талант и поощрить его). Кошанский по статусу и занимаемой должности мог бы стать первым *учителем поэзии* для Александра Сергеевича Пушкина и таким войти в российскую историю. Но не стал... не вошел... Почему же?

Вспомним, какую характеристику Кошанскому дает Куницын в своей «тетради»: щеголеват, высокомерен, тщеславен, мнит быть первым поэтом... Скажем сразу — Кошанский был типичным невротиком и его доминирующей (невротической) потребностью было стремление унижить ученика, довести его до не-



гативных переживаний и даже до страданий (ниже мы это покажем на конкретных событиях). А пока сформулируем *педагогическую аксиому*: неполноценная (невротичная) личность не может стать для других *учителем* (в лучшем понимании этого слова, то есть *учителем на всю жизнь*), а тем более стать педагогом (*воспитателем*) для тех, кого учит. К сожалению, эта аксиома не учитывается и сегодня при приеме молодых людей в педагогические вузы, а усиливающаяся невротизация учителей, пагубно сказывающаяся на личности школьников, продолжает усугублять общую социальную деградацию населения. Возможно, это *сказано категорично*, но вряд ли кто-то сможет опровергнуть мысль, что социальная деградация, на которую указывают современные *мыслители Д. Лихачев, А. Зиновьев, М. Дрюон, Э. Фромм*, обусловлена именно неполноценным (неправильным) воспитанием подрастающего поколения.

Окончить анализ «тетради» Куницына мы решили записью о посещении им Александра Ивановича Тургенева (друга семьи Пушкиных). «Расставаясь, Александр Иванович в особенности спрашивал меня о Пушкине, в судьбе которого принимает участие, и просил меня быть внимательнее к нему, ибо детство его было безотрадное <...> просил меня не оставить его. Это меня тронуло, я обещал, но сказал с откровенностью, что здесь нужен бы человек более душевный, чем я: я стремлюсь повлиять на разум их. Гувернеры наши плохи. Я всего более надеюсь на дружбу между собой; но, правду сказать, совершенная разность в первоначальных впечатлениях отчуждает их друг от друга. Пушкин, о котором Ал. Ив. печется, носит на себе все несчастные следы своего первого воспитания. Умен, но застенчив; упрям, слишком скор, вспыльчив до бешенства и смешлив...» (с. 203). Из записи видно,

что *проницательный* Куницын дал верную характеристику лицеисту Пушкину и интуитивно почувствовал, что ни он сам, ни другие преподаватели, занятые, главным образом, чтением лекций, ни тем более «иезуиты» гувернеры не способны должным образом заниматься воспитанием лицеистов. А поэтому в сложившейся ситуации надеяться приходится только на их дружбу — верный способ взаимного воспитания и самовоспитания.

Но вернемся к Кошанскому, который, преподавая в лицее русскую словесность, мечтал стать «первым поэтом», но его «поэтическая арена» (по словам Куницына) никак не открывалась. Понятно, что Кошанский испытывал, говоря психологическим языком, *внутриличностный диссонанс*, усугубляющий негативные черты его характера, что не могло не отражаться и на отношении к ученикам.

Вот что пишет о Кошанском Ю. Тынянов: «Поэзия и милые женщины, которым он собирался посвятить свою жизнь <...> от него отвернулись. Стихи его успеха не имели, женщинам он казался смешон» (с. 226). Мотивация мужчины прославиться понятна. Но отношение к нему и его поэзии женщин говорит о том, что ни поэтического дара, ни ума, ни привлекательной (*мужественной*) наружности Кошанский не имел (отметим, что он был холост, а в тот период ему было 30 лет, что по меркам того времени не считалось молодостью). Как к такому мужчине и преподавателю (преподавателю русской словесности) могли относиться лицеисты? Но сначала расскажем о том, как Кошанский относился к ученикам.

Сначала Кошанский добился «запрещения писать стихи» для воспитанников. Но они продолжали (уже тайно) сочинять «нелепые стишки» и распевать их в стенах лицея. Его это напугало. Боясь услышать

куплеты о себе, он решил сам задавать юнцам темы, переводы и прочее, чтобы раскритиковать и тем самым отлучить от сочинительства. Кошанский считал, что поэзия как «священное ремесло» подвластно «только людям ученым, зрелым, искушенным» (с. 234). Критика поэтических сочинений лицеистов стала его страстью. «Знания его были обширны, и критики его стали бояться. Он чувствовал неизмеримое превосходство... Мысленно он называл свою критику спасительною лозою» (с. 226). Действительно, Кошанский делал правильные замечания, но его «жеманная улыбка» и «сладоострастие», с которым он «зачеркивал ненужное слово и тут же подписывал исправление» вызывала у юных пиитов мрачные переживания. Поэтому Пушкин в отличие от *сочинителей* Кюхельбекера или Илличевского не давал Кошанскому своих стихов.

Однажды Кошанский остался дежурить вместо Пилецкого... и стал подслушивать... (он как первый профессор метил в директора после возможной отставки Малиновского). Юнцы думали, что их никто не слышит, и в стихках довольно метко осмеивали нелюбимого профессора Гауеншилда... После тихого пения началось представление в лицах... Яковлев изображал Кошанского, голосом не похожим, но по тексту («набору фраз») точным... Кошанский вспомнил как юнцы смеялись над ним на лекции... «Оказывается, они смотрели на него не как на поэта, не как на наставника, а как на актера. Насмешливое направление в лицее было новою язвою просвещения. И он не сомневался, кто истинным виновником этого направления, виновником наследственным, насмешником потомственным был Пушкин. Он расслышал теперь его смех, внезапный, обрывистый и неприличный, среди других смешков, по крайней мере, более

тихих. Подобно тому, как дядя его наводнил Парнас непристойными и пустяжными стишками, так заражает все вокруг себя и племянник. А стишки дяди вот уж подлинно легкая поэзия: дунешь, и нет — одуванчик... Куплетов о себе он не услышал. Но кто поручится, что этот дьяволенок <...> завтра не настрочит какой-нибудь эпиграммы, куплета, шарады? Приученный к насмешкам <...> он, всеконечно, был автор пакостей, теперь певшихся в лицее... В бессвязных строках чувствовалась размашистость и отчаянная беспечность именно Пушкина, шалуна. Пушкин был автор всех насмешливых песен; никто другой не имел столь быстрого, лукавого взора, высматривающего слабости других: сушая чума. Он решил проучить его... Пушкин и Дельвиг *мнили* о себе. Из чего это можно было заключить? Из гордости: они писали, грызли перья, но не подходили и не спрашивали совета. Они, подражая кому угодно, не желали подражать никому в особенности. А только такое подражание есть основа...» (с. 228).

Назавтра Кошанский начал свою лекцию с достоинства слога. Он часто размышлял над этим, читая любимые стихи Державина и свои. *«Простой слог был способ писать так, как говорят»*... Он добился внимания. В том числе Кюхельбекера и даже Пушкина... Где учиться простому слогу? Не на площадях же... Он отметил Дмитриева... Потом разобрал и покритиковал перевод Кюхельбекера, назвав его бессмыслицей... Покончив с критикой, профессор сказал о слоге, который приличен, которым немногие одарены и который он хотел бы видеть у неоперенных еще талантов. В конце он резюмировал: *«Никто из юнцов этого слога не имел»* (с. 230).

Наконец до Кошанского дошли сведения о какой-то насмешливой адской поэме, которую сочинил

юнец Пушкин (это была поэма «Измены». — Г.З.) ... И постепенно стихи Пушкина стали ему известны... Кошанский сокрушался, он не мог сделать замечание (к чему привык) ... Он вдруг к удивлению «почувствовал, что и на него самого начинала действовать <...> легкость, развязность, воздушность, механическая подвижность, общежительность, болтливость нового стиха. Новый стих ему нравился, и он негодовал». Стихи Пушкины (по сравнению с Державиным, Карамзиным, Батюшковым) становились доступными всем... Солидные дамы стали интересоваться «лицейскими слагателями» (с. 288).

Как видим, оценки Кошанского как самого Александра Пушкина (*гордого насмешника*), так и его стихов (*легких и понятных всем*) были верными. И в тоже время вызывали у Кошанского зависть и враждебность (признаки невротической личности, от которой можно ждать только унижений). Учиться у такого профессора словесности, разумеется, было вредно, его надо было остерегаться, что и делал начинающий поэт, лицеист Александр Пушкин.

В заключение приведем текст, характеризующий «педагогику» еще одного ведущего преподавателя — профессора истории Кайданова, по личностным качествам сходного с Кошанским (также типичного невротика, только еще более злобного). Первые сведения о нем мы встречали, когда цитировали «тетрадь» Куницына.

«Учитель истории Кайданов не был никем любим. Все его существо, грузное и приземистое, не имело ничего любезного. Он ходил, переваливаясь с боку на бок, и во всем сохранил отпечаток Переясловской семинарии, в которой до лица преподавал. Он был хитер: глазки его были плутовские. Он был озлоблен — воспитанники, при которых приходилось

скрывать семинарские привычки, утомляли его... Он читал свои лекции по книжкам, протяжно и певуче, напоминая иногда сам себе своего семинарского ректора, а Миша Яковлев говорил, что похожего на дьячка Паисия. Тайная лень и равнодушие одолевали его. Он был лукав и груб, и самое большое наслаждение было для него озадачить. Но его слушали. Быть может, важное равнодушие его голоса и неожиданность сравнений были главной тому причиной» (с. 283). К этому следует добавить, что лицеистов он называл «животинами». Не называл он так только *отличников* Горчакова и Вальховского, а еще Пушкина («бесенка по проказам и понятливости»), видимо, боясь его насмешек.

Итак, Кайданов читал лекции по книжкам как проповедь (протяжно и певуче). Такой *метод*, скорее всего, погружал учеников (особенно ленивых умом) в дремоту, а если и вызывал интерес у кого-то, то только содержанием книги, которую читал сей *профессор*. Так Ю. Тынянов описывает реакцию (в форме интереса) Кюхельбекера и Пушкина на лекцию Кайданова о Фабии Кунктаторе, который уводил свои войска, чтобы избежать сражения с Аннибалом, за что получил в насмешку прозвище «медлитель». Интерес друзей к этому факту древней истории объяснялся просто: Кюхельбекер был в родстве с главнокомандующим русскими войсками Барклаем де Толли, который на первом этапе войны с Наполеоном только отступал...

Приведенные Ю. Тыняновым, в том числе благодаря записям профессора Куницына, примеры педагогической (а по большей части, *антипедагогической*) деятельности убеждают нас в главном — процесс обучения и воспитания в лицее был ущербным, ибо противоречил потребностям лицеистов, и, следовательно, отрицательно сказывался на их личности.

*Гувернеры.* Педагогическая идея — воспитывать честностью (а следовательно, и свободой), овладевшая умами Малиновского и Куницына (по всей видимости, под влиянием Сперанского), и по нынешним временам может считаться передовой. А если б эта идея реализовалась в лицее, а затем внедрилась во все российское образование?! Какой бы сегодня, спустя 200 лет, была бы Россия?!

Понятно, что для реализации передовой педагогической идеи требовались соответствующие исполнители — честные, образованные и самоотверженные учителя (да, где же их было взять в крепостном российском обществе?!). Но главное — нужна была поддержка *власти*, чего ожидать в казарменном государстве было совершенно не возможно. Неслучайно, на должность инспектора лицея был назначен Мартин Пилецкий, противник любых вольностей и видевший свою главную задачу в тотальном надзоре за лицеистами, а за одно и за гувернерами, и профессорами (его доносов опасался даже директор Малиновский).

Действительно, назначение инспектором лицея «инквизитора» Мартина Пилецкого не было случайным. Сам император считал, что блюсти нравственность можно только средствами тотального надзора. По тем временам надзирательство считалось нормой социальной жизни. И воспитание детей в гимназиях, кадетских корпусах, иезуитских колледжах осуществлялось, главным образом, с помощью надзора и наказания. Такое, с позволения сказать воспитание, противоречащее потребностям детей и во всех отношениях ущербное, осуществлялось и в лицее (что нами уже отмечалось выше).

Ю. Тынянов пишет: «Мартин Пилецкий старался его (лицеиста Пушкина. — Г.З.) не замечать. Стремительный, он всегда проходил мимо него своей

быстрой походкой, почти задевая, словно перед ним было пустое место. Откуда-то он вынес ежедневную потребность во власти и особую, смиренную гордость иезуитов, виновившихся только перед богом. Все его боялись... Брата своего Илью он пристроил в лицей гувернером. Брат обожал его и при всех кланялся Мартину со всей униженностью подчиненного. Он тенью бродил по коридору, неслышимый, невидимый сидел в углу во время уроков и, не слушая профессорских лекций, прислушивался к шороху, шепоту. Всегда при нем была длинная узкая тетрадь, в черном переплете, куда он поминутно вносил свои наблюдения... У Мартина были свои любимцы, он вел с ними длинные беседы... С Модинькой Корфом он вел беседы уединяясь... Он просил его быть осторожным. Модинька был миловиден... Монах гладил его по голове и отпускал (не намек ли это на мужеложство Пилецкого, сказать о котором открыто советский писатель Ю. Н. Тынянов не решился? — Г.З.» (с. 218).

Среди любимцев были также лицеисты Ломоносов, Юдин, Корсаков.

«Корсакову он разрешил издавать журнал. Он кратко написал предложение: учредить собрание всех молодых людей, которые довольно способны к исполнению должности сочинителя... Вне сего собрания — сочинять что-либо запрещалось... Журнал Корсакова он назвал просто: «Царскосельские газеты». У Корсакова был прекрасный почерк, поэтому он сделал его редактором. Журнал свой Корсаков должен был показывать Кошанскому для отзывов о достоинствах статей и Мартину для цензуры нравственной... Между тем Мартин потребовал от своих любимцев доверенности: они должны были рассказывать ему обо всех поступках — своих, товарищей — и даже помыслах. Он не обещал им прощение, но обещал, как духов-



ный отец, справедливость, а они добровольно должны были признать его отцовскую власть. Модинке Корфу и Корсакову начинало это нравиться: у них был заступник, всегда готовый их защитить, а при случае отличить» (с. 218–219).

Приручив одних, Мартин хотел постепенно приручить всех и так дойти до последних учеников. Последними были Данзас, Броглио и Пушкин. Но с Пушкиным он хотел справиться раньше, чем с остальными, ибо влияние его могло быть губительно. «Пушкин был на особом замечании: он требовал строжайшего надзора, Мартинов брат неустанно пекся о нем и не терял его из виду, следуя за ним по пятам. Он помнил наставления брата своего: следить даже мимические разговоры, пошепты и мгновенные урывки» (с. 231). Вскоре Илья донес брату, что «Пушкин громко утверждал, что инспектор берет их письма из ящика и читает <...> что Пушкин дважды громким голосом изобличал инспектора» (с. 237).

Надзирательство, слежка, цензура на сочинения, поощрение доноительства на товарищей, чтение писем лицеистов, неравенство и несправедливость по отношению к ним — эти методы впору назвать полицейскими (даже тюремными), но только не педагогическими. Кто-то из лицеистов *приручался и приручился* (примером может служить Модест Корф, который в своих воспоминаниях крайне недоброжелательно отзывался и о лицее, и о Пушкине). Что же касается *нашего героя* — Александра Пушкина, то ему, привыкшему с детства сопротивляться насилию в семье, здесь в лицее, пришлось противостоять враждебности со стороны Мартина и Ильи Пилецких, Кошанского, Гауеншилда и других. Благодаря сочинению насмешливых песен на своих врагов, вокруг него стали объединяться такие же *униженные и оскорбленные* ли-

цеисты, и однажды взбунтовавшись, они предъявили Мартину ультиматум, что покинут лицей, если он не перестанет их унижать. Так они вынудили уйти ненавистного Мартина из лицея. Это была первая победа Пушкина (*по возрасту — подростка*) над другим, причем, взрослым и сильным человеком. Благодаря этой победе многие однокашники (Пуцин, Дельвиг, Кюхельбекер, Горчаков, Вальховский, ставшие в будущем известными людьми) увидели в нем лидера. Но торжество победы в подростковом возрасте, как известно, бывает и опасным, так как провоцирует, особенно в бунтарской душе, развитие *невротического честолюбия* (позже мы найдем этому подтверждение при анализе юношеского периода жизни Пушкина).

Надзирательные функции в лицее исполняли главным образом Мартин Пилецкий и его брат Илья. Но в *штат* входили и другие гувернеры: «тихий» дядька Фома и «скучный» Сазонов занимались хозяйственным обслуживанием лицеистов, «придирчивый» отставник Фролов проводил занятия по фехтованию и верховой езде (позже он заменит Мартина Пилецкого на должности инспектора), «громадина» Калинич обучал каллиграфии, на прогулки детей водили «замкнутый» Чириков и «странный» Иконников. Большинство из этих людей любви к воспитанникам не испытывали и свои обязанности исполняли формально. Исключение составлял гувернер Иконников, он пользовался уважением лицеистов, в том числе и Пушкина, поэтому о нем расскажем подробнее.

Впервые о гувернере Иконникове мы узнаем из тетради Куницына. «С Иконниковым все более дружусь. Он очень беден, проще скажу: нищ. Более странного гувернера никто не мог придумать, но вместе — действие его на детей должно быть истинно полезно <...> он всем говорит правду, и только правду. Я слышал

его разговор с Горчаковым. Горчаков стал говорить с ним, чтобы озадачить, по-французски и говорил на смешливо. Иконников долго слушал и вдруг по-французски же ответил, что если Горчаков сейчас же перед ним не извинится, он будет считать его невеждой. Тот сконфузился. Теперь он всеми любим. Они ему читают свои сочинения и ценят его откровенный вкус» (с. 200). Объяснение этому простое. Подростки нуждаются в старшем по возрасту, честном и образованном друге для доверительных бесед и расспросов, ибо это благоприятствует *рефлексии* и формирует у них правильную самооценку. Для лицеистов таким другом оказался Иконников — человек странной судьбы, который когда-то служил переводчиком в коллегии иностранных дел, потом преподавал в горном корпусе географию, историю и французский язык, но «нигде не удержался» (по всей видимости, из-за честного и независимого характера).

Куницын пишет: «Иконников прочел мне несколько своих стихотворений — и поразил меня. Это все краткие элегии, написанные с истинным чувством, не чета нашему Кошанскому. Но все недокончено, небрежно. Я спросил его, почему не отдает он их в печать. — Чтоб не получить отказа. — Он слишком горд и беден... Наконец он признался мне, что пишет большую поэму, и от успеха зависит все дальнейшее его счастье. Но прочесть что-либо из нее решительно отказался. Мне открылся <...> потому что я «кажусь ему честным человеком, более, чем другие» (с. 200).

К сожалению, вскоре по доносу Пилецкого Иконникова уволили из лицея. В доносе доводилось до сведения начальства, что тот «уже два года не был у причастия, что он кошун и пьяница» (с. 200). Многие в доносе были правдой, поэтому Малиновский, как ни старался не смог защитить Иконникова. Не смог-

ли заступиться за Иконникова и полюбившие его лицеисты. Правда, в период *бунта* они требовали вернуть им Иконникова, но этого почему-то не случилось даже после того, как Пилецкий покинул лицей...

Мы уделили много внимания гувернеру Иконникову, потому что он (один из немногих) своей честностью и пониманием поэзии оказывал положительное влияние (хоть и короткое время) на Пушкина и других лицеистов, которые сочиняли стихи и нуждались в оценке своего творчества. Несправедливость состояла в том, что честный, образованный и талантливый Иконников (несмотря на свои странности) больше подходил для работы преподавателем словесности, нежели невротичный и бесталаный Кошанский.

Заключая, отметим, что надзорный режим, установленный братьями Пилецкими в лицее, не благоприятствовал личностному развитию обучающихся, а напротив, препятствовал, коверкая их души. В то же время для многих из них этот режим стал возбудителем творчества, сильных чувств и смелых поступков, сблизивших их и сделав друзьями. Среди таких лицеистов был Александр Пушкин: привыкший с детства (*с дома*) противостоять насилию, он в лицее, благодаря сочинению насмешливых песен *на надзирателей и притеснителей*, приобрел доверие одноклассников и непроизвольно стал их *лидером*. Потеряв своего главного цербера, — Мартина Пилецкого, надзорный режим в лицее сильно ослабился.

**Лицеисты.** В лицей были приняты в основном 11–13-летние мальчики дворян, «карьера которых не удалась или прервалась» (с. 163). Отцы стремились определить своих отпрысков в лицей по честолюбивым мотивам, но главным образом, по материальным соображением (*ведь там обеспечивался «полный пансион»*). Вспомним историю поступления

в лицей Александра Пушкина: его отец Сергей Львович, испытывавший постоянную нехватку денежных средств, стремился *сбагрить* нелюбимого сына в казенное учреждение, для чего использовал все имеющиеся связи (*иначе бы не получилось*). И хотя Сергей Львович руководствовался недобрыми мотивами, все же выразим ему *благодарность* за устройство сына в лицей... В иезуитском колледже, враждебном ко всему русскому, куда сначала отец готов был *сдать* сына (даже за плату), ему было бы много горше...

Впервые о лицеистах мы читаем у Ю. Тынянова, когда дядя Василий Львович, который занимался устройством племянника Александра в лицей, позвал в гости двух будущий его товарищей — Ломоносова и Гурьева. Гости «говорили уверенно по-французски, но полузагадками, потом помчались друг за другом, не замечая его (*Александра*), быстро простились и ушли. «Александр иначе представлял себе новых товарищей. Ему вдруг стало жаль тех унылых послушников в монастырских одеждах, среди которых он готовился жить у иезуитов. Этот холод, равнодушные, быстрота новых товарищей смутили его. Он чувствовал втайне обиду, хотя его никто не обижал» (с. 179). «Монастырских послушников», конечно, можно только жалеть, что же касается «вольных детей» то, они оказались для Александра чужими и не интересными. Скорее всего, потому, что он опережал их в развитии...

Следующим лицеистом, с которым познакомился Александр был Иван Пуцин. Они сблизились на квартире директора лицея, где проходила примерка формы. Александр, не привыкший к скоплению людей, держался Пуцина, с которым познакомился еще на приеме у министра Разумовского. Они стали вместе ходить на примерку. Здесь завязывались новые знаком-

ства. Пушкин познакомился с Горчаковым... Он был щеголеватее других и старался быть со всеми одинаково любезен... «Сразу же обнаружился шалуны» — «бесстрастный» и «медлительный» Данзас и «жирный француз с ястребиным носом» Броглио (с. 183).

«Одиночество Александра кончилось. Пуцин жил тут же неподалеку, на Мойке, в темном, старом родовом доме. Каждый день с утра приходил он к Александру. Толстый, круглолицый, с ясными серыми глазами, он ни в чем не был похож на Александра» (с. 184). Они расспросили друг друга о родителях... В семье Пуциных начальствовали сестры, которых Иван не любил (его отец воспитанием детей не занимался, так как был при высокой должности, к тому же страстная любовь к женщине низкого сословия отдалила его от семьи, после чего мать «помешалась и жила взаперти, не выходя из комнаты»). В общем, Иван, как и Александр не любил свой дом и не испытывал сыновних чувств к родителям. Поэтому они охотно говорили о других родственниках: Иван — о дяде-адмирале, Александр — о дяде-стихотворце. «Александр прочел Пуцину «Опасного соседа» (поэму дяди. — Г.З.). Пуцину поэма понравилась. Оба они поговорили о том, что напечатать ее нельзя, потому что она вольная... Они теперь бродили по Петербургу вместе, иногда удивляя друг друга своими знаниями. Таковы были их познания в любви. Каждый из них полагал ранее, что только он один знает все удивительные подробности и что никто из сверстников об этом не знает и знать не может. Александр был удивлен, что Пуцин знает то же, что и он. Они почувствовали друг к другу уважение» (с. 185).

В этой связи заметим, следующее. Дружба между детьми завязывается, когда они вместе играют. И *детская дружба* проходит, как только они пере-

стают вместе играть. Дружба Александра Пушкина и Ивана Пущина, возникшая в детстве, продолжалась всю жизнь, потому что они подружились не на играх (хотя они нередко вместе шалили, резвились, боролись), а на обсуждении *взрослой* темы — половой жизни мужчин и женщин (Пущин был один из немногих друзей Пушкина, который понимал тайны любви и мог поддержать разговор).

Об остальных лицеистах, оказавшихся в кругу общения Александра, мы узнаем из «тетради» Куницына. Вспомним описанный им эпизод: к Куницыну пришел назначенный инспектором лицея Мартин Пилецкий и принес сведения о лицеистах и их семьях чисто полицейского характера и сказал, что большинство учеников дурно воспитаны, так как из «развратных» семей. Здесь надо отдать должное *блюстителю нравственности*: действительно среди учеников не было заметно ни одного добросердечного дружелюбного мальчика. Впрочем, даже если бы такие и были, надзиратель, вряд ли их отметил. Специфика характера надзирателя состоит именно в том, чтобы видеть в других людях только скверное.

То что, лицеисты были разными и с нехорошими характерами, увидел и Куницын, наблюдая за ними на своих лекциях (об этом писалось выше). А если вспомнить, что он ратовал за то, чтобы они подружились и в дружбе облагородились, то, возможно, наблюдая за ними, он стал осознавать, что надеяться на это было трудно. Плохо воспитанные дети подружиться не могут; дружба доступна только людям воспитанным — это *педагогическая аксиома* (правда, мало кому известная).

Ю. Тынянов описывает режим дня в лицее.

«Вставали засветло — в шесть утра — и дежурный гувернер Илья строил их в «порядок» и вел на

второй этаж в столовый зал, где они пили жидкий чай. Строже всего Илья по заветам брата наблюдал, чтобы перед классами наверху, в спальнях и на втором этаже, где пьют чай, отнюдь не было игр, ибо они рассеивают без нужды. Потом с семи до девяти были лекции, после лекций они шли гулять, обедали, репетировали уроки в классном зале, потом опять лекции — счетом три; после лекций — вторая прогулка, полдник, ужин, третья прогулка — и в десять часов снова шли «порядком», почти никогда в этот час не соблюдаемым, к себе наверх, в четвертый этаж, и расходились по своим кельям, носившим каждая свой номер. Номер Александра был — четырнадцать; рядом, за дощатой перегородкой, тихонько посвистывал номер пятнадцатый; Пущин... У каждого было бюро (или конторка), комод и железная кровать... Полутемные переходы, сводчатые потолки, крадущийся у дверей надзиратель, у которого глаза были пронзительные, а обличье монашеское — все иногда ему казалось монастырем иезуитов, в который он так и не попал... Каждый день трижды водили гулять, и прогулки были важнее, чем лекции: Малиновский полагал важным для развития детей воздух Царского... Отроки должны были быть на воле... Их водили попарно, в ногу (*какая ж это воля?!*) ... Постепенно он (Александр. — Г.З.) свыкся с садами, прекраснее которых ничего не было... вспоминался Юсупов сад... Праздные, странные мысли приходили ему в голову. Он никогда их не помнил и к ним не возвращался (это и понятно, внутренний голос, обычно, не запоминается. — Г.З.). Иногда он улыбался им (значит, делал открытия. — Г.З.). Пущин, который шел с ним в паре, привык к этому и говорил непрерывно, не заботясь, слушают ли его... Они гуляли по владениям царственных особ. На «Розовом поле», не обращая внимания



на гувернера, все начинали играть в снежки. Чириков (гувернер. — Г.З.) метался от одного к другому хрипло умоляя прекратить беспорядок...» (с. 206–207).

Считается, что режим в учебном заведении — это важное средство воспитания. Режим в лицее был казарменный, а распорядок дня жесткий. Понятно, что тотальный надзор и принуждение действовали угнетающе на психику лицеистов, а значит, не способствовали их личностному развитию и дружескому сближению. А ведь именно таким *макаром* профессора и гувернеры намеревались воспитать в них «общий дух», «священное товарищество»! *Ложный путь*, которым, к сожалению, увлекаются и в современных школах.

Не благоприятствовала дружбе лицеистов и сама учеба, ибо не пробуждала в них рефлексию — важное условие воспитания и развития личности в подростковом возрасте. Неудивительно, что в свободное от занятий время, лицеисты либо подтрунивали и насмехались друг над другом, либо избегали общения. У каждого из них появилось прозвище (Пушкина за хороший французский разговор звали «Французом», а еще он имел прозвище «Обезьяна»). В общем, дружба между лицеистами не завязывалась.

Об успехах в учебе лицеистов мы узнаем как из «тетради» Куницына (они касались первого года обучения), так и записок директора Малиновского (спустя три года). Их оценки лицеистов оказались очень близкими. Следовательно, за три года обучения лицеисты практически не изменились. Всегда был прилежен Горчаков, но любил притворяться лентяем. Он отвечал на вопросы верно и обстоятельно, с такой небрежностью, что одни профессора считали его гением, другие легкомысленным... Он был первым. Первым считался и Вальховский, но он брал упорством, ночи просиживая над учебниками. Последними уче-

никами были и оставались Броглио, Данзас и некоторые другие. Но большинство лицеистов, как это и бывает, учились с переменным успехом. Пушкин был среди них. На занятиях, грызя перо и забыв обо всем, он сочинял стихи... Таким образом, у большинства лицеистов так и не сформировалась устойчивая учебная мотивация. Причина этого, конечно, заключалась не в самих учениках, а в способе преподавания — принудительной, противоречащей их потребностям, передаче нормативных знаний и сведений общего порядка, не имеющих никакого отношения к их психической жизни.

Все лицеисты находились под наблюдением, но *насмешник* Пушкин был под тотальным наблюдением.

Пилецкий наблюдал... когда Пушкин играл в мяч, движения его были быстры, он был меток и горяч... Предаваясь игре со страстью, он тем не менее замечал все происходящее кругом... В другой раз он беседовал о чем-то с Яковлевым... быстро и живо... Яковлев слушал открыв рот... Он видел как Пушкин встретился с Дельвигом, бывшим на замечании по лености. Они обнялись и пошли нога в ногу... В Пушкине прибавилось добродушия... теперь он болтал... Противоречия в характере были (Пилецкому. — Г.З.) непонятны... (с. 223).

В библиотеке Пушкин прятался от лекций по математике и немецкому языку... Пилецкий выследил его <...> и дал понять, что хочет поговорить наедине... Он спросил, почему он не хочет давать стихотворений своих Кюсакову: может ему недостает пособий... Пушкин стал называть нужные ему книги — все те, которые Арина сунула в баул <...> и которые забрал Чириков. Пилецкий сказал забыть эти книги и спросил, откуда у него взялись эти книги... Узнав, что эти книги из отцовской библиотеке, Пилецкий усмехнул-

ся и сказал: «Не многим же вас снабдил родитель»... Александр редко и мало вспоминал отца и даже стыдился его. Но насмешка Мартина все решила... слово «родитель» ему не понравилось, он подумал, что также Пилецкий может назвать его мать и задрожал... «Чем хуже были его отец и мать, тем неприкосновеннее»... Пилецкого он отныне ненавидел (с. 225).

Привыкший с детства (с дома) сопротивляться притеснению Пушкин стал при всех избличать ненавистного инспектора. «Совершенно были с ним согласны только Дельвиг, слушавший его с удовольствием и ненавидевший Пилецкого не меньше Александра, глупец Мясоедов да дюжий Малиновский. Бродлио и Данзас, последние ученики, были готовы на все» (с. 238).

*Бунтаря* Пушкина выводили из себя «тихие взгляды» и «умеренные речи» Горчакова, Вальховского, Матюшкина, Илличевского, особенно «старого друга» Пущина, которые все правильно оценивали, но старались избегать шума и беспорядков. Он с удовольствием задирали «благоразумных»... Как видим, *невротическое честолюбие* Пушкина проявлялось даже во взаимоотношениях с друзьями.

«Каждый вечер беспокойные собирались теперь вместе... В лицее стали распевать песни, куплеты — следствие тайного сочинительства... Наконец в классе профессора Гауеншильда после лекции гувернеру (Илье. — Г.З.) удалось обнаружить сочинение: оно было у Дельвига... потребовав его <...> он получил отказ». Тогда Илья попытался отобрать сочинение силой и получил толчок (по словам гувернера, его пнул Пушкин, который стоял тут же с бешеным видом). К бунтарям неожиданно примкнули другие лицеисты, в том числе, такие, от которых никто этого не ждал: всегда благоразумный и успевающий ученик

Вальховский, робкий Корсаков и даже сторонившийся всех Кюхельбекер. Последний особенно разошелся, «употребляя негодные выражения» (с. 244).

После бунта и «выгона» Пилецкого отношения между лицеистами заметно улучшились. Пушкин «нашел товарищей»...

В эти дни Кошанский прочитал реляцию: Париж взят русскими войсками... И все они вдруг не по годам стали старше... Детские потасовки кончились...

Благоприятствовало дружбе совместное творчество...

В лицее оказались свои художники, типографы, поэты, журналисты, музыканты... Пушкин писал стихи, «журналисты» выпрашивали их у него для своего журнала «Лицейский мудрец», Миша Яковлев сочинял музыку на его стихи, а Корсаков пел... Детство вдруг ушло, и у всех открылись таланты... Даже у Данзаса открылся талант: почерк и рисование. Горчаков (первый ученик) стал показывать при встречах с Александром, что отличает его от других. Он стал терпеливо переписывать все, что сочинял Александр... Они стали приятелями. Дельвига Александр любил; при встрече они целовались... Ему одному он любил читать свои стихи. В этой связи надо сказать, что дружба Пушкина с Дельвигом не прерывалась и после окончания лицея. Объясняется это тем, что они с детства занимались одним взрослым занятием — сочинением стихов. К тому же Дельвиг был добряком, во всем согласным с Пушкиным (с. 285–286).

К Пушкину приходила слава... Его страсть к стихотворчеству становилась всепоглощающей — от этого он даже стал плохо спать по ночам; «кровь стучала в виски... буйные стихи снились ему» (с. 299). В результате (видимо, на почве нервного перенапряжения) он сильно заболел (до бреда). «Горячка

мешалась у него с горячкой поэтической». Болел он тяжело и долго, ведь «буйные стихи» помимо воли творились в его горячей голове и препятствовали выздоровлению. Его болезнь вызвала сопереживание у Пущина, Дельвига, Кюхельбекера, Горчакова и некоторых других. Они часто проводывали его в лазарете, рассказывая каждый свои новости. Так болезнь Пушкина стала проверкой дружбы лицейстов и способствовала ее углублению.

Заключая, отметим следующее. Дружба между лицейстами возникла сначала как вид сплочения в противоборстве с надзирателем Мартином Пилецким. А затем, благодаря совместному творчеству (обычно скрытому от преподавателей), стала главным побудителем их психического (личностного) развития и сближения. Завязавшаяся дружба (точнее, дружеское единение), безусловно, помогала им легче переносить учебную рутину и казарменный режим заведения. Проверкой дружбы лицейстов стала затянувшаяся болезнь Пушкина. Так дружба (вопреки тотальному надзору, унижающего личность) стала облагораживать лицейстов (надежды Куницына сбывались, хоть он об этом даже не догадывался). В сложившейся позитивной педагогической и психологической тенденции основная заслуга, безусловно, принадлежала лицейсту Пушкину, его бесстрашному (бунтарскому, воинственному) характеру и его стихам (понятым и интересным всем), вызывающих у лицейстов эмоциональный подъем, побуждающих их к сотворчеству и сопереживанию, а главное — к сопротивлению казарменным порядкам и, следовательно, служившим для всех сильнейшим фактором воспитания.

*«Француз»*. Александр, привыкший быть один, трудно привыкал к лицейским товарищам. Он про-

должал дружить только с Пушиным: их комнаты были рядом, и они могли переговариваться через тонкую перегородку. Остальных лицеистов Пушкин сторонился, к ним присматривался...

Горчакову учеба давалась легко; он сразу стал лучшим... Александр завидовал ему и побаивался его ума. Многих лицеистов (Дельвига, Броглио, Данзаса) часто наказывали за лень, пренебрежение к урокам и незнание. Вместо конторки их садили делать задание за «черный стол» (это было местом наказания) <...> «оставляли без завтрака, вместо чаю давали стакан воды с черным хлебом» (с. 209). Но ни «ленивый» Дельвиг, ни «отчаянные» Броглио и Данзас не исправлялись... Применяемые к ним *зверинные* методы наказания не действовали.

Воспитанник Пушкин тоже бывал сажаем за *непригодный для занятий* «черный стол» в наказание за громкий смех в классе чистописания и за «пустые фигуры», которые чертил в классе немецкой словесности... Но эти проказы не сближали его с «ленивыми» и «отчаянными».

Пушкин свободно говорил по-французски (как француз), это отличало его от всех. Заслуга в этом, по всей видимости, принадлежала графу Монфору — домашнему гувернеру. К тому же Александр постоянно читал французские книжки (мадригалы Вольтера и поэмы Пирона), взятые из дому. Однажды лицеисты попросили его почитать стихи... Он сначала отказался, но потом прочел стихотворение Вольтера... забавное, недозволенное... Лицеисты по незрелости зафыркали, а Горчаков сказал, что «у него есть вкус»... Вскоре все заметили: он грызет перья на уроках — что-то чертит и записывает; думали, что он записывает лекции. Пробовали приставать к нему после лекции, он выходил из себя и готов был

тут же подраться. Между тем гувернер, присутствующий на лекциях, дважды сделал ему строгий выговор, и постепенно «отчаянные» стали его уважать. Он был занят на лекциях, видимо, чем-то посторонним и, кажется, ровно ничего не слушал. Однажды он не мог, да и не желал ничего повторять, когда его спросил Гауеншилд. Немец расвирепел, но Пушкин не испугался... у него были свои, посторонние занятия. «Шалуны» стали к нему присматриваться. Может быть, он писал стихи?.. Стихи писал Илличевский, но не на лекциях, а после... Он даже читал свои стихи, когда его просили... Попросили прочесть Пушкина, и он отказался; вспыхнул, точно его ударили... Всем стало ясно, что он пишет хуже (Илличевского. — Г.З.) и у него ничего не выходит... Потом обнаружилось, что «Кюхельбекер, который почти не знает русского языка, тоже пишет стихи» (с. 210).

«Номер четырнадцать дичился; шалуны решили взяться за него. Однажды Броглио (более сильный. — Г.З.) припер его к стене, он (Александр. — Г.З.) вдруг побледнел, задохнулся и так грубо выругался, что Броглио смутился <...> они оставили его в покое... Его знаний стали побаиваться (знаний из книг, которых они не читали. — Г.З.); он был и чудак, и шалун, хотя не такой, как Данзас и Броглио, а другой. Все по вечерам писали письма домой, а он не писал... Однажды им объявили, что домой они отпускаться не будут, а родственники могут их посещать по воскресеньям и праздничным дням. На вопрос, когда же их отпустят домой, Пилецкий ответил: «По окончании лица». Многие <...> надулись, стараясь не плакать... Александр с любопытством на них посмотрел. Потом вспомнил голую стену детской комнаты, угольки в печке, отца — нахмурился... Вечером, ложась спать, он взял томик Вольтера, который суну-

ла ему Арина, прочел краткое стихотворение о Фрероне, которого укусил змей, от чего издох змей, а не Фрерон, улыбнулся от удовольствия (наверное, он представлял себя Фрероном. — Г.З.) и прижал книгу к щеке. Она была в ветхом кожаном переплете; кожа была теплая, как старушечья щека. Он еще улыбнулся и заснул» (с. 212).

«Они часто гуляли вдоль прудов... Простой, дикий памятник стоял здесь серою скалою, носы кораблей торчали во все стороны, напоминая море... Это была память морской победы, которую Федор Орлов одержал некогда у Мореи... Последним (в списке) значился бригадир Ганнибал: «Крепость Наварин сдавалась бригадиру Ганнибалу» (с. 213). Он чувствовал, что это его дед, и у памятника кланялся... Мальчику хотелось гордиться хоть каким-нибудь предком.

«По приказу Пилецкого стали отнимать у них книги, привезенные из родительских домов. Александр не хотел отдавать, но сжалился над гувернером Чириковым, который занимался сбором книг и все же отдал ему книги...» (с. 214).

Когда хочется читать, а читать нечего, приходится писать собственные тексты. Сочинение стихов становилось основным занятием Пушкина.

Ю. Тынянов пишет: «Это было похоже на болезнь; он мучился, ловил слова, приходили рифмы. Потом он читал и поражался: слова были не те. Он зачеркивал слово за словом. Рифмы оставались. Он начинал привыкать к тому, что слова не те и что их слишком много; как бы то ни было, это были стихи, может быть, ложные. Он не мог не писать, но потом в отчаянии рвал (наверное, рвут свои «ложные» стихи все начинающие поэты, хотя лучше было бы дать стихам «отстояться» и вернуться к ним новым утром. Но Пушкин был слишком скор! — Г.З.) ... Стихи иногда



ему снились по ночам, утром он их забывал. Однажды приснилась ему Наташа (горничная княгини Волконской — первая девушка, которую он обнял и поцеловал; о ней разговор пойдет ниже. — Г.З.) <...> всю ночь продолжался бред, пламенный, тяжелый; к утру он проснулся, испуганный и удивленный, — что-то произошло, чего он не мог объяснить, что-то изменилось навеки: он помнил строку, полстиха: «Свет-Наташа», а вместо рифмы был поцелуй. Так он и не понял, что ему снилось в ту ночь — Наташа или стихи? Но записал на клочке: «Свет-Наташа» (с. 222). Как видим, у 12-летнего мальчика не по возрасту рано стали проявляться эротические потребности, среди которых доминирующей, на наш взгляд, была потребность познать свою сексуальность через отношения с взрослой девушкой.

Он никому ничего не читал. Казалось, ему тяжело было сознаться в стихах, как в преступлении... Он ничего не давал «журналистам», и они раздосадованные исключили его из «собрания сочинителей», среди которых уже были Корсаков, Илличевский и Горчаков. «Он рассмеялся, когда узнал об этом, а потом разозлился» (с. 222). Скорее всего, Пушкин чувствовал, что его недетские стихи не поймут однокашники, а враждебно настроенные взрослые (такие как Пилецкий и Кошанский) захотят посмеяться над ним.

«У него было любимое место в лицее: там он прятался от Пилецкого, туда внезапно скрывался. Это была галерея... В галерее наконец устроили библиотеку, и там выдавались им книги, по большей части скучные: история крестовых походов, путешествия по Нилу, Вольтер — только истории Карла XII. Но он полюбил скучные книги... особенно он полюбил книги философские и сборники изречений; краткие

истины, иногда до странности очевидные, стоили стихов» (с. 223).

На интерес Александра к философской литературе обратил внимание Куницын. Его поразило, что Пушкин знает Вольтера, Грессе, Пирона и, кажется, всю «французскую насмешливую литературу». В своей «тетради» Куницын отметил, что Пушкин «замысловат и остроумен», «с улыбкой прямо детской», и «вовсе не зол» (как говорил Кошанский). Здесь надо вспомнить, что в детстве Александр открыто почти не радовался, не веселился, ибо в родительском доме его все угнетало, раздражало, злило. Радовался он, лишь *тайно* читая в библиотеке отца взрослую (преимущественно) эротическую литературу и делая для себя неожиданные открытия. А если б библиотека отца оказалась для него недоступной? В кого бы он вырос? В злонравного человека? А каким бы стал поэтом и какой была бы его поэзия?..

Лицей оторвал Пушкина от домашнего гнета, который он вынужденно терпел. Угнетение в лицее было другим (*от чужих людей*) и с ним нужно было бороться. Лучшим средством стали насмешка, открытый и громкий смех. Это была реакция на гнет его рефлексирующей, творческой натуры. Радость, которую он при этом испытывал, конечно, была не доброй (но это была радость победы над угнетателем или глупцом, а значит, она была все же в определенной мере полезной для его души).

Насмешек Пушкина боялся даже благонравный Малиновский, хотя начинающий поэт совсем не собирался над ним насмехаться, ибо уважал его.

Ю. Тынянов от имени Малиновского пишет: «Пушкин был умен как бес и все, казалось, понимал с самой смешной стороны... По всему — на Пушкина сильно действовала поэзия: однажды он (Малинов-

ский.— Г.З.) видел, как, читая стихи Батюшкова, Пушкин побледнел... в нем словно сидел бес насмешки» (с. 266).

Пушкин насмехался и над товарищами-лицеистами, даже с которыми подружился. Больше всего от него доставалось длинному, неуклюжему, упрямому Кюхельбекеру (Кюхле). Но насмешки Пушкина (обычно в стихотворной форме) не были злыми, а имели, можно сказать, воспитательное значение. Пушкин как бы побуждал друга измениться, считая, что он «достоин лучшей участи». Кюхля писал стихи «насильно», они были «тяжелыми» и нередко «возбуждали смех», но он упрямо стремился стать поэтом. Пушкин пытался отговорить друга от «несчастной страсти к стихам». Они постоянно спорили о поэзии. Кюхля говорил, что «поэзия порождается страстями, безумием и восторгом». Александр возражал: «Нет, разумом». Для него сочинение стихов было «мгновенной радостью знания». Они не соглашались друг с другом, обсуждая и другие темы (о любви, ненависти, скупости и других «страстях»). В споре они ссорились «на смерть», но на следующее утро «встречались друзьями». Когда завязывался спор, Кюхля разворачивал свой «словарь» (в него он записывал в алфавитном порядке «мысли, казавшиеся ему знаменитыми») и начинал цитировать. Александр сначала посмеивался над увлечением друга, который пользовался только чужими мыслями, но потом Кюхлин словарь стал его любимым чтением (с. 309).

Пушкин и Кюхельбекер привыкли к *вычурным* взаимоотношениям, однако психологической основой дружбы Пушкина с Кюхельбекером (как и его дружбы с Дельвигом) все же было взрослое увлечение, их объединяющее,— поэтическое творчество, а также, конечно, личностные качества — Кюхля

был честным и добрым, а Пушкин очень ценил эти качества в людях.

Находясь под влиянием поэтов (Вольтера, Баркова, Жуковского, Державина, Батюшкова) Пушкин сочинял *не стихи*, а поэмы. Ю. Тынянов пишет: «Его адская поэма о монахе была почти окончена («Монах» — Г.З.). Она была в самом бесовском насмешливом роде: шалости чертей, соблазняющих монахов, белая юбка (ассоциируемая с порочной бабой. — Г.З.), прельщающая монаха, монах, летящий на черте верхом (антирелигиозный сюжет. — Г.З.)» (с. 298). Он чувствовал сходство своей поэмы с «Девственницей» Вольтера, и кабацкими стихами Баркова. Он вспоминал дядин (Василия Львовича) хохот и свист, когда тот сочинял свою поэму и чувствовал, что «рожден для тайной славы, подспудного чтения, и его поэмы будут хранить потайные шкапы. Опасная, двусмысленная слава прельщала его... Он мог предаваться полной свободе: его поэма никогда, он был в том уверен, не увидит печати... Пушкин поддался влиянию Жуковского, который написал поэму «Певец во стане русских воинов», посвященную победам двенадцатого года, а также Батюшкову, который написал своего «Певца». За неделю Пушкин написал поэму «Тень Баркова» — это был его вариант «Певца». «Его певец был детина высокий, скуластый, с крепкими кулаками. Содом творился в монастыре, превращенном в кабак. Любовь и драка были в этой поэме истинно конские. Пощады не было никому, даже седой игуменье. Он был теперь поэт вполне отверженный. Девственное творение Жуковского, если его прочесть после этих исполненных отвратительной силы стихов, показалось бы чудовищным. Он никому не прочел своей поэмы и, спрятав под матрас, с бьющимся сердцем иногда проверял: не исчезла ли» (с. 298–299).

Что важно понять из приведенного текста? Пушкин, еще подростком, почувствовал запредельное лицемерие церковников, которые верующим людям внушали воздержание и смирение, а сами скрытно жили животными страстями. Конечно, написать такую вольную поэму мог только *безбожник*, ощущающий полную свободу и отверженность, хорошо понимающий, что поэма не будет никогда опубликована, а следовательно, будет читаться тайно и, возможно, вызовет бурную реакцию и интерес к неизвестному поэту. Желание «тайной славы» и развивающееся честолюбие возбуждали его.

Буйные стихи, неутихающий *огонь в мозгу*, не могли не сказаться на неустойчивой психике и здоровье. После горячки поэтической Александр заболел настоящей горячкой (выше об этом уже писалось).

Его посещали друзья, в том числе Горчаков, который как-то спросил: «Нет ли новых стихотворений?» (с. 302).

И тут Александр вспомнил, что в его «келье» остались спрятанные поэмы... Он просил приятеля взять обе поэмы себе... Горчаков нашел их и прочел. Его мнение: «Поэмы ужасны, пагубны и могут навлечь бедствие не на одного Пушкина»... Если бы поэму «Тень Баркова» нашли в лицее, Пушкина «отдали бы в солдаты»... Поэму «Тень» Пушкин сам считал «слишком вольной». Но «Монаха» он даже рассчитывал послать в печать, правда, «за тайной подписью: 1.14.16» (что означали сие цифры, можно только догадываться, 14 был номер его «кельи»...) ... Горчаков продолжал убеждать, что поэму ужасны, что «его выходки против седых игумений и монахов преступны. Его послали бы в отдаленный монастырь, где он спал бы на каменных плитах. А лицей разогнали бы, закрыли, и все прокляли бы самое его имя... Обе поэмы он пред-

лагал предать огню немедля... Александр согласился, нимало не раздумывая. Картины, которые шепотом развивал перед ним Горчаков, полумрак, одиночество подействовали на него. Он был преступник. И не только потому, что смеялся над монахами — он не терпел их, так им и надо, — не потому, что осмеял женщин, а потому что, что смеялся над стихами, которые были прекрасны, только чуть навязчивы. Самая память его мутных поэм была ему тяжела. Горчаков был прав: его сослали бы... Куда завело его любопытство, желания, воображение, потерявшее узду!.. Александр не спал в эту ночь...» (с. 302).

Назавтра все было кончено. Горчаков поступил так: поэму «Тень Баркова» он действительно бросил в печь. Но перед этим «под строгим секретом» показал поэму Мише Яковлеву, паясу, хорошо запоминавшему стихи. «Жадный взгляд паяса, изумление, восторг и ужас при чтении «Тени» — вознаградили его (Горчакова. — Г.З.) ... «Монаха» же, как более невинного, он завернул в толстую бумагу и запечатал собственным перстнем... Позже он передал пакет сестре и наказал хранить «под видом секретных своих записок» до его возвращения из лица или смерти. «Он обожал тайны... Всегда полезно хранить приятельские тайны: это дает какое-то влияние, какую-то власть над приятелем. Это очень приятно» (с. 303). Наверное, именно интерес к чужим тайнам и стремление к власти предопределили дипломатическую карьеру Горчакова; с 1856 по 1982 годы он успешно служил министром иностранных дел России.

Как-то Дельвиг признался, что послал свое стихотворение «На взятие Парижа» в «Вестник Европы» («самый большой и самый важный журнал»), подписав псевдонимом «Русский». Пушкин также, по мнению Дельвига, должен что-нибудь послать в журнал.

Они выбрали послание к Кюхле, «Послание к другу стихотворцу». Александр подписался «Александр НКШП». «Дельви́г думал, что его не напечатают, а Александра должны напечатать, но ему было весело воображать, как получают журналисты их стихотворения, будут читать, критиковать и проч... И он и Александр — оба тихо смеялись. Обоим было весело и жутко» (с. 313). «Весело и жутко» — в этих словах, с одной стороны, предчувствие радости от торжества, а возможно, и славы, а с другой стороны, страх (*страшный страх*) перед этой возможной славой, к которой подростковая душа не была готова (о неудаче, они, как *максималисты*, и не помышляли).

Когда пришел запоздалый «Вестник Европы», то его сначала пролистали Горчаков с Корсаковым. Александр, «закусив губу», притворился равнодушным... Потом он сам несколько раз перелистал журнал... «ничего»... «Его стихотворение провалилось в Лету, оно не существовало»... Он перестал сочинять и затосковал... Он возненавидел журнал... Дельви́г же не унывал. Он ткнул журнал в руки Александру. Мелким шрифтом в конце номера было написано объявление от издателя: «Просим сочинителя присланной в «Вестник Европы» пьесы под названием «К другу стихотворцу», как и всех других сочинителей, объявить нам свое имя, ибо мы поставили себе законом: не печатать тех сочинений, которых авторы не сообщают нам своего имени и адреса. Но смеем уверить, что мы не употребим во зло право издателя и не откроем тайны имени, когда автору угодно скрыть его от публики»... (с. 319).

У Александра вновь появилась надежда... Наконец в номере двенадцатом появилось стихотворение, но не его, а Дельви́га. Номер переходил из рук в руки... о нем (Пушкине. — Г.З.) забыли... Он стал

понимать Кошанского, которого *не публиковали...* «...нравы журналов и уставы их хоть кого свели бы с ума» (с. 320).

В эти дни (для Пушкина — дни тягостных ожиданий) он и другие лицейские поэты были приглашены в театр, который содержал граф Варфоломей Толстой. «Александр никогда не был в театре, но из восторженных отзывов отца об актрисах и, напротив, осуждающих слов тетки Анны Львовны он понимал, что ему должно понравиться» (с. 314). И он действительно увлекся театром и актрисами. Это отвлекло его от напряженного ожидания. Он даже перестал сочинять...

И вот однажды де Будри привел из города для Кюхли тринадцатую книжку «Вестника Европы». «Дельвиг, который первый завладел книгой, окликнул его... На девятой странице (начало журнала! — Г.З.) было напечатано: «К другу стихотворцу». Александр посмотрел на свое стихотворение, побледнел и убежал» (с. 321). *Публичность* состоялась, правда, под псевдонимом, в котором все же угадывалась фамилия *Поэта*.

*Гуляка*. Женщины интересовали Пушкина с раннего детства — с того момента, когда, гуляя с няней в Юсуповском саду, он тайно рассматривал статую голлой Дианы. С тех пор он наблюдал за женщинами (независимо от их возраста) везде, где только их видел, подсматривал за ними, представлял, мечтал...

В Петербурге, поселившись с дядей Василием Львовичем в Демутовской гостинице, он «наблюдал совсем другой мир, который занимал его в высшей степени... По узенькой пятке, быстро мелькнувшей по коридору, и торопливо накинутой шали он узнавал свидание...» (с. 167). Почувствовав себя *свободным* (дядя исчезал из гостиницы до вечера, а порой и до ночи), Александр подолгу гулял один по городу, ув-



леченный своими наблюдениями и мечтами, забыв даже про обед.

Его половые интересы стали сужаться в лицеи. Женщины редко посещали сие *закрытое заведение*. Один из таких случаев описывает Ю. Тынянов.

В честь бородинской победы Малиновский решил усилиями лицеистов поставить пьесу. Спектакль состоялся. На спектакле присутствовало много гостей. Среди них встречались «напудренные старухи» с дочерьми, которые мало смотрели на сцену, а больше на лицеистов. Кого они высматривали, понять было несложно...

Александра узнал граф Толстой и стал его представлять...

«Две дамы оглядели его: дочь одной была еще девочкой... Он встречал ее раза два на прогулках. Это были Кочубеи, жившие неподалеку от лицея. С ним поговорили, спросили о Василии Львовиче, но, едва дослушав, забыли о нем... Он убежал из зала, забился в угол и оттуда смотрел на прелестницу... Гости разъезжались, он сбежал вниз и дождался: она прошла мимо, и ему показалось, что она ищет его <...> в самом деле она искала его, и он прикоснулся к ее руке, зная, что все это увидят. Никто не увидел, она попрощалась с ним, кивнув ему своею маленькой головой... Ночью он не спал: его собственная внезапная робость, которой он себе не мог простить, не давала ему уснуть. Он вышел в галерею... Он искал хоть следа ее и прошел медленно всю лестницу до самых выходных дверей... Он постоял у двери, смотря на желтый свет фонаря, в отчаянии. Мысль о бегстве пришла в голову. Он хотел попрощаться с ней, обнять ее, сесть на коня и бежать (на войну. — Г.З.). Ее <...> звали Натальею» (с. 269).

Стать героем, посвятить свои подвиги *даме сердца* — это из области рыцарских романов, но это и проявление естественной потребности мальчика в романтической влюбленности, требующей своей реализации еще в детстве. В этой связи надо недобрым словом упомянуть родителей Александра, которые никогда не возили его на балы, способствующие удовлетворению первичных (детских) эротических влечений.

Спустя какое-то время (остыв от романтических мечтаний) предметом наблюдений Александра стала *горничная* княгини Волконской Наташа (княгиня проживала в ближайшем особняке). Наташа сопровождала старуху на прогулках и «всегда опускала глаза, когда видела лицеистов».

Когда пошли слухи, что лицеи могут перевести в другой город (в эти Москва, захваченная Наполеоном, горела) ему стало жалко только одного существа — Наташу, горничную Волконской (по ее огоньку из окна он вставал каждое утро). В один из дней он встретил Наташу и сумел шепнуть ей о свидании... Оно состоялось в темноте арки... «он обнял ее <...> прочувствовал ее тяжесть <...> она прижала его к себе...». Но вдруг она вырвалась и быстро исчезла... Он побежал за ней, но заблудился в темноте... «Голова его пылала, сердце сильно билось»... Он готовился ей сказать «друг Наташа», «свет Наташа», но при встрече онемел... (с. 281–282).

Что побуждало мальчика к эротическим отношениям с взрослой девушкой (женщиной)? Скорее всего, потребность в познании собственной сексуальности (потребность, свойственная подростку), а еще — стремление к разгадке женских тайн (типичное для юноши). Как видим, в Пушкине одновременно уживались три *возрастных* человека — мальчик (конца детства), нуждающийся в романтической влю-

бленности (об этом говорят его переживания от встречи с девочкой Наташей Кочубей, описанные выше), подросток, рефлексирующий по поводу своей сексуальности, и юнец, стремящийся к половым сношениям с взрослой девушкой.

После первого свидания Пушкин часто «бродил по парку, нетерпеливо ожидая чудес <...> быстроглазая Наташа не попадалась более»... Дядька Фома сказал, что служанку изгнала старуха Волконская за то, что она «не соблюдала себя». «Сердцу его заныло»... Первое любовное свидание, с ощущением женского тела и запаха, неожиданно прерванное и не имевшее продолжения... Что может быть трагичнее для пламенеющей души отрока?!

Когда в лицей приехала навестить Горчакова его старшая сестра Елена, Пушкин снова влюбился. Горчаков дал сестре почитать стихи Александра «Измены», наверное, чтобы показать сестре с кем он дружит. «Александр видел, как красавица прочла его стихи. Ему хотелось, чтобы именно эти пальцы касались его листков, именно эти губы улыбались, а глаза туманились... Он смутился и убежал». А потом посвятил «красавице» стихотворение, в котором перечислял ее прелести (с. 310). *Женотлюбивый* юнец уже хорошо сознавал, что барышни очень ценят стихотворные послания, им посвященные...

Новую Наташу (*магическое имя для Пушкина*) он встретил в театре графа Варфоломея Толстого, куда однажды были приглашены все лицейские поэты. Граф был в своем театре и директором, и режиссером, и диктатором, и султаном... всем. Дамы в театр не захаживали... Пушкин был в восторге от спектакля «Калиф на час», особенно от толстой и нарядной героини, неловко изображающей любовь... Он кричал «браво» и хлопал в ладоши... Толстой ставил все время новые

пьесы, примерно по одной в месяц. Александр стал завсегдатаем театра. Что ни вечер был за кулисами, смотрел на главную героиню, она привыкла и гримировалась при нем. А однажды, когда «султан» ее наказал, Наташа «прижалась к нему в слезах» (с. 316).

Толстой стал относиться к Александру холоднее, а после того, как мальчишка посвятил Наталье стихи, стал (*смешно подумать*) ревновать. Одновременно графу льстило, что «поэты писали его актрисам мадригалы» (с. 319).

...Он условился встретиться с Натальей на Розовом поле, в беседке... Он не верил, что она придет, ибо за ней была приставлена стража, следили за ней. Ему было стыдно, что он в первый раз еще влюблен в женские прелести. Он дважды перечитал в библиотеке отца «Науку Любви» Овидия, но все позабыл... Он не знал, что от поцелуя лица у женщин мертвеют. Овидий об этом ничего не говорил (*сколько же гримас еще он увидит на лицах женщин в моменты половой близости?!*) ... Он ждал наслаждений бесконечных, прелестей преувеличенных, но это не было похоже на прочитанное у Пирона и других. И разговоры были другие... Наталье было некогда... Развращенная графом, она, *допустив юнца до своих «прелестей»*, побежала на репетицию...

Он вернулся в лицей, встретил Вальховского, Корсакова, Мясоедова, которые шли ужинать... Никто ничего в нем не заметили (*дети — бесполое существа!*). «Голова его кружилась, ему ни за что не хотелось уходить от товарищей. Он смеялся и болтал без конца, гуляя с Пуциным, Дельвигом, Горчаковым. Все ему казались лучше, чем всегда. Даже Кюхля был прекрасен. Он их любил за то, что они ничего не знали, ничего в нем не заметили нового. Между тем вся старая жизнь была кончена...» (с. 320–321).

Вечером он долго ходил по своей комнате (*сон не приходил*) ... Еще сегодня он не любил ее; он вовсе не был занят ею, ее судьбой... Ему была только мила ее неловкость... Теперь он воображал, как она появляется в этот час на сцене... Он хлопнул в ладоши... Потом вообразил надменного Толстого... и вдруг расхохотался.

«Что ты смеешься? — спросил из-за перегородки сонным голосом Пущин.

«Я вспомнил Мольерова рога носца» — сказал Александр.

Назавтра (после лекций) Кюхля показал ему свой словарь. Александр прочел слова де Сент-Пьера: «История любви: желания, старания, хитрости, охлаждение, отвращение, ссоры, ненависть, презрение, забвение». Потом прочел цитату из Стерна: «Живейшее наше наслаждение кончается содроганием почти болезненным». Он еще вчера не понимал этого, как Кюхля. Обоим нравилась странность этой мысли. Теперь он был удивлен: не он один испытал это, но как можно об этом говорить, это наблюдать, писать об этом?» (с. 321).

Театральные страсти Александра сходили ему даром перед Фроловым (который после ухода Пилецкого стал в лицее главным блюстителем нравов), но вызывали осуждение строгих праведных лицеистов. «Добродетельные его сторонились и смотрели на него с сожалением, над которыми он посмеивался». Особенно осуждал его Вальховский. Он жаловался Кюхельбекеру на упадок нравов и говорил, что, прожив Василий Федорович (Малиновский. — Г.З.) еще, «он переделал бы самых ветреных, и Пушкин бы не стал гулякой» (с. 322).

«Однажды Будри, глядя на Александра, рассказывал им, как брат его, врач и мудрец, хотел предохра-

нить его от разврата в молодых годах. Брат как раз в это время писал трактат о жертвах Венеры. Он показал ему мучения, обнаженные язвы, полумертвых гуляк, лишившихся рассудка и движения... Александр слушал его с любопытством... Все это не имело ни малейшего отношения к его условленным встречам с Натальей, к ее прелестям и к той радости, которая по свидетельству Стерна, всегда кончалась почему-то содроганиями, почти болезненными. Но встречи эти теперь прекратились; театр стоял заколоченный. Он не встречался с Натальей, друзья ошибались: он сочинял» (с. 322–323).

Итак, с раннего возраста Пушкина интересовали женщины (не независимо от их возраста и социального положения). В каждой из них он способен был рассмотреть какую-то особенность — красоту, загадочность, таинственность. Женолюбие становилось преобладающей чертой его характера. Невольно возникает вопрос: а мог ли Пушкин оставаться женолюбом до самой старости (если б, скажем, прожил еще лет тридцать)? Вряд ли. *Старуха у разбитого корыта* (типичный образ русской бабы), выписанный 34-летним поэтом в сказке о рыбаке и рыбке, говорит о переменах в его половых оценках. Скорее всего, насытившись женской красотой (быстро проходящей) и разгадав женские тайны (которые оказались не такими уж таинственными и были заключены, главным образом, в их *ужимках* при разговорах и животных *гримасах* в моменты соития), он стал бы женоненавистником. Ведь случилось же это с *человековедом* Л. Н. Толстым?!

**Г. Р. Державин.** В описываемое время Г. Р. Державин, признанный поэт России, был уже стариком. В своем доме он имел любимое место. Это был громадный диван, на который он — маленький старичок —

взбирался по ступенькам «с ногами», чтобы поспать, подремать или поразмышлять (здесь было всегда тепло). На диване он и сочинял («писал грифелем на аспидной доске»), здесь же хранил сочиненное (с. 323).

Он чувствовал старость, но гнал мысли о смерти и по-прежнему любовался женщинами, ради них на все согласный. Его тревожила мысль, что с его смертью «прекратятся без всякого следа его стихи». Он старался «быть на людях, присматривался и примерял к ним свою фамилию» (у него не было своих детей). Ему хотелось передать кому-нибудь не только свою фамилию, но и свои стихи (*многое было не опубликовано*), и «свой гений». Он сердился на Жуковского, который не стремился «ему наследовать», и искал молодого поэта, «способного принять его славу и стать наследником» (с. 325). Старик, конечно, не знал, что останется в истории, главным образом, благодаря встрече с Пушкиным.

Несмотря на старость, он продолжал сочинять. В то время он был занят трагедией «Атабалибо» (*непереводимое название*) ...Принимаясь за новое творение, ему всегда казалось, что он только начинает сочинять и становится поэтом. Поэтому новую трагедию считал лучшим своим «творением»... «гибель императора Перуанского, затмение солнца...» Все было не русское, наверное, чтобы избежать цензуры...

Разумовский пригласил его на экзамены в лицей. Он всегда посещал экзамены в губернской гимназии. А тут лицей — новое учебное заведение: миновать было нельзя. Путешествие его пугало... затрудняло: надевать сенаторский мундир, ленту, ноги в валенки, лезть в шубу и мчаться по снегу, нарушать день... Но нельзя иначе: все ждут его явления, ободрения, чай, далеко высматривают по дороге — едет ли...

К приглашению Разумовского приложена была программа. «Экзамены в новом заведении были обширные: отроки переходили с младшего курса на старший. Тому четыре дня был первый экзамен, и он на него не поехал: закон божий, логика, география, история, немецкий язык и нравоучение не были любопытны, потому что везде одинаковы. На второй экзамен он тоже не поехал бы, будь там только латынь, французский язык, математика, физика, которых он и сам не знал. Но последним поставлен был русский язык, причем особо было отмечено, что воспитанники могут быть спрашиваемы и посетителями. Он собирался воспользоваться этим правом. На программе он уже сделал свои замечания, но, впрочем, остался ею доволен: разные роды слогов и украшения речи, а пункт последний и четвертый: чтение собственных сочинений... Он любил несмелые, спотыкливые, петушьи голоса юнцов, выкрикивающих свои сочинения. Он сам когда-то путался в словах и покрикивал. Поэтому, запоздав на все предыдущие, он ехал к последнему экзамену. Он решил также остаться до самого конца, в коем будут показаны опыты воспитанников в рисовании, чистописании, фехтовании и танцевании» (с. 325).

...В Царском Селе его начали мучить воспоминания, вызванные бронзовыми статуями римских и греческих мудрецов. «Оказался у них в соседстве и Ломоносов». Он надеялся, что дело дойдет и до него, и даже заказал ваятелю себя (дорого заплатив), но на колоннаду не попал. «Истукан» стоял теперь у серпяного дивана Дарьи Алексеевны (*второй жены*). Он успокоил себя, представив, как его «болвана» пхнут ногой, и она станет «считать ступени головой»...

Когда он вошел в лицей и стал скидывать свою кунью шубу, к нему подбежали люди в мундирах и бе-



режно подхватили под руки. «Он осердился и вырвал руку»... В кресле он вздремнул... Объявили чтение... Он подумал о том, что на фехтование и танцы не останется, а завтрак отведаст... Вдруг стали произносить его имя, читать его стихи... Они его тронули, «как чужие». «Потом звонкий голос раздался. Он взгляделся. Голос был звонкий, прерывчатый, гибкий, словно какую-то птицу занесло сюда ветром. Он стал шарить, беспокойно ища лорнет. Не было лорнета. И этот голос вдруг сказал ему, и никому другому: «Воспоминания в Царском Селе»... Он вдруг задрожал, повторяя отвислыми, грубыми, солдатскими губами, без звука, без голоса, эти слова. Он всматривался в школяра, и школяр, казалось ему, смотрел на него. Зрение давно стало его предавать, но он все же видел его как бы в тумане: у школяра глаза были быстрые, горячие. Так никто не читал стихи: подвывая, на пересечениях медля. Так только музыканты играли... Он слушал воспоминания этого птенца, которому еще нечего было вспоминать, но который вспомнил все за него в этом саду; и старые победы и новые... Чтец назвал его в стихах. В забвенья потянулся он за аспидной доской, и рука его повила в воздухе. Он был не у себя дома...» (с. 328).

«Когда Александр кончил, только некоторые смотрели на него: большая часть смотрела на Державина... Старик костлявый, согнутый в три погибели, все выпрямлялся и теперь, откинув голову, стоял; лицо его было в бессмысленном старом восторге... Слезы текли по его морщинистому грубому лицу. Вдруг он с неожиданной легкостью отодвинул кресла и выбежал, чтобы обнять чтеца... Он не нашел никого: Александр убежал <...> он (Державин. — Г.З.) стал с живостью разговаривать с Разумовским... Разумовский ничего не разумел (ведь не поэт! — Г.З.). Он сказал, что хотел бы образовать Пушкина в прозе. «Оставьте

его поэтом» — сказал ему Державин и отмахнулся неучтиво» (с. 328–329).

За обедом Державин много ел (дома, наслушавшись врачей, жена этого не позволяла), отпил глоток вина и даже выслушал лепет Сергея Львовича (*Пушкина*) ... Отъезжая из Царского Села, он повалился на подушки возка и, засыпая, пробормотал кучеру: «Во весь опор!» (с. 329).

Старик Державин, вероятно, решил, что у него наконец-то появился поэтический наследник... Он ошибался: Пушкин был *основателем, основоположником русской поэзии*.



Мысль о создании нового учебного заведения, как бы вскользь высказанная Александром I, который озаботился подготовкой своих младших братьев для последующего обучения в университете, была реализована хорошо чувствующим настроением императора первым сановником государства М. М. Сперанским сначала в проекте, а затем и на практике. В «лицее» (такое название получило учебное заведение) по мысли сановника должны были воспитываться и образовываться на равной основе и царственные особы и их возможные будущие сподвижники.

Сформулированные М. М. Сперанским в проекте лицея педагогические принципы (равенство в учебе и материальном обеспечении; формирование добродетели и товарищества; обучение, вызывающее интерес; последовательность в обучении; исключение телесных наказаний) выглядели очень прогрессивными и указывали на приоритетное значение воспитания лицеистов (без принуждения и наказания). Однако передовой идее «ненасильственного подхода» в воспи-

тании лицеистов не суждено было реализоваться на практике, так как обучение в учебных заведениях того времени ассоциировалось главным образом с тотальным надзором, принуждением и наказанием. Существенным недостатком лицея была также его полная закрытость (многолетнее обучение лицеистов должно было осуществляться без каникул или отпусков), что лишало их свободного общения, в том числе с близкими людьми.

Список основных предметов лицея выглядел обширным (даже по современным меркам): изящная литература, история, география, логика и красноречие, математика, физика и химия, системы отвлеченных понятий, наука нравов, право естественное и народное. Преподавание должно было вестись преимущественно университетскими профессорами путем чтения ими академических лекций, что, однако, не соответствовало потребностям слушателей (по существу еще детей), а значит, не могло вызвать у них интереса и благоприятствовать их развитию и образованию.

Правильным с патриотической точки зрения было решение вести преподавание только на родном (русском языке). Однако поскольку содержание предметов практически не было связано с российской жизнью («История государства Российского» Н. М. Карамзина еще не была опубликована), то и о полноценном патриотическом воспитании лицеистов также говорить не приходилось.

Пройдя процедуру согласования (с «непатриотичным» министром просвещения А. К. Разумовским и самим царем) проект лицей окончательно утратил первоначальную педагогическую идею и уподобился элитарной гимназии закрытого типа (с тотальным надзором и принуждением), хотя мог бы стать прообразом будущего среднего образования в России. Педагогическое значение лицея окончательно снизилось по-

сле того, как царица-мать отказалась отдавать в него младших сыновей, оставив их на домашнем обучении.

Лицеистам повезло, что директором учебного заведения по настоянию М. М. Сперанского был назначен статский советник В. Ф. Малиновский — человек высокообразованный, европейских взглядов, видящий недостатки «русского правления», а главное — честный и мотивированный на достижение поставленной педагогической цели, хотя и понимающий все сложности своей новой миссии.

Другим достойным доброй памяти был профессор А. П. Куницын, отличающийся порядочностью, образованностью и научными взглядами, который вел тетрадь (дневник) и которому мы в значительной степени обязаны сведениями о характере лицейского образования и педагогической деятельности профессоров и гувернеров. Но даже этот, ответственный и творческий профессор (профессор «нравственных наук») преподавал свой предмет в форме академической лекции, что не вызывало интереса у слушателей. Профессор Куницын ошибочно считал, что основной причиной невнимания учеников является их плохое воспитание, поэтому настойчиво продолжал читать лекции, стараясь «принудительно-информационным» способом вытеснить из голов детей «вздор» и наполнить знаниями «нравственной философии», чего сделать ему никак не удавалось, так как избранный им метод не соответствовал детско-подростковым потребностям. Лишь когда профессор (причем, совершенно случайно) отошел от чтения лекции и дал возможность (на примере противопоставления теорий двух античных философов) сделать ученикам выбор, у них проявился интерес и разгорелась дискуссия. Однако урок-дискуссия, к сожалению, не получил дальнейшего развития и остался только «случаем» (педагогический консерватизм оказался сильнее педагогической креативности

даже у одного из лучших преподавателей лицея — профессора Куницына).

Достоинством доброй памяти является еще один лицейский преподаватель — профессор русской и латинской словесности А. И. Галич, который был назначен временно исполняющим обязанности директора лицея после неожиданной смерти всеми лицеистами почитаемого и уважаемого В. Ф. Малиновского. Лицеисты полюбили нового директора, потому что он не читал традиционных лекций, не учил по учебникам, не принуждал к освоению рутинных знаний (как другие), а давал лицеистам свободу поразмышлять над содержанием литературных произведений и почувствовать их персонажей, укреплял с ними неофициальные (внеурочные) отношения. Педагогические «методы» профессора Галича соответствовали потребностям лицеистов и благоприятствовали их воспитанию и развитию (о чем сам профессор, конечно, не догадывался, так как давал ученикам свободу на занятиях, главным образом, по своей лености). Понятно, что бунтарь Пушкин воспринял и самого профессора, и его методы с восторгом. Для него появилась возможность свободно (без притеснения) сочинять, что соответствовало его (не детским и даже не подростковым, а юношеским) потребностям в самовыражении и самоутверждении. К тому же ощущение свободы успокаивало его бунтарскую душу и позволяло направить силы не на противоборство, а на творчество.

Профессор Галич один из немногих разглядел в Пушкине поэта, мягко хвалил его литературные опыты и часто с ним разговаривал о том, что «главным предметом поэзии» является «истина» (а не чувства, как им внушал прежний преподаватель Н. Ф. Кошанский), что «лучшим предметом для поэзии» является «история», и посоветовал Пушкину сочинить элегию к экзаменам, на которые был приглашен признанный в России поэт

Г. Р. Державин. Без доверительных бесед, добрых оценок и правильных побуждений профессора Галича, скорее всего, не было бы элегии «Воспоминания в Царском Селе» лицеиста Пушкина и его исторического триумфа на экзаменах в присутствии Г. Р. Державина. Возможно, не были бы сочинены позже и бесценные в педагогическом отношении пушкинские сказки. К сожалению, воспитательное значение профессора Галича в судьбе поэтического гения А. С. Пушкина остается недооцененным до нашего времени.

Что же касается других преподавателей и профессоров лицея, то в основном это были выпускники Геттингенского университета, знающие свой предмет. Но в силу отрицательных (главным образом, невротических) черт личности и «церберского» понимания сущности обучения они (особенно такие, как Гауеншильд и Кайданов) были совершенно не пригодны для решения новых педагогических задач, не благоприятствовали правильному воспитанию лицеистов и даже напротив... Поэтому они нередко высмеивались в эпиграммах Пушкиным, другими лицейскими поэтами и не достойны исторической памяти.

В романе (по понятным причинам) много внимания уделяется профессору Н. Ф. Кошанскому, преподававшему в лицее русскую и славянскую словесность (еще до назначения А. И. Галича). Сей профессор (как литературовед) должен был бы первым заметить в Пушкине поэтический дар, способствовать его развитию и даже стать первым для него учителем поэзии. Однако этого не произошло, напротив, между профессором и будущим поэтическим гением сложились враждебные отношения. Причина лежала в их характерах. Н. Ф. Кошанский был сложившимся невротиком: сильно преувеличивал свои литературные способности (мнил себя первым поэтом России), на занятиях стремился унижить ученика, довести его до негативных переживаний

и даже до страданий (что он часто делал по отношению к лицеистам Илличевскому и Кюхельбекеру, безжалостно критикуя их поэтические сочинения). Но вот с бунтарем Пушкиным ему этого сделать не удавалось. Во-первых, ученик Пушкин никогда не показывал своих стихов Кошанскому. Когда же тот до них «добирался» то, как ни старался, никак не мог сделать критических литературных замечаний: стихи «юнца» были «легки и понятны всем» и особенно нравились женщинам, что вызывало у Кошанского зависть и враждебность. Во-вторых, бунтарь Пушкин (осмелимся сказать, с зачатками «невротического честолюбия») был способен противостоять любому принуждению, тем более угнетению, высмеять кого угодно в эпиграмме и позлорадствовать, чего особенно боялся профессор невротик.

Но если преподавательская деятельность профессоров (даже таких ответственных как Куницын) не вызывала у лицеистов интереса, ибо противоречила потребностям, а значит, не благоприятствовала их воспитанию и развитию, то еще худшее воздействие на психику детей оказывала система тотального надзора, устрашения, а в какой-то мере и порабощения, внедренная в лицее инспектором (главным «блюстителем нравственности») «инквизитором» Мартином Пилецким. И хотя ничего необычного (по тем временам) в системе тотального надзора за лицеистами не было (под надзором находилась вся социальная жизнь граждан Российского государства), все же, она угнетающе действовала на психику взрослеющих мальцов.

Лицеистам запрещалось тайное сочинительство, прочитывалась их переписка с родственниками. Даже спали лицеисты под наблюдением гувернеров. Гувернер Илья (брат Мартина Пилецкого) всегда сидел в классе и фиксировал в журнал малейшие нарушения дисциплины учеников во время занятий. Благо, что до-

носительство не поддерживались директором Малиновским — он всегда был на стороне «своих птенцов».

Внедренные инспектором Пилецким надзирательство, слежка, цензура на сочинения, поощрение доносительства на товарищей, чтение писем лицеистов, неравенство и несправедливость по отношению к ним — эти методы в пору назвать полицейскими (даже тюремными), но только не педагогическими. Кто-то из лицеистов «приручался» (примером может служить Модест Корф, который в своих воспоминаниях крайне недоброжелательно отзывался и о лицее, и о Пушкине). Что же касается Александра Пушкина, то ему, привыкшему с детства сопротивляться насилью в семье, здесь, в лицее, пришлось противостоять враждебности со стороны Мартина и Ильи Пилецких, Кошанского, Гауеншилда, Кайданова и других. Благодаря сочинению насмешливых песен на своих врагов, вокруг него стали объединяться «униженные» и «оскорбленные» лицеисты, и однажды взбунтовавшись, они предъявили Мартину ультиматум, что покинут лицей, если он не перестанет их унижать. Так они вынудили уйти ненавистного Мартина Пилецкого из лицея. Это была первая победа Пушкина (еще подростка) над другим, причем, взрослым и властным человеком. Благодаря этой победе многие однокашники (Пушин, Дельвиг, Кюхельбекер, Горчаков, Вальховский, ставшие в будущем известными людьми) увидели в нем лидера. Но торжество победы в подростковом возрасте, как известно, бывает и опасным, так как провоцирует, особенно в воинственной душе, развитие невротического честолюбия (чему позже, к сожалению, мы найдем подтверждение при анализе юношеского периода жизни Пушкина).

Среди гувернеров, кроме надсмотрщиков, были также мужчины, выполнявшие разного рода хозяйственные работы и учебные задания. К сожалению,



большинство из них исполняли свои обязанности формально, без любви к воспитанникам, поэтому педагогического влияния на них почти не оказывали. Исключением был гувернер Иконников (неопрятный и пахнущий спиртным, человек «странной судьбы»). Ему автор уделил много внимания в романе, ибо он пользовался уважением лицеистов за честность, общую осведомленность и понимание поэзии. Иконников стал для лицеистов (в том числе, для Пушкина) вроде старшего друга, в котором, как известно, нуждается каждый подросток для доверительных бесед и расспросов. Можно считать, что Иконников был единственным эффективным гувернером (воспитателем) в лицее, который не вписывался в систему тотального надзора Пилецкого. Несправедливость состояла в том, что честный, образованный и талантливый Иконников был по доносу Пилецкого уволен, хотя мог бы благоприятствовать поэтическому развитию Пушкина и других молодых авторов (Дельвига, Кюхельбекера, Илличевского).

Александр Пушкин, росший в семье замкнуто и молчаливо, в противоборстве с родителями и гувернерами, трудно сходилась с другими лицеистами. Исключением был Иван Пущин, с которым Александр познакомился еще до поступления в лицей — их сблизили разговоры о половых взаимоотношения мужчины и женщины (Пущин умел поддерживать разговор на эту недетскую тему). К тому же их комнаты оказались рядом, и они могли разговаривать через перегородку.

В первый год обучения взаимоотношения между лицеистами не складывались. Дружескому сближению не благоприятствовало многое: их личностные особенности (среди них не оказалось ни одного добросердечного мальчика); казарменный режим и жесткий распорядок дня в лицее, угнетающие психику; сама учеба, не пробуждающая в них рефлексию — важное

условие воспитания и развития личности в подростковом возрасте, наконец, надзор и доносительство, как со стороны гувернеров, так и отдельных прирученных Пилецким лицеистов. Неудивительно, что в свободное от занятий время, лицеисты либо подтрунивали и надсмехались друг над другом, либо избегали общения. У каждого из них появилось прозвище (Пушкина за хороший французский разговор звали «Французом», а еще он имел прозвище «Обезьяна»). Понятно, что в казарменно-тюремных условиях воспитать в лицеистах «добродетель» и «товарищество», как намеривались такие профессора, как Малиновский и Куницын, было невозможно.

Однако воспитательный процесс в лицее все же начал развиваться, но главным образом благодаря усилиям и делам самих лицеистов. После бунта и «выгона» Пилецкого отношения между лицеистами заметно улучшились. Пушкин «нашел товарищей», он становился лидером, и вокруг него начало формироваться «лицейское братство». А когда пришла реляция, что Париж взят русскими войсками,— все они сразу повзрослели и присмирели. Благоприятствовало дружбе и совместное творчество: Пушкин писал стихи, Яковлев сочинял музыку на его стихи, а Корсаков пел. Даже у беспутного Данзаса открылся талант: почерк и рисование. Горчаков (первый ученик) стал отличать Пушкина от других и терпеливо переписывать его стихи (они стали приятелями). Дельвига Александр любил; при встрече они целовались. Ему одному он любил читать свои стихи. Таким образом, дружба между лицеистами возникла сначала как вид сплочения в противоборстве с надзирателем Мартином Пилецким, а затем, благодаря совместному творчеству (обычно скрытому от преподавателей), стала главным побудителем их психического (личностного) развития и сближения. Складывающиеся дружеские отношения, безусловно, помогали им легче переносить учебную

рутину и казарменный режим заведения. Основная заслуга в завязавшейся дружбе принадлежала Пушкину, его характеру (лидера и победителя), его стихам (понятным и интересным всем), вызывающих у лицеистов эмоциональный подъем, побуждающих их к сотворчеству и сопереживанию, а главное — к сопротивлению казарменным порядкам и, следовательно, служившим для всех сильнейшим фактором воспитания.

Страсть к стихотворчеству до такой степени овладела Пушкиным, что он стал плохо спать и даже на почве нервного перенапряжения заболел. Стихосложение стало его основным занятием, даже на занятиях он, забывая обо всем, сочинял. Стихи снились ему по ночам, правда, утром он их забывал. Побуждали его к стихосложению философские книги, которые он вдруг полюбил, и другие (известные) поэты. Желание «тайной славы» и развивающееся «невротическое» честолюбие возбуждали его и побуждали к написанию поэм на запретные темы (такowymi стали поэма «Монах», высмеивающая монашество, и «буйная» поэма «Тень Баркова»). Творческое воображение вело отрока Пушкина в опасном для жизни направлении. Хорошо, что Пушкин (в это время он лежал в лицейском лазарете) дал прочитать «бунтовские» поэмы Горчакову и тот, испугавшись за друга, рекомендовал их уничтожить и помог это сделать.

Новым этапом в стихотворчестве Пушкина стал момент, когда под влиянием друга Дельвига, пославшего свое стихотворение в «Вестник Европы» («самый большой и самый важный журнал»), он сделал то же самое. Пушкин отправил в журнал стихотворение «Послание к другу стихотворцу» («другом» был Кюхля). Вскоре вышло стихотворение Дельвига, а его «Послание...» долго не публиковалось, что его страшно возмущало (признак нездорового честолюбия). Когда же он увидел свое стихотворение в «Вестнике Европы», то

его это так возбудило, что он убежал, чтобы никто не увидел его торжества. Публичность состоялась, хотя и под псевдонимом. Это повлияло на психику начинающего поэта, он уже хотел не «тайной», а явной славы, что делало его сдержаннее в выборе тем для стихотворчества.

Женщины интересовали Пушкина с раннего детства. Скорее всего, это было обусловлено его африканской наследственностью. К сожалению, в детстве негодные родители не возили мальчика на балы, где он мог бы удовлетворять свои первичные эротические влечения. А в отрочестве, оказавшись в закрытом от внешнего света лицее, его бурно развивающаяся сексуальность, связанная с пубертатным возрастом, также оказалась ущемленной, что, понятно, вызывало у него сильное внутреннее напряжение. Возможно, поэтому, находясь в лицейском «заточении», Пушкин был готов влюбиться почти в любую попадающуюся ему на глаза представительницу женского пола. Его женолюбие не было границ. Так на спектакле в лицее, устроенном Малиновским в честь бородинской победы, он заметил прелестную девочку Наталью Кочубей («Наташа» станет магическим женским именем для Пушкина!) и сразу в нее влюбился... Остыв от романтических мечтаний по Наташе Кочубей, предметом наблюдений Александра стала другая Наташа — горничная княгини Волконской. Любовное свидание с ней (первое в его жизни) с ощущением тепла и запаха девственности, но неожиданно прерванное и не имевшее продолжения, стало трагедией для пламенеющей души отрока. Потом Пушкин влюбился в сестру Горчакова — Елену, которая приехала навестить брата в лицее. Он посвятил «красавице» стихотворение, но когда девушка уехала, его любовь закончилась. Новую Наташу он встретил в театре графа Варфоломея Толстого, с ней он впервые испытал половое наслаждение и «содрогание» в своем теле. Первый половой опыт (в 15 лет?) сильно повлиял

ял на психику Пушкина — весь мир казался ему теперь другим... Несмотря на осуждения добродетельных товарищей Вальховского и Кюхли, а также предостережения профессора Будри о «жертвах Венеры», Пушкин продолжал наслаждаться распущенной Натальей, пока граф не закрыл театр. Его половая страстность становилась неудержимой и ненасытной.

Можно сказать, что в Александре Пушкине одновременно уживались несколько «возрастных» людей: мальчик конца детства, нуждающийся в романтической влюбленности (об этом говорят его переживания от встречи с девочкой Наташей Кочубей), подросток, рефлексирующий по поводу своей сексуальности, и юнец, стремящийся к половым сношениям с взрослой и опытной женщиной. Неумный половой интерес к женщинам (причем, независимо от их возраста и социального положения) и страстность становились преобладающими чертами характера отрока Александра Пушкина, способными повлиять на всю его дальнейшую жизнь.

Автор заканчивает «лицейскую» часть жизни Пушкина описанием «переходного» экзамена в лицее, в котором принимал участие признанный поэт старик Г. Р. Державин. Звонкое прочтение на экзамене Пушкиным своих «Воспоминаний в Царском Селе», вызвавшее восторг Державина, можно считать началом его восхождения на вершину поэтического олимпа.

## «ЮНОСТЬ»

«Юность» (третью и заключительную часть романа) Ю. Тынянов начинает с описания посещения Н. М. Карамзиным лицея и его встречи с Пушкиным.

**Н. М. Карамзин.** Уже с месяц Николай Михайлович Карамзин жил в Петербурге — хлопотал об издании своей «Истории» перед царем. Куницын, побывавший в Петербурге, рассказал об успехе Карамзина: «все на руках носят, и двор *принужден* был согласиться на издание»... А теперь он вдруг оказался в Царском Селе, в лицее...

Дядька Фома сказал Александру, что его дожидается господин Карамзин с дядей (*Василием Львовичем*) и Вяземским. Дядя зачитал какое-то постановление о том, что Александра включили в сообщество «Арзамас» под именем «Сверчок». Сие литературное сообщество организовалось в противовес другому литературному сообществу «Беседы», куда входили противники «нового слога» Шишков, Шаховской, Державин и др. *Арзамасцы* (в сообщество входили также Жуковский, Батюшков, Тургенев), подражая членам «Беседы», в шутку важничали и корчили из себя вельмож, называя друг друга «ваше превосходительство» (с. 330).

Что чувствовал 17-ти летний Пушкин (начинающий автор), удостоенный в лицее посещения известного литератора? Душевный подъем, стремление побороться стихом, эпиграммой, «поэмкой» с литературными противниками и оправдать доверие *старших*... А *старшие*, как видим, поступали недалеко-видно: создавали для юного Пушкина новых врагов, побуждали к противоборству, и тем самым благоприятствовали укреплению в нем бунтарского характера — психологической основы будущих ссор, мучений, дуэлей, несчастий.

Карамзин «любовался Александром. Семнадцать лет» (*все впереди!*). Значит, он не видел опасностей, которые могли подстергать Александра в будущем. А должен был бы видеть, ведь он хорошо знал его

отца, мать, дядю, родню, самого Александра, был исследователем русской жизни. Он должен был бы стать для молодого поэта наставником, заступником, педагогом, наконец, другом... Александр в этом нуждался. В лицее у него не было ни любимого преподавателя, ни старшего друга, а Карамзиным он восхищался. Но полезных для Пушкина взаимоотношений с Карамзиным не получилось. Отношение Карамзина к Пушкину даже начали портиться... Причиной стала жена Карамзина — Катерина Андреевна.

Карамзины перебрались в Царское Село... Его, вместе с женой и детьми поселили в «неудобных и сырых» домиках Китайской Деревни, «предназначенных для заезжих холостых кавалеров». Царь подарил при встрече жене Карамзина цветы, самым сорванными, с «обольстительным выражением на лице» (жена Карамзина была красивой женщиной). Карамзин решил «покориться»... надо было издать «Историю государства Российского». Пять лет «историограф» ждал внимания царя — за это время ни один из чиновников, включая министра просвещения, не оценил должным образом его труд. И только благодаря посещению Карамзиным Аракчеева, историограф был принят царем... И теперь он стал советником царя...

*Безразличие власти* к ученому (вообще к творческим людям) как проявление ее *безнравственности* — типично для России (и нечего нам гордиться какой-то «русской особенностью»). Вся русская «особенность» описана в темных тонах и в полной мере Гоголем, Салтыковым-Щедринным, Толстым, Гончаровым, Лесковым, Чеховым... (поэтому стыда у русских за себя должно быть много больше, чем гордости). Пора, наконец, понять, что *темный тон жизни и отсутствие стыда* — следствие безнравственного воспитания населения России.

Разумеется, Карамзин (как ученый) писал «Историю государства Российского» с *концепцией* в голове. Концепцией было самодержавие, без которого, по его мысли, «России нельзя». При этом он критически оценивал правление многих царей. Так, он считал, что Петербург был «блестящей» (в смысле дорогостоящей. — Г.З.) ошибкой Петра. «Можно было заложить купеческий город для ввоза и вывоза товаров... Не было бы Петербурга, но зато не было бы слез и трупов» — таково было мнение историографа и патриота (с. 368). *Угнетенный* народ, строящий город Петра, безусловно, благодарно бы отнесся к такому мнению барина Карамзина.

Карамзин, как историк, мог критически оценивать прошлое, но, к сожалению, не был способен заглянуть в будущее и увидеть что-то совершенно иное кроме самодержавия. Будущее были способны увидеть (или предвидеть) *ученые другого профиля*, коих в то время в России еще не было... Но уже появлялись *философствующие* бунтари, предвестники переломов в истории... К таким *философам* относился П. Я. Чаадаев, к которому стал тяготеть юный Пушкин...

Здесь нам хочется вновь указать на недальновидность Карамзина, который был обязан увлечь Пушкина русской историей и побудить его писать поэмы, сказки, романы на исторические темы (пользы и славы от этого было бы много больше, чем от эпиграмм на царей, вельмож, попов и баб). Тогда бы он не связался с вольнодумцами (*без царя в голове!*), вроде Чаадаева.

Чаадаев, который часто вместе с Пушкиным бывал у Карамзина, задавал историку вопросы и спорил... Чаадаев возвеличивал царя Петра, при котором Россия «стала частью Европы», и ратовал за освобождение народа (по его мнению, «власть нарушила общественный договор, и народ после побед двенад-



цатого года не получил свободы» (с. 370). Бунтарь Пушкин был на стороне Чаадаева.

Разговоры о свободе — опасны, но еще опаснее реальное освобождение рабов, не способных по причине своей ущербности (а правильнее сказать, *скотинности*) воспользоваться этой свободой для своего и общего блага...

Давать рабам сразу вольности нельзя (к вольности их надо долго готовить — с рождения). Это опять-таки из области педагогики. Тогдашним философам (как, впрочем, и историкам), по нашему мнению, не хватало педагогического взгляда на развитие общества.

Понятно, что Карамзин (*сторонник* самодержавия) противился мыслям Чаадаева и задумывался о том, куда ведут Россию эти «друзья»: «танцор» (Чаадаев славился умением танцевать) и «поэт — вертопрах» (*Пушкин*)? Здесь сделаем еще один упрек Карамзину *стороннику* «нового слога», который увидел в юном Пушкине «поэта-вертопраха», а должен был разглядеть будущего *преобразователя русской словесности*. Возможно, помешало тщеславие (*кто этим не болеет?!*). Но в большей мере на отношение к юному поэту повлияла одно «письмо»...

«Письмо принес сторож... Девушка (прислуга, которой сторож передал письмо. — Г.З.) сбивалась, от куда, кому, от кого, какой сторож... Грубый конверт без надписи... Она (Катерина Андреевна. — Г.З.) поняла, что не из дворца... Она вскрыла конверт и вся покраснела <...> бросила письмо на стол и сказала девушке спокойно: не принимать ничего ни от кого без сказа. Потом заломила пальцы и протянула письмо Николаю Михайловичу; он уже входил... Он помедлил только мгновение и засмеялся... В письме было торопливо написано только о часе и месте («6 часов у театра»). Так пишут о свиданиях. Николай Михай-

лович и Катерина Андреевна еще вместе посмеялись над этим глупым письмом, по «ошибке переданным глупым сторожем глупой девушке...» (с. 372).

Но потом Николай Михайлович стал размышлять: чье это письмо. И вдруг неожиданно решил, что от Пушкина. «Мальчишка написал письмо какой-то своей деве о свидании, а сторож не расслышал или не знал и передал не туда» (с. 372). Такое объяснение своего мужа Катерина Андреевна приняла с облегчением. Ее всегда поражала простота объяснений Николаем Михайловичем всякого рода недоразумений, в том числе и из области истории. Она даже сказала мужу что «следует проучить мальчишку» (с. 372). Этими словами, она как бы подтверждала его правоту.

Здесь важно указать на две мысли, которые стали в то время волновать Карамзина. Первая мысль была связана с «Историей государства Российского». После завершения «любимого и вечного труда» своей жизни, он неожиданно понял, что «горькая правда о древней России и новой России» никого и ничему не научит. Кесарь и дворянство относились к его сочинениям как к увлекательному *чтиву*. Что же касалось *юнцов* (Чаадаева и «сынка» Сергея Львовича), с которыми в последнее время он вел затяжные споры, то они расстраивали его еще больше. Ему казалось, что они (нередко выступая в качестве его «судей») и без него знали все, что было и что будет в России. В результате у *мудреца* закрадывались темные мысли о будущем государства: «Россия спокойствия не найдет, не найдет и счастья» (с. 373).

Другая мысль Карамзина была связана с собственной женой — Катериной Андреевной. Состояние жены стало волновать его даже больше, чем заботы об издании своих сочинений. Для него стала неожиданной «внезапная молодость жены, ее трево-

жное дыхание (по ночам! — Г.З.)». В результате он стал задумываться о «неустроенности собственного дома», что «нужно было взять с собой <...> не такую глупую девушку (прислугу. — Г.З.)». Видимо, *ученый муж* стал вдруг понимать, что мало уделял внимание собственной жене и не обеспечивал должным образом ее проживание... Но его утешало, что Катерина Андреевна потеряла доверие к юнцу... Поэтому охотно согласился с женой, что «мальчишке надо указать его место, и это будет для него полезно» (с. 373).

Чувство ревности сильнее чувства любви, но чувство ревности сильнее и ума, даже ума мужчины-мудреца. Это доказано всей человеческой историей. Умный (талантливый) мужчина нуждается в красивой жене, способной побуждать его к творчеству, пробуждать вдохновение. Это нужно и самой женщине. Ведь вдохновляя мужа, она невольно приобщается к его социальным достижениям. Но была ли Катерина Андреевна женой-вдохновительницей для российского историографа Н. М. Карамзина? По всей видимости, — нет. Карамзин, овдовев, имея от первой жены дочь, взял Катерину Андреевну (внебрачную дочь князя Вяземского) в жены не по любви, а по предложению своего друга (отца барышни) для *полноты семейной жизни*. Взяв в жены красивую, но «безродную» женщину (на 14 лет моложе себя), он, по-видимому, никогда не задумывался, о чем она мечтала до него, и что чувствовала, живя с ним. Карамзин писал «Историю государства Российского» без любви к женщине, и значит, *бесчувственно. Ученый сухарь!*

Если бы А. С. Пушкин дожил до старости, он, по нашему мнению, непременно бы написал *историю России* заново и написал бы художественно, жизненно, в страстях, что было бы и психологично, и педагогично, и более читаемо...

Но вернемся к взаимоотношениям стареющего Н. М. Карамзина (*ученого сухаря*) и начинающего автора, юнца, *женолюба* Александра Пушкина. Старик Карамзин не сумел должным образом воспринять и оценить эротические чувства юного Пушкина к своей собственной жене, которая, как он хорошо знал, своей красотой привлекала внимание многих мужчин. И здесь надо вспомнить, что за Катериной Андреевной ухаживал даже сам кесарь и Карамзин терпеливо это переносил. Значит, и в случае с Пушкиным он мог повести себя более дальновидно, а главное — более *педагогично*...

*Юношеская любовь* (плохо управляемая) должна вызывать у других людей либо сопереживание (если любовь взаимная), либо сострадание (если она безответная), но чаще всего вызывает насмешку, жалость, побуждает к нравованию и даже наказанию, что не справедливо, неправильно, не по-человечески. И причина этому одна — неполноценное (дурное) воспитание людей.

...Пушкин в сильном волнении вошел в дом Карамзиных, и в ожидании хозяев стал быстро ходить по комнате, останавливаться, срывать... Вошедший Карамзин сразу передал ему записку... Побледнев, Пушкин машинально прочел. Когда зашла Катерина Андреевна, он побледнел еще больше.

«Николай Михайлович заговорил: без злобы, без холода, без тонкости. Он говорил с ним, как говорил бы его отец. Он смеялся <...> взял на миг у него записку, прочел ее и стал подробно, как бы в недоумении ее разбирать. Краткость записки удивительна, она заставляет предположить, что это не впервой. Но если это не впервой, как можно быть таким неосторожным, не ценить своей страсти? Что могут подумать о той, которой эта записка предназначалась, безымянная,

стремительная?.. Пушкин слушал безучастно и вдруг машинально поднял на нее (Катерину Андреевну. — Г.З.) глаза... Он до того потерялся, что не поздоровался... Как умен, как мудр Николай Михайлович! Он просто поднял его на смех. Он сказал, что его заступничеству Пушкин обязан тем, что сидит на диване, а не поставлен в угол, что, впрочем, заслужил в полной мере. И потом стал говорить еще горячее, он говорил с горечью о жалости, которую внушает ему Пушкин. <...> в этой хижине встречали его стихи с гостеприимством, как надежду на стихи еще лучшие. Встречали, но впредь остерегутся. Он сказал, что самое смешное во всем этом эпизоде это его годы» (с. 374).

Карамзин еще долго говорил... о распутстве, страстях, беспамятстве... Пушкин находился в оцепенении до тех пор, пока она (Катерина Андреевна. — Г.З.) не засмеялась. Он посмотрел на нее, но она засмеялась еще громче... «И тогда он понял, что его любовь, надежда, все его стихи, жизнь — все, что он о ней думал, будущее — все осмеяно, ничего нет, ничего не будет. Она смеялась над ним все громче. И, совершенно неожиданно для самого себя, он заплакал, неудержимо, без слов, держа в руке сложенную записку. Так не плакал он и ребенком. Он плакал, и слезы не струились, не текли, а прыгали... Николай Михайлович тихо удалился. Это было совсем не то, чего он ожидал и желал. Пушкин поднялся <...> и убежал не глядя, вперед, широкими, слепыми легкими шагами, как убегают навсегда. Он не взглянул на нее. А она на него глядела и, если бы он увидел ее взгляд, он не плакал бы как ребенок и остался бы» (с. 375).

Быть осмеянным, униженным за честную и возвышенную любовь! Юноше! И кем? Любимой женщиной и ее мужем, которого он уважал больше своего отца, больше других мужчин, перед которым прекло-

нялся! Если б этим юношей был не Пушкин, а другой (простой бесталаный юнец), устроенное взрослыми людьми его моральное истязание можно было бы понять. Но ведь этим юношей был Александр Сергеевич Пушкин... К нему (*начинающему автору, будущему гению*) не следовало относиться как к другим.

Обычный юноша, переживший унижение от любимой женщины за свою необузданную страсть и поплакав от души, мог бы успокоиться и вскоре забыть свою любовную драму. Однако *женолов* Пушкин (*бунтарь* по воспитанию), напротив, только укрепился в своих чувствах и стремлениях.

Причины своей страстной и неумемной любви сам человек (*даже гениальный*) объяснить не может (да, и не хочет). Нам же представляется, что пламенеющая поэтическая душа юного Пушкина, воспитанного в противоборстве, нуждалась в *непостижимой любви, в любовном борении и победе*. Но победить не получилось, отчего образ *непостижимой* женщины (в лице Катерины Андреевны) стал Пушкиным не просто идеализироваться, а обожествляться. И совершенно напрасно! Ниже мы постараемся показать, что Катерина Андреевна была, хоть и красива и умна, но не развита в эротическом отношении, а следовательно, и любить (по крайней мере так, как мечталось Пушкину) была неспособна. Остается только посочувствовать юному Пушкину, у которого была *острая нужда в любви* взрослой и умной женщины и который ошибся в выборе...

Чтобы проверить подлинность любви, ее надо исчерпать... Если бы Пушкин достиг страстно желаемой им близости с Катериной Андреевной (что вполне можно предположить, если бы они *случайно* встретились где-то очень далеко от всех), он убедился бы в ее сексуальной холодности и примитивности. И остыл

бы... А много позже (если бы не был убит в молодом возрасте), сексуально насытившись женским примитивизмом и животностью, скорее всего, превратился бы в *женоненавистника* (о чем мы уже ранее писали).

Закрывая тему, сформулируем мысль (в какой-то мере нами уже высказанную).

Большинство влюбленных людей неоправданно стыдятся своих чувств и пытаются скрыть их от других (а ведь любовь — это лучшее состояние человека, которым надо дорожить и которое желательно исчерпать, чтобы не мучиться сомнениями). Большинство людей, наблюдающих чужую любовь, не способны к сопереживанию (не способны радоваться счастью других или сострадать им в случае безответной любви). Почему так происходит? Потому что люди (в основной своей массе) сами не способны любить и не верят в любовь других... Все это, повторим, от неполноценного общего и полового воспитания.

Сказанное относится и к *ученому сухарю* Карамзину, и к его *холодной душой и телом* жене Екатерине Андреевне. Причем к последней даже больше, ведь педагогически не продуманная «отповедь» Карамзина юному Пушкину была инициирована Екатериной Андреевной. Карамзин, озабоченный душевным состоянием жены, просто не учел, что Пушкин был не по возрасту развитым юношей и нуждался совершенно в другом — в его дружеском понимании и сочувствии. Не учел Карамзин и еще одного, что Пушкин (в душе бунтарь, а значит, и *победитель*) захочет ответить на унижение. И действительно, Пушкиным вскоре были написаны две эпиграммы на «Историю» и ее автора — сначала «насмешливая», а затем «злая». Первая эпиграмма побудила Карамзина с иронией отнестись к молодому поэту: «Новое светило новой насмешливой поэзии. Новый Вольтер!» Вторая вызвала

гнев. Он решил, что «мальчишка» (племянник Василия Львовича, близкого ему человека) его предал...

В его «Истории» изящность, простота  
Доказывают нам без всякого пристрастья  
Необходимость самовластья  
И прелести кнута.

Эпиграмма была «точной» и Карамзин это понимал. Поэтому, увидев как-то Пушкина из окна своего дома, он позвал его к себе, чтобы сделать новое внушение. Он «сухо и кратко (но уже без насмешек. — Г.З.) сказал: больше не бывать здесь, пока не одумается, пока не научится понимать отечественную историю» (с. 376). Пушкин не заплакал, как в прошлый раз. Побледнев, он не проронил ни слова. Видимо, он чувствовал себя если не победителем, то равным по силам.

Безусловно, эпиграммы были написаны Пушкиным не в отместку на «отповедь». Они имели другое назначение: Пушкин хотел показать (причем не столько Николаю Михайловичу, сколько Катерине Андреевне), что он «не мальчишка» и что в литературном сочинительстве он не менее велик, чем Карамзин. К тому же он молод и страстен... *Женолюб* (а по нашему мнению, и *женовед*) Пушкин хорошо понимал, что Катерина Андреевна принесла свою молодость в жертву, хоть и «божеству», но все же пожилому человеку, *вялому в любви*. И поэтому нуждается в свежих ощущениях и чувствах. И он хотел (мечтал) подарить ей и свою нежность, и свою страсть, и свою поэзию... Он хотел подарить прекрасной (как ему казалось) женщине счастье, которого у нее никогда не было.



*Катерина Андреевна.* Начнем со стихов Пушкина, написанных 1817 году (в год описанных выше эмоциональных событий).

К \*\*\*

Не спрашивай, зачем унылой думой  
Среди забав я часто омрачен.  
Зачем на все подъямлю взор угрюмый,  
Зачем не мил мне сладкой жизни сон;

Не спрашивай, зачем душой остылой  
Я разлюбил веселую любовь  
И никого не называю милой —  
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;

Кто счастье знал, уж не узнает счастье.  
На краткий миг блаженство нам дано:  
От юности, от нег и сладострастья  
Останется уныние одно...

Юный гений, переживающий несчастье (как крайнюю степень уныния) от неразделенной (*роковой*) любви потерял интерес к жизни (*вина в этом женщины!*).

Отношения с Катериной Андреевной Карамзиной — это был тот, возможно, единственный для юного Пушкина случай, когда уныние (от неразделенной любви) развилось в его душе до такой силы, что запечатлелось в памяти навсегда. Мы восхищаемся стихами Пушкина, посвященными этой (или якобы этой) взрослой женщине, наполненными унынием, и не задумываемся о том, что он (*наш юный гений!*) безмерно страдал. Нам бы посочувствовать ему, пожалеть его всей душой, и укорить взрослую женщину за неотзыв-

чивость. Но мы к этому оказываемся не готовыми: потому что на уроках литературы в школе нас *не учили* главному — любить, жалеть и сострадать.

Только отзывчивость как деятельная доброта (верный признак правильного воспитания) делают женщину достойной любви — это педагогическая аксиома, о которой мало, кто знает (простим и мы Александра Сергеевича за это незнание, ведь он был молод и любил больше «глазами», чем умом). Мы *назвали* Катерину Андреевну *не отзывчивой*, а до этого — *холодной душой и телом*. Такие особенности ее личности, на наш взгляд, были результатом неполноценного воспитания в детстве, отрочестве, юности. И, следовательно, ее собственной вины в этом было мало. Катерина Андреевна была по-своему несчастна (что сама хорошо осознавала). Но она не понимала главного, что причина ее *несчастливости* была заключена в ней самой — ее неразвитой способности любить (*такое понимание редко приходит в голову женщине!*).

Катерина Андреевна носила *придуманную* фамилию Колыванова, так как была незаконнорожденной дочерью князя Вяземского, о чем узнала только, когда повзрослела.

«По праздникам ее возили в большой дом к Вяземским, и она целовала мясистую щеку старого князя, который гладил ее по голове. Она знала, что это ее отец, и смутно догадывалась о каком-то непоправимом несчастье» (с. 357).

Свою мать она практически не знала, хотя та также была их благородных. Катерину Андреевну воспитывала тетка — старая дева. Ясное дело, что воспитание старой девы не могло быть полноценным и не могло не сказаться отрицательно на ее будущей половой (семейной) жизни.

«Безродная» — Катерина Андреевна практически была лишена светской жизни и соответствующего общения. В 22 года она полюбила (*так ей казалось*) бедного армейского поручика (с невзрачной фамилией — Струков), но ее отец князь Вяземский, дав большое приданое, выдал замуж за известного человека, своего друга, вдовца Карамзина, который на 14 лет был ее старше. И она стала «верной женой знаменитого мужа, добродетельной матерью его троих детей, доброй мачехой его дочери от первого брака» (с. 357).

«Нет, она была не доброй мачехой. Как она росла без матери и без отца и ее место было занято другими ее братьями и сестрами <...> так и теперь она нашла, что место занято. Оно было занято первой женою, Лизанькой, которая так и осталась в доме, — ее портрет висел над постелью падчерицы Сонюшки, и Катерина Андреевна знала особый редкий вздох своего мужа: это он вздыхал о ней. Она была спокойна и еще прекрасна <...> Она начала замечать, что посторонние жалеют ее падчерицу. И в самом деле, ее попреки были ужасны, она это знала. Она тоже жалела Соню — и делала жизнь падчерицы невозможной... Жизнь Катерины Андреевны была полной: у нее была падчерица, семилетняя дочь, двое сыновей. Она читала с утра корректуру с мужем. Все же она вздыхала полной грудью, ровно и емко, когда он уезжал гулять на своем сером иноходце...» (с. 357).

В этом внутреннем размышлении Катерины Андреевны, с одной стороны, есть осознание полноты своей светской жизни (она — жена знаменитого человека), а с другой, сексуальная неудовлетворенность — жизнь проходит без любви. Но есть и третья сторона — недоброе (придирчивое) отношение к падчерице. Нелюбовь к падчерице — это свидетельство ее нелюбви к Карамзину. И другого мнения здесь быть не может. В этой

связи скажем больше: у Катерины Андреевны не было любви ни к падчерице, ни к Николаю Михайловичу, но не было любви и к армейскому поручику Струкову (много лет назад), и к гениальному юнцу Пушкину. Любви не было, потому что она (по причине неполноценного воспитания) не способна была любить никого.

Конечно, ее тело требовало траты сексуальной энергии, а душа — любовных переживаний... Правда, запоздало. Все это ей надо было бы испытать в юности, в эмоциональной (страстной) любви к армейскому поручику. И лишь пережив любовную страсть и осознав ее ненадежность, начать строить свою половую (семейную) жизнь уже *по уму* с ученым Карамзиным (тогда и любви в ее жизни было бы больше). К сожалению, спрогнозировать такой путь (от страстной любви к умной) женщине (из-за неполного воспитания и неразвитой интуиции) редко удается. Вот и Катерина Андреевна (*недовоспитанная* в половом отношении), не растратив эротической энергии в молодости, сразу стала жить с известным, намного старше себя человеком (мужем), которому верила абсолютно, но жить не по любви, а по обязанности.

И вот теперь вдруг в ней стали просыпаться не реализованные желания молодости. А разбудил эти желания отчаянный и талантливый юнец Пушкин, который совершенно не замечал ее возраста (ему было 17, а ей 36) и «ждал от нее улыбки, одобрительного слова». Его взгляд стал для нее много милей, чем белесоватый томный взгляд, которым на нее смотрел император, регулярно посылавший ей цветы...

Она стала чувствовать себя несчастной... А после споров Карамзина с гусаром Чаадаевым, который приходил в их дом вместе с Пушкиным, она даже засомневалась в правоте своего мужа. Ее ночные *бдения* рядом с притворяющимся спящим мужем стали ее из-

водить: «зачем она рядом, здесь; зачем <...> сдерживается, стареет и все хороша» (с. 371).

Чтобы отвлечься от мучивших мыслей, она решила пригласить в гости родственницу Авдотью Голицыну, с ней бы они «говорили другое <...> не было бы гордости Чаадаева, сомнений Пушкина» (с. 372).

Однако вернемся к трагическим событиям, связанным с письмом, которое принес сторож и которое для Катерины Андреевны стало неожиданным...

Ей нравились посещения лицеистов — особенно Пушкина. «Он был дичок, с отрывистым смехом и таким взглядом коричневых небольших глаз, что она начинала смеяться, чтобы не рассердится» (с. 357). Он был болтлив, смешон, «просто ребенок», читал ей свои стихи (*совсем не детские*) ... Это была игра чувств, но каких чувств она не догадывалась... И только теперь (после любовной записки) она поняла, что возбуждала в юноше страсть... Она (*как жена мудреца*) была оскорблена, перестала верить в его будущее, в его стихи, верить его смущению... Но это была первая реакция... Потом она поняла, что в глубине своей души хотела его обожания. Ее даже сердило, когда *мудрый* Карамзин называл Пушкина «мальчишкой» (мальчишка не мог сочинять для нее глубокомысленные стихи о любви; ее умную и красивую женщину не мог полюбить мальчишка!). Но овладевшие ею чувства не были сильными, поэтому *холодный ум* легко защитился от них. Неслучайно она сказала мужу, что Пушкина «следует проучить».

Теперь вернемся к сцене «отповеди», учиненной Карамзиным Пушкину. Вспомним его (*Пушкина*) немой плач, слезы рекой и ее смех...

С Пушкиным все понятно — для него «веселая любовь» и жизнь закончились — впереди было одно уныние. А вот смех Катерины Андреевны *по эротическому*

*сценарию* должен был бы перейти в рыдание. Но этого не произошло: она не почувствовала отчаяния, потому что не любила Пушкина всей душой и всем телом — на такую любовь она была просто не способна. Конечно, она смеялась не над самым несчастным влюбленным. Она смеялась (а правильнее — *трепетала*) от полной неожиданности, от удивления, что ее любит до содрогания, до умопомешательства мальчик, который практически каждый вечер приходил к ней в дом, читал посвященные ей стихи, с любовью смотрел на нее, а она, холодная *умствующая женщина*, не замечала этого... Никто и никогда ее так честно не любил...

Теперь она ждала его, как ждала однажды в жизни — безвестного поручика, о котором вдруг вспомнила в этом году, прочитав о его подвиге в газете. Она сказала себе забыть поручика и мысль об этом «несчастном происшествии ее молодости» быстро исчезла. Но с Пушкиным этого не получалось... Она видела его страсть, его страдания, слезы от безысходности. Как образованная и *идейная* женщина она не могла не ценить его стихов, посвященных ей. Возможно, она даже предчувствовала его гениальность... Пушкин не выходил из ее головы, но она не страдала, не мучилась, как он. И ее смех, как мы уже отмечали, не перешел в рыдание, потому что этот смех был не от отчаяния, а от удивления, что можно так любить... безудержно, безоглядно... до потери разума. Для нее это было непостижимо.

...Она перестала себя понимать. Стала недовольна собой... А еще недовольна «божеством, которому сама принесла в жертве свою жизнь, свою молодость... Старость ее молода»... Она вспомнила, как Авдотья посмотрела на мальчика и как он ответил ей взглядом... «Она почувствовала, что ни за что его Авдотье не отдаст». И от этой мысли еще больше «осердилась на

себя»...Пушкин вел себя вполне «пристойно»...А она все больше «придиралась к себе» (с. 377).

Да, Пушкин вел себя пристойно, хотя страдал безмерно. Его любовь не проходила, и он чувствовал, что никогда не пройдет... Он был несчастен и счастье ему даже не мерещилось в будущем... Ему было отказано быть в Китайском доме... «Он не мог сказать о ней, назвать ее, написать стихи». Не посвящая никого в свою любовь (любовь к Катерине Андреевне стала его *тайной*), он стал украдкой бродить возле ее дома в надежде увидеть (с. 377).

Он встретил ее у монумента Румянцеву-Задунайскому, посвященному Кагульскому сражению... «Пушкин увидел ее вдруг — и вдруг рванулся к ней, как конь, стиснутый шпорой... Она обрадовалась ему, немного сильнее, чем можно, чем сама ожидала... Вдруг, задыхаясь, обняв ее стан, он стал опускаться и, упав, прижался губами к ее узкой стопе. Она закрыла глаза, кажется... Он ничего не говорил, лежал у ее ног, и она не нашлась, как и что сказать ему. Он обезумел. Поднявшись, задыхаясь, он от нее не отрывался. Он не обнял ее. Он пал к ее ногам как подкошенный, как падают смертельно раненные» (с. 377–378).

«Не раз не два, днем и под вечер стал он приходить к Кагульскому чугуну. Он прочел весь список <...> героев Кагула. Среди них было имя Аннибала Ивана Абрамовича (его двоюродного деда. — Г.З.), которому он обрадовался. В этот день он ни о чем не думал. А возвращаясь от Кагульского чугуна, вдруг засмеялся. Он не умер, не сошел с ума. Он просто засмеялся какому-то неожиданному счастью. И, пришед домой, он всю ночь писал быстро» (с. 378).

Да, Пушкин (*спасибо ему!*) не умер, не сошел с ума, хоть и страдал безмерно. Встреча с *ней* не дала ему надежду, но он понял, что она его жалела, а зна-

чит, по-своему любила, но не смела ответить... И это спасло его душу и побудило к философским размышлениям о любви, рифме, разуме, истории русской земли; побудило к сочинению исторической богатырской поэмы, в которой «верность событий» проверялось любовью. Так он стал приходить к пониманию, что учился думать у Карамзина, но больше — у Екатерины Андреевны. И что от любви и связанных с ней страданий есть только одно лекарство — собственная поэзия.

Страсть периодически «нападала на него». Он вспоминал, как «по-своему» она слушала его стихи. «Раз выслушала, не сказала ни слова, а потом, через неделю, вспомнила и сказала строку за строкой тихо, медленно, как бы убеждаясь в нем, уверяясь. Стало ясно в этом бережном внимании — его стихи ей дороги, ей милы. И он стал иначе слушать их, смотреть на себя. Одну строку она прочла по-другому. Он хотел напомнить, поправить и вдруг решил: быть так» (с. 385).

Тайна любви к Екатерине Андреевне тяготила его, «как вечная, неоплатная, не дающая разрешения ни на час, ни на миг... Он все знал, все видел, со всем мирился, не мог только помириться с одним — с тем, что она любит так глубоко старика. Она и портретов с себя писать не давала — пусть не говорят о ее красоте <...> она любила его, отменно тонкого мудреца, учителя так, как любят красавицы, девушки. И он не постигал этого. Так вот какова эта скромность, самозабвение. Что за черное волшебство! Он видел рядом две эти головы — лукавую голову стареющего сказочника и эту прекрасную, вечно молодую. Ни слова, ни стиха об этой любви. А если вырвется — говорить о других. Лгать. И молчать. До конца» (с. 385–386).

В этом внутреннем монологе страдающего юноши мы склонны видеть сильно *преувеличенное* восприятие им любимой женщины, якобы до самозабвения



любящей другого человека — мудрого учителя, сказочника... Но «самозабвение» в приведенном монологе мы склонны интерпретировать не как крайнюю степень увлеченности (или любви) к «мудрецу», а как самопожертвование, совершаемое *по рассудку*. Катерина Андреевна была красивой и одновременно *умной* женщиной (ее ум мы отождествляем со сдержанностью в чувствах, мыслях и поступках). Ее умность (та же *бесчувственность*, та же *холодность*), с одной стороны, была природной (генетической), а с другой, от рационального (*без выраженных эмоций*) воспитания в детстве, отрочестве и юности (вспомним, что ее как *незаконорожденную* воспитывала в закрытых условиях тетка — старая дева). Именно от рационального (*не полного*) воспитания и не развилось в Катерине Андреевне главное — способность любить. И именно этого и не смог *постичь* наш юный герой, возвеличив ее до божества.

Конечно, страстно полюбить Катерину Андреевну (жену знаменитого в свете человека), а еще и позвать ее на свидание было большой (даже чрезмерной) «вольностью» со стороны юного Пушкина. Необузданный эротический порыв можно объяснить характером Пушкина: он был страстной и своевольной натурой. Страстность у него была *в крови* (от африканского предка), а своеволие было проявлением его бунтарства, воспитанного, как мы уже ранее отмечали, в противоборстве с окружающими его людьми еще в детстве (в семье). Заметим также, что «вольность» (как чувство и как побуждение) стало укрепляться в характере Пушкина благодаря общению со старшим другом, *философствующим* Чаадаевым (о нем речь пойдет ниже). Ю. Тынянов пишет: «Одною вольностью (*Пушкин*) дорожил, только для вольности и жил. А не нашел нигде, ни в чем — ни в любви, ни в дружбе, ни в младости...

Полюбил и узнал, как томятся в темнице разбойники: ни слова правды, ни стиха»... (с. 394). Так она (*К \*\*\**) стала его тайной, о которой никто не должен узнать... Для *женолюбивого и вольнолюбивого* Пушкина хранить тайну своей любви было тяжело.

Заключая, попробуем определить роль Катерины Андреевны Карамзиной в судьбе Александра Сергеевича Пушкина.

Катерина Андреевна заставила *женолюбивого и вольнолюбимого* Пушкина сдерживать свою страсть и своевольность (*и это было полезно для его личностного развития*). К сожалению, он (*молодой и неопытный*) не осознавал, что «приволокнулся» за *холодной (роковой) красавицей*, вызывающей страсть, но не способной на ответную любовь. Не знал он и главного — в *любовном сражении* с роковой женщиной мужчина всегда остается проигравшим. Пушкин (*победитель* в душе), конечно, не мог с этим смириться и поэтому страдал безмерно.

Каждому мужчине в молодости полезно (*для опыта!*) один раз полюбить, разлюбить и возненавидеть роковую красавицу, чтобы больше не поддаваться ее чарам. К сожалению, пользу из *роковой любви* способен извлечь только *рассудительный мужчина* (Пушкин же к таковым не относился: у него страсть всегда доминировала над рассудком). Поэтому впереди его ждали новые страдания и опасности от встреч с роковыми женщинами, которые пленяли его обманчивой красотой и ложными тайнами.

Конечно, влияние Катерины Андреевны на Пушкина нельзя оценивать однозначно. Она способствовала его взрослению, но заставила страдать, а значит, не благоприятствовала поэтическому творчеству, в частности, сочинению новых *жизнеутверждающих* поэм и сказок, ценность которых была бы неизмеримо выше

его стихов о неразделенной любви. Но самое грустное состояло в том, что *юноша* не был способен сделать должных выводов из роковой любви к взрослой женщине (страсть подавляла его разум). А ведь помочь ему (юному *гению*) в этом должна была бы сама *роковая красавица*, которая была неглупой женщиной (*Карамзина читала!*), а также ее *мудрый* муж — сам Карамзин, который хорошо знал Александра с рождения.

**П. Я. Чаадаев.** В годы лицейской юности на Пушкина сильное влияние (даже большее, чем его лицейские друзья) оказывал *философствующий* гусар Петр Яковлевич Чаадаев, который много знал, на все имел собственное мнение и посвящал своего молодого друга в тайны светской и политической жизни.

Пушкин, часто бывая в компании Чаадаева и других гусаров (Раевского, Каверина), заражался от них весельем, карточной игрой, грубоватостью и даже беспутством. Они любили Пушкина, хорошо относились к его страстям, а он сочинял для них эпиграммы.

В дни страданий от неразделенной любви к Катерине Андреевне Пушкин часто бывал у Чаадаева. В комнате Чаадаева «ежеминутная страсть, закупоренная, как вино, иногда отступала. Он вздыхал, начинал по-другому видеть ее, себя, всю жизнь. Оставались раны, оставалась память ран, глубоких ран любви» (с. 386).

Пушкин слушал Чаадаева как мудреца «всем существом». И любовь отступала по простой причине. «Другая тайна была здесь. Было точное средство сразу достичь счастья. Не своего — всех, всей России... И здесь, в комнате Чаадаева, такой строгой, наступало успокоение, наступало знание, уверенность. Чаадаев точно знал сроки всему. Несчастье, ничтожество должно было кончиться разом, в один день» (с. 386).

Чаадаев во всем видел рабство, которое, «благодаря бога», считал заразительным. Рабы, по его философии, были кругом: это и денщик, который ему прислуживал, и крестьяне, выращивающие хлеб, и даже кесарь — все были заражены «рабством». Одновременно он считал, что рабство когда-нибудь *само собой* «спадет, словно его никогда и не было» (с. 387).

Две мысли Чаадаева достойны *педагогического прочтения*: первая мысль, что бог (то есть вера в него) делает рабов еще большими рабами (эта атеистическая мысль, как продукт полноценного светского воспитания, актуальна и по нынешнее время); вторая мысль, что рабство спадет в один миг и само собой. Это заблуждение, так как рабство в человеке можно преодолеть только посредством полноценного воспитания и формирования у него научных знаний (а значит, в педагогическом процессе, который, как известно, носит затяжной характер). Здесь мы повторимся: любые исторические события, чтобы их правильно оценить и тем более спрогнозировать, надо рассматривать только с точки зрения *научной педагогики* (чего, к сожалению, до сих пор не делается). Правильное (без жертв) развитие человеческого общества возможно только с помощью полноценного воспитания подрастающих поколений, а не путем борьбы и уничтожения кого-либо или разрушения чего-либо.

Чаадаев заражал Пушкина «свободой», а по меркам того времени вольнодумством. В будущем это станет причиной многочисленных «вольностей» поэта, за которые ему придется жестоко расплачиваться (вина в этом, подчеркнем, Чаадаева, который не рассмотрел в Пушкине гения, призванного своим творчеством побуждать людей к созиданию, а не к неоправданной ничем борьбе за что-то малопонятное). Лучше бы Пушкин заразился «Историей» Карамзина и пи-

сал жизнеутверждающие поэмы и сказки на исторические темы, нежели поддавался незрелой (а значит, ложной) «философии» Чаадаева, ведущей к гибели.

В те дни Чаадаев, как-то между прочим, спросил Пушкина давно ли тот был в доме у Карамзиных (ведь они там часто бывали вместе). Сначала Чаадаев (уже в который раз) посетовал, что Карамзин напрасно мало в своей «Истории» внимания уделяет Петру Первому, приблизившего Россию к Европе. А затем неожиданно с восхищением заговорил о Екатерине Андреевне. «Красота хозяйки удивительна. Разговор ее удивляет ровностью, знаниями, уверенностью в истине. Она прекрасна» (с. 387).

«Пушкин был бледен, вдруг густо покраснел. Он искал слов, сбивался, путался. Он вдруг стал жалок. Чаадаев внимательно на него посмотрел. <...> Недоступный для любви, он (Чаадаев. — Г.З.) понимал, однако, все ее тревоги, все неожиданности». И он все понял, но не стал ни о чем спрашивать. Он налил Пушкину чашку черного благоуханного кофе, иначе бы он заплакал как ребенок. «Прощаясь, Чаадаев обнял его» (с. 387–388).

Мы привели этот эпизод, чтобы показать, что тайная любовь Пушкина все же была разгадана. Она была разгадана старшим по возрасту и верным другом, но который почему-то не захотел оказать страдающему Пушкину должной моральной помощи (*чертов философ!*).

**Лицейское братство.** «В этот год их больше объединяли прогулки, чем уроки. Никто не требовал тишины; дисциплина была забыта безвозвратно, и профессора заботились только об экзаменах, которые грозили в будущем как лицейским, так равно и им (новый директор лицея Е. А. Энгельгардт был требователен ко всем. — Г.З.) ...Куницын притих, сгорбил-

ся. Он стал строг, равнодушно спрашивал у Корфа лекции по тетрадке и поправлял его, если тот что-либо пропускал. Пушкина он никогда не спрашивал по тетрадке, и Пушкин почти никогда не записывал. Но он слушал — его одного из профессоров; казалось, он и профессор совершенно понимали друг друга. Корф тихо сжимал кулаки из-за этого пристрастия» (с. 352).

Только однажды Пушкин загорелся... На лекции Куницын объяснял им, что такое «общественный договор» и что сей «договор» может быть отменен под давлением «верховой власти», которая принадлежит народу. При этом он «тихо попросил записать, что это относится к племенам давно минувшим» (с. 352), Видимо, профессор забоялся, чтобы кто-нибудь из лицеистов не посчитал его лекцию призывом к борьбе с тиранией и не донес...

К тому времени Пушкин, Дельвиг и Кюхля уже печатались и были известными авторами. Сочинительство их объединяло, но и побуждало к спорам. Они часто спорили на темы, связанные с поэзией, — о Горации, Руссо, Парни, Шишкове и Шихматове (членах «Беседы»), о Шиллере, о женской неверности. Обычно спорили на прогулках, отстав от остальных. Благоприятствовала спорам о поэзии библиотека, собранная однокашником Ломоносовым (в ней было около 300 книг). Пушкин, в отличие от друзей, *думал стихами*, поэтому спорить о чужой поэзии не любил. Он больше наблюдал и наслаждался спорами между Кюхлей и Дельвигом. Каждый из них оставался при своем мнении. Таким образом, следует (вопреки общеизвестному тезису) сказать, что истина не рождается в спорах. Истина рождается в научных исследованиях, но и после этого редко присваивается другими вследствие консервативности мышления.

К лету 1817 года в Село переехала царская свита, и *глазастые* лицеисты могли наблюдать, как царь спешил на тайное свидание с дочерью коменданта, как заходил к Карамзину, как куда-то спешили придворные дамы... Вскоре стало известно, что Разумовский решил ускорить их выпуск и сделать это в июне 1817 года. У Пушкина возникла мысль, что их выживает царь, чтоб *не шумели и не глазели*...

«9 июня 1817 года явился государь в конференц-залу лицея с Голицыным. И назавтра они покинули лицей навсегда... Дали подписку в том, что ни в каких обществах, тайных и секретных не состоят... А лицейское? Ведь решили собираться каждый год в день открытия лицея, 19 октября, всем лицейским. Старостой выбрали Мишу Яковлева... Они поступили в службу... Нет, не пойдет его (Пушкина. — Г.З.) служба. Каждодневно, кроме воскресных и праздничных дней, будет он ходить на службу? Ничуть не бывало... Нет, для него лицей не кончился... Кончились лекции, пробуждение на заре, блуждание с неотвязчивым стихом весь день... а лицей не кончился... Семья? Семьи не было. Отец жил воображаемой жизнью. Мать была скоро, загоралась и гасла без причин. Была Арина. Была Арина и лицей. Был Пущин, Дельвиг, был Кюхля — брат родной по музе... Это была его истинная родня, кровная» (с. 388–389).

Пушкин решил, что вскоре поедет в свою вотчину — Михайловское. Будут встречаться в лицейские годовщины. Простились все. Пушкин с Дельвигом обнялись...

**Страсть.** Дружба — это святое дело мужчин. Но ведь были еще и *особы женского пола*, без которых Пушкин жить не мог. Его *женолюбие* было безграничным, можно сказать, тотальным. Рано развившаяся в нем сексуальность и первый *блуд* (в 15 лет?) с раз-

вращенной крепостной артисткой Натальей (из театра графа Варфоломея Толстого) способствовали усилению его полового влечения к женщинам.

Приведем хронологию (безусловно, не полную) любовных походов юного Пушкина, описанных Ю. Тыняновым, и попробуем дать им психолого-педагогическую оценку.

...Когда он встретил в зале приехавшую в лицей к брату молоденькую, «очень затянутую, очень стройную Бакунину, он понял, что влюблен»... Это состояние было вовсе не похоже на то, что он испытывал, гоняясь за *нецелованной* горничной Наташей или смотря на оперу, в которой пела «надтреснутым голоском» крепостная актриса Наталья (которую он никогда не называл Наташей, вероятно, потому что она была девкой распущенной).

Любовь к молоденькой дворянке Бакуниной была другой — очень сильной, но проходила на расстоянии. Вероятно, юный *женолюб* Пушкин понимал, что за этой барышней надобно ухаживать долго, добиться ее будет нелегко, и, скорее всего, она *потянет под венец*, чего в его мыслях не было. Бакунину он назвал Эвелиной (по мотивам стихов Парни). «Эвелине можно было писать только элегии» (с. 337–338).

«Потребность видеть ее стала для него привычкой — хоть не ее, хоть край мелькнувшего из-за деревьев платья (*под ним были ее прелести*). Раз он увидел ее в черном платье, она шла мимо лица... Он был счастлив три минуты, пока она не завернула за угол. Ночью он долго не ложился, глядя на деревья, из-за которых она показалась. Он написал стихи о смерти, которая присела у его порога, — в черном платье (возможно, это была первая мысль о собственной смерти! — Г.З.). Он прочел их и сам испугался этой тоски... Он обнаружил, что хочет ее только



видеть, но не говорить с ней (признак романтической любви. — Г.З.). И чем дальше шло время, тем встреча становилась все более невозможной и даже не нужной. Он по ночам томился и вздыхал» (с. 338).

Неожиданно он узнал, что по Бакуниной *вздыхали* Пущин и Илличевский. Но чувства ревности не появилось... Он постепенно грустнел, стал спать покойнее, а потом решил, что может, он и не любил ее и раньше. «Он отложил стихи к ней и постарался, как можно реже о ней вспоминать» (с. 338–339).

Потом был бал у Бакуниных, куда он был приглашен вместе с другими лицеистами (Пушным и Ломоносовым). В день бала Пушкин был в непонятном для него волнении. Он написал Эвелине (Катерине Бакуниной) слишком много стихов, и ему казалось, что говорить с ней уже не о чем. Но она ждала его...

Ю. Тынянов не пишет о том, как вел себя Пушкин на балу. Судя по всему, Пушкин и Катерина держались друг от друга на расстоянии и даже вместе не танцевали (Пушкин танцевал плохо, а отменных танцоров на балу было предостаточно). Не случайно Ю. Тынянов много пишет о гусарах-щеголях Соломирском и Чаадаеве, «танцорах», которые были в центре внимания дамского общества. Именно на балу у Бакуниных Пушкин познакомился с Чаадаевым, смотрел на него как зачарованный, когда тот танцевал, и оценил его «чаадаевскую мудрость». Это было *начало дружбы!* Что же касается любви, похожей больше на *романтическую мечту*, к Эвелине, то здесь на балу эротическое чувство и связанные с ним мечты у Пушкина начали убывать (с. 341–342).

Лицеисты, как мы знаем, жили по режиму и были лишены женского общества. Новый директор лицея Егор Антонович Энгельгардт, чтобы «обтесать (*лицеистов*) в женском обществе», решил организовать

у себя вечер (бал). На этом вечере Пушкин стал восхищаться «прелестями» молодой вдовы Марии Смит (дальней родственницы директора), которую Егор Антонович надеялся сделать «скромной царицей бала». Пушкин прижимался и задыхался во время танцев с ней. Но и молодая дама, вроде, «весьма воспитанная особа» не осталась равнодушной («лицо ее пылало»). Пришлось «прекратить музыку»... После чего юнец с Марией куда-то исчезли... Егор Антонович нашел их в своем саду. Он решил: «Пушкин более не будет приглашаться, но кто поручится, что негодник не назначил свидание где-нибудь тут же неподалеку — завтра или через неделю?» (с. 345–346).

В эти дни Пушкин впервые пришел в гости к Карамзиным с лицеистом Ломоносовым и увидел Катерину Андреевну. Тынянов пишет: «Впервые Пушкин видел это прекрасное спокойствие, это внимание серых глаз». При этой женщине Пушкин (немеющий при женщине) преображался и говорил безумолку. «Он словно впервые почувствовал себя собою, впервые нашел себя. Через три минуты он добился своего: он услышал звонкий смех Катерины Андреевны и увидел удивление на лице Карамзина. Этого смеха Карамзин не слышал уже давно»...

Назавтра он в неурочное время, наскоро отобедав, убежал к Карамзиным. Был тот час, когда историограф отправлялся гулять. Она вышивала в своем домике на пяльцах и удивилась, испугалась, увидев его. «Здесь все ходят мимо этой уединенной хижины и чуть не заглядывают в окна» — объяснила она недовольно (*цветущую красивую жену немолодого мужа понять можно*). Потом она заставила его разматывать шелк, и он, стоя на коленях, с необыкновенным прилежанием следил за длинными пальцами, ловко и спокойно бравшими шелк с его пальцев (что чувствовал юнец,

касаясь рук красивой женщины?..). Наверное, она почувствовала его возбуждение, поэтому «прогнала его, сказав, что его будут искать и посадят на хлеб и воду... Он шел в отчаянии: она его считала школяром и более никем. Он забыл дорогу к гусарам (к Чаадаеву и другим. — Г.З.), к которым так быстро привык: участь его была решена. Теперь каждый день он будет ходить в Китайскую Деревню» (с. 347).

А что же молодая вдова Мария Смит? Он называл ее Лилой (заметим, что Пушкин часто присваивал необычные имена полюбившимся женщинам; вероятно, чтобы придать любви большего романтизму).

Находясь в *Китайской Деревне*, было бы преступно думать о Лиле. В присутствии хозяйки Пушкин не думал решительно ни о ком более. Его удручало одно — Катерина Андреевна относилась к нему как школяру. В то же время *юнец* уже хорошо осознавал, как умело могут женщины маскировать свои влечения, поэтому надежда не покидала его (с. 347).

Каждое утро он просыпался с «целью» <...> что вечером будет сидеть за круглым столом, видеть ее, слушать ее нескорую французскую речь, так не похожую на картавую речь его матери, на лепет всех других женщин, которых он знал до сих пор» (с. 349). Здесь надо отметить, что влюбиться в голос женщины, ее особенную речь, способен только талантливый мужчина.

А что же молодая вдова (вернемся к ней)?..

Кто же из молодых (*да ранних*) мужчин, *половых охотников* откажется от легкой добычи? Пушкин тайно встречался с молодой вдовой и скрывал это от всех, даже от Жанно (*Пущина*). Но потом когда он их увидел, Пушкин перестал скрывать свою любовь и «как гусар охотно говорил об этой любви, об этой молодой вдове» (с. 359). Это была *гусарская победная порочная любовь без грез*.

Молодая вдова узнала в этот месяц с этим мальчиком то, о чем и не подозревала, о чем только догадывалась и что вслед за тетками привыкла называть *адом* и *пороком*. По утрам она смотрела в зеркало с тайным страхом, ожидая, что все это уже видно... Она блудила с ним в ближнем леске, старом саде, скате озера, в тени старого театра... В «измятой одежде с приставшими листьями», при ежеминутной опасности «быть застигнутой, как девка, сторожем», она бежала домой... Она не соглашалась только на одно: впустить его к себе ночью. Комната была угловая... в директорском доме. Она «дрожала перед этим безумством, которое передавалось от него ей, от нее к нему»... «Но только не ее комната, не ее белое покрывало, над которым директор повесил на стенке портрет мужа...» (с. 366).

Они условились, что ей будет передавать записки д. Фома, а она прятать свои в дупле старого дуба (*тайная любовь — в ней столько страсти!*) Но он забывал о ней тотчас, когда они расставались. Для него *это* стало всего лишь *любовным упражнением*, в котором его увлекало не столько собственное «болезненное содрогание», к однообразию которого он быстро привык, сколько ее *гримасы*...

..Неделю он не был у Карамзиных. Он начинал мучиться, понимать, что не может и дня прожить без этой женщины, которая была старше него и «могла быть его матерью»... Она была жена великого человека, «мудреца и учителя, недосягаема, неприкосновенна». «Он вдруг возненавидел всякую мудрость и спокойствие». Он боялся даже говорить о ней с друзьями... (здесь мы прервемся, потому что эта эмоциональная история нами уже проанализирована выше).

Да, *многолюбец* Пушкин продолжал видеться с Лилой, «пугал ее внезапностью, грубостью, ненасытностью, удушливым гортанным смехом, тихим кле-

котом в такое время, когда не кто не смеется». Жажда познаний увлекала его. Но, возвращаясь ночью, он думал о другой, «которую отныне всю жизнь он должен будет звать N.N.» (с. 366). Так неразделенную любовь и связанное с ним возбуждение к одной женщине юнец Пушкин реализовывал с другой, доводя ее *до животно-го состояния*.

Но когда-нибудь это должно было закончиться... Директор выследил и настиг их в «бесстыдном положении»... в своем доме... Он тотчас распорядился об отъезде вдовы, но решил отложить дело о Пушкине на один день, видимо, чтобы не вызывать подозрение об их порочной связи. В тот же день к нему приехал старик Нелединский-Мелецкий и провез от «старой» императрицы для поэта Пушкина дар — часы с надписью. И Егор Антонович обрадовался, что не успел выгнать «молодчика» раньше (с. 381).

В первую же ночь после выпуска из лицея Пушкин был у княгини Авдотьи. Евдокия Голицына (родственница Катерины Андреевны) была известна тем, что принимала в своем особняке на Неве гостей на ночные *бдения*. Ее так и звали «ночной княгиней». Одевалась Авдотья по-старорусски — в сарафан. Пушкин, «когда думал о своей богатырской поэме, хотел видеть старорусскую Авдотью» (с. 390). Авдотья знала это, и оставила его у себя, отпустил других по домам.

«Она сбросила свой тяжелый в драгоценных камнях голубой сарафан, как древние воины, верно, снимали доспехи. Ее старорусская речь была ясна, ее старорусские плечи были прекрасны, вечны. Авдотьиная прелесть была в комнате» (с. 393). Победить в *любовном сражении* взрослую, большую, сильную и умную женщину (Авдотья занималась математикой и напе-

чатала целую книгу), можно сказать, *бой-бабу!*.. Это окрыляло «молодчика».

Освободившись от лицейских оков, живя в Петербурге, Пушкин *увлекался* только взрослыми женщинами — как начинающий наездник он *объезжал* их одну за другой. Не брезговал даже «изменницами», «общими для всех», хотя знал, что они «переносили болезнь любви». Он полагал, что «изменницы» должны быть самыми пылкими, бешеными, неукротимыми и без усталости предаваться любви... Но он сильно ошибался. Они были холодны, умеренны и расчетливы... Он был у одной такой. Она была «образованной, стихи читала, в объятьях она зевнула»... Любовь *продажных девиц* была похожа на тайную тихую войну. Пушкин «презирал их, смеялся над ними, но жить без них не стал бы» ...Забывал их сразу... Досадовал, «как мог бы любить и на кого жизнь уходила, кровь вставала». Значит, он понимал, что «изменниц» невозможно победить, покорить, несмотря на это продолжал добиваться невозможного (*явный признак невротического честолюбия*) ... Он узнавал «изменниц» с первого взгляда. Ю. Тынянов описывает эпизод, когда Пушкин погнался за одной из них (имя было нерусское: Лиза Штейнгель), но напоролся на закрытую дверь... «Он знал наизусть все таинства ночей, все уловки изменниц, а этой не понял... Он чувствовал свое поражение и был в бешенстве... (она не пустила его потому, что была больна)». Молодчику (*бойцу*) повезло!

Да, Пушкин (*женолюб!*) безудержно увлекался женщинами и нещадно смеялся над мужчинами, которые ненавидели женщин, которые «любви и смолodu не знали, а между тем были везде и на самом верху» (с. 396).

Добиваясь любви, Пушкин вел себя самоуверенно (видимо, уже хорошо осознавал, что способен любую

женщину довести до сильных плотских ощущений и покорить), поэтому совершенно не задумывался о соперниках и возможных последствиях.

...Каждый вечер стал он бывать в театре, где «играла славная Семенова». У нее был «негласный» муж князь Гагарин, и другой — «одноглазый орел» поэт Гнедич. «И раз он не выдержал, он бросился к ее ногам и хрипло сказал ей что-то. Но она взглянула на него внимательно, без улыбки. Она не поняла его. Тогда он взял ее руки в свои и поцеловал их — в первый и последний раз». Семенова стало его подлинной страстью, но «не любовной (не получилось! — Г.З.), а гражданской» (с. 398).

От плотской любви и связанных с ней напряжений где-то надо было *отходить*. Пушкин стал наведываться в Михайловское, здесь правила Арина (*заботливая и родная женская душа!*). В дедовском доме ему было хорошо (тихо и сытно) ...На коне он мчался в Тригорское, где встречался и «живо занимался» с Прасковьей Александровной Осиповой и ее дочерьми. Он писал вольные стихи про любовь, которые она хорошо понимала в отличие от дочерей. Наверное, здесь он любил всех женщин по-родственному (*слабо и медленно*). Другого не было дано — все были на виду и поэтому сдержаны...

**Поэт.** «К нему (*в лицей*) ездили <...> Батюшков, Вяземский, а комната была вся та: № 14 — бюро, железная кровать, решетка над дверью. Он назвал ее в стихах келью, себя пустынником, а в другом стихотворении — инвалидом; графин с холодной водой он назвал глиняным кувшином. Теперь он был юноша-мудрец, писал о лени, о смерти, которая во всем была похожа на лень, о деве в легком прозрачном покрывале. Он знал окно напротив, где являлась раньше торопливая тень — Наташа, лучше, чем соб-

ственное (с девственной Наташей он ощутил первый поцелуй. — Г.З.). Он написал стихи об этом окне. Окно разлучало унылых любовников, или напротив, тайно открывалось стыдливой рукой — месяц был виден из этого окна. Он глаза проглядел, смотря в это окно, <...> а девы в покрывале не было. Наташу давно куда-то прогнали»... (с. 337). Да, его посещали как «пустынника», как «инвалида» или как узника. И ему, юноше с умом мудреца (почти в заточении) приходилось любить памятью и писать стихи о том, что видел перед собой и что представлялось в голове.

Здесь надо еще раз отметить, что юный Пушкин *думал стихами*, а значит, переводил в поэтическую форму все, что видел перед собой, что чувствовал и о чем мечтал в тот момент. И это происходило без перерывов. «Он грыз перья, зачеркивая, бродил по лицу, вскакивал иногда по ночам с постели, чтобы записать стих — о лени». Почему о лени? Возможно, потому что лень (как и смерть) ассоциировалась у него со спокойствием, которого в его бунтарской (более того, невротической) душе не было, но которого хотелось (по естественной потребности).

«Мудрец жил, наслаждался и умирал с одинаковой легкостью, почти безразличием; он играл на простой свирели... Мудрец любил; его любовь и томление кончались смертью, легкой и ничем не отличавшейся от сна» (с. 337). Значит, у Пушкина включалась еще одна актуальная для взрослеющего человека потребность — в самопознании (рефлексии): оценить себя, удостовериться в собственной мудрости и сексуальной зрелости, способности любить и наслаждаться жизнью и даже в готовности умереть. Но такая всеобъемлющая рефлексивная деятельность, как известно, не является типичной для отрока, которого интересует в основном собственное тело и собственные душевные пережива-



ния. Рефлексия Пушкина *охватывала всю его настоящую и возможную будущую жизнь*. По-видимому, именно такая (всеобъемлющая) рефлексия и является признаком гениальности взрослого человека.

«Этот мудрец и ленивец очень нравился Горчакову. Горчаков прилежно, высунув кончик розового языка, переписывал теперь все его стихи... Александр не любил, когда Горчаков переписывал его стихи, похваливая». Однажды его похвалил новый директор (Е. А. Энгельгардт. — Г.З.) и даже прочитал по памяти его стихи. «Пушкин вдруг скрипнул зубами» (с. 339). Почему он нервно или правильнее сказать, *невротично* реагировал на любую похвалу в свой адрес? Причина, как нам кажется, лежала в его усугубляющемся невротическом характере (точнее, усугубляющемся невротическом честолюбии): тревожно-враждебное отношение к окружающим людям, формировавшееся у него с детства, он снимал (или нейтрализовал), как бы *побеждая* всех своими стихами, которые были совершенными.

В день, когда его посетили Карамзин, Вяземский и дядя Василий Львович, он (после их отъезда) «бродил целый вечер с раздутыми ноздрями, со странной решительностью...». Он думал о своем участии в «Арзамасе», в той войне с членами «Беседы» «губителями русской словесности», которую вели «арзамасцы». Он вдруг понял, что поэзия нужна не только, чтобы писать о любви к деде, не только, чтобы осмеивать монахов и игумений, но и для борьбы с врагами (с. 340). Заметим, что с этими врагами Пушкин не был даже знаком, а значит, они были по существу вымышленными. *Враждебность к незнакомым людям* было проявлением его невротического характера — противиться всему, враждовать со всеми и добиваться тотальной победы. Не случайно в период возмужания

Пушкин написал немало эпиграмм (в то время они входили в моду). Потренировавшись (*подшучивая*) на друзьях-лицеистах, он *набросился* эпиграммами на вельмож, церковников, правителей. Не пожалел даже мудреца Карамзина (о чем выше уже говорилось). Позже он написал эпиграммы на развратного князя Голицына («... Не попробовать ли сзади? Там всего слабее он!»), на *греховодного* архимандрита Фотия («Благочестивая жена... предана... грешною плотию ...Архимандриту Фотию»), на министра «притеснителя» Аракчеева («Без ума, без чувств, без чести...») и даже на самого Александра I («... Наш царь лихим был капитаном...»). И его «стишки» (ясное дело — неподписанные) читали везде. Такое своеволие не могло не вызывать ярости властителей и желания наказать *писаку*. Ненависть усиливалась, когда *осмеянные* узнавали фамилию автора (она легко вычислялась), а главное, узнавали, что он молод, без звания, без должности и без влияния... Князь Голицын грозил отправить «голубчика» в Испанию на погибель (там восстание, идет резня, оттуда не возвращаются), архимандрит Фотий — сослать навечно в Соловецкий монастырь, Аракчеев — поместить в Петропавловскую крепость или отдать навечно в солдаты... (с. 403). Кажется, «молодчик» толком не сознавал, с кем он решил потягаться, и что сильно рисковал своей свободой. Чего он добивался эпиграммами? По нашему мнению, всему виной была *актуализированная* в нем и ставшая доминирующей потребность утвердиться в своем поэтическом совершенстве. Наложённая на бунтарский характер победителя эта потребность, к сожалению, гиперболизировалась в *невротическое честолюбие*. Почему (и за что?) Пушкин написал злые эпиграммы на людей, с которыми не был знаком и которые ничего худого ему не сделали? Разумеется, только по причине своего невротического

характера — желания вызвать у вельможных людей негодные чувства (у осмеянных — ненависть, у сторонних наблюдателей — злорадство) и выставить себя победителем над всеми ими (при этом оставаясь *скрытым*). Таким образом, можно считать, что у Пушкина уже в молодости сформировался характер *тотального победителя*, стремящегося господствовать над всеми и во всем, с *выраженным невротическим честолюбием* — стремлением вызывать своим творчеством у людей негодные чувства и скрытно наблюдать за ними (как бы сверху). Невротическое честолюбие Пушкина, безусловно, сформировалось как ответная реакция (сначала в форме противоборства, а затем и враждебности) на принуждение и унижение в детстве (в родительской семье) и отрочестве (в лицее казарменного типа). Разумеется, мы с сожалением говорим о *невротизме* Пушкина, хорошо понимая, что *гению прощительно все*. Тем более, что в его *невротизме* виноваты были его негодные воспитатели (родители, гувернеры, лицейские преподаватели). Одновременно мы должны заметить, что невротический характер поэта (а невротизм, как известно, в течение жизни обычно усугубляется) не благоприятствовал (*мягко сказано!*) ни сочинительству, ни социальным взаимоотношениям, ни семейной жизни, ни, наконец, его судьбе.

И конечно, невротический «молодчик» не был способен учесть важного обстоятельства — извращенное и гневное общество готово мстить... жестоко, до смерти.

Однажды за ним пришел квартальный и повел его в главное политическое управление и сдал начальнику всей полиции — Лаврову. Пушкин был удивлен простотой события. Лавров показал Пушкину шкаф и сказал: «Это все ваше, за номером». Шкап был заполнен пушкинскими эпиграммами и доносами на

него. Лавров пригрозил Пушкину кулаком... По городу пошли слухи, что Пушкина в полиции «выпороли» (с. 401). Ему грозила ссылка...

Спас его друг Чаадаев, который прискакал к Карамзину, чтобы тот просил о Пушкине (Карамзину предстояло свидание с царем).

Карамзин понимал, что «... Пушкин безумец. Его эпиграммы тем ужасны, что смешны» (с. 403). Но не погибать же ему... Он заступился... Император краем глаз улыбнулся. Он в этот день не был склонен к грозным явлениям. У Карамзина была милая жена... И когда Карамзин сказал о юге, император решил «Инзов» (наместник Бессарабии).

Да, Карамзин заступился и спас Пушкина от тяжелой ссылки куда-нибудь в *Тьму-Таракань* (но заметим, что сделал это не по собственному побуждению, а по просьбе Чаадаева). Значит, даже осознав все опасности, которые могут подстергать в будущем «безумца Пушкина», ученый Карамзин, хорошо знающий цену личности в истории, не взял его (пробуждающегося гения) под свою личную и полную опеку. Что — не видел будущего? Неужели мысли ученых-историков обращены только в прошлое?!..

Пушкин пришел прощаться к Карамзиным и обещал исправиться «на два года». Он едет в Крым вместе с генералом Раевским (героем войны с Наполеоном) и его семьей (сын его Николай гусар был дружен с Пушкиным по Царскому Селу).

Он простился с Ариной, обнял ее, сказав «Прощай, мать». Та заволновалась, что мать... «Ты и есть мать». От этих слов «слезы полились у Арины, тихие, скупые» (с. 407).

Пришли прощаться Пущин, Малиновский, Кюхля...

Его высылали в русскую землю. Он еще не видел ее всю... Высылка, а не ссылка... Настоящим счастьем было, что руководил его высылкой генерал великого двенадцатого года...

Он уезжал с ранами любви, о которой никто не должен узнать... «Спокойствие Катерины Андреевны должно быть нерушимо. Он писал элегию о любви невозможной, в которой ему отказало время». Писал, как будто эта элегия была последними его стихами...

Но было еще ощущение, что на юге он станет «свидетелем жажды свободы, заставлявшей людей, скованных вместе, плыть со скоростью бешеной вперед!» (с. 413). Это ощущение вселяло в него надежду на будущее, правда, беспокойное, сопряженное с борением, ускоренное во времени... А жить с ускорением способен только гений!



Неоднозначное педагогическое влияние на юного Пушкина оказал Николай Михайлович Карамзин. Друг семьи Пушкиных и известный литератор однажды посетил Александра в лицее, что, безусловно, психологически облегчило его пребывание в казенном учебном заведении. Благодаря Карамзину юного поэта Пушкина включили в сообщество авторов «Арзамас», созданное в противовес другому литературному сообществу «Беседы», куда входили противники «нового слога» Шишков, Шаховский, Державин и др. Это вдохновляло начинающего поэта к сочинению новых стихов, правда, главным образом, воинственного содержания. Побуждая Пушкина к «войне» с литературными противниками, с которыми он даже не был знаком, Карамзин способствовал укреплению в юноше бунтарских черт характера (во всех отноше-

ниях вредных и опасных). А ведь Карамзин как друг семьи Пушкиных (хорошо знавший вздорный характер отца и дяди Александра), к тому же большой знаток (исследователь) русской жизни должен был бы сделать совершенно противоположное — предостеречь и оградить молодого и дерзкого поэта от всякого рода завистников, ненавистников и злопыхателей, коими кишела светское общество. К сожалению, Карамзин этого не сделал, не стал для начинающего поэта наставником, заступником, педагогом, наконец, просто другом, в чем тот очень нуждался, ведь в лицее у него не было ни любимого преподавателя, ни старшего друга, а Карамзиным Александр восхищался как мудрецом. А значит, Александр, готов был увидеть в Карамзине своего наставника (и по жизни, и в литературе). Но этого не произошло по простой причине — Карамзин был, образно говоря, «ученым сухарем», совершенно не склонным и не готовым к педагогической деятельности. Это заставляет нас вернуться к ранее обсужденной теме о том, каким бы он, Карамзин (известный писатель и общественный деятель), мог стать министром просвещения России (безусловно, — более авторитетным, нежели назначенный на эту должность Разумовский, но, вряд ли, достаточно эффективным).

Переехав с семьей в Царское Село, Карамзин позволил лицеисту Александру Пушкину (прежде всего, как племяннику Василия Львовича Пушкина) свободно (по-родственному) приходить в свой дом, часто разговаривал с ним на исторические темы, слушал (вместе с женой Катериной Андреевной) его новые стихи, поощрял его поэтические опыты, что, безусловно, благоприятствовало душевному состоянию и поэтическому вдохновению юноши. Не учел «ученый сухарь» одного — страстного неумемного полового влечения юнца Пушкина к женщинам. Карамзин даже не мог себе представить, что предметом страсти

юнца может стать его жена, хотя она считалась красавицей, и сам кесарь посылал ей цветы. К сожалению, узнав о тайной страсти Пушкина к своей жене (прочитав любовную записку), «мудрец» Карамзин повел себя как типичный ревнивый муж (ревность мужа оказалась сильнее ума мудреца), хотя мог поступить дальновиднее (сочувственно), а значит, — более педагогично, ведь влюбленным в его жену был не простой и чужой «малец», а талантливый, с претензией на гениальность и хорошо ему знакомый. Устроив ему «отповедь», к тому же в присутствии Катерины Андреевны, которая отреагировала на это «нервным» смехом, Карамзин поступил не мудро, не педагогично, не по-доброму, не по-родственному. Доказательством его «непедагогичности» служили безудержные слезы несчастного мальчика (а ведь он до этого никогда не плакал!). Пережитый Пушкиным стресс (в форме несчастной любви), усугубленный моральным унижением, как покажет будущее, навсегда останется в его эмоциональной памяти, а значит, отрицательно скажется на его поэтическом творчестве, на отношении к женщинам, к другим людям, на его судьбе.

Скорее всего, «непостижимая» любовь молодого Пушкина к Катерине Андреевне была единственной в своем роде страстью, которая так и осталась не реализованной и поэтому (как у человека с характером победителя) не проходящей, а даже усиливающейся. А сама Катерина Андреевна как женщина стала им идеализироваться и даже обожествляться, что, было совершенно напрасно и ущербно для души, так как сия красавица в силу неполноценного воспитания в детстве, отрочестве и юности была не развита в эротическом отношении (холодна!) и не способна любить, а значит, и не достойна большой любви, тем более любви гениального человека.

Разумеется, нельзя оценивать однозначно влияние Екатерины Андреевны на Пушкина. Ведь с одной стороны, общаясь с ним, она способствовала его взрослению. Однако, с другой стороны, заставляя страдать, она не благоприятствовала его поэтическому творчеству, в частности, сочинению жизнеутверждающих поэм и сказок, ценность (прежде всего педагогическая) которых была бы неизмеримо выше его стихов о неразделенной любви.

К сожалению, Карамзин, сторонник «нового слога» не сумел (или не захотел) разглядеть в юном Пушкине будущего преобразователя русской словесности, а увидел «поэта-вертопраха». Так он его обозвал (правда, скорее всего, в сердцах), когда узнал, что «юнец» приволокнулся за его женой. И все же недооценка Карамзиным таланта юного Пушкина была. Объективной оценке препятствовало многое: увлеченность Карамзиным собственным литературным творчеством, тщеславие, зависть к способностям и молодости начинающего поэта, а также обыкновенная «мужнина» ревность. Будь Карамзин более дальновидным человеком (ученым, писателем, педагогом), он бы увлек Пушкина русской историей и побудил его писать поэмы, сказки, романы на исторические темы (пользы и славы от этого было бы много больше, чем от эпиграмм на царей, вельмож, попов и стихов о любви к женщинам, которые этого не стоили).

Все русские люди сожалели и сожалеют до сих пор, что литературный гений Александр Сергеевич Пушкин прожил короткую жизнь. По нашему мнению, если бы он оказался под педагогическим влиянием «мудреца» Карамзина и дожил до старости, то непременно написал (читая Карамзина) историю России в стихах и прозе как бы заново и написал бы художественно, жизненно, в страстях, что было бы и психологично, и педагогично, и более читаемо...



Взрослеющий Пушкин нуждался в старшем друге. Им стал «философствующий» гусар Петр Яковлевич Чаадаев, с которым Пушкин (будучи лицеистом) познакомился на балу у Бакуниной. Пушкин восхищался Чаадаевым — его свободолобивыми мыслями, критическим оценкой светской и политической жизни, внешностью и обращением. Он часто сбегал из лицея на квартиру Чаадаева — там собирались друзья-гусары, которые хорошо относились к его страстям, а он сочинял для них эпиграммы. Юный Пушкин заражался от них весельем, карточной игрой, грубоватостью и даже беспутством — чего-то нравственного от гусаров ждать было трудно.

Чаадаев, одержимым идеей освобождения народа от самодержавного гнета, опрометчиво заразил этой идеей своего юного друга Пушкина. Будь Чаадаев дальновидным философом (а значит, и педагогом), он должен был бы рассмотреть в Пушкине гения и оградить его от опасностей, связанных со всякого рода борьбой. Для будущего России, которым был озабочен Чаадаев, важнее был (с педагогической точки зрения) Пушкин поэт-сказочник, а не поэт-борец.

Не оказал Чаадаев должного педагогического воздействия на друга Пушкина и тогда, когда заметил его неумемные страдания от безответной (и неперспективной во всех отношениях) любви к Катерине Андреевне Карамзиной. Педагогическая неготовность Чаадаева обусловлена тем, что его философия строилась без учета душевного развития и воспитанности человека (что, к сожалению, имеет место и в наше «ученое» время, а значит, «философствующий» гусар, живший 200 лет назад, все же заслуживает нашего снисхождения).

В последний год (перед выпуском) новый директор лицея Е. А. Энгельгард стал требовательней к преподавателям, которые настойчиво продолжали (только с нарастающим равнодушием) читать свои лекции

и спрашивать эти лекции у учеников «по тетрадке». Педагогический энтузиазм стал иссякать, даже у такого передового профессора как А. П. Куницын — все формально (без усердия) готовились к экзаменам.

Лицейист Пушкин в последний год вел себя особенно вольно — лекций не записывал, но на занятиях всегда что-то писал, все уже знали — стихи, поэтому профессора старались его не трогать, не спрашивать. Было ясно, что Пушкин психологически «перерос» лицей и уже определился — он «думал стихами», а значит, был поэтом. Когда случился выпуск и лицейстов стали определять по службе, Пушкин понял, что не сможет каждодневно, кроме воскресных и праздничных, дней ходить на службу (исполнять чужую волю было противно его душе). Ничто не связывало его и с родителями. Самыми дорогими для него людьми стали друзья Пуцин, Дельвиг, Кюхля — а значит, лицей для него не кончился... А еще была Арина, живущая в Михайловском. Наверное, поэтому Пушкин решил, что вскоре поедет в свою вотчину — Михайловское, чтобы жить там и ежегодно в лицейские годовщины встречаться с друзьями и однокашниками (здравая мысль, которая, к сожалению, не реализовалась — его бунтарский с невротическим честолюбием характер требовал борьбы и побед). А ведь, как было бы хорошо, если б Александр Сергеевич Пушкин (наш общий родственник!), остепенившись, стал жить тихой помещной жизнью, женился бы на доброй и милой (без особых красот) девушке, «капитанской дочке», нарожал с ней десяток детей и насочинял им тысячу сказок и поэм о счастливой русской жизни, какой она должна быть в будущем... Другой (благоденствующей) была бы сегодняшняя Россия!

К несчастью, в душе молодого Пушкина кипели половые страсти, неподвластные уму. Безудержное (неразборчивое) половое влечение Пушкина к жен-

щинам имело свои причины — физиологические, педагогические, психологические (в том числе, невротические). Главная причина была заключена в его повышенной и рано проявившейся сексуальности, унаследованной от африканского предка. Другая (дополнительная) причина была связана с его неполноценным воспитанием сначала в семье (родители не возили Александра на светские балы, где он мог бы общаться с барышнями), а затем в лицее, где он также был практически лишен женского общения (за исключением редких случаев, когда навестить лицейств приезжали их сестры).

Неумеренной половой страсти способствовали еще несколько факторов: 1) тайно прочитанная в детстве эротическая литература в библиотеке отца; 2) первое соитие в раннем (15-ти летнем?) возрасте с взрослой распущенной девкой, а затем неумный блуд с молодой вдовой («молодец», таким образом, не прошел в своем половом созревании двух важных предварительных этапов: этапа романтических мечтаний и этапа эротических отношений, без соития); 3) бунтарский (с невротическим честолюбием) характер, требующий неустанных побед (в том числе над женщинами), сформировавшийся у него в ответ на «педагогические» воздействия принудительного характера со стороны взрослых (родителей и гувернеров дома, преподавателей и надсмотрщиков в лицее). Именно повышенной сексуальностью и невротическим честолюбием мы можем объяснить половые сношения Пушкина с продажными девкам, коих ему хотелось (традиционно) победить, но никак не удавалось.

Наконец, безудержные и неразборчивые половые сношения юного Пушкина были обусловлены формирующейся у него мотивационной сферой: а именно, подростковой потребностью в познании своей сексуальности (прежде всего, ее мощи), а затем и социаль-

ной потребностью в половом самоутверждении, выражающейся в наблюдении за реакциями побежденных в любовных сражениях женщин, которым он нередко присваивал красивые имена для придания романтизма сексуальной связи.

Половая неумеренность, не могла не вызывать усталости. Пушкин отходил, усмиряя свою плоть, в дедовской усадьбе Михайловском. Здесь (в заботе няни Арины) он вел размеренную благопристойную жизнь, встречался с соседскими дамами, сочинял стихи.

Юный Пушкин думал стихами, поэтому сочинительство стало для него ежечасным занятием. Он писал стихи обо всем, что видел перед собой и что рождалось в его голове: о комнате, в которой жил; о лени, похожей на смерть; о самой смерти; о целованной им деве; об окне, за которым она скрывалась; о себе самом «пустыннике», «инвалиде», «узнике»... Стихи юного Пушкина о лени и о смерти (их можно назвать «философскими») свидетельствовали о его взрослости, мудрости. «Мудрец» жил своей внутренней жизнью, любил, наслаждался, страдал и умирал... И все это происходило легко, как во сне. Всеобъемлющая рефлексия, охватывающая настоящую и возможную будущую жизнь, не типичная для отрока, свидетельствовала о его гениальности.

Пушкин («рефлексирующий мудрец») не пускал в свой внутренний мир даже друзей (они попросту отстали от него в развитии) и злился, когда они, видимо, понимая, что «недоросли», пытались хвалить его. Он невротично реагировал на любую похвалу в свой адрес и со стороны взрослых (преподавателей). Причина лежала в его усугубляющемся невротическом честолюбии: тревожно-враждебное отношение к окружающим людям, формировавшееся у него с детства, он снимал (или нейтрализовал), побеждая всех своими стихами, которые были совершенными.

Проявлением невротического характера является, как известно, враждебность даже к незнакомым людям. И это было типично для Пушкина. В период возмужания Пушкин написал немало эпиграмм, сначала, подшучивая (нередко зло) над друзьями-лицеистами и над отдельными преподавателями, но затем набросился эпиграммами на вельмож (на «развратного» князя Голицына и министра «притеснителя» Аракчеева), церковников (на «греховного» архимандрита Фотия), правителей (на царя Александра), хотя никого из них лично не знал. Такое своеволие не могло пройти для него даром, не вызвать ярости властителей и желания наказать «писаку». «Молодчик» Пушкин толком не осознавал, с кем он решил потягаться, и что сильно рисковал своей свободой и даже жизнью. Всему виной была актуализированная в нем и ставшая доминирующей потребность утвердиться в своем поэтическом совершенстве. Наложённая на бунтарский характер победителя эта потребность гиперболизировалась в невротическое честолюбие, стремление выставить себя победителем во всем...

Можно утверждать, что у Пушкина уже в молодости сформировался характер тотального победителя с выраженным невротическим честолюбием — стремлением вызывать своим творчеством у людей сильные переживания (как положительного, так и отрицательного свойства) и скрытно наблюдать за ними (как бы сверху). Невротическое честолюбие Пушкина, безусловно, сформировалось как ответная реакция (сначала в форме сопротивления, а затем и враждебности) на принуждение и унижение в детстве (в родительском доме) и отрочестве (в лицее казарменного типа). Следовательно, в его невротизме были виноваты, главным образом, его негодные воспитатели (родители, гувернеры, лицейские преподаватели и надзиратели). Понятно, что невротический характер поэта не благоприятствовал ни сочинительству, ни социальным взаи-

моотношениям, ни общему ходу жизни, то есть судьбе. Разумеется, в Пушкине жило и добродушие, но оно проявлялось только по отношению к очень близким и дорогим ему людям.

Уже в юности Пушкин был на учете в главном политическом управлении, о чем он даже не догадывался. К счастью, первая ссылка поэта (благодаря заступничеству Карамзина перед царем, его выслали в Крым) была больше похожа на «командировку» с целью ознакомления с русской землей, ему еще не известной. Возникшее в Крыму у Пушкина чувство свободы было ложным, совершенно не совместимым с режимом тотального надзора, существующем в России, но, к сожалению, настолько сильным, что закрепилось в его душе до конца жизни. Непостижимые литературные способности, требующие полной свободы, наложенные на характер тотального победителя с невротическим честолюбием, в самодержавном режиме не могли не иметь для Пушкина опасных последствий... Судьба (гибель) литературного гения была предопределена его характером, а значит, воспитанием.

Винить в гибели Пушкина социальную среду (самодержавный режим), как это часто делают учителя в школе, будет неправильно, непедагогично, так как воспитанием человека с рождения занимаются все же конкретные взрослые люди. К нашему несчастью, ни родители, ни гувернеры, ни преподаватели в лицее, ни другие взрослые люди, встретившиеся на пути Александра Сергеевича Пушкина (в абсолютном большинстве) его полноценному воспитанию не благоприятствовали, а даже наоборот... Поэтому именно их (негодных воспитателей) следует винить в трагической судьбе Поэта.

## ВОСПИТАНИЕ И СУДЬБА

(по дневнику  
Анны Достоевской)

*Дорогой мой папочка, крепко прижимаю  
тебя к сердцу и люблю так, как ни одна  
жена еще не любила своего мужа.*

*А. Г. Достоевская*

*Ты редкая из женщин, кроме того  
что ты лучше всех их.*

*Ф. М. Достоевский*

В жизни и творчестве гениального русского писателя Федора Михайловича Достоевского определяющую роль сыграла его жена Анна Григорьевна. Она была для Ф. М. Достоевского «милым другом», «красавицей», «царицей», «госпожой», «ангелом», то есть больше, чем женой. Она сделала его (*гения!*) счастливым мужчиной, что для женщины (жены) почти невозможно... Вот почему написанные ею воспоминания (отметим, спустя более 30-ти лет после смерти Ф. М. Достоевского) важны не только в историческом, культурологическом и литературно-художественном отношении — они важны своим человеческим содержанием (*Достоевская Анна. Дневник / [сост. И. Андреев]. М.: РИПОЛ классик, 2013.*).

На примере семьи Достоевских, по нашему мнению, можно *вскрыть* социально-педагогические *корни* счастливой судьбы — актуальной темы и по нынешним временам\*.

## НРАВСТВЕННОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Свое *исследование* мы начали с социально-педагогического анализа детско-юношеского этапа жизни Анны Достоевской, до замужества — Сниткиной. (благо, что она об этом написала). Сущность такого анализа, по нашему мнению, состоит в том, чтобы с позиции современной теории воспитания ответить на ряд последовательных вопросов: 1) В какой семье человек родился? 2) Кто и как занимался его воспитанием в семье? 3) Как происходило соматическое, психическое, сексуальное и социальное созревание в детстве, отрочестве и юности? 4) В каких учебных заведениях, и хорошо ли учился? Какую профессию освоил и как подготовился к социальной жизни?

О своих начальных 20-ти годах жизни, прожитых в родительской семье, Анна Григорьевна повествует в первой главе дневника. Она пишет, что самым дорогим местом в Петербурге для нее была Александроневская лавра. Здесь поженились ее родители; они жили в доме, принадлежавшем Лавре, в котором она родилась 30 августа 1846 года (в день чествования Александра Невского); здесь на Тихвинском кладбище упокоился ее незабвенный муж и здесь «если будет угодно судьбе... (найдет и она рядом с ним. —

---

\* При участии Л. А. Рымар.



Г.З.) ... место своего вечного успокоения» (с. 5). Как видим, даже возвращение в детство (и тем более свою будущую смерть) Анна Григорьевна связывала с памятью о Федоре Михайловиче (не случайно, на всем протяжении дневника она его называла не иначе как «незабвенный»).

Родительская семья — главное место воспитания и формирования личности человека. Семью, в которой родилась Аня, можно сказать, создавала ее мать (шведка по национальности и лютеранка), женщина поразительной красоты (высокая, тонкая, стройная, с удивительно правильными чертами лица). Ее семейная жизнь долгое время не складывалась. В 19 лет она была обручена с одним офицером, но тот погиб в Венгерской кампании. Горе молодой женщины было чрезвычайное, и она решила никогда не выходить замуж. Лишь спустя 10 лет, когда горечь утраты ушла, она посетила одно из «собраний», специально для нее организованном «любительницами сватать», куда были приглашены два молодых человека, искавших себе невесту. Но, к удивлению сватий, ей понравились не приглашенные молодые люди, а один добродушный «старичок, который все время рассказывал и смеялся». Этот *старичок* «приятно провел свою молодость», но затем под влиянием строгой матери жил сдержанно, а потому в 42 года оставался человеком здоровым, крепким, румяным, с целыми зубами, правда, с порядочно поредевшей шевелюрой. Он не предполагал обзаводиться семьей (решил этого не делать до смерти матери), а потому бывал в обществе лишь в качестве приятного собеседника (но не жениха). Его тоже представили молодой особе, и она ему очень понравилась, но так как она плохо говорила по-русски, а он плохо по-французски, то «разговоры между ними не очень затянулись». Когда же ему сообщили, что «красивая

барышня» им интересуется, он стал чаще посещать тот дом, где мог с ней встретиться... «Кончилось тем, что они полюбили друг друга и решили пожениться» (с. 8).

Здесь важно обратить внимание на одно серьезное обстоятельство, которое по тем временам могло стать непреодолимым препятствием заключения брачного союза — это различия в вероисповедании невесты (лютеранки) и жениха (православного). В дневнике Анна Григорьевна пишет: «...по понятиям папиной православной семьи, жены должны были быть одной веры с мужьями. Дошло до того, что папа решился пойти против семьи и жениться, даже если б пришлось разойтись с некоторыми из ее членов. Мама об этом узнала и, боясь внести раздор в столь дружную семью, долго была в затруднении: перейти ли в православие или отказаться от любимого человека» (с. 8). Помогло ей «видение над распятием», когда она долго молилась, и потом вещей сон: «будто она вошла в православную церковь и стала молиться у плащаницы». Приняв другую веру (православие вместо лютеранства), она тем самым подтвердила вечную истину, что религиозные чувства слабее родственных, среди которых главным является любовь. Отметим, так считали и считают все, кто любил (и собирается любить) единственный раз в жизни. Известно, что также считал Лев Николаевич Толстой — *русский Будда*...

Поженившись, родители Анны Григорьевны стали жить в большой гостеприимной семье матери мужа, где в 11-ти комнатах уживались старушка-мать, четверо ее сыновей, двое из которых были уже женаты и имели детей.

Итак, с одной стороны, здоровая красивая женщина, сохранившая к 29 годам молодость, знающая себе цену, способная влюбить в себя *нужного* ей мужчину, принять его вероисповедание и правильно организо-

вать совместную с ним семейную жизнь, в том числе в одной квартире со свекровью (таковой была мать Ани). А с другой стороны, уже не молодой, но совершенно здоровый, а главное с веселым (добрым) характером мужчина, способный быть всю жизнь благодарным женщине за то, что она (красивая и молодая) выбрала его себе в мужа и приняла его веру (таковым был отец Ани). В результате Аня получила *по наследству* от родителей хорошее физическое здоровье, стройную фигуру, правильные черты лица, а еще — практичный ум от матери и добрую душу от отца. А главное — в течение 20-лет (до смерти отца) видела перед собой пример благополучной родительской семьи с заботливой и практичной матерью и благодарным и благотворным (добровольно подчинившимся жене) отцом.

Воспитание Ани и других детей в семье осуществлялось в целом правильно. Отец и мать детей любили и никогда не наказывали. Дети редко хворали, лечили их домашними средствами. Кормили их сытно, водили гулять каждый день, зимой катались с ледяной горки. Правда, игрушками детей не баловали, поэтому они их ценили и берегли, а детских книг совсем не было. Как отмечает Анна Григорьевна, «нас никто не пытался «развивать» (с. 10). Отец практически каждый день рассказывал одну и ту же сказку про Иванушку-дурачка, но с вариациями. Удовольствия доставлялись детям редко: елка на Рождество, катание на вейках и два раза в год ездили в театр, преимущественно, в оперу или балет. Эти редкие удовольствия детьми очень ценились, и они «целыми месяцами находились под очарованием виденного...» (с. 11).

О том, что воспитание Ани в семье осуществлялось в целом правильно, свидетельствовал позитивный эмоциональный фон ее жизни. За первые 20 лет жизни она не испытала ни острых, тем более затяж-

ных негативных переживаний, за исключением двух эпизодов, совершенно не связанных с родительским воспитанием. Так в два года она пережила ужас, когда рушился сарай и под ним мог погибнуть извозчик с лошастью... Мать и все закричали, а с ними и Аня (но это, скорее всего, был не испуг, а подражание материнской реакции). А в три года Аня заболела и ей поставили на грудь пиявок, которых она боялась... Детский страх, который быстро проходит!

С девяти до двенадцати лет Аня ходила в училище св. Анны. Преподавание всех предметов (кроме Закона Божия) шло на немецком языке (это знание пригодилось, когда они с Федором Михайловичем выезжали за границу). Потом училась в первой женской гимназии, которую легко закончила с серебряной медалью. Начала учиться на педагогических курсах. Из всех занятий, особенно ей запомнились талантливые лекции профессора В. В. Никольского *по русской литературе*.

Когда смертельно заболел отец, Аня бросила Педагогические курсы. Жалея оставлять своего дорогого и больного отца одного на целые дни, она сидела возле него, читала ему романы Диккенса и была очень довольна, если под ее монотонное чтение отец засыпал.

Потом Аня пошла на вечерние курсы П. М. Ольхина по стенографии (отец в это время «уходил на покой»). Стенография не удавалась, хотела бросить, но отец настоял... В результате Аня «оказалась единственной ученицей Ольхина, которую он с доверием мог рекомендовать для литературной работы». Анна Григорьевна пишет: «Мой добрый отец точно предвидел, что благодаря стенографии я найду свое счастье» (с. 12).

Смерть отца — первое несчастье, которое Аня испытала в жизни. Горе свое она переживала бурно: много плакала, целые дни проводила на могиле по-

койного, и не могла примириться с тяжелой утратой. Здесь у Ани впервые проявилась уникальная способность жалеть и сострадать — верный признак ее развитой (цельной) души. В этой связи важно сказать, что именно благодаря развитой психике Анна Григорьевна всю жизнь жалела и почитала сначала своего отца, позже мать и других родственников, но более всего своего *незабвенного* Федора Михайловича.

В первой главе дневника Анна Григорьевна ни слова не написала о своих половых чувствах и предпочтениях в молодости (до замужества). Наверное, она так поступила из-за малой значимости своих девичьих чувств по сравнению с той всеобъемлющей любовью, которую она всю жизнь испытывала к своему мужу Ф. М. Достоевскому. В то же время в последующих главах она напишет, что в юности с наибольшим интересом читала произведения Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, под влиянием которых, скорее всего, и происходило ее половое созревание.



Когда рождение и первые годы жизни человека связаны с историческим местом и историческим событием, у него формируется чувство родины. Так случилось с Анной Григорьевной Сниткиной, которая родилась и провела первые годы жизни в доме, принадлежавшем Александро-Невской лавре, а впоследствии стала верной женой, надежным помощником, ангелом-хранителем великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского, нашедшего после смерти успокоение в священной земле Лавры, и которая оставила о своем муже дорогие каждому русскому человеку воспоминания.

Аня родилась здоровым ребенком от здоровых (и телом, и душой) родителей в благополучной семье. В детстве, она (как и все дети в этой семье) прошла «курс» полноценного (правильного) воспитания с играми, физическими занятиями, походами в театр, сочинением и рассказыванием сказок (во многом это была заслуга отца — главного ее воспитателя).

Для девушки того времени Аня получила полноценное образование (сначала в немецкой школе, потом в женской гимназии, а позже на Педагогических курсах, где особенно интересовалась лекциями профессора В. В. Никольского по русской литературе. Наконец, она окончила курсы стенографии (во многом благодаря настойчивости отца) и получила от своего учителя П. М. Ольхина рекомендацию для литературной работы.

Позитивный эмоциональный фон жизни в детстве, отрочестве и юности благоприятствовал формированию у Ани здоровой и цельной души (в этом была полная заслуга ее родителей: заботливой матери и доброго отца, искренне любивших Аню и всех своих детей). Именно, благодаря здоровой и цельной психике Анна Григорьевна всю жизнь жалела и почитала сначала своего отца, позже мать и других родственников, но более всего своего незабвенного Федора Михайловича.

Так вошла в социальную жизнь правильно воспитанная (преимущественно, отцом), здоровая во всех отношениях молодая женщина: стройная телом и с правильными чертами лица, со зрелой сексуальностью (благодаря примеру родителей и чтению русской классической литературы), способная жалеть и сострадать, хорошо образованная и с актуальной профессией, интуитивно чувствующая свое нравственное и историческое предназначение...

## ПРЕДЧУВСТВИЕ ЛЮБВИ

В этой части исследования нами предпринята попытка провести социально-педагогический анализ *взаимоотношений* Анны Григорьевны Сниткиной и Федора Михайловича Достоевского в период их знакомства и совместной работы над романом «Игрок». Сущность социально-педагогического анализа их взаимоотношений, по нашему мнению, состоит в том, чтобы определить какое влияние (педагогическое воздействие) они оказали друг на друга, какими эмоциями сопровождалась их взаимоотношения, какие у них сформировались новые побуждения (мотивы, смыслы) и виды социального поведения (дружба, любовь или что-то другое), как они изменялись в нравственном отношении.

Социально зрелая молодая женщина не может не мечтать о талантливом мужчине. Такая мечта (на уровне подсознания), безусловно, была у 20-ти летней Анны Григорьевны Сниткиной. Поэтому когда П. М. Ольхин предложил ей поработать у писателя Достоевского, который намеревался писать новый роман при помощи стенографа, она очень обрадовалась и взволновалась. Имя Достоевского ей было знакомо с детства: он был любимым писателем ее отца, и она сама восхищалась его произведениями и плакала над «Записками из мертвого дома».

К этому моменту 45-летний Достоевский переживал глубокое одиночество: умерла его первая жена, с которой он не был счастлив, оставив ему на иждивение пасынка. Некоторое время назад он сватался к умной и доброй (по его словам) А. В. Корвин-Круковской, но «вернул ей слово, сознав, что при проти-

воположных убеждениях их взаимное счастье невозможно» (с. 27). Но Достоевский продолжал мечтать о счастье. «Несмотря на все постигшие меня горести, я все еще мечтаю начать новую, счастливую жизнь» — писал он своему другу барону Врангелю (с. 27). Под горестями Достоевский имел в виду не только потерю жены, но и собственную неизлечимую болезнь эпилепсию (которая вызывала сильные страдания и препятствовала сочинительству), и непомерные долги, принятые им после смерти старшего брата, и кабальный договор с издателем Ф. Т. Стелловским, который обманным путем купил у него права на издание собрания сочинений в трех томах (два из которых еще предстояло написать, причем в кратчайший срок). К тому же Достоевский, будучи очень добрым и совестливым человеком, считал своим долгом содержать пасынка, который продолжал жить с ним, а после смерти брата — и его вдову с детьми. Все они жили (точнее кормились) за счет Достоевского, никогда особенно не вникая, чего ему это стоило. Иждивенчество вошло у них в привычку. Ленивые и неблагодарные люди, наглые в своих притязаниях — даже по именам их называть не хочется!

Накануне встречи с Достоевским Анна Григорьевна провела бессонную ночь. В возбужденном мозгу мелькали мысли и о писателе Достоевском и о нем, как о мужчине... Анне Григорьевне было очень интересно лично познакомиться с талантливым писателем, и в то же время у нее возникала боязнь показаться перед ним глупой. Она рисовала себе его как физически не привлекательного мужчину, но вместе с тем ей хотелось ему по-женски понравиться (с. 15).

В квартире Достоевского (пока она его ждала) от взгляда Анны Григорьевны не ускользнуло ничего: пожилая служанка... скромная обстановка гостиной...



в кабинете сумрачно... старый диван... над диваном портрет сухощавой дамы (первая мысль — что жена). Появилось предчувствие, что Достоевский не такое уж «особенное существо» (как ей вначале представлялось), а достаточно простой и даже не вполне благополучный (а значит, не вполне счастливый) человек. И это предчувствие придало ей уверенности.

При первом общении с Достоевским Анна Григорьевна выбрала (правильно рассчитанную) стратегию сдержанного и делового поведения: она не обращала внимания на его суетливость и отрывочность в разговоре; на его сомнения в возможности их совместной работы и даже на резкие замечания по поводу ее способности в стенографии; никак не отреагировала на его беспричинную раздражительность. Напротив, она постоянно *смягчала* общение с Достоевским, *успокаивая* его. А в заключение сказала, что не будет в претензии, если работа не состоится. Такое поведение Анны Григорьевны и она сама (опрятная, стройная телом, с правильными чертами лица) не могло не понравиться Достоевскому (все в ней, по первым ощущениям, показалось ему много лучше, чем он ожидал). Но он ей этого не сказал — боялся ошибиться...

У Анны Григорьевны от первого посещения Достоевского, напротив, осталось *тяжелое* впечатление (он показался ей нервным, не собранным, болезненным, ума большого не продемонстрировал, а главное, не проявил к ней должного интереса и принизил ее способности).

Ко второй встрече (вечером того же дня) и Анна Григорьевна, и Достоевский подошли более прагматично. Анна Григорьевна, потушила в себе отрицательные эмоции, переоценила случившееся (признак ее *доброты ума*), решив, что надо дорожить общением с талантливым писателем... В свою очередь Достоев-

ский, оценив по достоинству Анну Григорьевну и как возможную сотрудницу, и как исключительную женщину, был настроен очень благожелательно. Поэтому их вечерняя встреча прошла уже на доверительной основе и оставила в памяти обоих неизгладимый след.

Новая встреча началась с того, что Достоевский посадил Анну Григорьевну «за свой стол», что очень ее взволновало, и стал расспрашивать... На все вопросы Анна Григорьевна отвечала просто, серьезно, почти сурово. За чаем, который приготовила прислуга, их беседа приняла более искренний и добродушный тон. И Анне Григорьевне даже показалось, что она уже давно знает Достоевского, и на душе стало легко и приятно. Восприятие Достоевского, как давно знакомого человека усилилось, когда тот стал рассказывать о петрашевцев, о себе... Достоевский рассказал, что пережил, когда на него надели смертную рубашку... Как ему захотелось жить... Как потом казнь отменили и как он громко пел от радости, что даровали жизнь... Анну Григорьевну поразило, что Достоевский был с ней откровенен, как с очень близким человеком. Так первоначальное неприятие Достоевского стало в ней сменяться состраданием (жалостью) к этому талантливому человеку. А жалость к другому человеку, как известно, — верный признак развитой (доброй) души, на ней строится нравственная жизнь, рассудочная любовь (что и ожидало ее в будущем).

Все последующие, практически ежедневные встречи Анны Григорьевны с Достоевским на его квартире (с 4 и по 29 октября 1866 года) проходили в разговорах, чаепитии и диктовке романа «Игрок» (переписанный текст Анна Григорьевна на следующий день приносила Достоевскому). В диктовке не все сразу получалось, Достоевский не имел опыта та-

кой работы, нередко нервничал, но Анна Григорьевна вела себя уверенно и корректно.

Диктовать Достоевский начал уже вечером первого дня, то есть 4-го октября. Диктуя, он сильно нервничал, ходил по комнате быстрыми шагами, много курил. Когда сверили текст, произошло недоразумение... Достоевский назвал не тот город, в котором разворачивались события в романе ...Стал возмущаться, но Анна Григорьевна спокойно доказала, что он сам ошибся, в чем ему пришлось сознаться... Воспитанная в честности, Анна Григорьевна не привыкла признавать себя без вины виноватой. Эту черту ее характера Достоевский будет ценить в течение всей их совместной жизни.

Утром следующего дня Анна Григорьевна старалась продиктованное переписать красивее и отчетливее (ведь для нее это был первый опыт). Это заняло много времени, и она опоздала на целый час к Достоевскому. Привыкший к пунктуальности, Достоевский встретил ее в большом волнении. Он решил, что для Анны Григорьевны работа тяжела, и она больше не придет, а он даже адреса не знает... Он боялся потерять ранее продиктованное (с. 22).

Анна Григорьевна успокоила Достоевского, сказав, что несмотря ни на что доставила бы продиктованное. И здесь он ей признался, что должен по договору с издателем Ф. Т. Стелловским закончить роман к первому ноября. Она стала расспрашивать подробности, и он рассказал, в какую «возмутительную ловушку» его поймал издатель... И теперь, не закончив один роман (он имел в виду «Преступление и наказание»), он был вынужден писать новый. А чтобы ускорить писание, он решил, по совету друзей А. Н. Майкова, В. П. Милюкова и И. Г. Долгомостьева, обратиться к помощи стенографа (с. 24). Так уже

на второй день знакомства с Достоевским Анна Григорьевна поняла главную причину его хронической тревожности — Достоевский всегда спешил писать свои романы, чтобы вовремя исполнить контракт, получить деньги и рассчитаться с долгами... Ни один русский писатель (ни Тургенев, ни Гончаров, ни любой другой такого масштаба) не работал и не жил в таком жестком режиме, как Достоевский (а ведь он, к тому же был человеком нездоровым).

Понятно что, узнав о кабальном договоре с издателем, сочувствие к Достоевскому со стороны Анны Григорьевны только усилилось. Она старалась работать спокойно и все более уверенно, что успокаивало Достоевского и вселяло в него надежду, что *они справятся* к сроку.

Кроме диктовки, Достоевский много разговаривал с Анной Григорьевной. Женщина нуждается в разговорах с мужчиной (тем более умным, талантливым). Достоевский это почувствовал и вел с Анной Григорьевной беседы о жизни, в том числе, собственной, что особенно ее интересовало. Осмелев, она стала спрашивать Достоевского о разных событиях его жизни. Постепенно он раскрывал перед ней «печальную картину своей жизни» (с. 25). Анна Григорьевна подробнее узнала о заключении его в Петропавловскую крепость, каторге, московских родственниках, которых любил, о жене, которая умерла от болезни, о *долгах*. Все это вызывало в ней «глубокую жалость» (с. 26).

Достоевский относился к Анне Григорьевне все сердечнее и добрее. Часто называл ее «голубчиком», «доброй Анной Григорьевной», «милочкой». Как-то она не выдержала и спросила: «Зачем, Федор Михайлович, вы вспоминаете только об одних несчастиях? Расскажите лучше, как вы были счастливы» (с. 27). Предложение совершенно не случайное. Разговоры

о счастье благоприятствуют образованию у женщины половых чувств. В дневнике Анна Григорьевна приводит ответ Достоевского: «Счастлив? Да счастья у меня еще не было, по крайней мере, такого счастья, о котором я постоянно мечтал. Я его жду»... (с. 27). Далее она пишет: «Тяжело мне было это услышать... Странно казалось, что в его уже почти старые годы этот талантливый и добрый человек не нашел еще желаемого им счастья, а лишь мечтал о нем» (с. 27). *Талантливый и добрый, стареющий человек, мечтающий о счастье* — в этих словах Анны Григорьевны, не только сожаление, но и сочувствие, а значит, и желание содействовать осуществлению мечты.

Большинство женщин выходят замуж, чтобы быть любимыми и счастливыми, но становятся родительницами... И лишь некоторые выходят замуж, чтобы сделать счастливым другого человека. К таким *исключительным* женщинам относилась Анна Григорьевна. Она психологически была настроена на замужество со зрелым (умным, талантливым) мужчиной по образцу своего *пожилого* отца, воспитавшего ее в любви и доброте. Поэтому можно сказать, что с первого дня знакомства (а точнее с вечера первого дня) у Анны Григорьевны (в глубине души) стало зарождаться желание любить Достоевского. Конечно, этому способствовал и сам Достоевский, честно рассказывая о своей горестной жизни и мечтах о счастье (такие разговоры побуждают женщину к сопереживанию). Но Достоевский (как хороший психолог) своими разговорами не только вызывал у Анны Григорьевны сочувствие, но и пробуждал в ней новые чувства и мысли, главным образом эротического свойства. Анна Григорьевна пишет: «Однажды находясь в особенно тревожном настроении, Федор Михайлович поведал мне, что стоит в настоящий момент на рубеже и что

ему представляются три пути: или поехать на Восток, в Константинополь и Иерусалим, и, может быть, там навсегда остаться; или поехать за границу на рулетку и погрузиться всею душой в так захватывающую его всегда игру; или, наконец, жениться в другой раз и искать счастья и радости в семье» (с. 27). И видя ее дружеское к нему расположение, спросил, что бы она ему посоветовала?

Анна Григорьевна знала, что существуют счастливые семьи (примером была ее родительская семья), поэтому уверенно посоветовала жениться вторично и найти в семье счастье. А на его вопрос («Что за меня кто-нибудь согласится пойти? Какую же жену мне выбрать: умную или добрую?») ответила: «Конечно, умную».

Зрелые мужчины во все времена ценили в женщине не только одно — *сексуальность*. Но в то время этого слова в разговорах не было. Достоевский сказал: «Ну, нет, если уж выбирать, то возьму добрую, чтоб меня жалела и любила» (с. 28). В последние слова (*жалела и любила*), скорее всего, Достоевский вкладывал социальное значение сексуальности женщины.

Затем Достоевский задал, возможно, самый важный для себя вопрос, почему Анна Григорьевна не выходит замуж. Ведь ему нужно было определиться с выбором стратегии дальнейшей жизни — если жениться, то на ком. Она ответила, что к ней сватаются двое, что оба прекрасные люди, и она их очень уважает, но любви к ним не чувствует, а ей хотелось бы выйти замуж по любви. «Непременно по любви, — горячо поддержал Федор Михайлович — для счастливого брака одного уважения недостаточно» (с. 28).

Этот честный разговор прояснил для Анны Григорьевны главное: ему нужна добрая и любящая жена, и у нее возникло предчувствие, что она способна стать

таковой... Что же касается Достоевского, то у него появилась надежда... Но полной уверенности не было... Он боялся ошибиться... Надо было подождать...

Достоевский втягивался в работу. Теперь он работал по ночам и диктовал Анне Григорьевне по рукописи. Количество листов росло и это радовало обоих. Сотрудничество их сильно сближало. Нетрудно представить, что испытывала Анна Григорьевна, сначала слушая и стенографируя Достоевского, а затем, переписывая текст, ведь она была первым читателем романа любимого писателя...

За три недели работы с Достоевским все прежние интересы Анны Григорьевны отошли на второй план. Работа и беседы с Достоевским ее чрезвычайно увлекли. Невольно она сравнивала Достоевского с теми молодыми людьми, которых ей приходилось встречать в своем кружке. Как пусты и ничтожны казались ей их разговоры в сравнении со всеми «новыми и оригинальными взглядами любимого писателя» (с. 29).

Анна Григорьевна уходила от Достоевского под впечатлением его новых идей, а дома скучала и жила ожиданием завтрашней встречи. С грустью она видела, что работа близится к концу и что знакомство может прекратиться. И как же она была обрадована, когда Достоевский высказал ту же беспокоившую ее мысль: «Знаете, Анна Григорьевна, о чем я думаю? Вот мы с вами так сошлись, так дружелюбно каждый день встречаемся, так привыкли оживленно разговаривать; неужели же теперь, с написанием романа, все это кончится? Право, это жаль! Мне вас очень будет недоставать. Где же я вас увижу?» (с. 29).

Достоевский хорошо знал, что говорил. В течение всего времени он не просто изучал Анну Григорьевну, он хотел определить, готова ли она стать его женой. Но узнать это прямым вопросом не решался — боялся

отказа и тем самым осложнить их дальнейшее сотрудничество. Позже он специально придумает сюжет как бы нового романа и спросит совета Анны Григорьевны... Так он подведет ее к признанию... Но до этого события пройдет еще несколько томительных дней...

30 октября роман был окончен, утром Анна Григорьевна принесла последние переписанные страницы. Достоевский был особенно приветлив, даже краска бросилась ему в лицо. Он собирался устроить пиршество в ресторане по случаю окончания романа и пригласил Анну Григорьевну, сказав: «Мне хочется выпить за здоровье моей милой сотрудницы!» (с. 30).

30 октября был еще и день рождения Достоевского. Анна Григорьевна пришла в новом лиловом шелковом платье (до этого ходила в обычном черном суконном). Она хотела, чтобы Достоевский это заметил. И он сразу заметил, сказав, что в нем Анна Григорьевна «и выше, и стройнее» (а значит, еще привлекательнее для него). По всему чувствовалось, что интерес друг к другу и взаимное возбуждение у них нарастало. Но в ресторан Анна Григорьевна благоразумно не пошла, чтобы не мешать общему веселью друзей-мужчин, да и себя не подвергать ненужному умственному испытанию, ведь с возбужденными мужчинами надо было о чем-то разговаривать. Она боялась, как бы Достоевский не разочаровался в ней как в личности. А он уже любил эту необыкновенную женщину и хотел только одного — видеть ее рядом...

В доме Достоевского Анна Григорьевна впервые встретила вдову его старшего брата, которая отнеслась к ней высокомерно, а, по сути, враждебно. Здесь надо еще раз сказать (и больше к этой теме не возвращаться), что все петербургские родственники (вдова старшего брата, ее дети, и особенно пасынок) были людьми алчными и высокомерными. Они невзлюбили



Анну Григорьевну и всячески старались ее третировать и унижать. Несмотря на это «добрая Анна Григорьевна» никогда не жаловалась Достоевскому на издевательства со стороны его враждебно настроенных родственников, так как не хотела расстраивать *своего* Федора Михайловича (*жалела его!*) и поэтому все терпела и стерпела. Только по-настоящему любящая женщина (а потом и любящая жена) могла вести себя так сдержанно и миролюбиво по отношению к враждебно настроенным к ней родственникам мужа. Со временем Достоевский сам многое увидел, оценил по достоинству терпение своей *Анечки*, и стал ограждать и защищать ее от злых (невротичных) родственников.

1-го ноября был последний день сдачи романа редактору Стелловскому. Но тот, как и предвидел Достоевский, схитрил: исчез из города, чтобы получить неустойку за не вовремя сданный роман. И Достоевскому стоило много нервов, чтобы зафиксировать дату сдачи романа в официальном органе — в конторе квартала N-ской части и получить от надзирателя расписку.

Чтобы не прерывалась связь, Достоевский напросился в гости домой к Анне Григорьевне и получил приглашение прийти. Она пригласила на четверг (3-го ноября), на семь вечера... Достоевский огорченно воскликнул: «Только в четверг? Как это долго! Мне будет без вас так скучно!». Анна Григорьевна приняла это за милую шутку, хотя Достоевский был действительно очень расстроен... Он уже не мог обходиться без Анны Григорьевны. Как, впрочем, и она без него. В дневнике она пишет: «Итак, *блаженное* для меня время миновало, и наступили скучные дни. За этот месяц я так привыкла *весело* торопиться к началу занятий, так *радостно* встречаться с Федором Михайловичем и так *оживленно* с ним разговаривать, что

это сделалось для меня *потребностью*. Все прежние обычные занятия потеряли для меня интерес и показались пустыми и ненужными. Даже обещанное посещение Федора Михайловича не только не радовало, но напротив, тяготило меня. Я понимала, что ни моя добрая мама, ни я не можем быть занимательными собеседницами для такого *умного и талантлив*ого человека... и он пожалеет, зачем назвался на такое скучное знакомство» (с. 33).

Эти слова характеризуют сильное впечатление Анны Григорьевны от общения с Достоевским, ее нарастающее желание быть с ним, высочайшую оценку его таланта, глубокое уважение к его личности, а еще — боязнь всего этого лишиться... Это первоначальное настроение, в котором переживание радости от встречи и желание счастья переплетаются со страхом, что все может закончиться, Анна Григорьевна пронесла через всю их совместную жизнь. Возможно, поэтому Достоевский чувствовал себя всегда не только любимым, но и свободным (важное условие для творческой работы!). Но Достоевский и благодарно отвечал Анне Григорьевне. В заключительной части дневника она написала: «Мне всю жизнь представлялось некоторого загадкою то обстоятельство, что мой добрый муж не только любил и уважал меня,... но почти преклонялся передо мной, как будто я была каким-то особенным существом, именно для него созданным... (хотя. — Г.З.) я не отличалась красотой, не обладала ни талантами, ни особенным умственным развитием...» (с. 253). В этой связи, забегаая вперед, скажем, что когда Анна Григорьевна опасно заболела, Достоевский рыдал и кричал, что не сможет жить без своей *Анечки* и что умрет без нее. Значит, для Достоевского Анна Григорьевна значила много больше собственной жизни.

В четверг, 3 ноября, Анна Григорьевна с утра начала готовиться к приему Федора Михайловича. Купила груш и прочих гостинцев, которыми он ее угощал у себя дома (*правильный выбор!*). Она пишет: «Целый день я чувствовала себя беспокойной, а к семи часам волнение мое достигло крайней степени. Но он опоздал на 1,5 часа, так как плутал, пока не нашелся добрый человек, который сел на облучок и показал кучеру, куда ехать»... (с. 33).

Достоевский очаровал ее мать. В свое время мать Анны Григорьевны сама выбрала себе мужа на 13 лет старше и была с ним счастлива. Возможно, поэтому у нее не возникло предубеждений по поводу Достоевского — человека не молодого, но талантливого, а главное — доброго и очень обаятельного.

На другой день Анна Григорьевна отправилась к старшей сестре Марии Григорьевне и рассказала ей и ее мужу Павлу Григорьевичу о своей работе у Достоевского. Маша слушала внимательно, подробно расспрашивала и видела «чрезвычайное одушевление» сестры. Прощаясь, она сказала: «Напрасно, Неточка, ты так увлекаешься Достоевским. Ведь твои мечты осуществиться не могут, да, и слава богу, что не могут, если он такой больной и обремененный семьей и долгами человек» (с. 35).

Анна Григорьевна сначала горячо возразила, что она совсем не «увлекается» и ни о чем не «мечтает». Однако, вернувшись домой, задумалась: «Неужели сестра Маша права и я действительно «увлечена» Федором Михайловичем? Неужели это начало любви, которой я до сих пор не испытывала? Какая это была бы безумная мечта с моей стороны! Разве это возможно?...» (с. 35).

Внутренний монолог Анны Григорьевны указывает на то, что, благодаря старшей сестре (которая,

отметим, была уже замужем), ею, наконец, стал *осознаваться* интерес к Достоевскому. Появилось *предчувствие любви* (как мечта), стали образовываться мысли о любви, а с ними и страх (боязнь любви).

С тревожными мыслями Анна Григорьевна прожила несколько дней и, вряд ли, сама бы нашла решение. Но в воскресенье (6-го ноября), когда она собиралась в гости к крестной матери, к ее удивлению и радости к ним в дом вошел Достоевский. Он вел себя робко, казался сконфуженным и сказал, что очень скучал в эти дни, с утра раздумывал ехать или не ехать, будет ли удобно... «Решил не ехать, но, как видите, приехал»... (с. 36). Это было признание в любви, но не прямое. Анна Григорьевна, находясь в тревожном состоянии, не восприняла его слова так, как хотелось Достоевскому. Вместо ожидаемого Федором Михайловичем вопроса: «ВЫ ЧТО — МЕНЯ ЛЮБИТЕ?» — она (как всегда!) стала его успокаивать и уверять, что рада его видеть... Ему стало грустно — его не поняли, ему не ответили взаимностью. Но на прямое (банальное) признание, которого чаще всего и ждет *массовая* женщина, он как человек *литературный*, не решился...

Разговор не вязался. Анна Григорьевна не могла преодолеть своего тревожного настроения... К тому же в комнате было холодно (не успели протопить). Достоевский даже отметил: «Как у вас, однако, холодно; и какая вы сами сегодня холодная!» (с. 36) ...Он ехал в надежде на ответное прямодушное признание, но... барышня еще не созрела...

Достоевский заметил, что Анна Григорьевна празднично одета, и она сказала, что собралась ехать к крестной матери. Он не захотел ее задерживать и предложил довести на своем лихаче... И они поехали.

Далее Анна Григорьевна пишет, что у нее как у большинства девушек 60-х годов было предубежде-

ние против всех знаков внимания вроде целования ручки, придерживания дам за талию (значит, барышня-то была даже не целованной!). Поэтому, когда на крутом повороте Достоевский захотел придерживать ее за талию, она сказала: «Пожалуйста, не беспокойтесь, — я не упаду!». Федор Михайлович, кажется, обиделся и сказал: «Как бы я желал, чтоб вы выпали сейчас из саней!». Анна Григорьевна расхохоталась, и мир был заключен: всю остальную дорогу они весело болтали и ее «грустное (точнее, тревожное. — Г.З.) настроение как рукой сняло!» (с. 37).

Женщине надо больше доверять своей интуиции, а не думать. Думать за нее должен мужчина, которому она доверяет... В сложившейся ситуации так и получилось... Доверившись Достоевскому, Анна Григорьевна перестала тревожиться... И всю последующую жизнь она слушалась только одного человека — *своего Федора Михайловича*. В этом была ее женская мудрость.



Встреча Анны Григорьевны Сниткиной и Федора Михайловича Достоевского была предопределена судьбой. Достоевский нуждался в стенографе (для ускоренного написания романа «Игрок»), но более всего он нуждался в доброй и любящей женщине, способной жалеть и почитать его — нездорового, обремененного нескончаемыми долгами, несчастливого и стареющего человека (для совместного счастья, о котором он всегда мечтал). Таковой оказалась Анна Григорьевна Сниткина — исключительная женщина (молодая, красивая, скромная, из благополучной семьи, к тому же хорошо овладевшая стенографией), которая вопреки большой разнице в возрасте, ожидаемым ее материальным трудностям, неприязни и наговорам

отдельных людей, оказалась способной (благодаря своей природной интуиции и воспитанию) увидеть в Достоевском не только гениального писателя (произведениями которого восхищалась), но и доброго, обаятельного, единственного в своем роде мужчину.

Образованию эротических отношений между Анной Григорьевной и Федором Михайловичем способствовали их личностные качества и жизненные устремления (как результат полноценного воспитания), совместная литературная работа, приносящая удовлетворение, но более всего — беседы о любви, счастье и семье, инициированные Достоевским. Такие беседы (имеющие очевидную социально-педагогическую направленность и востребованные молодой женщиной) стали возможными только благодаря жизненному опыту и творческой интуиции гениального писателя.

## ВЗАИМНОЕ ПРИЗНАНИЕ

По воспоминаниям Анны Григорьевны, 8 ноября 1866 года, был один из самых замечательных дней в ее жизни. Она пишет: «... В этот день Федор Михайлович сказал мне, что меня любит, и просил быть его женой. С того времени прошло полвека, а все подробности этого дня так ясны в моей памяти, как будто произошли месяц назад» (с. 37).

...Достоевский хотел и собирался признаться Анне Григорьевне в любви, но не был полностью уверен в положительном ответе.

Первую попытку (см. выше «Предчувствие любви») он предпринял 6 ноября, до конца не осознавая, правда, что делает... Это был чувственный порыв.

Вторую попытку он предпринял 8 ноября. И сделать это решил, опять-таки, не прямо, ибо боялся от-

каза и возможных осложнений во взаимоотношениях с Анной Григорьевной, которая стала ему дорога и как женщина, и как помощница в работе, а *литературно*, и таким образом подготовить ее к ответному решению.

В дневнике Анна Григорьевна пишет: «Был светлый морозный день. Я пошла к Федору Михайловичу пешком (*скорее всего, чтобы успокоиться, ибо было возбуждение, связанное с предчувствием важного события*), а потому опоздала на полчаса против назначенного времени. Федор Михайлович, видимо, давно уже меня ждал: заслышав мой голос, он тотчас вышел в переднюю.

— Наконец-то вы пришли! — радостно сказал он и стал помогать мне развязывать башлык и снимать пальто. Мы вместе вошли в кабинет. Там на этот раз было очень светло, и я с удивлением заметила, что Федор Михайлович чем-то очень взволнован. У него было возбуждение, почти восторженное выражение лица, что очень его молодило.

— Как я рад, что вы пришли, — начал Федор Михайлович, — я так боялся, что вы забудете свое обещание» (с. 37).

Анна Григорьевна (*как всегда!*) стала его успокаивать, сказав, что если дает слово, то всегда исполняет... Он опять сказал, что очень рад ее видеть... Она ответила: «И я рада, что вижу вас, Федор Михайлович, да еще в таком веселом настроении. Не случилось ли с вами чего-либо приятного?» (с. 37).

«Да, случилось! Сегодня ночью я видел чудесный сон!»... И он рассказал, как во сне, роясь в своем палисандровом ящике, где хранит рукописи, письма и другие дорогие ему вещи, он нашел светящийся брильянтик... Но куда дел его не помнит, ибо пошли другие сны... Сказал также, что верит в сны, что они у него вещие... Достоевский подводил Анну Григо-

ревну к мысли, что его сон предвещает счастье. Но она отметила, что в сны не верит, что их надо понимать наоборот. Достоевский потускнел... Она попыталась его развеселить и в комическом виде рассказала о своих снах (о гимназической начальнице, которая ее всегда за что-нибудь распекала; о рыжем коте, который однажды спрыгнул на нее с забора), но Достоевский сменил тему и спросил, как Анна Григорьевна провела время в гостях у крестной матери...

Анна Григорьевна ответила: «Очень весело. После обеда старшие сели играть в карты, а мы, молодежь, собрались в кабинете хозяина и весь вечер оживленно болтали. Там было два очень милых и веселых студента» (с. 38).

«Федор Михайлович опять затуманился» (с. 38). Понять его было нетрудно: он не молодой, не веселый, не милый и разговоры у него тяжелые — все о грустном... Но зачем Анна Григорьевна так сказала? Безусловно, чтобы вызвать реакцию ревности, ведь в понимании женщины ревность — это обратная сторона любви. Увидев реакцию Достоевского, она поспешила отвлечь его от негативных переживаний и спросила, чем он был занят за последние дни (Достоевский всегда перед диктовкой рассказывал Анне Григорьевне, чем занимался, когда они не виделись). Своими рассказами о себе Достоевский непроизвольно вводил Анну Григорьевну в свою повседневную жизнь.

«Новый роман придумывал» — ответил он.

«Что вы говорите? Интересный роман?» — поинтересовалась Анна Григорьевна.

Достоевский сказал: «Для меня очень интересен, только вот с концом романа сладить не могу. Тут замешана психология молодой девушки. Будь я в Москве, я бы спросил мою племянницу, Сонечку, ну, а теперь за помощью обращаюсь к вам» (с. 39).



Достоевский стал рассказывать содержание нового романа. Анна Григорьевна пишет: «Никогда, ни прежде, ни после не слышала я от Федора Михайловича такого вдохновенного рассказа, как в этот раз. Чем дальше он шел, тем яснее казалось мне, что Федор Михайлович рассказывает свою собственную жизнь, лишь изменяя лица и обстоятельства. Тут было все то, что он передавал мне раньше, мельком, отрывками. Теперь подробный последовательный рассказ многое мне объяснил в его отношениях к покойной жене и к родным» (с. 39).

Героем романа был художник (уже немолодой), талантливый (но неудачник), неизлечимо больной (паралич руки), бедный, в долгах, пережил суровое детство, потерю жены и близких людей... но с нежным сердцем, жаждущий новой жизни и любви, со страстным желанием вновь найти счастье... Достоевский хотел вызвать у Анны Григорьевны жалость (это был его излюбленный ход) и добился этого. Видя в герое самого Федора Михайловича, Анна Григорьевна не могла удержаться, чтобы не прервать его словами: «Но зачем же вы Федор Михайлович, так обидели вашего героя?» (с. 39–40).

«Я вижу, он вам не симпатичен» — эти слова Достоевского следует отнести к тестовым. И Анна Григорьевна ответила в позитивном русле: «Напротив, очень симпатичен. У него прекрасное сердце. Подумайте, сколько несчастий выпало на его долю и как безропотно он их перенес... Другой <...> наверное, ожесточился бы, а ваш герой все еще любит людей...» (с. 40).

Ответ очень обрадовал Достоевского.

А дальше он поведал о том, что художник встретил молодую девушку... Ее портрет Достоевский обрисовал совершенно иными красками, нежели портрет героя. Достоевский назвал ее Аней, сказав, что «это

имя хорошее...». По его словам, «Аня была кротка, умна, добра, жизнерадостна и обладала большим тактом в сношениях с людьми» (с. 40). Анна Григорьевна подумала, что в героине будущего романа Достоевский подразумевает Анну Корвин-Круковскую, свою бывшую невесту (в тот момент она совсем забыла, что ее тоже зовут Анной). Почему же Анна Григорьевна не догадалась, что это про нее? Дело в том, что накануне Достоевский рассказал ей о своей бывшей невесте, называя ее и доброй, и умной... Вот и подумала Анна Григорьевна, что новый роман был навеян письмом, которое недавно Достоевский получил от этой женщины из-за границы.

«А хороша ли ваша героиня?» — этот вопрос очень волновал Анну Григорьевну. Ответ Достоевского: «Не красавица, конечно, но очень недурна. Я люблю ее лицо». Его ответ еще больше укрепил Анну Григорьевну во мнении, что это про Корвин-Круковскую. Сердце у Анны Григорьевны сжалось, недоброе чувство к другой женщине овладело ею, и она заметила: «Однако, Федор Михайлович, вы слишком идеализировали вашу Аню. Разве она такая?» (с. 40).

«Именно такая! Я хорошо ее изучил!...» — был его ответ (с. 40).

Завершая повествование, Достоевский, отметил, что у художника постепенно зрело убеждение, что с этой девушкой он мог бы найти счастье. Но эта мечта представлялась ему почти невозможной.

«В самом деле (говорил Достоевский. — Г.З.), что мог он, старый, больной человек, обремененный долгами, дать этой здоровой, молодой, жизнерадостной девушке? Не была ли бы любовь к художнику страшной жертвой со стороны этой юной девушки и не стала ли она потом горько раскаиваться, что связала с ним свою судьбу? Да и вообще, возможно ли, чтобы моло-

дая девушка, столь различная по характеру и летам, могла полюбить моего художника? Не будет ли это психологической неверностью? Вот об этом-то мне и хотелось бы знать ваше мнение, Анна Григорьевна» (с. 41).

Анна Григорьевна стала горячо доказывать: «Почему же невозможно?.. если Аня не пустая кокетка, а обладает хорошим, отзывчивым сердцем... Почему бы ей не полюбить вашего художника? Что в том, что он болен и беден? Неужели же любить можно лишь за внешность да за богатство? В чем тут жертва с ее стороны? Если она его любит, то сама будет счастлива и раскаиваться ей никогда не придется!» (с. 41).

Достоевский смотрел на Анну Григорьевну с волнением: «Вы серьезно верите, что она могла бы полюбить его искренно и на всю жизнь?» (с. 41).

Он помолчал, как бы колеблясь, а потом дрожащим голосом сказал: «Представьте себя на минуту на ее месте. Представьте, что этот художник — я, что я признался вам в любви и просил быть моей женой. Скажите, что вы бы мне ответили?» (с.41).

Анна Григорьевна пишет: «Лицо Федора Михайловича выражало такое смущение, такую сердечную муку, что я наконец поняла, что это не просто литературный разговор и что я нанесу страшный удар его самолюбию и гордости, если дам уклончивый ответ. Я взглянула на столь дорогое мне, взволнованное лицо Федора Михайловича и сказала: «Я бы вам ответила, что вас люблю и буду любить всю жизнь!» (с. 41).

Сказать «люблю» — это ничего не сказать. Но сказать: «Люблю и буду любить всю жизнь» — это сказать все...

Читаем дальше: «Я не стану передавать те нежные, полные любви слова, которые говорил мне в те незабвенные минуты Федор Михайлович: они для меня священны... Я была поражена, почти подавлена

громадностью моего счастья и долго не могла в него поверить. Припоминаю, что, когда почти час спустя Федор Михайлович стал сообщать планы нашего будущего и просил моего мнения, я ему ответила: Да разве я могу теперь что-либо обсуждать! Ведь я так счастлива! (с. 41–42)

Не зная, как сложатся обстоятельства и когда может состояться свадьба, они решили до времени никому о ней не говорить, за исключением матери Анны Григорьевны. Достоевский обещал приехать к ним завтра на весь вечер...

Прощаясь, Федор Михайлович заботливо повязал Анне Григорьевне башлык и сказал, что теперь знает, куда девался брильянтик, «что, наконец, нашел его и намерен сохранить на всю жизнь». «Вы ошибаетесь, Федор Михайлович!... «Вы нашли не брильянтик, а простой камешек». «Нет, я убежден, что на этот раз не ошибаюсь, — уже серьезно сказал Анне Григорьевне на прощанье Достоевский (с. 42).

Анна Григорьевна и Федор Михайлович проживут вместе 14 лет: и все эти годы она будет считать себя *простым камешком*, а он ее — *брильянтиком*...

Анализировать (тем более комментировать) *день счастья* Анны Григорьевны Сниткиной и Федора Михайловича Достоевского очень трудно. Слишком круто было все завязано — как в лучших романах Достоевского. Читать не только интересно, но и чрезвычайно волнительно...

И все же попробуем...

Итак, был один день, который стал предвестником счастливой судьбы двух людей — гениального писателя Федора Михайловича Достоевского и исключительной женщины Анны Григорьевны Сниткиной. *Сценарий* был составлен в гениальной голове Достоевского только для двоих (*его* и *ее*, героя и геро-

ини). Автор (он же оказался и *режиссером*) использовал *сценарий* для импровизации: он видел желаемый финал, но понимал, что может быть и другая развязка. Он придумал вещей сон как предчувствие счастья, но героиня оказалась не суеверной и не поддержала идею. Появление *на сцене* (вопреки *сценарию*) двух не знакомых персонажей (*милых и веселых студентов*) вызвало у автора ревность, а значит, и страдание. Женщине нравятся истории, в которых достойный мужчина жаждет любви и страдает. И конечно, женщина предпочитает счастливый конец, который, как она полагает, зависит только от нее, потому что это ее возвышает. Поэтому финал *спектакля* был по существу предрешен. Оставалось одно — довести *театральное действие* до счастливого конца и увидеть будущее героев...

Социально зрелые люди нуждаются в социальной любви. Социальная любовь — это, с одной стороны, любовь страдающего талантливого мужчины к женщине, способной его успокоить (пожалеть) и вдохновить на творческие свершения; с другой стороны — это любовь исключительной женщины, способной сострадать талантливому мужчине и сделать его счастливым, чтобы стать счастливой и самой.

Гениальность Достоевского состояла не только в знании психологических особенностей людей, но в педагогическом подходе к жизни — ведь он не только рассказал Анне Григорьевне о ней самой (которая, по его мысли, была много лучше, чем о себе думала), но и о том, какой он хотел ее видеть рядом с собой для общего счастья. Он вел ее через сомнения, возбуждая как хорошие чувства (прежде всего, чувства сострадания и жалости к себе), так и негативные (в частности, недоброе чувство к Корвин-Круковской); вел к возвышенному чувству любви и переживанию безмерного счастья.

При этом он оставлял ее свободной, рассчитывая, что в решении она доверится своей природной интуиции.

Итогом стало взаимное признание в любви и сопереживание полного счастья, которое продлится все годы их совместной жизни. Последняя любовь Федора Михайловича Достоевского и единственная любовь Анны Григорьевны — для счастья это было очень важно. А где сексуальность? Она осталась закрытой скромностью, тактом... Хотя если почитать их переписку (*Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка*. Л.: Наука, 1976), то нетрудно будет понять, что они были счастливы абсолютно. Более того, постоянно накапливали и обогащали общее счастье, смертельно опасаясь его потерять.

Гениальной была идея с вещим сном и исчезнувшим брильянтиком... Брильянтик нашелся... Им оказалась любимая женщина — любимая на всю жизнь. Женщине нравятся ласковые образы — она ждет их от мужчины больше умных слов.

Он много говорил о любви и счастье — это тоже очень важно для женщины. В любви и счастье нуждается, прежде всего, талантливый мужчина. Но талантливый мужчина не только способен возрадоваться высоким чувствам и счастью. Он способен вернуть их обратно обогащенными. Женщина, которая это поняла, произвольно подготавливается любить мужчину так, как ему нужно.

И еще. Он низверг типичное для молодых женщин предубеждение, что большая разница в возрасте с мужчиной препятствует честной любви и совместному счастью. *Массовая* молодая женщина (как правило, это женщина сексуально и социально не достаточно зрелая) не способна заглянуть на 20–25 лет вперед и увидеть себя постаревшей и подурневшей. Ей почему-то кажется, что он (муж) обязан ее любить всю жизнь,

несмотря ни на что. Заглянуть в будущее женщины может только талантливый и любящий ее мужчина.

Наконец, хорошо, что у нее в голове не было типичного для молодых барышень мужского идеала — какого-нибудь героя-красавца. Ей был известен только один образ достойного мужчины — образ ее замечательного отца, воспитывавшего ее в доброте и любви (заметим, что когда она родилась, отцу было уже 47 лет). И пример единственной счастливой семьи — родительской семьи. Поэтому вполне можно предположить, что она более всего была готова выйти замуж за мужчину, похожего на отца. Но был у нее и любимый писатель (одновременно любимый и ее отцом, что также очень важно), который, включив ее в свою необычную жизнь, вдруг оказался очень близким и дорогим человеком. И так скоротечно (без сомнений и колебаний) стал мужем, что счастье ее было беспредельным. Так всегда бывает, когда затаенная (казалось бы, неосуществимая, почти *безумная*) мечта вдруг неожиданно сбывается...

Сегодня выше описанное могло бы быть сценарием неплохого кинофильма. Но тогда это был редчайший случай, когда в течение одного месяца у молодой женщины созрела готовность посвятить свою жизнь талантливому человеку. Конечно, был гениальный *сценарий*, но ведь была и природная женская интуиция (как результат полноценного *свободного* воспитания), позволившая не просто исполнить замысел автора, а стать его соавтором.



Социально зрелые люди ко всему готовятся, особенно к значительным событиям, от которых мно-

гое зависит в жизни. Вот и Достоевский 8-го ноября 1866 года подготовился к признанию в любви Анне Григорьевны. Но чтобы не оказаться в трудном (тем более неловком) положении, сначала решил определить ее готовность стать его женой. Подготовленный им «сценарий» (в виде идеи нового романа, который он совсем не собирался сочинять) осуществился, потому что был написан талантливо (в жизненных перипетиях) и рассказан вдохновенно с жалостью к герою и любовью к героине (что не могло не понравиться женщине, ориентированной на счастливый исход).

Что же касается Анны Григорьевны, то она к этому дню стала особенно остро ощущать потребность слушать и видеть талантливого писателя, помогать ему в работе, жить его жизнью, радоваться его радостям — все остальное потеряло для нее смысл. К тому времени у нее актуализировалась и требовала удовлетворения эротическая потребность — любить и быть любимой. А еще накапливался страх — потерять приобретенное, а значит, потерять самого Достоевского (талантливого, умного, доброго, обаятельного, нежного, ... любимого). Поэтому она так страстно откликнулась на его предложение, а, почувствовав счастье, думать ни о чем больше не могла.

Социально-педагогическая сущность отношений Достоевского и Анны Григорьевны в «день счастья» состояла в том, что в процессе общения у них взаимно удовлетворялись базовые социальные потребности — в самовыражении (они вместе сотворили сначала литературно-художественное, а затем и жизненное событие), в самоутверждении (она стала героиней его романа, а он — ее героем), в самосовершенствовании (вместе поднялись на новый уровень социальной жизни), в самоопределении (они признались друг другу в полной любви).



«День счастья» Анны Григорьевны и Федора Михайловича Достоевского пролонгировался на всю их совместную жизнь: она постоянно вспоминала этот день и перечитывала его полные любви письма (женщина склонна возвращаться в свою счастливую жизнь), а он всегда видел любимую Анечку в своем будущем, поэтому ощущение счастья никогда его не покидало.

## ВЕЛИКОЕ СЧАСТЬЕ

Взаимное признание в любви — это переживание радостной радости. Анна Григорьевна пишет: «Восторг наполнял мою душу, когда я возвращалась от Федора Михайловича. Помню, что всю дорогу я почти громко восклицала, забывая о прохожих: «Боже мой, какое счастье! Неужели это правда? Разве это не сон? Неужели он будет моим мужем?!» (с. 42). В этих словах не только безмерная радость, но и осознание, что мужем будет не обычный человек, а талантливый, известный.

Анна Григорьевна зашла в булочную, чтобы купить пирог и пойти на именины двоюродного брата. В душе было ликование, окружающие ей казались добрыми и милыми, и всем ей хотелось сказать что-нибудь приятное. Она не удержалась и заметила немецкой барышне, продававшей пирог: «Какой у вас чудесный цвет лица, и как вы мило причесаны!» (с. 42).

В состоянии любви мир кажется лучше!.. Но — это иллюзия: лучше становится только сам влюбленный человек!

Делиться возвышенным настроением можно с кем угодно — даже случайные люди могут ответить взаимностью. Но говорить о собственном счастье можно только с человеком, готовым к сопереживанию, то есть очень близким. Для Анны Григорьевны на тот

момент это была только мать, но ее у родственников не было — еще не пришла. С другими родственниками говорить Анне Григорьевне не хотелось. И правильно! Они могли не понять, не поверить, начать сомневаться и наговорить огорчительных слов...

В ожидании матери Анна Григорьевна (как она пишет) «вела себя странно, то смеялась, то задумывалась и не слышала, что ей говорили. А одного господина даже назвала Федором Михайловичем» (с. 42). Это и понятно, возвышенное чувство блокировало все психические процессы, кроме одного — желания сообщить радостную мысль тому, кому хотелось.

Когда приехала мать, Анна Григорьевна ей прошептала на ухо: «Поздравьте меня, я — невеста» (с. 43). Но поговорить с матерью Анне Григорьевне никак не удавалось — все были заняты торжеством. Мать же весь вечер пытливо поглядывала на дочь, не зная, наверно, за кого из присутствовавших поклонников она выходит замуж. Только возвращаясь домой, Анна Григорьевна сообщила, что «за Достоевского». Мать (по мнению Анны Григорьевны) не была этому рада. Как человек опытный, она не могла не предвидеть, что в этом супружестве дочери предстоит много мучений и горя как из-за страшной болезни будущего мужа, так и из-за материальных трудностей. Но она даже не пробовала отговаривать Анну Григорьевну ни сразу, ни потом, хотя многие родственники это делали... Здесь важно привести слова Анны Григорьевны: «Да и кто бы мог меня уговорить отказаться от этого предстоящего мне великого счастья, которое впоследствии, несмотря на многие тяжелые стороны нашей совместной жизни (болезнь мужа, долги), оказалось действительным, истинным для нас обоих счастьем» (с.43). Эти слова еще раз доказывали безоглядность и бесповоротность решения Анны Григорьевны. Видимо, уже в то

время (будучи совсем юной женщиной) она интуитивно понимала, что счастье (если оно настоящее) бывает только трудным... и один-единственный раз.

Ожидание встречи с любимым человеком кажется всегда вечностью. Поэтому следующий день, 9 ноября тянулся для Анны Григорьевны томительно долго. Она ничем не могла заниматься. Вспоминала подробности вчерашней беседы с Достоевским и даже записала ее в свою стенографическую книжку (благодаря чему сегодня мы можем представить один из самых счастливых дней в ее жизни и жизни Достоевского).

Достоевский приехал раньше... Он признался, что не мог вытерпеть, так хотелось свидеться с Анной Григорьевной (его также переполняли чувства, и ему было не до сочинительства — собственная жизнь становилась много интересней любого романа).

Она ответила, что все думала о нем и так ужасно счастлива, что он приехал. Он сказал, что всю дорогу думал, в чем она будет одета, снимет ли траур... (мужчина любит глазами!). Она ответила, что на людях до свадьбы будет в черном, а дома для него в светлом (*женщина должна одеваться красиво, прежде всего, для любимого мужчины — это самая правильная мотивация*). Он сказал, что розовый цвет ей очень идет, в нем она кажется девочкой... (с. 43). Она подумала, что ее молодость, видимо, смущала Федора Михайловича, поэтому, смеясь, уверила его, что очень скоро постареет... Нет; за 14 лет совместной жизни Анна Григорьевна не успела постареть (это отчетливо видно на фотографии от 5 февраля 1880, где она с детьми стоит у могилы Ф. М. Достоевского). Но она (как правильная жена!) всегда старалась и в нарядах, и в разговорах быть настолько солидной, чтобы разница лет между ней и Достоевским была почти незаметной... (с. 44).

Дальше произошел разговор Достоевского с матерью Анны Григорьевны. Ему хотелось, получить ее согласие. Федор Михайлович произнес свою маленькую речь торжественно и, как заметила Анна Григорьевна, несколько сбивчиво: «Вы конечно, уже знаете, что я просил руки вашей дочери. Она согласилась быть моей женой, и я этим чрезвычайно счастлив. Но мне хотелось бы, чтобы вы одобрили ее выбор. Анна Григорьевна так много говорила о вас хорошего, что я привык вас уважать. Даю вам слово, что сделаю все возможное и невозможное, чтобы она была счастлива. Для вас же я буду самым преданным и любящим родственником» (с.44). Вряд ли, можно было сказать так просто и так полно... Неслучайно мать Анны Григорьевны была очень тронута и расплакалась. Ее слезы были выразительнее всяких слов, они свидетельствовали о ее сопереживании счастья дочери и полном согласии. В этой связи Анна Григорьевна написала в дневнике: «... за четырнадцать лет нашего брака он (Федор Михайлович. — Г.З.) всегда был очень почтителен и добр с моей матерью, искренно любил и почитал ее» (с. 44). Что ж, важнейшим доказательством любви мужа является его доброе отношение к матери жены (*в наше время — это редкое явление!*).

В этот же день произошло первое испытание их любви... Когда пили чай, неожиданно пришли гости — двое молодых людей, которые давно за Анной Григорьевной ухаживали, а вчера были с ней на именинах. У счастливой Анны Григорьевны, естественно, не было никакого желания с ними встречаться, и она попросила мать, чтобы та извинилась перед ними, сославшись что у нее болит голова... Но Достоевский сказал: «Пожалуйста, не отказывайте им, Анна Николаевна...». А обращаясь, к Анне Григорьевне добавил: «Мне хочется видеть вас в обществе

молодежи. Ведь до сих пор я видел вас только с нами, стариками»... (с. 44). Писатель Достоевский желал наблюдать *сцену*, а Достоевский-мужчина хотел убедиться в любви невесты.

Анна Григорьевна улыбнулась (значит, правильно все поняла) и пригласила гостей. Она представила Достоевского. Молодые люди были смущены знакомством с известным романистом. В дневнике читаем: «...я сказала гостям, что они попали на фестиваль по случаю окончания нашей работы над новым романом» (с. 44). Слова «нашей работы» сразу сблизало ее с Достоевским... Она пыталась включить Достоевского в разговор, но он отмалчивался и только наблюдал. Анна Григорьевна упрекнула гостей, что вчера они много курили и поэтому у нее до сих пор мигрень.

Молодые люди стали приглашать Анну Григорьевну сначала в оперу, потом на концерт (все это было раньше запланировано), но Анна Григорьевна от всего решительно отказывалась по причине занятости стенографией... Они напоминали ей о том, что в прошлом году ей на концерте было весело... Она ответила резко: «Мало ли что было в прошлом году! С тех пор много воды утекло» (с. 44). После этих слов молодые люди, наконец, почувствовали себя лишними и поднялись уходить. Анна Григорьевна не стала их удерживать.

Анна Григорьевна понимала, что все сделала правильно: вежливо, но решительно оборвала приятельские связи с молодыми людьми в присутствии будущего мужа. Но все же, когда гости ушли, она спросила у Достоевского: «Ну, довольны вы мной?». Конечно, она ждала одобрительного ответа, однако Достоевский сказал: «Вы щебетали как птичка. Жаль только, что вы обидели ваших поклонников. Так категорически отказываясь от всего, что прежде вас ин-

тересовало» (с. 45). В этой связи надо прямо сказать, что чувство ревности (и абсолютно не обоснованное) всю жизнь мучило Достоевского (возможно, как человека, с расстроенной психикой). В конце жизни (когда Достоевский будет умирать в постели) они признаются, что не изменяли друг другу даже в мыслях. А в той же ситуации Anne Григорьевне оставалось только одно — вновь признаться Достоевскому в преданной любви: «Бог с ними! На что они мне теперь! Мне нужен только один: мой дорогой, мой милый, мой славный Федор Михайлович!» (с. 45).

Мужчина (особенно талантливый) нуждается в словах любви не меньше женщины, но ценит их много больше. Для него эти слова — большая роскошь. С ответных слов Достоевского («Так я милый, так я для вас дорогой?») вновь началась между ними задушевная беседа, продолжавшаяся весь вечер. И наверняка, в других словах Достоевского было не только торжество, но и его готовность сделать любимую женщину счастливой. Иначе бы Анна Григорьевна не написала в дневнике: «Какое то было счастливое время и с какой глубокой благодарностью судьбе я о нем вспоминаю!» (с. 45).

Счастливый человек (тем более, писатель) не может не делиться своими чувствами и мыслями с другими. Достоевский, любивший простых людей, не удержался, чтобы не рассказать о своем счастье извозчикам, которых, обыкновенно, «брал по часам». Не прошло и недели, как один из них проговорился служанке, что барин — женится. Та вначале не поверила, но извозчик сказал, что ему об этом сообщил сам барин... И что он видел невесту... «Выходила его проводить, такая веселая, все смеется!» (с. 46). Сдержанная Анна Григорьевна от счастья становилась веселой...

Служанка не преминула рассказать эту новость пасынку. Тот возмутился, что «отец» не подумал спросить совета и согласия у своего «сына»... что ему «старика» не по летам и не по силам начинать новую жизнь; напоминал, что у него имеются другие обязанности и пр., и пр. Тон пасынка вывел Достоевский из себя, он закричал на него и выгнал из кабинета. После чего у Достоевского случился припадок... Извозчик (*простой человек!*) выдал чужую тайну служанке (*бабе-дуре!*), которая в свою очередь сообщила новость невротичному пасынку и тот своими претензиями довел больного «отца» (*гения!*), за счет которого проживал, до приступа (все *недоделанные*, негодные людишки склонны лезть в чужую жизнь, тем более счастливую, чтобы навредить!)...

Гениальному писателю интересна человеческая душа, тем более душа любимой женщины. Возможно, поэтому в одну из вечерних бесед Достоевский спросил Анну Григорьевну, когда она впервые осознала, что его полюбила? На фоне прежних общих разговоров о семье и счастье, инициированных Достоевским, рассказ Анна Григорьевны о собственной любви мог только укрепить ее в этом чувстве, а значит, иметь для нее большое воспитательное значение. Рассказ Анны Григорьевны можно заключить в одну фразу: читая произведения писателя Достоевского, она уже с 15 лет полюбила образ мужчины, который оказался образом самого Достоевского.

Романтическая молодая женщина Анна Григорьевна пролила немало слез над «Записками из мертвого дома». Прочитируем ее слова, сказанные Достоевскому: «Мое сердце было полно сочувствием и жалости к Достоевскому (главного героя романа оно отождествляла с самим писателем. — Г.З.), перенесшему ужасную жизнь каторги. С этими чув-

ствами пришла я к тебе работать. Мне так хотелось помочь тебе, хоть чем-нибудь облегчить жизнь человека, произведениями которого я так восхищалась. Я благодарна Богу, что Ольхин выбрал для работы с тобой меня, а не кого-нибудь другого. <...> Знаешь, сама судьба предназначила меня тебе в жены... Меня с шестнадцати лет называли Неточкой Незвановой (Неточка Незванова — героиня одноименного произведения Достоевского. — Г.З.) ... Я — Анна, значит — Неточка... Зови и ты меня Неточкой...». Достоевский не согласился и объяснил почему: «Неточка много горя вынесла в жизни, а я хочу, чтобы ты была счастлива. Лучше уж буду звать тебя Аней, как мне полюбилось!» (с. 48).

Если женщина верит в судьбу, то в этом разубеждать ее, конечно, не нужно, чтобы не ослаблять веру в будущее. Но еще лучше — живописать ей более счастливую судьбу...

На следующий вечер Анна Григорьевна, в свою очередь, задала Достоевскому давно интересовавший ее вопрос, когда он почувствовал, что полюбил и когда решил сделать предложение... Простому мужику (вроде извозчика), конечно, трудно рассказать про свою *любовь* (ведь его любовь — не более как *половое влечение*) ... Другое дело любовь писателя Достоевского. Он признался, что в первый раз даже лица не запомнил Анны Григорьевны. Почему? Возможно, потому что его сознание было заполнено персонажами будущего романа. А возможно, еще не стерся в памяти образ недавней невесты — Анны Корвин-Круковской. К тому же надо учесть, что Достоевский в этот период выходил из тяжелого психического кризиса, обусловленного приступом эпилепсии. Да и зачем ему было при первой встрече с незнакомой женщиной рас-



смаatrивать и запечатлеть ее лицо?!.. У него просто не было такой мотивации.

Лишь в конце октября, по признанию Достоевского (когда он заканчивал диктовать роман «Игрок»), он обратил внимание на красивые серые глаза и добрую улыбку Анны Григорьевны. Все лицо Анны Григорьевны стало ему нравиться — и чем дальше, тем больше. «Теперь для меня лучше твоего лица на свете нет. Ты для меня красавица!» — заключил он (с. 49). Наверное, такое заключение было не случайным: ведь писатель Достоевский по лицу мог определить многое, в том числе, — внутреннюю красоту человека, его нравственность.

В действительности же Анна Григорьевна понравилась Достоевскому уже в первый день знакомства. Но чем? Его поразила такт, с которым Анна Григорьевна себя держала, ее серьезное, почти суровое обращение. Потом он почувствовал, что Анна Григорьевна искренно (а не на словах, как многие его друзья) ему сочувствует, *жалеет* его... (видимо, Достоевский хорошо понимал, что *жалеть* — значит по особенному любить, в чем он, как больной и одинокий человек, очень нуждался). Тогда-то он и подумал: «Какое доброе сердечко у этой девушки!» (с. 49). Уже потом ему понравилось и лицо Анны Григорьевны. А когда завершилась работа над «Игроком», и он подумал, что больше не будет видеться с Анной Григорьевной ежедневно, то понял, что без нее не может жить... и решил сделать предложение... Но очень боялся отказа... Он считал, что между ними было большое неравенства (ведь он «почти старик, болен неизлечимой болезнью, угрюм, раздражителен, почти прожил свой век... беден, обременен долгами», *(а она)* «чуть не ребенок, здорова, жизнерадостна... всегда жила хорошо»). Он боялся потерять дружбу, сочувствие, лишиться помо-

щи, поэтому, чтобы узнать чувства Анны Григорьевны и легче перенести отказ, придумал «план нового романа», чтобы спросить ее мнения...

Анне Григорьевне было больно слышать самоунижение Федора Михайловича. Ее ответом было: «Дорогой мой, ты все преувеличил! Предполагаемого тобою неравенства между нами нет. Если мы крепко полюбим друг друга, то станем друзьями и будем бесконечно счастливы. Меня страшит другое: ну, как ты, такой талантливый, такой умный и образованный, берешь в спутницы своей жизни глупенькую девушку, сравнительно с тобой малообразованную... не настолько развитую, чтобы идти с тобою вровень. Боюсь, ты меня скоро разгадаешь и станешь досадовать и огорчаться тем, что я не способна понимать твои мысли. Вот это неравенство хуже всякого несчастья»... (с. 50).

Из этих слов хорошо видно, что Анна Григорьевна видела в Достоевском и талантливого человека, и мужа, и друга (*последнее исключительно важно!*), она собиралась его любить всю жизнь, и боялась только одного — не соответствовать его образу мыслей и стать ему неинтересной... Можно только восхищаться такому пониманию счастья со стороны молодой женщины, не испытавшей ни бедности, ни несчастий. Это удивительное понимание женского счастья помогло Анне Григорьевне выработать абсолютно правильный стиль поведения: как жена, она никогда не роптала, ничего не просила, *не лезла* в душу, а делала самое нужное — *жалела* своего Федора Михайловича.

А что Достоевский? Он полюбил Анну Григорьевну сначала душой, потом глазами и умом, что позволило ему ясно представить свое счастье с женщиной, которая считала себя *глупенькой* по отношению к нему (а значит, была достаточно умной, чтобы полюбить его), которая не старалась казаться перед

ним лучше, чем на самом деле, потому что была абсолютно честной. Такой женщиной можно было только восхищаться, а значит, и ценить, и уважать, и любить всецело.

В любви теряется ощущение времени... Но редакция журнала «Русский вестник» напомнила о себе и потребовала от Достоевского продолжения романа «Преступление и наказание». Анна Григорьевна (она уже входила в *должность ассистента* своего гениального мужа) предложила «запереть двери для гостей и работать днем от двух до пяти, а затем, приезжая (к ним. — Г.З.) вечером, диктовать по рукописи» (с. 51).

Так они и устроили: «поболтав с часок», Анна Григорьевна садилась за письменный стол, Федор Михайлович усаживался рядом, и начиналась диктовка, прерываемая разговорами, шутками и смехом. Работа шла успешно... Достоевский говорил, что никогда еще работа не давалась ему так легко. Всегдашнее бодрое и веселое настроение Федора Михайловича отразилось благотворно и на его здоровье. В этой связи нам важно еще раз осознать, что когда у Достоевского происходил припадок эпилепсии, то после него он нередко целую неделю находился в мрачном настроении (а значит, не мог сочинять). А ведь припадки порой случались еженедельно. Что испытывала Анна Григорьевна, видя мучения своего мужа?!.. Она страдала до слез и жалела, жалела всей душой своего Федора Михайловича. И только благодаря состраданию — важнейшему проявлению ее любви к мужу, его болезнь с каждым годом ослабевала и давала ему возможность работать.

Мы не случайно постоянно отмечаем, что Анна Григорьевна *жалела* своего Федора Михайловича... *Жалеть* мужа, действительно, стало важнейшим проявлением ее любви. И это неслучайно — Достоев-

ский в этом сильно нуждался и как человек неизлечимо больной, и как человек, обремененный нескончаемыми долгами, и как гениальный писатель, которому все время надо было спешить писать «свои романы», и которого недооценивали в обществе, и наконец, как просто добрый, отзывчивый и в то же время очень одинокий человек.

В этой связи примечателен случай, который описывает Анна Григорьевна. Однажды Достоевский пришел к ним замерзший. Оказалось, он заложил свою шубу, что делал уже неоднократно, когда нужны были деньги. На сей раз, он это сделал, ибо просили деньги родственники — вдова старшего брата, пасынок и младший брат... Анна Григорьевна глубоко возмутилась бессердечным родственникам Достоевского. Она так разошлась... до безумия, не выбирая выражений... до рыданий и истерики... восклицая, что у него есть обязанности перед ней, его невестой, что она не перенесет его смерти... Нет; Анна Григорьевна его не бранила (как может сразу показаться). Она смертельно страдала, она убивалась, жалея своего Федора Михайловича, жалея, правда, и себя — как его *живую* часть... Кончилось тем, что Достоевский стал успокаивать Анну Григорьевну (редкий случай: обычно было наоборот) и пообещал беречь себя...

Прощаясь, Анна Григорьевна слезно просила Достоевского извинить ее за сделанную ему «сцену». Ее вторичные слезы понять можно — она заставила Федора Михайловича страдать своими страданиями. Он же ответил: «Нет худа без добра! Теперь я убедился, как горячо ты меня любишь: не могла бы ты так плакать, если бы я не был тебе дорог!» (с. 53). Гениальный писатель во всем видел психологическую закономерность. Но слова Достоевского до конца не успокоили Анну Григорьевну — весь вечер она му-

чилась мыслью, что Федор Михайлович разлюбит ее, узнав, что она способна делать подобные «сцены». Потом стала мучиться мыслью, что дорогою он простудится и опасно захворает... Поэтому всю ночь не спала, а в десять утра уже была у Достоевского...

Вэтой части дневника Анна Григорьевна написала о том, как Федор Михайлович ненавязчиво занимался ее воспитанием. Мы уже отмечали, что Достоевский постоянно и много разговаривал с Анной Григорьевной как до замужества, так и после. Беседы не просто их сближали духовно, в беседах они, безусловно, обогащали друг друга (иначе бы ушла любовь...). Конечно, Достоевский был способен обогатить Анну Григорьевну своим пониманием и опытом жизни. А чем могла обогатить Достоевского Анна Григорьевна? Скорее всего — сочувствием, готовностью его слушать и сопереживать, верой в лучшее совместное будущее, а также практической помощью.

Достоевский беседовал с Анной Григорьевной на самые разные темы, но, что примечательно, никогда не касался тем «не целомудренных или скабрзных» (с. 54). В дневнике Анна Григорьевна привела текст письма Достоевского, которое он написал ей уже после заключения брака: «Мне Бог тебя вручил, чтобы ничего из зачатков и богатства твоей души и твоего сердца не пропало, а напротив, чтобы богато и роскошно взросло и расцвело; дал мне тебя, чтобы я грехи свои огромные тобою искупил, представив тебя Богу развитой, направленной, сохраненной, спасенной от всего, что низко и дух мертвит» (с. 54). А ведь так и было!.. Достоевский сформировал в своей *Анечке* понимание смысла жизни и развил в ней главную способность — способность любить... После кончины Достоевского Анна Григорьевна прожила еще 37 лет, и всю жизнь оставалась верной только своему *незаб-*

*венному Федору Михайловичу*. Но она была интересна не только как жена гениального русского писателя Ф. М. Достоевского, а сама по себе: «своей исключительностью, тонким и широким умом, неустанным интересом ко всему окружающему» (с. 256).

Достоевский оберегал Анну Григорьевну от всех «развращающих впечатлений». Даже не позволял читать французские романы, чтобы «не грязнить воображение». Подбирал для Анны Григорьевны книги, хотя сам читал иное, мотивируя это тем, что как «писатель должен все знать и многое испытать». Про театр говорил: «Если... идти в театр... так выбрать пьесу, которая может дать... высокие и благородные впечатления». И отрицательно относился к господствующей в те годы оперетке. Как же это правильно, с педагогической точки зрения!.. Не случайно, прожив с Достоевским 14 лет, Анна Григорьевна вынесла «глубокое убеждение, что он был один из целомудреннейших людей» (с. 55). В этой связи можно сказать только одно — целомудрие (или строгая нравственность) мужчины (мужа, а затем отца) является сильнейшим фактором воспитания всех в семье и обеспечивает ее моральное состояние.

Самой дорогой темой в разговорах Анны Григорьевны и Достоевского была, конечно, тема будущей супружеской жизни. Анна Григорьевна мечтала «не разлучаться с мужем... наблюдать за его здоровьем... оберегать от назойливых, раздражающих его людей» (с. 55). И готова была плакать при мысли, что не может скоро этим заняться, так как свадьба откладывалась по экономическим причинам — надо было получить аванс от редакции «Русского вестника», без которого немислимо было им «устраиваться новым хозяйством»... (с. 56).

Достоевский постоянно делился с Анной Григорьевной своими заботами. Он ничего не хотел скрывать, «чтобы (для нее. — Г.З.) не было тяжелою неожиданностью та исполненная лишений жизнь, которая предстояла <...> обоим в будущем» (с. 56). И это правильно: ибо счастье возможно только в честной жизни!..

Прожив 20 лет без нужды в родительской семье, Анна Григорьевна вскоре поняла, как же трудно было Федору Михайловичу. Особенно ему не повезло с петербургскими родственниками (о них мы уже негативно ранее отзывались и не хотим много распространяться). Все они (к описываемому времени) оставались его *нахлебниками* и постоянно выпрашивали у него деньги, хотя могли работать и сами себя обеспечивать. Но Федор Михайлович (по доброте своей и привычке) раздавал им почти все, а потом искал деньги на уплату процентов, жилья и прочего... От этого у него сильно расстраивались нервы и чаще наступали припадки эпилепсии (с. 57). Анна Григорьевна с негодованием думала обо всех этих *праздных людях (очень мягкая оценка!)*, и решила, что после свадьбы возьмет хозяйство в свои руки, а главное — займется здоровьем своего мужа, оградив его от бесстыдных родственников.

Расстраивало ее и то, что Федору Михайловичу за печатный лист платили в три раза меньше, чем другим писателям, например, Тургеневу или Гончарову. Всего же обиднее было то, что из-за нескончаемых долгов, Достоевский должен был спешить с работой над романами. И у него никогда не оставалось времени, чтобы «отделать свои произведения». Критика часто упрекала Достоевского за неудачную форму его романов. И сам он часто искренне огорчался, что в спешке «испортил идею, которою так дорожил» и что «попра-

вить ошибку нет возможности» (с. 57). Разумеется, мотивация денег (ущербная по своей сущности, но для Достоевского вынужденная...) не могла не мешать творчеству, которое, как известно, требует полной свободы и, прежде всего независимости от внешних обстоятельств. А будь Достоевский в полном здравии и независимом материальном положении (скажем, как Толстой), на какую вершину в литературе он бы поднялся?!

Важно отметить, что Достоевский как любящий муж (даже находясь в трудном материальном положении) старался делать Анне Григорьевне подарки. Всегда одобрял ее выбор покупки. Требовал примерить новое платье и любовался (верный признак любви!) ... Всегда хотел сказать что-либо доброе и приятное. «Сколько истинной доброты, сколько нежности было в его любящем сердце!» (с. 58). *Добрый, нежный* — в этой оценке мужчины (мужа) заключено главное *требование* женщины (жены).

На Рождество Достоевский засобирался в Москву к родственникам, но более к издателю Каткову за авансом для свадьбы. Расставаться с Анной Григорьевной даже на короткое время ему было очень тяжело. То же испытывала и она, но бодрилась, чтобы не усиливать его печаль... На вокзале было особенно грустно. Приехали пасынок с племянниками. В вагоне в присутствии какой-то дамы пасынок сказал: «Папа, не вздумайте лечь на верхнюю постель! Как раз вас хватит падучая, свалитесь на пол, тогда и костей ваших не соберешь!» (с. 59). Достоевский не терпел, когда ему напоминали о болезни, тем более при чужих людях. Поэтому выходка пасынка усилило его тяжелое настроение. Этим эпизодом мы хотим еще раз подчеркнуть, каким злым был этот человек, именующий себя «сыном». А ведь Достоевский, несмотря



ни на что, относился к нему по-доброму до самой своей смерти.

Из Москвы Достоевский прислал Анне Григорьевне два письма, которые она «перечитывала десятки раз и с нетерпением ждала его возвращения» (с. 59). Для *идейной* женщины, какой была Анна Григорьевна, тексты (письма) Достоевского, посвященные ей, были драгоценнее его творчества и ценнее любых вещевых подарков. Здесь важно сделать отступление и сказать, что письма Достоевского к Анне Григорьевне и ее письма к мужу составили содержание целой книги (*Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. Л.: Наука, 1976*). Их письма — это и неустанные признания в любви, и семейная хроника, и общепризнанный литературный памятник. Их письма (если их рассматривать с педагогической и психологической точек зрения) — это еще и продуктивный способ психического развития (что было особенно важно для Анны Григорьевны), но и средство эмоциональной поддержки (что было нужно обоим в периоды разлук, но в большей степени *мнительному* и *нервозному* Достоевскому).

Из Москвы Достоевский привез денег, и они начали готовиться к долгожданной свадьбе. Он даже передал Анне Григорьевне нужную сумму, чтобы не растащили родственники. Для будущей семейной жизни Достоевский нашел квартиру из пяти комнат (одна из которых предназначалась *пасынку*), старую же квартиру он передал семье покойного старшего брата, обязуясь платить за нее каждый месяц. Доброта Достоевского была без границ. Вот только родственники должным образом этого никогда не оценивали.

В день свадьбы утром 15 февраля Анна Григорьевна ходила к духовнику и получила его благословение, потом на могилу отца. К пяти часам она была в подвенечном платье, которое ей «было к лицу»,

и она была собой довольна (с. 61). В соборе Достоевский взял Анну Григорьевну за руку и сказал: «Наконец-то я тебя дождался! Теперь уж ты от меня не уйдешь!» (с. 62).

Свадьба — мероприятие психологически напряженное. Но Анна Григорьевна сияла счастьем, а Федор Михайлович очаровывал всех своим обхождением. Поэтому все (и родные, и друзья с обеих сторон) остались довольными. Достоевский угощал гостей по-русски на широкую ногу — а потому шампанского, конфет и фруктов было в изобилии.

Только в 12-м часу гости разъехались... А Федор Михайлович и Анна Григорьевна «еще долго сидели вдвоем, вспоминая подробности этого чудного для них дня» (с. 63).



Согласие Анны Григорьевны выйти замуж за Федора Михайловича было безоглядным и бесповоротным. Еще с 15 лет, читая произведения Достоевского, она полюбила образ мужчины, который оказался образом самого писателя. А с 16 лет (за любовь к его романам) домашние стали называть ее Неточкой Незвановой (по имени литературной героини Достоевского). Поэтому Анна Григорьевна была уверена, что сама судьба предназначила ее в жены Достоевскому (а для женщины вера в судьбу — это руководство по жизни). К тому же Анна Григорьевна осознавала, что выходит замуж не за простого, а за талантливого и известного человека, и (что не менее важно) — за человека доброго, отзывчивого, нежного, а главное — нуждающегося в ней и как в любящей женщине, и как в помощнице по литературной работе. Вот почему она считала замужество с Достоевским для себя великим счастьем, значитель-

но превосходящим все те трудности и горести, которые могли ждать ее в будущем.

Душа Анны Григорьевны переполнялась счастьем, которым она хотела поделиться только с самым близким ей человеком — матерью. Мать, видевшая дочь безмерно счастливой, умом согласилась с ее выбором, хотя и чувствовала, что в будущем ей придется пережить много трудностей.

Анна Григорьевна собиралась любить Федора Михайловича всю жизнь и всеми силами: обожать его как талантливого писателя и помогать ему в литературной работе, любить и жалеть как дорогого мужа, почитать и слушаться как доброго друга (последнее было особенно важным и объяснялось просто, он был много старше и опытнее ее). Она мечтала с ним не разлучаться, поскорее заняться его здоровьем, оберегать от назойливых родственников, кредиторов и прочих, раздражающих его людей.

И все же, несмотря на предначертание судьбы, Анна Григорьевна, боялась будущего. Но боялась она не материальных трудностей или каких-нибудь физических страданий. Любовь для того и нужна, чтобы было легче преодолевать трудности жизни. Она боялась, что ее талантливый и умный жених (а в скором времени и муж) вдруг разгадает, какая она глупенькая и не настолько развитая, чтобы идти с ним вровень, и в будущем разочаруется в ней. И это может стать для нее самым большим несчастьем. Но ее боязнь была напрасной, потому что Достоевский, хорошо понимал, что женщина, которая принижает свои умственные способности, вовсе не такая глупая. К тому же у него не могло не возникнуть чувство, что он нужен ей и своим умом, а это придало ему уверенности, в которой он нуждался также как и Анна Григорьевна.

Всецелая любовь к Федору Михайловичу, с одной стороны, а с другой, боязнь, оказаться когда-нибудь неинтересной и ненужной ему, по всей вероятности, обусловили стиль (можно сказать, правила) поведения Анны Григорьевны: она одевалась так, чтобы нравиться Федору Михайловичу; и в нарядах, и в разговорах старалась быть настолько солидной, чтобы разница в возрасте между ней и Достоевским была почти незаметной; никогда не роптала, ничего не просила, «не лезла» в душу; не жаловалась даже на его негодных родственников, которые ее постоянно третировали и унижали; а делала для него самое нужное — жалела и жалела своего Федора Михайловича. С момента взаимного признания в любви и всю последующую совместную жизнь она старалась быть для Достоевского такой женщиной (и женой), какой он хотел ее видеть.

Многозначительным представляется посещение Анной Григорьевной в день свадьбы могилы отца (главного мужчины ее первых 20 лет жизни), которого она глубоко почитала и психологическую связь с которым ощущала всю жизнь. В этой ситуации нетрудно представить внутренний монолог Анны Григорьевны, ведь для нее было очевидным моральное сходство Достоевского (второго главного мужчины в ее жизни) со своим незабвенным отцом.

Сложные чувства переживал и Достоевский. Он трезво оценивал свое болезненное физическое состояние, тяжелый (угрюмый) характер, неравенство в возрасте, обремененность нескончаемыми долгами. Поэтому ему было еще труднее всматриваться в их совместное будущее. Но Анна Григорьевна все больше ему нравилась, и все больше была нужна. Он полюбил ее душой, глазами, умом. Он ею восхищался и любовался, что являлось верным знаком большой и настоящей любви. И он хорошо понимал, что с ней надо быть добрым и нежным (женщина это очень ценит), делать по-

дарки, даже испытывая нужду, а также быть абсолютно честным, ибо только на честности может быть построено семейное счастье, каким бы тяжелым оно не было. А еще, как более взрослый и опытный человек (муж), он считал своей обязанностью заниматься ее воспитанием, поэтому постоянно с ней беседовал о правильной семейной жизни, делился своими литературными планами и заботами, писал умные полные любви письма и оберегал от всякого рода развращающих душу впечатлений (французских любовных романов, легковесных спектаклей, вроде опереток, и пр.). Воспитательное значение имел, инициированный Достоевским, рассказ Анны Григорьевны о том, когда она почувствовала к нему любовь, а затем и его рассказ о любви к ней.

Ко дню свадьбы Достоевский, как это и положено, подобрал и обустроил квартиру для будущей семейной жизни. А со своей обязанностью — обеспечить достойную свадьбу своей Анечке он справился в лучших русских традициях — невеста была красива в своем подвенечном наряде, жених обходителен и добр, стол богат, поэтому все — и родственники, и гости остались очень довольными. А это значит, что свадьба благоприятствовала укреплению *счастья молодоженов*.

## СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ, ИЛИ ИСПЫТАНИЯ СУДЬБЫ

Исследовательская задача состояла в том, чтобы выделить в семейной жизни Федора Михайловича и Анны Григорьевны важные события, в том числе жизненные испытания и проанализировать их с точки зрения современной социальной педагогики. При анализе, кроме теории воспитания, мы руководствовались следующими положениями:

- счастье доступно только людям воспитанным, то есть социально зрелым, мотивированным на самоопределение, самовыражение, самоутверждение и самосовершенствование;

- счастье не бывает легким, так как подвергается испытаниям;

- для счастья важно, чтобы у мужчины любовь была последней, а у женщины — единственной.

Последнее умозаключение сформулировано нами на примере семейного союза Федора Михайловича и Анны Григорьевны и может рассматриваться как *частное*.

Испытания ждали Анну Григорьевну с первых дней семейной жизни. Привыкшая к домашнему благополучию и общению с родными людьми (с редкими выездами в свет), она мечтала неустанно заботиться о здоровье Федора Михайловича и создавать ему условия для плодотворной литературной работы. Однако была вынуждена совершать с мужем «визиты» и принимать гостей на обеды. Это не нравилось и даже вызывало раздражение, но Анна Григорьевна терпеливо исполняла волю мужа.

В одном из «визитов» к сестре Анны Григорьевны у Федора Михайловича случился припадок, а через короткое время — другой. Сопровождались припадками «нечеловеческим воплем», который напугал всех, особенно сестру, которая оказалась в истерике. Анна Григорьевна стала держать голову Федора Михайловича на руках, но также сильно перепугалась. Ночью Анна Григорьевна не спала и впервые поняла, какой страшной болезнью страдал Федор Михайлович. Какой же надо было быть женой, чтобы видеть страдания мужа, его нечеловеческий вид при приступе (как будто он сходит с ума) и жалеть, жалеть его?! Надо было быть больше, чем женой...

Другим испытанием в эти дни для Анны Григорьевны стали родственники Федора Михайловича, невзлюбившие ее с первого дня знакомства. Родственники приходили к ним с утра без приглашения. Позже приходили знакомые и друзья Федора Михайловича, и так до самого вечера Анне Григорьевне приходилось быть хозяйкой, хотя она к этому не была готова, ибо никогда не занималась домашними делами и тем более *приготовлением пищи*.

Особенно утомляли «чужие по духу» родственники Федора Михайловича: «глупая» и «бестактная» жена умершего старшего брата, делавшая Анне Григорьевне неуместные замечания по поводу ведения домашнего хозяйства, избалованные племянники и особенно проживавший с ними в квартире «пасынок» Павел (*редкий негодяй!*), готовый при удобном случае нагрубить и навредить. Все *негодные родственники* привыкли жить за счет Федора Михайловича и боялись потерять его расположение и помощь. *Добрый (безмерно добрый!)* к своим родственникам Федор Михайлович не замечал их враждебного отношения к Анне Григорьевне. Он говорил: «Анечка, полно ссориться с Пашей, не обижай его, он добрый юноша!» (с. 72).

Как совестливый человек Федор Михайлович считал, что обязан заботиться о пасынке как о сыне. Но, как видно, никогда не занимался должным образом его воспитанием. Поэтому пасынок рос стяжателем, бездельником, зловредным *малым*. В нашем представлении «пасынок» был *явный невротик*, он вредил всем (в том числе «папе» — так, лицемеря, он называл Федора Михайловича). Конечно, Анне Григорьевне не следовало было бы реагировать на его слова и поступки. Однако она реагировала и страдала, но не жаловалась мужу, жалея его.

К сожалению, Федор Михайлович не замечал страданий жены, а она была уже на грани нервного срыва и стала бояться, что не выдержит...

В дневнике она пишет: «...я безгранично любила Федора Михайловича, но эта была не физическая любовь, не страсть, которая могла бы существовать у лиц, равных по возрасту. Моя любовь была чисто головная, идейная. Это было скорее обожание, преклонение перед человеком, столь талантливым и обладающим такими высокими душевными качествами. Это была хватающая за душу жалость к человеку, так много пострадавшему, никогда не видевшего радости и счастья и так заброшенному теми близкими, которые обязаны были бы оплачивать ему любовью и заботами о нем за все, что он для них делал всю жизнь. Мечта сделаться спутницей его жизни, разделять его труды, облегчить его жизнь, дать ему счастье овладела моим воображением, и Федор Михайлович стал моим богом, моим кумиром, и я, кажется, готова была всю жизнь стоять пред ним на коленях. Но все это были высокие чувства, мечты, которые могла разбить наступившая суровая действительность» (с. 72–73).

Выделим в тексте ключевую фразу: «Моя любовь была чисто головная, идейная». «Идейная» Анна Григорьевна постоянно размышляла об отношении к ней Федора Михайловича. В эти дни ей вновь стало казаться, что Федор Михайлович разлюбил ее... «И хоть я горячо любила его, гордость моя не позволила бы мне оставаться у него, если б я убедилась, что он меня больше не любит (с. 73). Это — мысль социально зрелой женщины (а ведь ей, напомним, было только 20 лет).

Социально зрелыми были и ее дальнейшие размышления. Она задумалась, что станет с Федором Михайлович и ею самой, если они разведутся... «Развод стоил много денег... Федору Михайловичу не



пришлось бы устроить счастливо свою дальнейшую жизнь, иметь семью, детей, как о том мечтал всю свою жизнь... Несчастною была бы и моя дальнейшая жизнь: слишком много упований на счастье было возложено мною на союз с Федором Михайловичем и как горько было бы мне, если бы эта золотая мечта не осуществилась» (с. 74). Способность провести социальный (а точнее, социально-педагогический) анализ семейной жизни и увидеть вероятное будущее, прежде всего, дорого ей человека, а затем и свое будущее — редкая способность для женщины. А чего стоят ее слова «золотая мечта»?! Значит, она понимала, что иной любви в ее жизни не будет.

Заметим, что ради счастья любимого человека, Анна Григорьевна была готова подавить в себе даже *правильные* черты характера (гордость, независимость) — «головная» (*социальная*) любовь к мужу-гению была сильнее всего. Поэтому она просто решила служить своему «богу», ничего не меняя в его жизни и ничего не требуя...

А Федор Михайлович жил по своим *правилам*: «работал по ночам, читал и вставал поздно». Пока муж спал, Анна Григорьевна с домработницей ходила на Сенную за покупками и даже решила научиться у нее кухарничать, чтобы печь для мужа любимые им пироги. А что же муж? Ведь он был добрым, проницательным, любящим!.. Да, но ведь он был и нервным, психически неустойчивым (и по причине страшной болезни, и потому, что всегда спешил закончить очередной роман, чтобы выполнить договорные обязательства перед издателем, и мучился творчеством), а поэтому нередко был «задумчив», «уныл», уходил в себя. И это очень огорчало молодую женщину, которая хотела от мужа внимания...

Известно, что слезы жены — это сильный инструмент в воспитании мужа. Но Анна Григорьевна как «идейная» жена была способна пройти все испытания без жалоб, и тем более, без слез. Но *слезы* все же пролились...

В дневнике она пишет: «День этот начался обычными неприятностями: обнаружился какой-то пробел в моем хозяйстве, коварно устроенный Павлом Александровичем (чуть ли не исчезли карандаши и спички во всем доме), и Федор Михайлович накричал на бедную Федосью (прислугу. — Г.З.). Приходили столь наскучившие мне гости и мне приходилось «угощать» и «занимать» их. Павел Александрович, по обыкновению, говорил мне дерзости. Федор Михайлович был особенно задумчив и уныл и почти со мной не разговаривал, что меня очень огорчало.

...Вечером этого дня мы были званы к Майковым провести вечер. <...> Но от неприятностей у меня сильно разболелась голова и были так напряжены нервы, что я боялась, придя к Майковым, расплакаться, если речь пойдет о нашей семейной жизни. Поэтому я решила остаться дома. <...> Не успел Федор Михайлович уйти из дома, как явился ко мне Павел Александрович с упреками...<...> Еще никогда он меня не оскорблял таким образом, приписав моей вине даже усиление болезни (Федора Михайловича. — Г.З.). Я была обижена и огорчена до последней степени. Голова разболелась пуще, я бросилась в постель и стала горько плакать. Прошло, может быть часа полтора, как возвратился Федор Михайлович. Оказывается, что, посидев у Майковых, он соскучился по мне и вернулся домой...» (с. 74–75).

Прислуга сказала ему, что Анна Григорьевна «плачут».

...Анна Григорьевна в слезах призналась Федору Михайловичу, что ей тяжело, что ее унижает Павел Александрович. А еще сказала, что видит — он ее «разлюбил»...

Федор Михайлович «был удивлен» (он Пашу считал «предупредительным и добрым»), сильно расстроился и стал уверять жену в своей горячей к ней любви... В свою очередь он признался, что ему тоже очень тяжело переносить частых гостей, что «тоскует о <...> прежних беседах». Так было принято решение сначала вместе ехать в Москву, чтобы показаться тамошней родне Федора Михайловича. А затем вместе отправиться за границу — это была их «общая мечта» (с. 76).

Здесь надо напомнить, что Анну Григорьевну всю жизнь преследовала боязнь не соответствовать Федору Михайловичу. Понятно, что она очень хотела понравиться любимым московским родственникам мужа — сестре Вере Михайловне Ивановой и членам ее семьи. Федор Михайлович, видя волнение жены, благоразумно остановился в гостинице. Анне Григорьевне было нелегко в гостях: «взрослые дети» хотели вывести ее из себя, придирались и задавали каверзные вопросы... Когда ехали обратно Федор Михайлович «сожалел»: «Бедная моя Анечка, они тебя совсем заклевали. Надо было быть смелее... Ты сестре понравилась... Ты была такая прелестная, что я не мог тобой налюбоваться...» (с. 79). Словами «не мог тобой налюбоваться» Достоевский поддерживал в жене *главное чувство*.

Но Достоевский мог быть к Анне Григорьевне и не ласковым, в чем вскоре она убедилась... На следующее день они вновь приехали к Ивановым. Были другие гости. Стали играть... Рядом с Анной Григорьевной оказался «остроумный молодой человек», с которым Анна Григорьевна стала оживленно разговаривать... Вернувшись в гостиницу, Федор Михай-

лович устроил Анне Григорьевне «сцену ревности», которую она с трудом пережила... Федор Михайлович был сначала молчалив, потом свиреп. Ей казалось, что у него будет припадок, и он может убить ее... И она расплакалась...

*Искренние слезы* вновь подействовали. Федор Михайлович мигом опомнился, стал утешать, просить у Анны Григорьевны прощение... Целовал ее руки, плакал и проклинал себя за произошедшую сцену... И давал слово больше не ревновать... Ей стало его жалко... Она утешала его всю ночь... «Утром следующего дня он, чтобы сгладить свою вину... просидел у спящей Анны Григорьевны два часа, боясь шелохнуться... И был чрезвычайно нежен...» (с. 80).

В этой связи важно отметить следующее. Ревность — оборотная сторона сильной (*всепоглощающей*) любви, а значит, и *признак* такой любви. Но большинство людей (причем, обоего пола) рассматривают ревность как отрицательную черту характера и даже как болезнь (такое отношение к ревности, по нашему мнению, свойственно в основном социально незрелым людям, которые не способны любить). Отсюда вытекает простой вывод — причина *разводов «по ревности»* (типичных в наше время) вовсе не ревность, а отсутствие любви. К счастью, Анна Григорьевна (а мы многократно отмечали ее как социально зрелую личность) сделала правильные выводы: «Я поняла, какое глубокое страдание причиняет Федору Михайловичу ревность, и тогда же дала себе слово беречь его от подобных тяжелых впечатлений» (с. 81).

Ссорятся даже счастливые супруги, ведь между ними всегда есть какие-нибудь психические различия. Важно — уметь безболезненно выходить из ссоры, и лучше это сделать на подъеме любовных чувств.

Первая ссора между Анной Григорьевной и Федором Михайловичем произошла за границей, в Берлине.

В дневнике она пишет: «... Дорогой (на пути домой. — Г.З.) Федя заметил мне, что я по-зимнему одета <...> и что у меня дурные перчатки... Я очень обиделась и ответила, что если он думает, что я дурно одета, то нам лучше не ходить вместе... Сказав это, я повернулась и быстро пошла в противоположную сторону... Федя несколько раз окликнул меня, хотел за мной бежать, но одумался и пошел прежней дорожкой. Я была чрезвычайно обижена... Мало-помалу я успокоилась... и поняла, что Федя своим замечанием вовсе не хотел меня обидеть и что я напрасно погорячилась» (с. 89).

«Идейная» Анна Григорьевна всегда искала *причины* в себе... Однако в этой ситуации ее реакция была вполне обоснованной (на подобное замечание мужа всякая жена реагирует *нервно*). Федор Михайлович, привыкший любоваться женой (о чем он часто ей говорил), не следовало бы делать ей такое замечание по той простой причине, что об одежде жены должен был в первую очередь позаботиться он сам.

Возбужденная Анна Григорьевна поспешила домой. Мужа там не оказалось, но она заметила, что Федор Михайлович отпирал чемодан... Ей вновь в голову полезли страшные мысли, что Достоевский ее (такую «дурную» и «капризную») разлюбил, что он с ней «слишком несчастлив», что он «пошел в посольство, чтоб развестись» с ней... Она даже решила, если Федор Михайлович ее бросит, то она в Россию не вернется, а спрячется где-нибудь «в деревне за границей»... Понятно, что такие мысли могли возникнуть только от страха потерять любимого Федора Михайловича. Анна Григорьевна так переволновалась, ожидая

мужа, что бросилась с рыданиями к нему на шею, когда он вернулся. Он очень испугался, увидав заплаканные глаза жены. А когда Анна Григорьевна рассказала ему свои страхи, он только посмеялся, сказав, что она еще не знает, «как он любит свою милую женочку». Оказывается, Достоевский (*осознав свою вину!*) заходил домой, взял деньги, и пошел заказывать жене пальто. Они помирились, и Анна Григорьевна была «страшно счастлива»... с. 90). От *горестного сметения до безмерного счастья* прошло несколько часов. Наверное, такое может произойти только в голове по-настоящему любящей женщины.

В Дрездене супруги жили комфортно, весело... Достоевский работал по ночам... Днем были обеды в ресторане, прогулки, картинная галерея (Достоевский знал и ценил живопись). Вместе они пели, подпевая друг другу, много было веселья, откровенности и простодушия. Муж покупал жене вещи и любил, когда она их примеряла... Анна Григорьевна ощущала полную заботу и любовь... В дневнике она пишет: «Муж уверял, что он со мной помолодел на всю разницу наших лет» (с. 94). Значит, Достоевского всегда беспокоила разница в их возрасте, которая со временем могла проявиться, конечно, еще сильнее, и это он хорошо понимал.

В этой части своего повествования Анна Григорьевна впервые сообщает, что по привычке вела дневник, записывая в него стенографией высказывания Федора Михайловича и свои мысли о нем. Этот дневник, как мы полагаем, и послужил много лет спустя материалом для написания Анной Григорьевной Достоевской воспоминаний о своем муже.

Она объясняет, почему писала дневник: «Мой муж представлял для меня столь интересного, столь загадочного человека, и мне казалось, что мне легче

будет его узнать и разгадать, если я буду записывать его мысли и замечания» (с. 94). В этих побуждениях ясно просматривается педагогический подход Анны Григорьевны к семейной жизни — она *всю жизнь училась у своего мужа-мудреца главному — любви*.

Анна Григорьевна (как «идейная») имела свои представления на многие предметы и явления жизни и могла (видимо, когда муж пребывал в хорошем расположении духа) с ним не соглашаться. Так «идейные разногласия» у них возникли по поводу «женского вопроса» и тогдашних «нигилистов» («неряшливых и грубых» девиц, «отрицавших женственность»), которых Достоевский презирал. С Достоевским нельзя не согласиться. Женщины, теряющие женственность, культивирующие в себе мужские черты, не способны любить и, следовательно, не готовы стать полноценными женами и матерями.

Но Анна Григорьевна, слушая мужа, возмущалась... *Логика* ей подсказывала, что муж в какой-то мере критично относится и к ней, как представительнице женского рода. И это ее пугало, поэтому она становилась на защиту всех женщин, в том числе и «нигилистов». К сожалению, *логики нет* даже у «идейной» женщины (выше схожую мысль мы уже высказывали). Мужчина (тем более писатель, *человековед!*), любящий по настоящему одну женщину, в других чаще всего видит недостатки... Не случайно Достоевский в разговоре с Анной Григорьевной о женщинах отшучивался, говоря, что свою жену не считает женщиной, а считает «прелестной, чудной Анечкой, и другой такой на свете нет» (с. 95).

Федор Михайлович (как проницательный писатель) хорошо видел психологические различия между мужчиной и женщиной, прежде всего в мотивационной сфере.

Анна Григорьевна описывает в дневнике пример психологических различий между мужчиной и женщиной, который привел ей Федор Михайлович (пример касался коллекционирования марок): «Мужчина этим займется систематически, а если и бросит, но сохранит надолго... А женщина? Загорится, купит роскошный альбом, а потом остынет и он будет выброшен как не годная вещь...». Этот пример и весь спор, возникший между ними о психо[социально] половых различиях, раззадорил Анну Григорьевну и она, чтобы доказать мужу обратное, стала собирать марки и занималась этим 40 лет... Но она (*заметим!*) собирала марки только с писем, которые получала в семью, в том числе от самого Федора Михайловича (с. 96). Понятно, что такое «коллекционирование» марок не было систематическим (что и доказывало правоту Достоевского), скорее это было *сбором бу-мажных знаков*, напоминающих о событиях в собственной жизни...

В Дрездене Федор Михайлович устроил Анне Григорьевне еще одну *сцены ревности*.

...Анна Григорьевна по просьбе своего учителя Ольхина передала письмо профессору Цейбигу, и тот пригласил ее посетить заседание местного кружка стенографии. Федор Михайлович уверил жену, «что ему скучно будет сидеть в таком специальном собрании» и Анна Григорьевна пошла одна. Там она стала центром внимания, «расхрабрилась <...> (*и*) принялась болтать как у себя дома». Когда Анна Григорьевна (как *честная жена*) рассказала Федору Михайловичу о своем «триумфе», он загрустил. А когда на прогулке они встретили одного из кружковцем... «молодого человека розового и толстого, как поросенок, который раскланялся» с Анной Григорьевной, Федор Михайлович «сделал» *жене* сцену, после которой ей



уже не хотелось быть на тех общественных прогулках по окрестностям, куда ее с мужем приглашал Цейбиг. В дневнике Анна Григорьевна резюмирует: «... тяжелая и обидная для меня черта характера моего мужа заставила меня быть осторожнее...» (с. 97–98). К сожалению, женщина (даже «идейная») не понимает, что *фантазии* мужа (тем более *литературного гения*) могут увести его далеко от действительности.

В своих разговорах супруги часто возвращались к недавнему прошлому, наполненному сомнениями, ожиданиями и признаниями. Особенно часто вспоминали, как вместе писали роман «Игрок». И однажды Федор Михайлович сказал, что если бы был один, то непременно поехал бы в Гомбург поиграть в рулетку. Потом сказал об этом еще несколько раз. Это дало повод Анне Григорьевне решить, что ему очень хочется «попытать счастье» (с. 99). И она сама предложила Достоевскому туда поехать на несколько дней.

...Его отлучка затянулась, и от него пошли письма с просьбой выслать денег... Анна Григорьевна, не знавшая всю пагубность «увлечения» («Игрок», видно, ничему не научил) высылала деньги и лишь приходила в отчаяние, что отпустила мужа одного... Федор Михайлович вернулся через 8 дней и был страшно рад, что Анна Григорьевна его не только не упрекала за проигранные деньги, но сама «его утешала и уговаривала не приходиться в отчаяние» (с. 99).

Да, *правильная* Анна Григорьевна не упрекала мужа за его явно нездоровую страсть, а утешала в надежде, что он (ее «бог»!) сам бросит рулетку. И этот ее *педагогический ход был верным и сработал*, правда, не сразу. Еще несколько раз Достоевский с согласия и даже при попустительстве жены, которая видела его затянувшуюся депрессию, играл «на рулетке» в игорных городах (Баден-Бадене, Висбадене и др.) и, как

всегда, проигрывался, ставя семью в трудную жизненную ситуацию. Но игра, как и предчувствовала Анна Григорьевна, имела для Достоевского психорегулирующее значение. Игра наполняла его «бурными впечатлениями», и он с новой силой принимался за сочинительство и вскоре восстанавливал относительное материальное благополучие семьи. *Сочувственное* поведение Анны Григорьевны (хотя внутренне она, безусловно, сильно страдала), вскоре окончательно убедило Достоевского в *исключительности* своей жены и заставило *завязать* с «рулеткой», чтобы не забирать деньги у семьи (случилось это после проигрыша в Висбадене).

Как *правильная* жена, Анна Григорьевна старалась быть в курсе творческих дел мужа и его сношений с другими людьми. В дневнике она пишет о том, что в Дрездене Достоевский мучительно писал по заказу Бибикова (*известного публициста*) статью о Белинском, которого ценил, но хотел сказать о нем всю правду (в том числе, надо полагать, правду неприглядную). «Статья, по мнению Федора Михайловича, получилась дрянная, но судьба ее была плачевной, она так и не была издана и даже потеряна, в связи со смертью Бибикова. Федор Михайлович расстроился потерей, хоть и был ею недоволен...». Видимо, Достоевскому хотелось ответить Белинскому на незаслуженную критику в свой адрес. Дело в том, что Достоевского вначале «хвалили и пропагандировали», а потом (во многом «благодаря Белинскому») «незаслуженно преследовали, сочиняли небылицы, эпиграммы, чтобы вывести из себя» (с. 99). Такое отношение к известному писателю — явный признак *невротизации* общества. И гениальному писателю Достоевскому (знатоку *психических типов* людей) не

надо было реагировать ни на какую критику (ни один критик в сравнении с ним ничего не стоил).

Женщине, которая в родительской семье не испытывала никакой нужды, трудно жить с мужем в долгах... А ведь Анна Григорьевна прожила в таком состоянии практически всю их совместную жизнь (а это — 14 лет!). Объяснение простое: она, как *правильная (воспитанная)* жена, верила в своего Федора Михайловича, а он умел поддерживать в ней мечту, что они выберутся из долгов, разбогатеют и он купит ей все, что она пожелает. Федору Михайловичу повезло — для Анны Григорьевны внимание мужа, его слова были дороже вещевых подарков.

В Женеве (куда они переехали) Федор Михайлович любил ходить по магазинам и мечтать, что купил бы жене, если был бы богат... Следил, чтобы Анна Григорьевна «читала достойных писателей Бальзака, Жорж Санд...». Как всегда, он работал по ночам, вставал в 11, они вместе завтраками и уходили гулять (Анна Григорьевна была беременной) ... (с.103).

Постоянное внимание к жене (даже в форме мечтаний), совместные прогулки, разговоры о литературе и жизни — это были слагаемые процесса *воспитания* Достоевским (*мудрецом!*) своей жены, чем он никогда не прекращал заниматься. Женщина (жена) нуждается в разговорах, но это осознают только те немногие мужья, которые много знают о жизни, в том числе, о жизни семейной.

В 1867 году в Женеве проходил Конгресс мира, который Достоевский с женой посетили. Анна Григорьевна пишет, что Конгресс произвел на Федора Михайловича «тягостное впечатление»... Ораторы говорили, что для достижения мира надо «истребить христианскую веру, большие государства уничтожить и поделаться маленькие; все капиталы прочь, чтобы все

было общее по приказу и пр. ... И главное — огонь и меч...» (с. 104). «Истребить», «уничтожить» «огнем и мечом» — в этих словах Достоевский, надо полагать, увидел *бесовщину*... Сегодня, спустя 150 лет, когда нарастающий религиозный фанатизм (со всех сторон) приводит к терроризму и войнам, а заявленная идея глобализации не осуществляется, вопрос достижения всеобщего мира на земле остается актуальным. Разумеется, достичь мира путем насилия, уничтожения, войны никогда не получится. Единственно верным может быть только путь — воспитания в людях «совести». Именно эта социально-педагогическая проблема нашла отражение в романе Достоевского «Бесы».

Но вернемся к жизни семьи Достоевских.

Рождение ребенка — это бесценный дар жены любимому мужу... Но редкая жена, тем более муж именно так это и воспринимает. Редко, кто из них осознает и другое, что в воспитании ребенка (примерно с 3-летнего возраста и до полного взросления) приоритетная роль должна принадлежать мужчине (отцу). Если этому следовать, то становится понятно, что радость рождения ребенка сильнее должен переживать отец, а не мать (к тому же уставшая от беременности и родов). А значит, и о благополучном течении беременности, и о благополучном разрешении родов должен был бы заботиться в первую очередь муж — будущий отец ребенка (как это ни покажется странным). Именно так и было в семье Достоевских...

Федор Михайлович «чутко и бережно относился к болезненному состоянию» Анны Григорьевны и делал все необходимое: «после первой получки денег, настоял на визите к лучшему акушеру и просил его рекомендовать акушерку, которая взяла бы (жену. — Г.З.) под свое наблюдение..., он задолго изучил дорогу, по которой, возможно, ночью нужно будет вызы-

вать акушерку». Анна Григорьевна отмечает: «Самая любящая мать не сумела бы так охранять меня, как делал это мой дорогой муж» (с. 106,107). Она описывает ночь родов (тяжелых, с потерей сознания) и волнения Федора Михайловича, за которого она стала бояться больше, чем за себя, так как понимала, что ее смерть для него «могла бы оказаться катастрофой» (с.109).

Родилась девочка Соня... Радость Федора Михайловича была безмерной. Но «счастье» было недолгим. Девочка простудилась... Федор Михайлович не мог ничем заниматься и почти не отходил от ее колыбельки. Соня скончалась... В дневнике читаем: «Я не в силах изобразить того отчаяние, которое овладело нами... я страшно боялась за моего несчастного мужа: его отчаяние было бурное, он рыдал и плакал... Каждый день ходили мы с мужем на могилку, носили цветы и плакали...» (с. 113). Горе отца, как и ожидалось, оказалось сильнее материнского... И Анне Григорьевне даже в этой скорбной и тяжелой для нее обстановке приходилось жалеть и утешать Федора Михайловича...

Достоевский решил уехать из «ненавистой» Швейцарии. В смерти дочери он винил дурной климат, самонадеянного доктора, неумелую няньку. Он и раньше недолюбливал швейцарцев «за черствость и бессердечие» (*продукт бюргерского воспитания?!),* а теперь и вовсе возненавидел. Анна Григорьевна приводит пример: «наши соседи, зная о нашей утрате, тем не менее, прислали просить, чтоб я громко не плакала, так как это действует им на нервы» (с.114).

На пароходе Федор Михайлович впервые в жизни пожаловался на судьбу, всю жизнь его преследовавшую... Он рассказал Анне Григорьевне про свою «печальную одинокую юность после смерти нежно им любимой матери, вспоминал насмешки товарищей по

литературному поприщу, сначала признавших его талант, а затем жестоко его обидевших...». Про каторгу и о том, сколько выстрадал за четыре года... Про брак с первой женой, имевшей «странный, мнительный и болезненно-фантастический характер», с которой «хотел найти счастье»... И вот теперь, когда это «великое и единственное человеческое счастье — иметь родное дитя» посетило его и он имел возможность познать и оценить это счастье, злая судьба не пощадила его и отняла о него столь дорогое ему существо!.. Наше общее глубокое горе и задушевная беседа, в которой для меня раскрылись все тайники его наболевшей души, как бы еще теснее соединили нас» (с.114).

*Действительно*, сочувственная беседа больше сближают любящих друг друга людей, мужа и жену, чем другие слагаемые их жизни. Это можно считать социально-педагогической аксиомой.

В приведенных Анной Григорьевной воспоминаниях находит отражение еще одна социально-педагогическая аксиома. Главное предназначение мужчины, а значит, и его счастье состоит в отцовстве. Именно чувство отцовства (как социально зрелое чувство) побуждает его к деятельности по воспитанию собственных детей. И Достоевский, безусловно, хорошо осознавал социальную значимость отцовства и был к нему готов и как любящий муж, и как опытный (далеко уже не молодой) человек, и как писатель-психолог. Подтверждение мы находим в тексте дневника Анны Достоевской.

К счастью, вскоре Анна Григорьевна вновь забеременела. И спустя время в Дрездене у Достоевских родилась вторая дочь — Любовь. «Ребенок большой, здоровый и красавица» — писал Достоевский другу Майкову. Анна Григорьевна вспоминает: «С появлением на свет ребенка счастье снова засияло в нашей

семье». Федор Михайлович был необыкновенно нежен к своей дочке, возился с ней, сам купал, носил на руках, убаюкивал и чувствовал себя настолько счастливым, что писал Н. Н. Страхову: «Ах, зачем вы не женаты, и зачем у вас нет ребенка, многоуважаемый Николай Николаевич. Клянусь вам, что в этом  $\frac{3}{4}$  счастья жизненного, а в остальном разве одна четверть» (с. 121). Это утверждение не требует анализа. Но усвоить его (как аксиому) сегодня может, к сожалению, только высоконравственный, социально зрелый, а значит, хорошо воспитанный молодой человек.

О том, что Достоевский был добрым и нежным отцом свидетельствует описанная Анной Григорьевной встреча рождества 1872 года уже в Петербурге. Елку они купили большую (это было традицией), и Федор Михайлович ее сам украшал. Детям «были розданы папой подарки: дочери — прелестная кукла и чайная кукольная посуда, сыну — большая труба, в которую он тотчас затрубил, и барабан. Но самый большой эффект на обоих детей произвели две гнедые из папки лошади, с великолепными гривами и хвостами. В них были впряжены лубочные санки, широкие на двоих (понятно, что эта игрушка стоила немалых денег. — Г.З.). Дети <...> уселись в санки, а Федя, захватив вожжи, стал ими помахивать и погонять лошадей...» (с. 161). Дети (особенно мальчик) так заигрались, что их трудно было уложить спать. Этот пример ясно показывает, что Федор Михайлович уделял много внимания воспитанию своих детей и интуитивно чувствовал, как этим надо заниматься. Он постоянно интересовался здоровьем и поведением своих детей, задумывался об их воспитании. «У них нет своих знакомств, то есть подруг и товарищей, то есть таких же маленьких детей, как и они» (с.166) — с сожалением писал он жене из-за границы.

Далее позволим себе задаться гипотетическим вопросом: на какой *новой* литературной теме сосредоточился бы Федор Михайлович Достоевский, если прожил подольше (заметим при этом, что только в последние годы жизни он, наконец-то, освободился от долгов и мог сочинять свободно — *без спешки*)? Не задумал бы гениальный писатель сюжет романа *об отцовстве*, пронизанном социально-педагогической идеей — воспитания в человеке «совести» (ведь это личностное качество он ценил более всего)?

В этой связи заметим, что совестливость (а, следовательно, и доброта) были ведущими чертами характера самого Достоевского. Так, даже, находясь за границей, он продолжал помогать пасынку и семье старшего брата. Понятно, что денег на жизнь собственной семьи оставалось мало, но Анна Григорьевна сносила это безропотно. Кроме материальных трудностей накапливались и психологические... В чужой стране не только неоткуда было ждать помощи, но и не с кем было даже поговорить. В таких условиях люди могут либо возненавидеть друг друга, либо еще сердечнее сблизиться. «К нашему счастью (пишет Анна Григорьевна — Г.З.), с нами случилось последнее: это невольное уединение заставило нас еще сердечнее сблизиться и еще более дорожить друг другом» (с. 119). Причина этого была простая — Анна Григорьевна и Федор Михайлович были способны обогащать друг друга главным — любовью.

Вскоре Федор Михайлович остро почувствовал, что больше не может жить вдали от России... Чтобы писать надо жить в России. К тому же Анна Григорьевна была вновь беременна. Когда были получены долгожданные деньги из «Русского вестника», они начали собираться домой. Чтобы не было задержки на границе и этим не травмировать жену, Достоевский



сжег рукописи «Идиота» и «Вечного мужа». Анна Григорьевна пишет в дневнике: «Еще сутки пришлось нам промучиться в вагоне, но сознание того, что мы едем по русской земле, что вокруг нас свои, русские, было до того утешительно, что заставило нас забывать все дорожные невзгоды. Мы с мужем были веселы и счастливы и спрашивали друг у друга: неужели правда, что мы наконец в России?» (с. 130).

Но по приезду, в Петербурге у Достоевского возникло предчувствие, что впереди их ждет «много тяжелого, много затруднений и беспокойств». И его предчувствия начали вскоре оправдаться...

*Негодные люди* редко меняются в лучшую сторону — они становятся только изощреннее в своих неблагоприятных поступках. Это Анна Григорьевна ощутила при первой же встречи с родственниками Федора Михайловича. И хотя семья Эмилии Федоровны и даже пасынок Павел встретили их дружелюбно, вскоре Анна Григорьевна убедилась в их лицемерии. Павел Александрович (*шкурник!*) продал *редкие книги* Федора Михайловича, хотя обещал их сохранить и даже обвинил в этом «отца», что тот вовремя не присылал денег... Огорчению Федора Михайловича не было предела. Постепенно родственники (прежде всего, пасынок) вернулись к прежним привычкам и стали «тянуть деньги» с добрейшего Федора Михайловича. И это несмотря на то, что, как оказалось, долги Достоевского за время пребывания за границей значительно увеличились (*наросли процентами*).

Анна Григорьевна пишет, что Федор Михайлович «слишком верил в людскую честность и благородство». И его часто обманывали... Лишь за год до смерти с долгами было покончено, и семья смогла «дышать свободно» (с. 135). Почему же Достоевский (*писатель-психолог!*) был так доверчив к людям? От-

вет прост: так устроен благородный (воспитанный) человек — он не может себе позволить унижить недоверием другого человека, даже зная, что тот — плут.

Анна Григорьевна с грустью и сожалением пишет: «Как счастливее, довольнее и спокойнее могли бы мы проживать эти четырнадцать лет нашей супружеской жизни, если бы над нами не висела всегда забота об уплате долгов... А как бы выиграли в художественном отношении произведения моего мужа, если бы он не имел этих взятых на себя долгов (долгов старшего брата) и мог бы писать романы не спеша, просматривая и отделявая, прежде чем отдать в печать» (с. 137).

Ее сожаления усиливаются, когда она сравнивает *психические напряжения писателя* Достоевского с литературным трудом Толстого, Тургенева, Гончарова, которые не были обременены ни долгами, ни тяжелыми болезнями, и которым издатели платили за романы много больше, чем ее мужу.

«Горькое чувство подымается во мне, когда вспоминаю, как испортили мою личную жизнь эти чужие долги и долги фиктивных векселей... постоянно размышляла о том, где достать к такому-то числу столько-то денег, заложить вещь, чтобы Федор Михайлович не узнал о посещении кредиторов... На это ушла моя молодость, пострадало здоровье и расстроились нервы... Но самое страшное, что между друзей и почитателей моего мужа не нашлось ни одного доброго человека, который захотел пожертвовать своим временем и оказать ему настоящую услугу (помочь в разбирательствах по долгам, которые по большей части были не обоснованными). Все они только жалели Федора Михайловича, сочувствовали ему... С горьким чувством обиды за Федора Михайловича думаю я о подобных друзьях и о подобных дружеских отношениях» (с. 138–139).

Добрые люди достойны того, чтобы жить благополучно и долго, тем более этого достойны *добрые гении*. Но доброты к ним со стороны других людей, тем более негодных, ожидать невозможно. Почему-то *все* считают, что на душе у доброго человека всегда должно быть хорошо, а значит, и в помощи он не нуждается. *Все* — это те *людишки* — в лучшем случае равнодушные, но чаще завистливые и злорадствующие, коими наполнено невротическое сообщество. Именно негодные (*наглые!*) люди стремятся жить за чужой счет и считают, что больше других нуждаются в помощи.

По приезду в Петербург Анна Григорьевна, шадя спокойствие мужа, взяла на себя не только все семейные заботы, но и отношения с людьми, которые донимали и раздражали мужа. Она сама встречалась с «негодьями» кредиторами и даже тайно от мужа хотела продать свой дом, чтобы поправить экономические дела семьи. Но и здесь ее ждал обман уже со стороны мужа сестры и управляющего их домами, которые вошли в сговор...

Конечно, Анна Григорьевна жила, прежде всего, семьей. Тем более, что по приезду (через восемь дней) она родила сына, названного в честь отца Федором. Достоевский был безмерно счастлив, а у Анны Григорьевны семейных забот только прибавилось.

А впереди (только в течение одного 1872 года) ее ждали новые испытания и несчастья: 2-х летняя дочка Люба упала и сломала руку, которая неправильно срослась, и надо было делать операцию по выпрямлению; неожиданно за границей умерла любимая сестра Мария Григорьевна; мать сильно повредила палец на ноге, и врач грозил ампутацией; наконец, возникла собственная болезнь — смертельно опасный «нарыв на горле». Федор Михайлович, узнав о грозящей Анне Григорьевне смертельной опасности, «пришел

в совершенное отчаяние». «Что я буду без нее делать? Разве я могу без нее жить, она все для меня составляет!» (с. 156) — говорил, безудержно рыдая, Федор Михайлович жене священника (в то время Достоевские жили в Старой Руссе в доме священника Иоанна Румянцева, с семьей которого подружились).

Состояние Анны Григорьевны действительно было очень тяжелым. В дневнике она напишет: «Можно представить мое отчаяние во время болезни: я видела, что мое положение ухудшается... Мне страшно жаль было умирать, тяжело было оставить дорогих моих мужа и деток, будущее которых мне представлялось вполне безотрадным... Страшно жаль было моего доброго мужа: кто его полюбит, кто о нем будет заботиться и разделять его труды и горести?» (с. 156).

Описанные трагические события показывают, что для Достоевского Анна Григорьевна была много дороже собственной жизни. А Анна Григорьевна, даже *умирающая* (но, к счастью, выздоровевшая), продолжала жалеть и жалеть своего мужа, для которого всецело жила. Скрепленная трагическими переживаниями вся их последующая жизнь (в том числе 37 лет, прожитых Анной Григорьевной после смерти Достоевского) подтвердила главное — эти два *необыкновенных* человека были созданы друг для друга.

Последние (*совместные*) 10 лет Анна Григорьевна и Федор Михайлович проживали то в Петербурге, то на даче в Старой Руссе, где Достоевский лечился водами, но больше «нравственно» отдыхал (эту дачу после смерти хозяина по их просьбе купил Иван Григорьевич — брат Анны Григорьевны с тем, чтобы, когда у них появятся деньги, им же и перепродать). Выезжал Достоевский несколько раз (без семьи) и за границу, где он также пытался лечиться. Событий всякого рода было много, но все они (по большей ча-

сти, неприятные и горестные, нежели радостные) только укрепляли их семейные узы, что свидетельствовало о главном — их неумном стремлении сделать друг друга счастливыми.

...Зимой 1872 года Анна Григорьевна, чтобы «подзаработать денег» и поправить материальное положение семьи, предложила себя в качестве стенографистки на какой-то съезд, который должен был состояться в одном из городов «Западного края» (домашнее хозяйство и детей на это время готова была взять на себя ее мать). Достоевский не решился противодействовать, хотя не хотел отпускать жену одну. Все складывалось хорошо, пока приглашенный 23-летний «кавказский юноша» (будущий участник съезда) не поцеловал Анне Григорьевне руку и не стал предлагать себя в качестве сопровождающего (ехать с ней в одном вагоне, жить в одной гостинице...). У Федора Михайловича случился приступ ревности: он ударил рукой по столу, вскочил с места и выбежал с воплем на улицу... Анна Григорьевна еле его догнала, пристыдила, успокоила... После чего они долго гуляли и подтрунивали друг над другом... От поездки Анне Григорьевне пришлось отказаться. Стенографисткой она могла быть только у собственного мужа.

Отметим, что Анну Григорьевну никогда не сердила ревность Федора Михайловича, ибо она хорошо понимала, что он просто не мог представить ее без себя. И это укрепляло в ней веру в их взаимной любви, ведь сходное состояние переживала и она сама, когда Федор Михайлович отлучался по делам или болезни.

В разлуке Достоевский тосковал и ежедневно писал Анне Григорьевне письма, в которых кроме *нежных признаний и вопросов о детях*, всегда подробно описывал, чем занимался, и ждал того же от нее. «Твои анекдоты о детишках, милая моя Аня, меня

просто обновляют, точно у вас побывал» — писал он жене из Берлина, где лечился (с. 165). Нежные и обстоятельные письма мужа Анна Григорьевна читала и перечитывала как уникальную повесть об их совместной жизни и семейном счастье. Как же важно для мужчины (мужа) уметь писать письма любимой женщине (жене)! Это важно, прежде всего, в социально-педагогическом отношении, так как *письма по любви* всегда пронизаны душевной теплотой, которую трудно выразить устно.

Но Федор Михайлович, как мы уже отмечали, много и доверительно разговаривал с женой, хорошо понимая, что она в этом нуждается. С первых дней знакомства Достоевский приучал Анну Григорьевну слушать себя. И она привыкла к этому важному свидетельству его любви.

Живя за границей, Достоевский даже не знал, как выросла в России его литературная слава. В Петербурге «его повсюду встречали радушно». Правда, Анна Григорьевна редко его сопровождала. Она так уставала за день от хозяйственных забот, возни с детьми, а также от работы над «Дневником писателя» (это журнал приносил семье деньги), что к вечеру ей только «хотелось отдохнуть и почитать интересную книжку» (с. 179). Верный себе, Федор Михайлович, вернувшийся домой, подробно и увлекательно рассказывал жене о своих встречах (иной раз его рассказы затягивались до 5 утра). Поэтому Анна Григорьевна была в курсе всех его литературных или политических споров (и нисколько не сожалела, что не видела, как муж *самоутверждался* в свете, к тому же она больше любила мужа *домашнего*, как, впрочем, и он ее). Иногда Достоевский «высказывал жалобы на то, как к нему несправедливы иные люди и как старались его оскорбить или задеть самолюбие». В дневнике Анна

Григорьевна приводит много примеров недоброго отношения к произведениям Достоевского и к нему самому со стороны других литераторов и болезненных переживаниях мужа по этому поводу (с. 180–181).

В этой связи надо вспомнить, что на Достоевского в начале его писательского пути *наезжали* И. Тургенев и Н. Некрасов и даже сочинили на него эпиграмму, в которой высмеивали «неуемное самолюбие» начинающего писателя. Однако прошло немного времени и Достоевский доказал, что он действительно талантливый писатель. Несмотря на это, он никогда ни о ком из писателей дурно не отзывался, хотя и критиковал того же Тургенева, который, по его мнению, «потерял талант», проживая долго за границей. С Некрасовым же Достоевский сначала дружил, потом расходился во взглядах и вновь сходился. Когда Некрасов заболел, он часто посещал больного. Его смерть он переживал до глубины души. «Всю ту ночь он читал вслух стихотворения усопшего поэта, искренно восхищаясь многими из них и признавая их настоящими перлами русской поэзии». Достоевский был на похоронах Некрасова на Новодевичьем кладбище. На могиле поэта (по требованию молодежи) Федор Михайлович сказал «задушевное слово», которое затем было напечатано в номере «Дневника писателя». На кладбище он впервые заговорил о собственной смерти. «Когда я умру, Аня, похороните меня здесь или где хочешь, но запомни, не хорони меня на Волковском кладбище, на Литературных мостках. Не хочу я лежать между моими врагами, довольно я натерпелся от них при жизни!». Анна Григорьевна, подтрунивая, пообещала мужу «блестящие похороны» в Невской лавре, рядом с Жуковским, которого тот любил. И даже описала, как это будет выглядеть: «хоронить будет весь Петербург», будет «много молодежи» и «много венков»... «Только

не умирай, пожалуйста!.. Иначе я буду слишком несчастна!» — попросила она (с. 195–196).

...Ее «фантастическое обещание» полностью исполнилось через три года...

Но вернемся к Достоевскому — мужу, тем более, что для Анны Григорьевны он был, прежде всего, любимым мужем, а уж потом любимым писателем и тем более писателем для других.

Как любящий муж, Достоевский любил делать жене подарки и всегда исполнял ее просьбы, чего бы это ему ни стоило. И Анна Григорьевна это очень ценила. «Муж мой понимал толк в вещах, и все его покупки были безукоризненны» — пишет она в дневнике (с. 164). Федор Михайлович покупал жене платья, шляпки, сорочки (*редкий муж способен делать подобные покупки*). За два года до смерти он купил Анне Григорьевне обещанные серьги с бриллиантами и радовался «как дитя», когда она была в них на литературном вечере (с. 183). Делать жене подарки, видеть ее радость, любоваться ею в новом платье с новыми серьгами — верные признаки любви мужа.

Далее коснемся еще нескольких значительных событий, которые оказали влияние на судьбу Анны Григорьевны и Федора Михайловича, или могли оказать, если бы состоялись должным образом.

Сначала о том, как будучи с Анной Григорьевной на философской лекции Вл. С. Соловьева в Соляном Городке, Достоевский не встретился с Львом Николаевичем Толстым, который там также был, но «просил (Н. Н. Страхова, который организовал сие мероприятие. — Г.З.) его ни с кем не знакомить»... Достоевский был крайне огорчен и сожалел всю жизнь, «что не знал Толстого в лицо» (с. 199).

Нет сомнений, что Достоевский хорошо осознавал, как велик Толстой — писатель и философ.



А лицезреть его — значит, стать к нему ближе. И, конечно, слово Толстого дорого стоило. А Достоевский остро нуждался в таком собеседнике. Позже мы узнаем, что Лев Николаевич также нуждался в разговоре с Федором Михайловичем и сожалел, что с ним не встретился.

Через какое-то время случилось новое семейное горе — умер младенец (сын Алеша), унаследовавший от отца эпилепсию. Федор Михайлович любил Алешу «почти болезненной любовью, точно предчувствуя, что его скоро лишится» (с. 200). Поэтому горевал очень сильно и долго. Анна Григорьевна боясь за жизнь мужа, как всегда его успокаивала. Но потом сама впала в сильную апатию и охладела ко всему, даже к собственным детям. И тогда уже Федору Михайловичу пришлось вернуть ее к жизни и уговаривать «пожалеть его и детей» (с. 201).

После похорон они уехали в Старую Руссу.

Летом того же года Достоевский по совету жены посетил Оптину Пустынь (это было его давнишней мечтой). Он «вернулся умиротворенный и значительно успокоившийся и много рассказывал (Анне Григорьевне. — Г.З.) про обычаи Пустыни, где ему привелось пробыть двое суток...» (с. 201).

Осенью они вернулись в Петербург, но (*как пишет Анна Григорьевна*) «не решили оставаться на квартире, где все было полно воспоминаниями о нашем умершем мальчике и поселились в Кузнечном переулке, в д. № 5, где через два с половиной года было суждено судьбою умереть моему мужу». Но и на другой квартире и Федор Михайлович, и Анна Григорьевна предавались печальным воспоминаниям. Потеря сына сильно повлияла на Федора Михайловича «...он, всегда страстно относившийся к своим деткам, стал их еще сильнее любить и сильнее за них трево-

житься» (с. 202). Сколько же страданий выпало на долю Достоевского, которому было опасно даже просто волноваться?! Вряд ли бы он преодолел уготовленную ему судьбой череду испытаний и несчастий без любви и заботы Анны Григорьевны.

В конце дневника Анна Григорьевна постоянно связывает описываемые события с датой — текущее время неумолимо сокращало жизнь мужа.

...В декабре 1878 года Достоевский принимал участие в литературно-музыкальном вечере в зале Благородного собрания в пользу Бестужевских курсов. Он прочел из романа «Униженные» «рассказ Нелли»... В чтении Федора Михайловича слушателей поразило «необыкновенное простодушие, искренность, как будто читал не автор, а рассказывала про свою горькую жизнь девушка-подросток». Курсистки чрезвычайно горячо принимали читавшего... В последствии Федор Михайлович с особенным удовольствием откликался на зовы читать в пользу учащегося юношества» (с. 202). «Читать в пользу учащегося юношества» — это значит воспитывать будущее поколение. Это хорошо понимал Достоевский (писатель, патриот и гуманист).

Мы уже не раз отмечали *доброту и милосердие* Федора Михайловича. Таковым он был по отношению к собственной жене, детям, даже к зловердным родственникам. Но добрым и милосердным он был и к чужим людям (неизвестным, а порой и *негодным*), что говорит о *моральной силе* его характера. Достоевский не приспособлялся, *не адаптировался к социальной (ущербной) среде* (как бы это сегодня сказали), не кривил душой, а всегда и в любой ситуации оставался самим собой (добрым, милосердным, патриотичным). Это являлось свидетельством его нравственной воспитанности.

Анна Григорьевна описывает несколько случаев.

Летом 1877 года семья Достоевских поехала поездом в Курскую губернию в имение брата Анны Григорьевны «Малый Прикол» близ г. Мирополье, чтобы отдохнуть. Путешествие получилось продолжительным. На больших станциях их поезд часами стоял, пропуская эшелоны с войсками, отправляющимися на войну с турками. «На всех остановках Федор Михайлович закупал в буфете в большом количестве булочки, пряники, папиросы, спички и нес в вагоны, где и раздавал вещи солдатам, а с иными из них долго беседовал» (с. 191). Поведение Достоевского в описанной ситуации не просто доброта, — это патриотический порыв. Федор Михайлович Достоевский всю жизнь ощущал кровную связь с Россией.

В марте 1879 года в Петербурге произошел «неприятный случай, который мог иметь печальные последствия». Когда Федор Михайлович, по обыкновению, совершал свою предобеденную прогулку, его на Николаевской улице нагнал какой-то пьяный человек (*мужик*) и ударил его по затылку с такой силой, что Федор Михайлович упал на мостовую и расшиб себе лицо в кровь... Пьяного повели в участок... В участке Федор Михайлович просил полицейского офицера отпустить его обидчика, так как его прощает. Того все же судили и подвергли штрафу в шестнадцать рублей. После суда Федор Михайлович «подождал своего обидчика у подъезда и дал ему шестнадцать рублей для оплаты наложенного штрафа» (с. 205).

Достоевский пожалел *простого мужика*, представ его жертвой несправедливой жизни и, следовательно, человеком неподсудным. Судить следовало бы тех, кто довел этого мужика до буйства и преступного действия. Для автора романа «Преступление и наказание» эта непростая *социально-педагогическая мысль* была очевидной.

В дневнике Анна Григорьевна описывает их встречи с попрошайками, извозчиками, сторожами, квартиросъемщиками, агентами сыска, среди которых не оказалось ни одного положительного человека, а только *воры и живоглоты*. Достоевский ко всем относился по-доброму, с пониманием, возможно, как к персонажам будущих своих романов. Конечно, *мерзопакостные* личности не знали, кого обманывают и обкрадывают. Но если бы и узнали, то вряд ли повели себя честнее. *Гнилая* порода людей неисправима, ее невозможно реанимировать. Мысль Достоевского о том, что *мир спасет красота* (которую часто повторяют), — мысль идеалистическая. Сделать мир лучше (добрее) можно только с помощью хорошего (полноценного) воспитания подрастающего поколения, но для этого нужны соответствующие воспитатели, которых также кто-то должен подготовить...

«Симпатии общества» к Достоевскому заметно усилились после издания «Братьев Карамазовых». Его везде приглашали на вечера, концерты, балы... Его это стало утомлять, и он часто «любезно» отказывался. Но, если участвовал, то имел всегда «необыкновенный успех»... Росло число его почитателей, но и врагов...

Подлинным триумфом стало выступление Достоевского на торжественном заседании, посвященном памяти Пушкина и открытию ему памятника в Москве. В дневнике читаем: «Разноречивые толки, ходившие в столице, по поводу тех речей, которые будут произнесены представителями двух тогдашних партий: западников и славянофилов, очень волновали Федора Михайловича, и он объявил, что если болезнь не помешает, то он непременно поедет в Москву и выскажет в своей речи о Пушкине все то, что столь многие годы лежало у него на уме и на сердце» (с. 215).

Достоевский не мог дать Пушкина на растерзание *политиков*, он хотел поднять поэта на небывалую высоту — *над всеми*, показать его патриотом и пророком, способным объединить нацию (*народ*) на подлинно русской идее — идее братства. К памяти Пушкина в те дни хотели прикоснуться многие литераторы, но сделал это Достоевский — писатель «нищей» и «грубой» России. Наверное, потому что Пушкин (как патриот, пророк, бунтарь) был Достоевскому психологически ближе, роднее, чем другим писателям.

Федор Михайлович хотел, чтобы Анна Григорьевна поехала с ним. «Конечно, я была страшно рада поехать в Москву (пишет Анна Григорьевна. — Г.З.), не только ради того, чтобы увидеть столь необычное торжество, но и чтобы быть вблизи Федора Михайловича». Но «как всегда не было достаточно денег...». Всю остальную жизнь Анна Григорьевна сожалела, что ей не пришлось присутствовать при том необычайном триумфе, которого удостоился *ее* дорогой муж на Пушкинском празднике.

В этот 1880 год Анна Григорьевна узнала от своего двоюродного брата врача, который обследовал Федора Михайловича, что его болезнь (*эмфизема*) «сделала зловещие успехи и <...> может угрожать жизни». Анна Григорьевна была так испугана, что стала внимательнее наблюдать за здоровьем мужа. Пошла себе новое платье, выезжала с ним на литературные вечера, чтобы оградить от неприятных встреч и разговоров с людьми... Боясь за состояние мужа, Анна Григорьевна несколько раз порывалась поехать в Москву к Федору Михайловичу (тем более, что открытие памятника откладывалось), но сдерживала себя, боясь что ее появление в Москве только разволнует мужа, ибо надо было оставить детей на няньку... К тому же муж постоянно (два раза в день) отсылал из Москвы

письма. Из письма же Анна Григорьевна узнала, что на заседании «московская публика восторженно оценила речь Федора Михайловича в память Пушкина» (с. 218–219).

Отметим большое социально-педагогическое значение речи Достоевского. Она оказала сильнейшее объединяющее воздействие на всех присутствующих, среди которых, как известно, были ведущие литераторы Тургенев, Григорович, Островский, Аксаков, Успенский, Плещеев, адвокат Кони, другие известные люди России. В подтверждение приведем цитату из письма Достоевского жене: «Когда же я провозгласил в конце о всемирном единении людей, то зала была как в истерике, когда я закончил — я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и клялись друг друга быть лучшими, не ненавидеть впредь друг друга, а любить...» (*Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка*. Л.: Наука, 1976. С. 346).

В России часто бывает так: когда человек-творец (после многих лет напряженного труда и борьбы за справедливость) поднимается на свою *вершину*, переживает триумф, завоевывает, наконец, общественное признание и начинает строить грандиозные планы на будущее, его жизнь неожиданно обрывается. Так случилось и с гениальным русским писателем Федором Михайловичем Достоевским.

Анна Григорьевна подробно описывает последний год жизни Федора Михайловича. «К началу 1881 года со всеми долгами, так долго нас мучившими, было покончено и даже в редакции «Русского вестника» имелись заработанные деньги (около 5 тыс.). Казалось, не было настоящей надобности тотчас приниматься за работу, но Федор Михайлович не хотел отдыхать. Он

решил вновь взяться за издание «Дневника писателя», так как за последние смутные годы у него накопилось много тревоживших его мыслей о политическом положении России, а высказать их свободно он мог только в своем журнале... Затем мечтал написать вторую часть «Братьев Карамазовых», где появились бы почти все прежние герои, но уже через двадцать лет, почти в современную эпоху, когда они успели бы многое сделать и многое испытать в своей жизни» (с. 222).

Все шло хорошо. «Федор Михайлович чувствовал себя превосходно <...> согласился участвовать в домашнем спектакле, который предполагали устроить у графини С. А. Толстой... Федор Михайлович брал на себя роль схимника в пьесе по трилогии А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» (с. 223). Понять интерес Достоевского к этому *мероприятию* понятен, он надеялся, наконец-то, познакомиться с Львом Николаевичем.

Федор Михайлович написал актуальную статью для «Дневника» по поводу «Земского собора», но боялся, что цензура не пропустит. Однако благодаря С. А. Толстой, которая рассказала об озабоченности Федора Михайловича по поводу статьи только назначенному председателем цензурного комитета Николаю Саввичу Абазе, статью обещали пустить без цензуры.

Мы сознательно показываем, как могла бы измениться творческая жизнь Достоевского, и сколько бы он еще сочинил, прожив подольше (чтобы вызвать у читателя сожаление и побудить его к добрым делам в память о гениальном соотечественнике).

Планам писателя не суждено было осуществиться...

25 января 1881 года Федор Михайлович был здоров и весел и ничего не предвещало того, что случится через несколько часов. Ночью, когда Федор Михайло-

вич, как обычно, работал, случилось «маленькое происшествие»: вставка с пером упала на пол и закатилась под этажерку (этой вставкой Федор Михайлович очень дорожил, так как кроме писания, она служила ему для набивки папирос) ... Чтобы достать вставку Федор Михайлович отодвинул этажерку... Это усилие вызвало порыв легочной артерии и пошла горлом кровь... Об этом он рассказал только утром, так как крови было немного... Федор Михайлович был совершен спокоен, говорил и шутил детьми, принялся читать «Новое время»... Позвали за лечащем врачом... Но он оказался у другого пациента и приехал только к вечеру. В этот период пришел гость, который был симпатичен Достоевскому, но «обладавший недостатком — всегда страшно спорить...». Между ними разгорелся спор о содержании будущей статьи. Попытки Анны Григорьевны сдержать спорщиков были неудачны... через два часа гость ушел, стали собираться обедать и вдруг у Федора Михайловича подбородок окрасился кровью...

В дневнике Анна Григорьевна подробно описывает последние дни и часы жизни Федора Михайловича, который умирал в полном сознании, как христианин, показывая всем, но прежде всего жене, что «переход в иной мир ему не страшен». Он велел позвать священника, «долго исповедовался и причастился»; попросил Анну Григорьевну дать ему Евангелие, «сам открыл святую книгу и просил прочесть»... (с. 225–226).

В предсмертные дни и часы в доме Достоевских побывали родные (более всего Анна Григорьевна была признательна за поддержку своему любимому брату врачу Ивану Григорьевичу Сниткину), друзья Федора Михайловича, врачи, множество незнакомых людей, приносили письма и телеграммы... *Известная картина!*



Но мы остановимся только на словах Федора Михайловича, имеющих *социально-педагогическое* значение, адресованных, понятное дело, к любимой жене — Анне Григорьевне. Читаем в дневнике: «Я не могла удержаться от слез. Федор Михайлович стал меня утешать, говорил мне милые ласковые слова, благодарил за счастливую жизнь, которую он прожил со мной. Поручал мне детей, говорил, что верит мне и надеется, что я буду их всегда любить и беречь. Затем сказал мне слова, которые редкий из мужей мог бы сказать своей жене после четырнадцати лет брачной жизни: «Помни, Аня, я тебя всегда горячо любил и не изменял тебе никогда, даже мысленно!» (с. 227).

Благодарность всегда оказывает воспитательное воздействие на того, к кому обращена. Но в последних словах Федора Михайловича к жене просматривается еще одна *воспитательная идея* — оставаться верной ему и после его смерти. Достоевский не мог себе представить жизнь Анны Григорьевны без себя даже, когда его не станет. Но, по-видимому, Анна Григорьевна скрытого смысла в словах мужа не почувствовала — она глубоко переживала его смертельную болезнь. Поэтому слова мужа она восприняла как его последнее (предсмертное) признание в любви.

Процитируем еще несколько абзацев из дневника: «Я весь день ни на минуту не отходила от мужа; он держал мою руку в своей и шепотом говорил: «Бедная... дорогая... с чем я тебя оставляю... бедная, как тебе тяжело будет жить!..» (с. 228).

«Я держала руку мужа в своей руке и чувствовала, что пульс его бьется все слабее и слабее... В восемь часов тридцать восемь минут вечера (28 января 1881 г. — Г.З.) Федор Михайлович отошел в вечность... Когда наступил конец, я и дети дали волю своему отчаянию: мы плакали, рыдали, говорили какие-то сло-

ва, целовали лицо и руки еще не охладевшего дорого нам усопшего; все это представляется мне смутно, но ясно я осознавала лишь одно: что с этой минуты окончилась моя личная, полная безграничного счастья жизнь и что я навеки осиротела душевно» (с. 229).

Несомненно, со смертью мужа Анна Григорьевна безмерно обеднела в морально-психологическом отношении. В то же время в материальном плане жизнь семьи Ф. М. Достоевского уже не была такой безнадежной. Достоевский еще в 1873 году предусмотрительно оформил завещание, по которому литературные права на все его произведения переходили Анне Григорьевне («пасынок», таким образом, не получил ничего, хотя в предсмертные дни порывался привести к «отцу» нотариуса для составления завещания). Безбедной жизни Анны Григорьевны и детей в будущем благоприятствовала также то, что Достоевский к концу жизни окончательно рассчитался с долгами и даже в редакции «Русского вестника» лежало пять тысяч рублей (*немалые деньги!*). К тому же государем императором в «благодарность за услуги в русской литературе» вдове и детям Ф. М. Достоевского назначалась ежегодная пенсия в две тысячи рублей. Были и другие предложения: деньги от министерства внутренних дел на погребение и готовность принять детей на казенный счет в любые учебные заведения (от последних предложений Анна Григорьевна отказалась). Она пишет: «Я глубоко убеждена, что отказавшись от помощи на погребение и от помощи на воспитание детей, я поступила так, как бы поступил мой незабвенный муж» (с. 232).

Анна Григорьевна пишет в дневнике, что с горя «могла помереть или сойти с ума». Самые тяжелые дни вечер 28 января и последующие два дня (отпевание и похороны) помогли пережить брат Иван и мать...

Похороны были пышные, как никогда. Одних венков было семьдесят четыре... Главное достоинство этого печального чествования праха Федора Михайловича заключалось в том, что оно было никем не подготовлено. Впоследствии пышные похороны вошли в обычай...

Хоронили Достоевского на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры, возле могилы Жуковского, которого очень почитал Федор Михайлович. Все говорили, какую громадную потерю понесла с его смертью Россия.

«Что мне в эти дни до России?.. Я лишилась лучшего в мире человека, составлявшего радость, гордость и счастье моей жизни, мое солнце, мое боже-ство! Пожалейте меня, лично меня...» (с. 235). Этот крик души Анны Григорьевны никто не слышал. Но именно в этот момент «идейная» Анна Григорьевна, видимо, почувствовала, что любила своего Федора Михайловича всецело, а не только «головой».

«Идя за гробом Федора Михайловича, я давала себе клятву жить для наших детей, давала обет остальную мою жизнь посвятить, сколько будет в моих силах, прославлению памяти моего незабвенного мужа и распространению его благородных идей. Теперь, предстоя пред приближающимся концом жизни, я, положив руку на сердце, могу сказать, что все свои обещания, данные мною в те тяжелые часы проводов праха моего незабвенного мужа, я исполнила, поскольку хватило моих сил и способностей» (с. 237–238).

В конце дневника Анна Григорьевна делится своими впечатлениями от встречи с Львом Николаевичем Толстым.

В 1885 году она познакомилась с графиней Софьей Андреевной Толстой, которая пришла к ней советоваться по поводу изданий произведений своего

мужа. Они подружились и, приезжая в Москву по делам «Музея памяти Ф. М. Достоевского», Анна Григорьевна часто навещала графиню. Нет сомнений, что в тайне души, она мечтала встретиться с Львом Николаевичем, но его, как нарочно, дома не оказывалось.

Но, однажды зимой, приехав к С. А. Толстой вечером, она узнала, что граф Лев Николаевич в доме, но болен и никого не принимает... К счастью, Толстой узнав о приходе Анны Григорьевны, сказал Софье Андреевне, «что непременно хочет (ее. — Г.З.) видеть и просит пройти к нему» (с. 241).

Анна Григорьевна подробно описывает первую (и единственную) встречу с Львом Николаевичем (и у нас, волей-неволей, возникло желание сравнить эту встречу с той, которая произошла у нее 20 лет тому назад с Федором Михайловичем) .

Анна Григорьевна пишет: «Несмотря на все желания увидеть гениального писателя, поэтически произведениями которого я всегда восхищалась, мною овладел какой-то страх перед ним, и мне заранее казалось, что я произведу на него неприятное впечатление, чего мне вовсе не хотелось» (с. 241). Значит, ее душа оставалась молодой, и она хотела понравиться Льву Николаевичу как женщина...

«Страх мой мигом исчез при том радушном восклицании, которым он меня приветствовал: «Как это удивительно, что жены наших писателей так на мужей своих похожи!.. Я именно такую, как вы, и представлял себе жену Достоевского!..» Граф как-то сразу сделался для меня близким и родным» (с. 241–242).

Как видим, Толстой (в отличие от Достоевского) заговорил сначала о женских достоинствах Анны Григорьевны (автор *семейных драм* хорошо понимал, что только *исключительная* женщина способна сделать счастливым гениального человека). Достоев-

ский же, как помнится, при первой встрече вел себя с Анной Григорьевной грубовато и даже засомневался (возможно, сознательно) в ее достоинствах и способностях. И только при второй (вечерней) встрече, вызвав у нее сострадание к своей трагической судьбе, он стал ей ближе.

...«Лев Николаевич посадил меня в кресло, рядом с собой, <...> пожаловался на свое нездоровье» (значит, Толстой, как и Достоевский, нуждался в сочувствии, а значит, и женской заботе и любви...).

Толстой очень огорчился, что когда-то не встретился с Федором Михайловичем на лекции Владимира Соловьева в Соляном Городке: «Как мне жаль! Достоевский был для меня дорогой человек и, может быть, единственный, которого я мог бы спросить о многом и который бы мне на многое мог ответить!» Называя Достоевского «дорогим», Толстой, безусловно, становился еще дороже Анне Григорьевне.

Потом Лев Николаевич попросил Анну Григорьевну рассказать о своем муже, каким он «остался в ее душе?»

Толстой внимательно выслушал «восторженную» речь Анны Григорьевны о своем «идеальном» муже, которому, по ее словам, были присущи все «высшие нравственные и духовные качества»... Одновременно она отметила, что после припадка он мог быть суров, но быстро отходил и проявлял «редкую нежность, чтобы загладить свою резкость и суровость»...

Толстой «задумчиво и проникновенно» сказал: «Я всегда так о нем и думал... Достоевский всегда представлялся мне человеком, в котором было много истинно христианского чувства» (с. 242).

*Психологизм* разговора Толстого состоит в том, что он сначала восхитился Анной Григорьевной (прежде всего, как женой гениального писателя Достоев-

ского), затем вызвал у нее сочувствие к собственной персоне, а в заключение укрепил в ней веру в истинности своей женской судьбы, вызвав тем самым в ней *нравственные* переживания (о себе как жене, достойной гениального Достоевского; о собеседнике Толстом, нуждающемся, как все смертные, в сочувствии и любви; о Достоевском-христианине; снова о Толстом, но уже непостижимом никому...).

Несмотря на «испытанное глубокое впечатление» о Толстом, Анна Григорьевна «дала себе слово (и сдержала его) никогда более не видеть графа Льва Николаевича, хотя добрая графиня много раз звала гостить в Ясную Поляну». В дневнике она это объясняет тем, что боялась застать графа «больным, раздраженным и безвольным» (*неужели сходно с Достоевским?!*) и не хотела, чтобы исчезло в ней то «очарование», которое она испытала и которое было ей «так дорого!» (с. 243).

В этих словах «идейной» Анны Григорьевны можно прочесть *тайное предчувствие*. Психологически она была готова сделать счастливым гениального Льва Николаевича Толстого, который в этом нуждался и с которым, как ей казалось, она могла бы быть тоже счастлива (но, разумеется, без испытаний и страданий, уже однажды выпавших на ее долю). Анне Григорьевне представлялось, что после Федора Михайловича ей *морально* было выйти замуж *только* (*подчеркнем!*) за Льва Николаевича (такая мотивация лишней раз подтверждаем ее *женскую исключительность*).

Но поскольку *идея осчастливить* Льва Николаевича во всех отношениях была не исполнимой (*гипотетической*), Анна Григорьевна постаралась подавить в себе *предчувствие* и решила жить *памятью*, жить спокойно и достойно (благо, что гонорары за книги Достоевского этому способствовали).

Что же касается Толстого, то он к тому времени ослаб здоровьем, находился в морально-психологическом кризисе и жил больше философской, нежели реальной жизнью.



Проведенный социально-педагогический анализ 14 лет совместной семейной жизни Анны Григорьевны Достоевской и Федора Михайловича Достоевского подтвердил научные положения, сформулированные нами в начале главы.

Брачного союза Анны Григорьевны и Федора Михайловича не смогли нарушить никакие испытания судьбы: вредительство и стяжательство петербургских родственников Достоевского; «падучая» болезнь Федора Михайловича, вызывающая депрессию; его сумасшедшая ревность; ссоры и споры с женой; страсть к игре в «рулетку»; смерть собственных детей; хронические долги; незаслуженные преследования критиков и коллег-писателей, сочинявших небылицы, эпиграммы, чтобы вывести Достоевского из себя; навязчивые мысли Анны Григорьевны о своем несоответствии мужу-гению и ее ложные переживания; нарыв на горле, который грозил ей смертью, и отчаяние Достоевского, для которого жизнь жены была дороже собственной; мерзопакостные личности (воры и живоглоты), которые встречались на их жизненном пути; новая тяжелая болезнь (эмфизема) Достоевского, которая привела к смерти; сама смерть гениального писателя и вдовство Анны Григорьевны, которая оставалась верной мужу до конца жизни. Преодолевая все перечисленные (и многие не названные) жизненные трудности и испытания, Анна Григорьевна и Федор Михайлович только укреплялись в своей вере, что они

незаменимы друг для друга и их семейный союз предопределен судьбой.

Были в их жизни и позитивные события, неизменно укрепляющие их супружеский союз,— это ощущение полного счастья, которое они испытывали вдвоем, когда вместе гуляли, обедали, посещали музеи, магазины (в г. Дрездене); радость рождения и воспитания двух своих детей; торжество Достоевского на празднике в Москве по случаю открытия памятника А. С. Пушкину (его речь имела большое патриотическое и социально-педагогическое значение); литературная слава Ф. М. Достоевского и рост тиражей его книг, благодаря чему он наконец-то избавился от долгов, более того сумел обеспечить безбедную жизнь своей семье после смерти.

Счастливой семейной жизни Достоевских благоприятствовали личностные качества Анны Григорьевны (ее физическая красота, нравственность, способность любить, вера в гениальность своего мужа и в предопределенность собственной судьбы) и особенности личности Федора Михайловича (его литературный талант, стремление к счастью, нежность к жене, безграничная доброта, гуманизм и патриотизм, социально-педагогический подход к жизни). Их личностные качества, безусловно, стали возможны благодаря родительскому воспитанию, взаимному воспитанию в брачном союзе и самовоспитанию.

В семейном союзе Анны Григорьевны Сниткиной и Федора Михайловича Достоевского нашла свое отражение ключевая социально-педагогическая аксиома, что счастье не бывает легким и доступно только людям воспитанным.



## ПОСЛЕСЛОВИЕ

Большинство людей читают книги без *концепции* в голове и поэтому не способны воспринимать текст с *социально-педагогической* пользой для себя.

Под *концепцией* следует понимать *генеральную идею* или доминирующую психолого-педагогическую закономерность, через призму которой человек смотрит на окружающий мир и, соответственно, анализирует содержание читаемой книги, в которой представлен фрагмент этого мира.

В том, что в головах многих людей нет *концепции*, виноваты, безусловно, не только они сами. Основная доля вины лежит на системе общего образования, которая вместо *креативного* (творческого) подхода к предметам и явлениям, требует от обучающихся (причем, в принудительной форме) пересказа, переписки, перерисовки и прочих *пере...* различного рода *информационных* и *поведенческих нормативов*. Такой (рутинно-принудительный) способ обучения приводит к деформации побудительной сферы людей, снижению их образовательной активности и замедлению развития. Более того, он обуславливает формирование у них *консерватизма* — неспособности отказаться от устаревших взглядов и принять на вооружение новую идею. Люди с консервативным мышлением, как правило, не читают в книгах ни

*Предисловия*, ни тем более *Послесловия*, хотя авторы придают этим разделам *социально-педагогическое значение*. Соответственно, трудно надеяться, что такие читатели способны принять и усвоить какую-либо новую *идею*. Вряд ли, они вообще могут дочитать книгу с новой идеей до конца.

В *Предисловии* мы определили *генеральную идею* книги — показать зависимость поведения человека (а в более широком смысле — его жизни и судьбы) от воспитанности, психологически проявляющейся в виде доминирующей у него мотивации. Соответственно, в начале книги нами была предложена *новая* (мотивационная) *концепция воспитания* (по П. В. Симонову), а затем с учетом этой *концепции* мы проследили жизнь и судьбу главных персонажей художественно-биографических произведений Л. Толстого, Н. Лескова, Ф. Искандера, Ю. Тынянова, а еще — судьбу *исключительной* женщины, Анны Достоевской (по ее дневнику).

По нашему мнению, на примере судьбы даже одного человека, узнав, почему она сложилась так, а не иначе, *креативный* читатель может понять психолого-педагогические *закономерности человеческого бытия*, а значит, применить их для анализа собственной жизни и жизни близких людей. Хочется также надеяться, что наша книга побудит читателей к *концептуальному* прочтению (возможно, *заново*) художественно-биографических произведений Л. Толстого, Н. Лесков, Ф. Искандера, Ю. Тынянова и др., без чего, по нашему мнению, жизнедеятельность русского человека (*русского по мотивации и смыслу*) не может быть полной.

Напоследок сформулируем вполне ожидаемый *итог*.



Воспитание человека в детстве, отрочестве и юности (то есть в течение первых 18–20 лет жизни) делает его характер консервативным (то есть практически не подверженным изменениям в будущем) и поэтому судьбоносным.

Из этого вывода вытекает важная рекомендация: для семейной жизни следует выбирать хорошо воспитанного человека, чтобы потом не заниматься бессмысленным и вредным для собственного здоровья делом по его перевоспитанию...

КОНЕЦ

## СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ .....	5
Воспитание как мотивирование .....	6
Воспитание детей в семье .....	27
«ЖИВАЯ» ПЕДАГОГИКА Л. Н. ТОЛСТОГО.....	55
«Детство» .....	56
«Отрочество» .....	103
«Юность» .....	149
«ЖИВАЯ» ПЕДАГОГИКА Н. С. ЛЕСКОВА (в повести «Детские годы»).....	171
Предвестие судьбы.....	171
Испытания казармой и свободой .....	184
Воспитание честностью и разумом.....	205
Нравственные мучения.....	227
Сострадание к женской судьбе .....	247
Судьба — [не] индейка .....	261

<b>«ЖИВАЯ» ПЕДАГОГИКА Ф. А. ИСКАНДЕРА</b>	
(в повести «Школьный вальс, или Энергия стыда»)	274
Побуждение к учению	275
Как сразу надоела школа	283
Воспитание кино[м]	297
Уроки на всю жизнь	309
Главные воспитатели, или торжество преданности	320

<b>ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ</b>	
<b>РОМАНА Ю. Н. ТЫНЯНОВА «ПУШКИН»</b>	336
«Детство»	336
«Лицей»	355
«Юность»	453

<b>ВОСПИТАНИЕ И СУДЬБА</b>	
(по дневнику Анны Достоевской)	503
Нравственное предназначение	504
Предчувствие любви	511
Взаимное признание	526
Великое счастье	537
Семейная жизнь, или Испытания судьбы	557

<b>ПОСЛЕСЛОВИЕ</b>	601
--------------------	-----

*Георгий Кирович Зайцев,  
Антон Георгиевич Зайцев*

**ЧЕЛОВЕК В МИНИАТЮРЕ,  
КОТОРАЯ ВСЁ УВЕЛИЧИВАЕТСЯ:  
ВОСПИТАНИЕ И СУДЬБА**

*Учебное пособие  
Издание второе, стереотипное*

*Georgiy Kirovich Zaitsev,  
Anton Georievich Zaitsev*

**A PERSON IN MINIATURE,  
WHICH IS CONSTANTLY INCREASING:  
EDUCATION AND FATE**

*Textbook  
Second edition, stereotyped*

16+

Верстка И. Б. Павлова  
Корректор Л. П. Васильева

ЛР № 065466 от 10.11.97  
Гигиенический сертификат № 78.01.10.953.П. 1028  
от 14.04.2016 г., выдан ЦГСЭН в СПб.

Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ».  
[www.m-planet.ru](http://www.m-planet.ru); [planmuz@lanbook.ru](mailto:planmuz@lanbook.ru)  
196105, Санкт-Петербург, пр. Юрия Гагарина, д. 1, лит. А.  
Тел./факс: (812) 336-25-09, 412-92-72

Издательство «ЛАНЬ».  
[lan@lanbook.ru](mailto:lan@lanbook.ru); [www.lanbook.com](http://www.lanbook.com)  
196105, Санкт-Петербург, пр. Юрия Гагарина, д. 1, лит. А.  
Тел./факс: (812) 336-25-09, 412-92-72

Подписано в печать 11.11.21. Печать офсетная/цифровая.  
Бумага офсетная. Гарнитура Школьная.  
Формат 84×108 1/32  
Усл. п. л. 31,92. Тираж 50 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством  
предоставленных материалов в типографии «Т8».

**«Издательство  
ПЛАНЕТА МУЗЫКИ»**



**ПРЕДЛАГАЕТ  
УЧЕБНУЮ ЛИТЕРАТУРУ  
ДЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ  
ПО НАПРАВЛЕНИЮ**

**МУЗЫКА**

**Приглашаем к сотрудничеству  
авторов и издательства**

*Рукописи не рецензируются  
и не возвращаются*

**НАШИ АДРЕСА И ТЕЛЕФОНЫ**

Издательский отдел  
РФ, 196105, Санкт-Петербург,  
пр. Юрия Гагарина, д. 1, лит. А.

**(812) 336-25-09, 412-92-72**

**ЭЛЕКТРОННЫЕ АДРЕСА**

[www.lanpbl.spb.ru/price.htm](http://www.lanpbl.spb.ru/price.htm);

E-mail: [lan@lanbook.ru](mailto:lan@lanbook.ru);

[www.m-planet.ru](http://www.m-planet.ru);

E-mail: [planmuz@lanbook.ru](mailto:planmuz@lanbook.ru)

**«Издательство  
ПЛАНЕТА МУЗЫКИ»**



**ПРЕДЛАГАЕТ  
УЧЕБНУЮ ЛИТЕРАТУРУ  
ДЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ  
ПО НАПРАВЛЕНИЮ**

**КУЛЬТУРА  
И  
МЕНЕДЖМЕНТ**

**Приглашаем к сотрудничеству  
авторов и издательства**

*Рукописи не рецензируются  
и не возвращаются*

**НАШИ АДРЕСА И ТЕЛЕФОНЫ**  
Издательский отдел  
РФ, 196105, Санкт-Петербург,  
пр. Юрия Гагарина, д. 1, лит. А.  
**(812) 336-25-09, 412-92-72**

**ЭЛЕКТРОННЫЕ АДРЕСА**  
[www.lanpbl.spb.ru/price.htm](http://www.lanpbl.spb.ru/price.htm);  
E-mail: [lan@lanbook.ru](mailto:lan@lanbook.ru);  
[www.m-planet.ru](http://www.m-planet.ru);  
E-mail: [planmuz@lanbook.ru](mailto:planmuz@lanbook.ru)